

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КРИЗИСА
БУРЖУАЗНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО
СТРОЯ

Страны
Центральной
и Юго-Восточной
Европы
в межвоенный период

ВВЕДЕНИЕ

Общий кризис капитализма как мировой общественной системы представляет собой закономерный процесс умирания, распада этой системы вследствие обострения свойственных самой ее природе противоречий. В этом смысле это естественно-исторический процесс. Вместе с тем он означает, что объективные предпосылки ликвидации этой системы уже созрели, и решающее значение приобретает субъективный фактор истории — деятельность прогрессивных, революционных сил общества.

Начало эпохе крушения капитализма положил революционный кризис, выросший на почве первой мировой империалистической войны, кульминацией которого явилась Великая Октябрьская социалистическая революция в России и последовавший за ней революционный подъем в Европе и мире. С этого времени капиталистическая система перестала быть единственной и всеохватывающей, сфера ее действия и влияния начала неуклонно сокращаться. Это не только углубило прежние противоречия, присущие капитализму, но породило новые, разрешать которые он оказался неспособным. Общий кризис капитализма поразил капиталистическую общественно-экономическую формацию в целом как извне, так и изнутри, распространился на все области общественной жизни, обнаруживаясь и проявляясь в самых различных сферах и все новых и новых формах. Особенно заметно это сказалось на ее политической системе¹. В этой связи представляются уместными некоторые соображения, касающиеся, в частности, категории «политическая система капиталистического общества», а также понятия ее кризиса.

Под политической системой капиталистического общества, как нам думается, следует понимать объективно существующую, относительно устойчивую (т.е. способную к изменению и развитию в определенных пределах) и самостоятельно функционирующую целостность, представляющую собой органически взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты, важнейшие из которых — политические институты, политическое сознание различных социальных общностей (классовых, социально-групповых, национальных, религиозных и др.), а также возникающие в динамике их взаимодействия и борьбы политические отношения, в совокупности отражающие и выражающие их интересы, связанные с политической (прежде всего государственной) властью.

Политические институты являются материальными орудиями, с помощью которых различные общественные силы стремятся осуществить свои цели, удержать или завоевать политическую власть, утвердить свои нормы поведения. Представления общественных сил о политическом строе воплощаются в политических взглядах, идеологии, т. е. составляют духовную основу функционирования этих

сил, а из их практических действий складываются политические отношения, связывающие между собой все структурные элементы политической системы.

Важнейшим элементом институциональной структуры политической системы капитализма, основой ее является государство — наиболее универсальный механизм власти в любом классовом обществе. В эту структуру входят политические партии, профессиональные союзы и союзы предпринимателей, национальные, религиозные и другие внутренне в большей или меньшей степени организационно оформленные объединения, для которых политическая деятельность является или главной, или хотя и не единственной, но существенной функцией².

Целостность, единство политической системы капиталистического как одного из типов классово-антагонистического общества относительно, ограничены, исторически преходящи, внутренне противоречивы. Борьба классово разнородных, противостоящих друг другу элементов структуры этой системы (буржуазных — консервативных и пролетарских — революционных), безусловна, неограниченна и в этом смысле — абсолютна. Поэтому, на наш взгляд, вполне правомерно, как делают многие исследователи, различать, с одной стороны, доминирующую политическую систему (подсистему по отношению к политической системе капитализма как целому), созданную эксплуататорскими классами для осуществления своего господства, а с другой — политические институты, сознание, действия угнетенных и неполноправных социальных общностей, прежде всего рабочего класса и его союзников. Эти институты, сознание и действия, объединенные общей целью, имеют свои структурные связи, свое системообразующее ядро в лице организованного политического авангарда рабочего класса, являются компонентом политической системы, его подсистемой, хотя и далеко не равнозначной доминирующей (политически, идеологически, формально-юридически и во многих других отношениях). Вместе с тем как материальные и духовные орудия социально-политического давления и борьбы они противостоят политической власти (диктатуре) буржуазии. Это — начала и важнейшие предпосылки создания новой политической системы, вызревающей в недрах старой, отживающей свой определенный ей историей срок³.

Доминирующая подсистема, воплощающая в себе политику и политическую власть экономически господствующих классов и сил, оказывает определяющее воздействие на функционирование всей политической системы капиталистического общества, прежде всего потому, что именно в ее рамках действует буржуазное государство. Именно доминирующая политическая подсистема, по нашему мнению, предопределяет характер политического строя, который, по словам Маркса, является «официальным выражением гражданского общества»⁴. Составные части доминирующей подсистемы связаны сознательными усилиями, направленными на достижение общеклассовых целей буржуазии, утверждение господства ее политики, идеологии, культуры, морали, т. е. на интеграцию всего общества на ее принципах, под ее главенством. При этом, конечно, на функциониро-

вание этой подсистемы оказывают свое существенное воздействие противоречия внутри самих господствующих классов. Естественно также, что и эта подсистема есть та форма, в которой наряду с классовыми интересами буржуазии в той или иной степени должны находиться и находить свое выражение и интересы, общезначимые для всех членов общества. К доминирующей подсистеме частично примыкают и так называемые промежуточные по своему характеру и роли структурные элементы политической системы капиталистического общества, в частности социал-реформистские организации с их идеологией и действиями, руководящая верхушка которых время от времени прямо или косвенно допускается, подключается к буржуазному механизму власти.

Буржуазные политические системы существенно различаются по своему виду, если рассматривать их с точки зрения характера существующего в той или иной стране политического режима, т. е. особенностей осуществления политической власти, совокупности тех приемов и методов, которым господствующие классы или социальные группы в определенное время и в реально сложившейся обстановке отдают предпочтение (прямое насилие, открытое подавление, косвенное давление, маневрирование, уступки, реформы или их сочетание в различных пропорциях). Установление такого рода различий, разграничение отдельных политических систем весьма существенно, в частности при сравнительном изучении их кризиса, ибо кризис политической системы капитализма как целого находит свое реальное воплощение в кризисах определенных политических систем той или иной страны. Он есть не что иное, как цепь таких кризисов, причем каждый из них в отдельности содержит в себе все или многие элементы кризиса системы как целого⁵.

Кризис политической системы капитализма, любого ее конкретного выражения есть прогрессирующий, хотя далеко не прямолинейный, процесс возрастания ее неустойчивости, ослабления ее действительности как следствия обострения противоречий, разрешить которые ранее используемыми средствами она не может. Это и объективное сокращение потенциальных возможностей системы решать задачи, встающие перед обществом в новых условиях, и субъективное падение заинтересованности правящих классов или их влиятельных группировок в существовании системы в данном неизменном ее состоянии и виде, с одной стороны, а с другой — растущее разочарование все более широких слоев населения в способности данной системы эффективно решать проблемы, порождаемые общественным развитием⁶. Из этого проистекает стремление привилегированных классов и слоев приспособить формы политической жизни, методы политического управления к изменениям и сдвигам, происходящим в важнейших областях человеческой деятельности, однако, естественно, при непременном сохранении характера и основ существующего капиталистического общественного уклада, а следовательно, и своего господства.

Кризис буржуазной политической системы, рассматриваемый как сложный и многогранный исторический процесс, обязывает исследо-

вателя вскрывать его динамику, взаимозависимость и взаимообусловленность всех его важнейших компонентов, сторон, состояний, взаимосвязь всеобщего и особенного в его развитии.

В реальной действительности кризис этот развивается вовсе не прямолинейно и отнюдь не всегда сразу и в одинаковой степени охватывая все компоненты политической системы той или иной страны, все части ее политического механизма, все области внешней и внутренней политики и всю политико-идеологическую сферу. Было бы недопустимой вульгаризацией рассматривать сложный и многообразный процесс кризисного развития как нарастающий непрерывно и ведущий к немедленному, автоматическому краху находящейся в кризисном состоянии политической системы. Правящие классы ищут и находят различные пути и методы пусть временного преодоления неустойчивости, относительной стабилизации механизма своего политического господства, в разное время и при разных обстоятельствах вводя в действие имеющиеся в их распоряжении разнообразные материальные и духовые резервы, свидетельствующие о наличии у их системы власти более или менее значительного «запаса живучести».

Политический кризис может быть различного уровня, широты охвата, глубины и остроты. Он может протекать более или менее остро и обнаженно или эволюционно, преимущественно в скрытых, смазанных формах. Он может быть до предела сжат или относительно растянут во времени. Особенности его течения в той или иной стране зависят от ряда объективных и субъективных обстоятельств, а также от различных временных и ситуационных условий внутреннего и международного развития. Одни могут притупить остроту политических противоречий, борьбы внутри страны и на международной арене, на какой-то срок создать условия для большей или меньшей стабильности конкретных политических систем, межгосударственных блоков и союзов, содействовать известной либерализации общественной жизни в отдельных странах. Другие — обостряют классовую борьбу, внутриполитические противоречия, межгосударственные отношения, расшатывают буржуазные политические режимы, дестабилизируют всю политическую систему капитализма как в национальном, так и в международном масштабе. Они, как правило, подталкивают господствующие классы к ужесточению методов правления, а в определенных условиях могут привести к утверждению такой террористической формы классового господства наиболее реакционных, шовинистических, агрессивных элементов финансового капитала, как фашизм.

Политическая демократия, парламентская, так называемая представительная, система правления, — теоретически нормальная форма надстройки для «чистого» капитализма⁷. При всей ее классовой ограниченности, формальности, фиктивности декларируемых ею прав и свобод она вынуждена была в известной степени считаться с требованиями основной массы населения — трудящихся и создавала лучшие, чем прежняя — феодальная, условия, в частности для их организации и политического воспитания. Представительные институты, с одной стороны, необходимы буржуазии (это и средство для удержа-

ния влияния на массы, и место для уточнения соотношения сил между различными ее группировками, заключения между ними разнообразных соглашений, сделок, компромиссов, и известный механизм контроля над все более распыряющимися функциями и компетенцией бюрократического аппарата), но, с другой стороны, они несут в себе потенциальную угрозу ей, ибо некоторые из них могут быть частично или полностью вырваны из ее рук, отчуждены, дезинтегрированы из ее доминирующей политической подсистемы при наличии влиятельных революционных, прежде всего пролетарских, партий.

В основе кризиса буржуазного парламентаризма как важнейшего проявления кризиса всей политической системы капитализма лежат, конечно, основные классовые противоречия, обостренные империализмом. Вместе с тем при его исследовании нельзя игнорировать и обострение противоречий внутри господствующих классов, связанное с усилением дифференциации буржуазии, развитием государственно-монополистических тенденций и, в частности, с вытекающим из этого неуклонным превращением буржуазного государства из орудия диктатуры всего класса буржуазии также и в орудие диктатуры монополистического капитала.

Проявлением кризиса парламентаризма, т. е. реального падения действительности представительной формы правления, является не только фактическое, но и формально-юридическое ограничение прав выборных учреждений, все более частое обращение к чрезвычайному законодательству, нарушение взаимодействия и взаимоконтроля законодательной и исполнительной властей, обострение противоречий между их органами, рост численности и прерогатив бюрократического, военного и полицейско-репрессивного аппарата. Как правило, при этом возрастает роль и вес исполнительной власти, создаются условия для деятельности закулисных олигархических клик, узких элитарных группировок или отдельных лиц, фактически узурпирующих и законодательные прерогативы, для насаждения всеобъемлющей коррупции, этой наиболее действенной формы косвенного утверждения всевластия монополий.

Кризис буржуазной политической системы находит свое проявление и в традиционных буржуазных политических партиях. Следствием падения престижа правительственных партий, авторитета их лидеров, разочарования в их программах, расколов, а то и ухода некоторых из этих партий с политической арены, вынужденного обстоятельствами подключения реформистских партий к буржуазному механизму власти является частичная или полная реорганизация партийной системы с целью более действенного «интегрирования» масс, более успешного манипулирования ими, хотя это последнее и чревато определенными издержками для части господствующих классов. Преследование, запрещение прогрессивных и революционных политических партий, поощрение деятельности или допущение к власти праворадикальных и фашистских политических организаций — другая сторона явлений того же, кризисного, порядка.

Кризис институтов буржуазной политической системы, политических отношений развивается параллельно (хотя и не обязательно

единовременно) с кризисом буржуазной политической мысли и означает ее неспособность эффективно защитить, оправдать существование данных политических институтов, их практических действий, форм и методов их функционирования. Он находит свое выражение, в частности, в переходе буржуазных идеологов, ученых, политиков на консервативные или откровенно реакционные позиции, в разработке теоретических основ таких политических систем, в которых или вообще исключается возможность волеизъявления масс и не находится места для представительных учреждений, или таких, в которых влияние общества на государственный механизм существенно ограничено, выборные институты кардинально деформированы и урезаны в правах. Все эти «новации» должны, по мысли их авторов, превратить наконец буржуазное государство в безотказный и эффективный инструмент преодоления социальных противоречий, «органической» интеграции всех слоев общества и результативного руководства им. Вместе с тем кризис буржуазной политической идеологии находит свое проявление в ширящемся скептицизме и политической пассивности, усилении критического отношения к старым политическим идеалам в самых широких слоях населения, в том числе и тех, которые ранее безоговорочно верили в них.

В. И. Ленин отмечал, что «...обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала»⁸. Обострение противоречий и, как следствие этого, кризис, распад и, наконец, гибель капиталистической общественно-экономической формации с позиций общечеловеческой истории выступают как прогресс. В. И. Ленин писал, что «...именно „неустойчивость“ капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все большие и большие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, заставляющий их самих „ковать свое счастье“»⁹.

С этой точки зрения и неустойчивость политической системы капитализма следует рассматривать как явление, исторически прогрессивное. Это не значит, конечно, что демократическим и революционным силам безразлично, какие конкретные пути, методы, приемы будут изыскивать господствующие классы, чтобы найти выход из нее, какой политический курс возобладает в ходе кризисного развития в той или иной стране и в международных отношениях. Тем более что тенденция к прогрессирующей политической реакции является закономерностью для монополистического капитализма. «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом, — писал В. И. Ленин, — ... является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹⁰. Однако и время, и полнота, и способы реализации этой общей тенденции господствующих классов и правящих кругов к политической реакции, а также возможность ее торможения, сговывания или даже пресечения зависят от того, в какой степени

ей противостоит противоположная тенденция, находящая свое выражение в борьбе эксплуатируемых масс и прежде всего рабочего класса в защиту демократических завоеваний, за действительную и последовательную демократизацию политической жизни.

Антагонистическое противоречие «между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами»¹¹ лежит в конце концов в основе кризиса политической системы капитализма. Прогрессивные силы кровно заинтересованы, чтобы разрешение кризиса произошло с наименьшими материальными и духовными потерями для общества и, естественно, в кратчайшие исторические сроки. Именно поэтому, в частности, в межвоенные годы, когда господствующие классы или их влиятельные фракции в ряде стран пытались «усовершенствовать» механизм политической власти путем его ужесточения, урезать в правах или вообще свернуть парламентские, представительные институты, в ряде случаев использовать и такой свой резерв, как фашизм, прогрессивные силы, и прежде всего коммунистические партии, решительно встали на защиту того минимума демократических прав и свобод, носителем которых являлась буржуазно-демократическая представительная система правления. При этом коммунисты, отстаивая демократические завоевания, вовсе не стремились к увековечиванию старой политической системы, ее сохранению в неизменном виде, а считали защиту буржуазной демократии условием и предпосылкой успешной борьбы за ее коренное преобразование в качественно новую систему, служащую интересам трудящихся.

На первом этапе общего кризиса капитализма регион Центральной и Юго-Восточной Европы был представлен широким спектром однотипных по своей социально-классовой природе буржуазных политических систем различного вида и форм. Общим для всех этих систем было то, что они возникали и функционировали в том районе Европы, где развитие капитализма до известного времени проходило относительно замедленно и своеобразно. Общественный прогресс здесь еще в начале XX в. серьезно тормозился неизжитым наследием средневековья, и противоречия новой эпохи сложно переплетались с антагонизмами прошлого.

Однако на протяжении XIX — начала XX в. во всем этом регионе, хотя и с различной интенсивностью и в различных формах, шел процесс буржуазных и буржуазно-демократических преобразований, неизбежным спутником которого были освободительные движения непоправных народов монархий Османов, Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых. Тенденцией таких движений, по общему правилу, было создание национальных государств или государств с близким или взаимно-родственным национальным составом¹². В большинстве стран и земель региона наряду с пробуждением самостоятельных демократических, в том числе и национальных, движений активно шло становление самостоятельного proletарского движения.

Общим и немаловажным обстоятельством, существенно и постоянно осложнявшим обстановку в этом регионе, было то, что он издав-

на являлся яблоком раздора между крупными европейскими державами, объектом их неизменных захватнических притязаний.

Именно этот регион стал главной и непосредственной ареной кровавых сражений первой мировой империалистической войны, породившей тот революционный кризис, который привел к ликвидации существовавших здесь империй и к утверждению на развалинах одной из них, Российской, нового общественного строя.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России в свою очередь явилась тем важнейшим общим фактором, который оказал непосредственное воздействие на динамику политических систем всех государств этого региона, как тех, которые существовали до нее, так и тех, которые возникли после и в значительной степени благодаря международно-политическим условиям, сложившимся в результате ее победы. Все они оказались в непосредственной близости от той раздельительной черты, по которой мир раскололся на две противоположные общественные системы. Это не могло не оказать и действительно оказало особенно сильное и глубокое влияние на все политические процессы, проходившие в этих странах.

Представительные буржуазно-парламентарные системы правления не имели здесь, как правило, таких устоявшихся исторических традиций и социально-политических корней, как в странах классического капитализма. Их введение или модификация происходили в условиях развертывающегося общего кризиса капитализма и нередко являлись вынужденной тактической уступкой широкому демократическому движению трудящихся, единственно приемлемой для господствующих классов, оказавшихся перед лицом реальной угрозы социального переворота.

Подчеркивая то общее, что характерно для этого региона, следует констатировать весьма существенные особенности конкретно-исторического процесса формирования, становления и развития буржуазных государственно-политических систем в разных его частях. Эти системы воссоздавались или возникали вновь на базе пестрого конгломерата экономических, социальных и политических условий различных ступеней развития капиталистического способа производства, существенного разнообразия форм общественной жизни, сложного переплетения межгосударственных, внутригосударственных, национальных, культурных, религиозных отношений и традиций, в весьма противоречивой духовно-психологической атмосфере.

Это предопределило специфику, различия характера и форм борьбы за решение национального вопроса, за государственную самостоятельность, методов и степени прямого и косвенного вмешательства извне, своеобразие объективных условий развития и субъективных черт, присущих национальным движениям, их внутреннюю дифференцированность, неоднозначность и нестандартность их исторических результатов, воплотившихся, в частности, в разных видах национальной и многонациональной государственности. Различной, и это особенно существенно, была и степень воздействия «низов», и в частности рабочего класса, на освободительную борьбу

в ее решающие моменты. Эти политические системы различались по времени (с начала XIX до конца второго десятилетия XX в.) и по путям и обстоятельствам своего возникновения (национально-освободительные движения и войны, противоречивые результаты столкновений интересов и вооруженных конфликтов между государствами региона, а также другими державами, претендующими на гегемонию в нем, национальные, национально-демократические, буржуазные, буржуазно-демократические и, наконец, социалистические революции, вооруженные интервенции, контрреволюционные мятежи и путчи, государственные перевороты и контрперевороты и т. д.).

Разными оказались и официально закрепленные в законодательствах этих стран формы правления, государственного устройства (различные виды монархий и республик), структуры складывавшихся партийных систем, характеры политических режимов (от буржуазно-демократических до различных модификаций авторитарных, в том числе фашистских или полуфашистских).

Все эти перечисленные, естественно, в самом общем виде, и другие исходные моменты предопределили и наличие общих черт и конкретную специфику течения кризиса буржуазных политических систем в странах региона межвоенного двадцатилетия.

Сложность самого объекта исследования, недостаточность имеющегося историографического опыта сравнительного анализа политических систем и динамики их кризиса обусловили включение в настоящую книгу отдельных исследований, освещающих разные, и более общие и частные, но существенные стороны конкретно-исторической трансформации буржуазного политического механизма, политических отношений и политической идеологии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в неодинаковых по охвату времени отрезках, но в общих хронологических рамках межвоенного периода.

В основу расположения материала положен проблемно-хронологический принцип.

В первом разделе книги рассматриваются различные стороны кризиса буржуазного государственного механизма, парламентарно-представительных институтов и партийных систем, а также приемы и методы, изыскиваемые правящими классами в отдельных странах для стабилизации своего политического господства.

Второй раздел посвящен анализу реакционных, в частности фашистских, тенденций в политике и идеологии различных группировок буржуазии.

Заключительный раздел освещает в рамках всего региона наиболее существенные аспекты противостоящей реакционным устремлениям прогрессивной тенденции общественного развития — борьбу трудящихся, и прежде всего рабочего класса и его политического авангарда, в защиту демократических прав и свобод, за их развитие и углубление.

Работа по подготовке книги к печати проведена К. В. Большаковой.

А. Х. Клеванский

Раздел первый

КРИЗИС БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В БОЛГАРИИ И РЕЖИМ БЗНС

Первая мировая война явилась своеобразным рубежом в социально-политическом развитии буржуазной Болгарии. Она обнажила и необычайно обострила социальные антагонизмы, а также способствовала углублению противоречий внутри господствующих классов, что вызвало поляризацию политических сил в обществе, послужило причиной их серьезной перегруппировки. В конечном итоге это сказалось на состоянии и характере взаимодействия важнейших институтов сформировавшейся после освобождения страны буржуазной политической системы, непосредственно спроецировалось на национальный вариант буржуазного парламентаризма.

Развитие сложившейся в Болгарии в августе — сентябре 1918 г. революционной ситуации поставило в центр событий Болгарский земледельческий народный союз — БЗНС, в значительной мере способствовало постепенному выдвижению крестьянской партии на авансцену политической жизни, усилило значимость в ней левого лагеря. Утрачивавшая в экстремальных условиях прежние позиции политической доминанты болгарская буржуазия предприняла попытку предотвратить развитие кризиса сложившейся системы власти с помощью расширения социальной опоры последней. Привлеченные с этой целью в состав часто сменявших друг друга правительственных комбинаций БЗНС, Болгарская рабочая социал-демократическая партия (объединенная) — БРСДП (о) и радикально-демократическая партия — РДП, вопреки возлагавшимся на них надеждам, постепенно оттесняли от государственного управления традиционные буржуазные силы. Продолжавший увеличиваться в политической жизни болгарского общества перевес в пользу левых сил привел к тому, что в третьем правительстве так называемой широкой коалиции (создано 7 мая 1919 г.) они обеспечили себе большинство портфелей и даже получили такое важное министерство, как министерство внутренних дел¹.

Весной 1919 г. центральным в политической борьбе стал вопрос о сроке выборов в новое XVIII Обыкновенное народное собрание (ОНС). Буржуазные политики были заняты лихорадочными поисками возможностей противодействия развитию кризиса буржуазной власти. Ослабление позиций в правительстве было явным симптомом сужения их политического влияния. В такой ситуации парламентские выборы могли обернуться катастрофой для буржуазных партий, и они настаивали на отсрочке выборов.

Острая социальная напряженность, особенно ярко прослеживавшаяся в стране с лета 1918 г., была одной из основных причин того,

что менее чем за год в стране сменилось четыре правительства. В этот период нарастала тенденция утрачивания болгарским буржуазным парламентаризмом такой присущей ему черты, как фактическое регулирование соответствия состава Народного собрания и правительства.

Частые смены кабинетов и их очевидный и нескрывавшийся примат в определении направления государственной политики еще больше ослабляли роль парламента в системе власти и продолжали отеснять его на задний план.

По сути в это время сложилась столь необычная для Болгарии ситуация, когда в отчаянную борьбу за власть как таковую или за большее участие в ней вступал необычайно широкий круг политических сил, каждая из которых стремилась обеспечить себе внушительную массовую опору. Последнее обстоятельство поставило политические партии перед необходимостью пересмотра и предельной мобилизации их идейного арсенала.

Наиболее удачно свои резервы в этом плане активизировал БЗНС. Стремительное усиление радикального крыла в нем после амнистирования в январе 1919 г. А. Стамболийского, Р. Даскалова и их сторонников позволило Союзу выступить с программой, импонировавшей значительной части населения аграрной страны. Эта программа декларировала готовность болгарского крестьянства стать руководящей силой в общенациональном масштабе. Эти положения получили первоначальное четкое изложение в изданной в конце апреля 1919 г. работе А. Стамболийского «Принципы Болгарского земледельческого народного союза», а также в решениях XV съезда БЗНС (1919 г.)².

Победой неконсолидированного фронта левых сил, который, помимо БЗНС, БРСДП (о), РДП, представляла и БРСДП (т. с.)^{*}, занимавшая позиции на его революционном фланге, было проведение парламентских выборов 17 августа 1919 г. Их итоги свидетельствовали о дальнейшем развитии процесса полевения масс, о серьезном успехе левых партий: «земледельцы», сторонники А. Стамболийского, набрали 176 281 (26,8%) голосов избирателей, коммунисты — 119 395 (18,2%), «широкие» социалисты — 84 185 (12,8%), радикалы — 33 861 (5,2%), т. е. в сумме 413 722 (63%)³.

В парламенте преобладающими становились политические силы, ранее составлявшие широкую и многоплановую оппозицию сложившейся после освобождения страны буржуазной политической системе, по-разному выдвигавшие требования ее коррекции или же категорически ее отрицавшие. Налицо был кризис формировавшейся в течение десятилетий системы власти. Прежде всего менялся сам характер взаимодействия важнейших элементов ее структуры. Новый монарх в такой ситуации не мог волюнтаристски корректировать, как прежде, действие механизма «парламент — правительство» или открыто узурпировать законодательные полномочия парламента⁴. А последние правительства настолько изменили свой состав и характер деятельности, что буржуазия и не могла рассчитывать на этот орган выс-

^{*} В мае 1919 г. переименована в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов) — БКП (т. с.)

шей исполнительной власти, как на послушное орудие для обеспечения своего господства. В парламенте же, весьма необычном по характеру политического представительства, она имела очень скромные возможности для отстаивания собственных классовых интересов.

Свидетельством кризиса отлаженной буржуазной парламентской системы Болгарии было и то, что состав нового правительства находился теперь в непосредственной зависимости от результатов выборов в XVIII ОНС.

Как лидер самой значительной парламентской партии А. Стамболийский получил от царя полномочия на его формирование. Однако в силу ряда обстоятельств новый Совет министров не отражал расстановку сил ни в Народном собрании, ни в стране в целом: БКП (т. с.) и БРСДП (о), чьи парламентские фракции были многочисленными (47 и 38 депутатов соответственно), не дали согласия войти в него. БКП (т. с.), переживавшая тогда сложный процесс превращения в партию ленинского типа, считала БЗНС представителем сельской буржуазии и потому исключала для себя возможность сотрудничать с ним в рамках одного кабинета. Отказ БРСДП(о) был продиктован неудовлетворенностью претензий ее лидеров на очень важные министерства. В коалиции с «земледельцами» радикалы (относительно их участия в правительстве также осуществлялся зондаж) не видели для себя перспективы для поднятия собственного политического престижа. В итоге партнерами БЗНС в возглавленном А. Стамболийским правительстве (образовано 6 октября 1919 г.) оказались буржуазные партии — народная и прогрессивно-либеральная.

Правительственная программа — результат усилий всего левого лагеря, представлявшего широкие слои трудящегося и эксплуатируемого населения, была выражением серьезных социально-политических изменений, которые произошли в стране в условиях революционного подъема. Она в значительной мере была выражением обновленных социально-политических доктрин тех левых партий, которые в составе правительственной широкой коалиции уже пытались изменить традиционную внутреннюю государственную политику. Общий тон этого весьма радикального по своим положениям документа свидетельствовал также о том, что все более внушительной силой общества становилось продолжавшее нарастать рабочее движение, в котором усиливалась роль БКП.

Достаточно четко здесь звучали распространявшиеся прежде всего на экономически наиболее уязвимые категории сельского населения программные установки БЗНС и решения его XV съезда (июнь 1919 г.), на котором в качестве руководящего утвердилось радикальное крыло во главе с А. Стамболийским.

Новая исполнительная власть ставила перед собой задачу осуществить серьезные социально-экономические и политические перемены: придать гласности финансовые долги государства, наказать виновников национальной катастрофы, реформировать администрацию и правосудие в соответствии с духом времени и потребностями народных масс, обеспечить широкое применение принципа выборности государственных и муниципальных служащих; органичить спекуля-

цию и искоренить контрабанду, сократить число казенных должностей и удовлетворить справедливые требования чиновников; смягчить остроту жилищного кризиса; улучшить положение обездоленной и пролетаризированной массы, инвалидов; ввести трудовую повинность в области благоустройства; поднять производство; оградить село от эксплуатации; обеспечить трудовую земельную собственность и т. д.⁵

Содержание этого документа подтверждало, что политически лидирующей силой общества становится возглавлявшееся БЗНС крестьянское движение. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что уже в первые месяцы деятельности новой власти через XVIII ОНС прошел ряд законов, направленных прежде всего на стабилизацию экономического положения болгарской деревни. Наиболее радикальным из них был закон о торговле зерном и зернопродуктами, так называемый закон о консорциуме, преследовавший цель ликвидировать посредничество крупной буржуазии в операциях по закупке и сбыту сельскохозяйственной продукции. Эти законы, как правило, ущемляли интересы различных категорий болгарской буржуазии; однако их применение не привело к решению вопроса об обеспечении продовольствием остро нуждавшихся широких слоев трудящихся и особенно городской их части.

Тот факт, что большинство левых партий, оказавших влияние на содержание программы нового кабинета (широкие социалисты даже непосредственно участвовали в составлении этого документа), были лишены возможности руководить ее практическим осуществлением, сказался на расстановке политических сил в стране, на последующих взаимоотношениях внутри левого лагеря.

Осенью и зимой 1919—1920 гг. классово-политические столкновения сфокусировались в конфликте между новой властью и болгарскими железнодорожниками и почтово-телеграфными служащими, профсоюзы которых находились под влиянием БКП (т. с.) и БРСДП(о). Этот конфликт был по сути продолжением обострившегося в условиях революционной ситуации столкновения болгарских почтовиков и железнодорожников с болгарским буржуазным государством⁶. Их борьба шла в общем потоке нараставших с января 1919 г. классовых выступлений различных отрядов болгарского пролетариата, о размахе которых свидетельствуют следующие данные: в течение только этого года в стачечном движении принимало участие в два раза большее число рабочих, чем за десять предвоенных лет (1904—1914)⁷.

Накануне выборов в XVIII ОНС и в период формирования коалиционного кабинета А. Стамболийского БРСДП(о), претендуя на серьезное участие во власти, препятствовала совместной борьбе железнодорожников и почтовиков, на чем настаивал Союз транспортных рабочих, входивший в революционное профобъединение Общий рабочий синдикальный союз — ОРСС⁸. Неудача социал-демократов основательно утвердиться в правительстве предопределила изменение их тактики. Сразу же после оглашения состава нового кабинета БРСДП(о) призвала находившиеся под ее влиянием Болгарский союз железнодорожников, Почтово-телеграфный союз и Локомотивную ор-

ганизацию к активным действиям⁹. Это означало демонстративный переход социал-демократов в оппозицию к БЗНС — своему бывшему партнеру по левому блоку.

Отказ правительства удовлетворить ряд требований почтовиков и транспортников и прежде всего улучшить их материальное положение и в то же время узаконение некоторых мер в интересах крестьянства сделали неизбежным столкновение между властями, с одной стороны, и этими отрядами болгарских трудящихся, с другой.

С конца декабря 1919 г. до середины февраля 1920 г. страну сотрясала невиданная по своему размаху стачка железнодорожников, перераставшая во всеобщую политическую стачку (с 29 декабря 1919 г. по 3 января 1920 г.). Отсутствие единства действий бастующих в результате колебаний БРСДП(о) и реформистских профсоюзов, недостаток у БКП собственного опыта руководства такими крупными выступлениями пролетариата отрицательно сказались на исходе этой борьбы. Немаловажное значение имело присутствие в стране оккупационных войск Антанты, которые сыграли активную контрреволюционную роль¹⁰. Главной же причиной поражения было то, что в качестве основной противоборствующей силы выступили шедшие за БЗНС широкие слои болгарского села.

БКП (т. с.) после своего первого съезда пересматривала отношение к крестьянству, но еще не имела достаточной практики работы в деревне и не выработала верной оценки массовой крестьянской партии, каковой являлся гетерогенный по составу БЗНС, объединявший в своих рядах и широкие слои эксплуатируемого сельского населения. В результате в период подъема стачечной волны эти партии оказались в состоянии конфронтации.

Болгарская буржуазия, не будучи в силах справиться с прогрессирующим кризисом системы власти, свои надежды на предотвращение полного краха буржуазного государства связывала с БЗНС, который возглавляли еще недавно преследовавшиеся ею «бунтари». Именно поэтому буржуазные политики оказали серьезную поддержку «земледельческим» министрам, практически занимавшимся вопросами прекращения стачки¹¹.

Поражение стачки вскрыло весьма своеобразное положение: две полярные силы болгарского общества — буржуазия, в этот момент не способная нанести удар революционному лагерю, и пролетариат, еще неспособный завоевать власть — как бы уравнивали друг друга¹². Именно в таких условиях БЗНС настоял на проведении 28 марта 1920 г. выборов в новое XIX ОНС.

Они проходили при более значительной активности избирателей, чем предыдущие¹³, и были своеобразным итогом развития внутриполитической борьбы в стране в течение последних нескольких месяцев. Их результат свидетельствовал о дальнейшем падении престижа буржуазного лагеря в целом. Победа БЗНС на этих выборах — 349 212 (38,16%) голосов избирателей, отданных за сторонников А. Стамболийского позволила Союзу сформировать свое однопартийное правительство. В качестве второй парламентской силы, несмотря на поражение выступлений рабочего класса и известный спад революцион-

ной волны, обозначилась ВКП, за которую проголосовали 184 616 (20,17%) избирателей. Очень серьезным было поражение социал-демократической партии — она набрала 55 452 (6,06%) голосов, скромными были успехи радикалов — 41 930 (4,58%) голосов¹⁴, которых их бывшие партнеры по левому блоку не без оснований обвиняли в поспешном переходе на позиции буржуазного лагеря¹⁵.

Таким образом, следствием революционного подъема в стране было оттеснение буржуазных сил от государственного управления. Установление режима БЗНС по сути своей являлось проявлением кризиса всей буржуазной политической системы, в том числе и сложившейся в Болгарии разновидности буржуазного парламентаризма, поскольку оно свидетельствовало о глубоком разладе прежнего механизма власти, обеспечивавшего беспорный политический приоритет классу буржуазии.

«Земледельческое» правительство во главе с А. Стамболийским (образовано 21 мая 1920 г.) взяло на вооружение прежнюю программу от 6 октября 1919 г. и приступило к ее осуществлению, имея широкую буржуазную оппозицию справа и достаточно серьезную, хотя и разобщенную, оппозицию слева.

Становление основ нового режима и его функционирование происходило в условиях общего кризиса капитализма и послевоенной экономической разрухи. Страна понесла большие людские потери, в соответствии с Нейским мирным договором утратила часть своих территорий и должна была произвести значительные репарационные выплаты.

Эти факторы очень сильно отразились на сельском хозяйстве, переживавшем обострение земельного голода. Сказалось на нем и падение общего уровня производства. Своего довоенного уровня болгарское сельское хозяйство достигло лишь в 1925 г.¹⁶

Своеобразным было сложившееся в послевоенных условиях положение в промышленности. Наряду со свертыванием производства в ряде ее отраслей вследствие перекачки сюда части накопленных во время войны капиталов, а также усиления проникновения иностранного капитала наблюдалось ускоренное строительство новых предприятий. В 1920—1922 гг. появилось 379 новых частных предприятий¹⁷. Хотя в 1921 г. в целом был достигнут довоенный уровень производства промышленной продукции, в то же время ряд отраслей находился в состоянии затяжного экономического кризиса, причиной которого был недостаток сырья, поставлявшегося сельским хозяйством, а также слабая механизация. В первые послевоенные годы продолжался процесс концентрации промышленного производства, хотя в основном оно оставалось маломощным, распыленным¹⁸.

В Болгарии после первой мировой войны усилились позиции монополистического капитала и особенно иностранного, преимущественно из стран Антанты, что открывало большие возможности для внесения в национальную экономику готовых форм финансового капитала¹⁹. Очень интенсифицировался процесс образования акционерных обществ (в 1920—1922 гг. появилось 211 новых объединений такого типа)²⁰ и, в частности, смешанных акционерных обществ с

участием болгарского и иностранного капиталов. Последний активно привлекали и созданные ранее акционерные общества и предприятия²¹. Монополистические объединения фактически господствовали на внутреннем рынке — они закрепляли низкие цены на сырье и высокие на готовую продукцию²². К 1921 г. монополии давали 28% всего объема промышленного производства страны²³. Возрастание роли иностранного банковского капитала привело к расширению при его участии сети центров финансового капитала²⁴. Уже в 1921—1922 гг. он контролировал свыше 100 крупнейших промышленных предприятий страны, около половины основных капиталовложений в промышленность²⁵. При этом следует подчеркнуть, что финансовый капитал не проявлял стремления к прямому подчинению сельского хозяйства. Его влияние на деревню обеспечивалось посредством рынка — при закупке сельскохозяйственной продукции. Как местный, так и иностранный капитал извлекали из этого прямую выгоду, поскольку таким путем можно было избежать размещения инвестиций в этом отсталом и распыленном секторе экономики²⁶.

Общую картину дополняют такие показатели, как расстройство финансовой системы страны²⁷, интенсивный процесс обесценивания лева (к 1923 г. его стоимость по сравнению с 1908—1912 гг. снизилась более чем в 30 раз)²⁸, резкое падение жизненного уровня: в 1922—1923 гг. из 75% населения страны необходимым прожиточным минимумом располагали лишь 41,8% горожан и 52% сельских жителей²⁹.

В первые послевоенные годы побежденная Болгария находилась в состоянии внешнеполитической изоляции. В 1921 г. в страну прибыла Межсоюзническая комиссия, которая на основании ст. 130 Ней-иского мирного договора подвергала фактическому контролю всю финансовую и хозяйственную деятельность высшей болгарской администрации.

С созданием однопартийного кабинета перед БЗНС открылась возможность использовать законодательную и исполнительную власть для осуществления своих программных требований. Руководствуясь собственной концепцией социально-экономического и политического развития Болгарии, «земледельцы» дали свое прочтение положениям программной декларации, несколько сместив в ней акценты. Предложенная уже в начале правления Союза система законодательных мер по коррекции социально-экономической структуры свидетельствовала о том, что новая исполнительная власть, провозгласившая крестьянство в целом как безусловно лидирующую силу общества, стремилась закрепить за ним такое положение по всем направлениям.

Именно на начальный период правления «земледельцев» приходится принятие Народным собранием наиболее радикальных законов режима. В числе первых был закон о введении всеобщей трудовой повинности (28 мая 1920 г.)³⁰. А. Стамболийский характеризовал его как основу обновительной политики БЗНС³¹. Он строился на принципе обязательного общественно полезного труда для всех совершеннолетних болгарских граждан независимо от социального положения и имущественного состояния. Закон должен был, по замыслу лиде-

ров БЗНС, обеспечить «земледельческой» власти возможность не только ликвидировать последствия разрухи и экономического кризиса, но и содействовать созданию новых производственных отношений³².

Под давлением Антанты, опасавшейся, что положения закона от 1920 г. вопреки условиям Нейиского мирного договора открывают перед Болгарией пути для восстановления регулярной армии, 7 октября 1921 г. был принят новый его вариант, где все же сохранилась первоначальная идея необходимости общественно полезного труда для всех болгарских граждан, но допускалась материальная компенсация вместо несения трудовой повинности³³. И даже в таком виде он оказывал сильное агитационное воздействие и имел важное хозяйственно-практическое значение.

Вполне закономерно, что в центре внимания своей преобразовательной программы БЗНС поставил вопрос о путях и методах поднятия общего уровня ведущего сектора национальной экономики — сельского хозяйства. Но эта программа носила такой многосторонний и разветвленный характер, что фактически превращалась в план переустройства всей системы экономических и социальных отношений в болгарском обществе.

В двух законах, задачей которых была коррекция аграрных отношений в Болгарии, — законе об увеличении государственных земельных площадей (принят в июне 1920 г.)³⁴ и законе о трудовой земельной собственности (принят в апреле 1921 г.)³⁵, — получила выражение основная идея социально-политической доктрины «земледельцев» — идея «выравненной», справедливо упорядоченной собственности, т. е. трудовой мелкой и средней крестьянской собственности. Такая ее форма, по представлениям лидеров БЗНС, служила исходной платформой для создания наиболее справедливой общественно-экономической и политической структуры — для «истинной демократии»³⁶. На основании этих нормативных актов устанавливался максимум землепользования — 300 декаров для собственников, вкладывающих свой труд в обработку земли, а также от 40 до 100 декаров для лиц, непосредственно ее не обрабатывающих. Наделы, превышавшие нормы, вместе с землями Болгарского сельскохозяйственного банка, Болгарского народного банка, а также неиспользовавшимися государственными, спорными общинными и изъятый частью монастырских земель по закону об аграрной реформе поступали в специальный государственный фонд. Из него и осуществлялось наделение (за оплату) соответствующими участками безземельных и малоземельных крестьян³⁷.

Аграрная реформа ударила по интересам крупных земельных собственников прежде всего потому, что выплата компенсации за отчужденные земли производилась по средним расценкам 1905—1915 гг. Она особенно задела ту часть сельской буржуазии, которая сдавала в аренду свои земли, эксплуатируя таким образом безземельных и малоземельных представителей болгарского села³⁸.

Этой же общей задаче была подчинена и целая серия принятых в разное время законов, таких, как закон о поощрении сельскохозяй-

ственного производства³⁹, закон об общей государственной программе по использованию водных ресурсов (для его осуществления предусматривалось создание целой сети государственно-кооперативных объединений — водных синдикатов)⁴⁰, закон о поощрении рознопроизводства⁴¹ и ряд других.

Значительная роль в преобразовании аграрных отношений, в организации отпора ростовщическому, посредническому торгово-спекулятивному капиталу, а в течение ряда лет и монополистическому капиталу отводилась «земледельцами» кооперации; с ее помощью лидеры БЗНС рассчитывали прийти к наиболее гармоничной хозяйственно-экономической структуре, в которой бы проявились «лучшие стороны частной и общественной форм собственности». Именно кооперация должна была стать стабилизатором мелких и средних крестьянских хозяйств⁴². Вот почему поощрение различных видов сельскохозяйственных и другого рода кооперативных объединений стало одним из основных направлений экономической политики «земледельческого режима»⁴³. За годы правления БЗНС в стране появилась сеть потребительских, кредитных производственных и других коопераций⁴⁴, которые получали монопольные права на эксплуатацию отдельных видов государственной и общинной собственности. В 1921 г. сельскохозяйственные кооперации занялись организацией переработки и вывоза по выгодным для производителей расценкам табака — основной экспортной продукции послевоенной Болгарии, интерес монополистического капитала к которому был значительным⁴⁵. В 1923 г. на долю этих коопераций приходилась переработка уже четверти всего вывоза табака⁴⁶.

Особое значение в хозяйственном механизме Болгарии при режиме БЗНС приобрели государственно-кооперативные объединения и, в частности крупнейшее из них — Консорциум. В ноябре 1920 г. после очередной реконструкции он окончательно приобрел характер государственно-кооперативной монополии, очень сузившей возможности частного торгового капитала в области внешней и внутренней торговли, место которого как посредника заняли сельскохозяйственные кооперативы, осуществлявшие закупку зерна для Консорциума⁴⁷. Помимо Консорциума, был создан ряд других государственно-кооперативных объединений.

Так постепенно делались попытки реализовать идею «земледельцев» о превращении государства в покровителя болгарской деревни. В теоретических построениях БЗНС государству отводилась роль одного из важнейших рычагов в деле коррекции социально-экономической структуры страны путем его вмешательства в сферу производства и распределения в пользу непосредственных производителей — прежде всего и главным образом крестьянства⁴⁸. Резко менялись, в частности, направления налоговой и финансовой политики государства. В июле 1920 г. через XIX ОНС прошли важные законы режима — о налоге на общий доход⁴⁹ и налоге на доходы обществ⁵⁰, продолжал сохранять свою силу принятый XVIII ОНС закон об увеличении налогов на прибыли, полученные во время войны. В соответствии с первым законом вводилось прогрессивно-подходящее об-

ложение населения. В зависимости от размера дохода устанавливался размер обложения, уровень которого поднимался от 10 до 40 %, а в начале 1921 г. этот процент увеличился⁵¹.

При практическом применении этой новой системы налогообложения «земледельческая» власть осуществляла дифференцированную политику: фискальные органы не проявляли большой настойчивости при взимании подоходного налога с крестьян, на которых распространялся и ряд других льгот и послаблений. В 1921/22 финансовом году сбор поземельного налога из ведения государственных органов перешел к общине и окружным постоянным комиссиям,⁵² и он фактически перестал собираться⁵³.

Закон о налоге на доходы обществ затрагивал капиталы банков, торговых учреждений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, шахт, страховых и производственных объединений и т. д. Наиболее высокий налог устанавливался на акционерные объединения, занимавшиеся торговлей, страхованием, банковскими операциями. Закон преследовал цель повысить рентабельность производства и осуществить перекачку капиталов в производительную сферу. Он был важен и в другом аспекте — его действие было осуществлением той части «земледельческой» доктрины, в которой было заложено отрицание частных монополий в любом их виде⁵⁴. В период правления БЗНС нарушились связи монополистов с государственным аппаратом⁵⁵. В Болгарии они имели опосредствованный характер, т. е. осуществлялись через руководство буржуазных партий, с которыми срачивался банковский капитал⁵⁶, а поскольку эти партии в начале 20-х годов были лишены политической власти, государственный аппарат не мог использоваться в интересах монополий.

И хотя экономическая конъюнктура была благоприятной для части болгарской буржуазии, возможности выгодно использовать в условиях экономического кризиса, инфляции и разрухи нажитые во время войны капиталы наталкивались на препятствия со стороны «земледельческого» режима. Его хозяйственно-экономическая политика тормозила развивавшийся процесс.

Весьма радикальные по замыслу многочисленные реформы БЗНС определялись общей направленностью всей деятельности Союза, сильно окрашенной антибуржуазной декларативностью. Они действительно задевали интересы всех слоев болгарской буржуазии и особенно крупной городской буржуазии. Однако они не вели к коренной ломке сложившихся отношений ни в сфере производства, ни в сфере распределения. Не имея достаточных материальных средств и опыта в проведении таких важных и серьезных мероприятий, испытывая постоянное давление со стороны контрольных органов Антанты, «земледельцы» не смогли проверить практическую эффективность задуманного ими плана преобразований. Допуская наемный труд, провозглашая частную собственность неизбежной основой любого общественного строя, признавая необходимость для болгарской экономики притока иностранного капитала⁵⁷, они полагали, что, переустроив по своим представлениям институт частной собственности, смогут сделать решительный шаг в направлении глав-

ной цели БЗНС — установления «крестьянской» демократии. Эта задача имела и другой вариант формулировки, которую в 1920 г. в Народном собрании давал А. Стамболийский: «Мы не хотим похоронить этот строй, но не хотим и оставить его с теми язвами и пороками, которые мы наблюдаем у него сейчас»⁵⁸.

Экономический эффект от применения законов о важнейших реформах был далеко не таким значительным, как поначалу на это рассчитывали лидеры БЗНС. К примеру, в фонд трудовой земельной собственности планировалось изъять 2 250 000 декаров земли, а до июньского переворота 1923 г. в него поступил лишь 352 451 декар⁵⁹. Не применялись в полном объеме и такие важные законы, как закон о налоге на общий доход и закон о налоге на общества, а также несколько раз пересматривавшийся и уточнявшийся закон о всеобщей трудовой повинности и т. д.

Гораздо более значительным был политический эффект, произведенный реформаторской деятельностью «земледельцев». Это прежде всего проявилось в расширении и полевении социальной базы Союза, в которую влились различные прослойки мелкой буржуазии города⁶⁰, в росте рядов БЗНС. За период между XV (июнь 1919 г.) и XVII (июнь 1922 г.) своими съездами он численно увеличился с 77 268 до 150 838 членов⁶¹ главным образом за счет усиленного притока в него малоземельного крестьянства⁶².

Расширение социальной базы Союза, в том числе за счет определенных прослоек городской мелкобуржуазной среды, самым непосредственным образом было связано с общей направленностью социальной политики БЗНС. Помимо опеки различных категорий крестьянства, с социальной дифференциацией которого лидеры режима не могли не считаться на практике (несмотря на сохранение в идейном арсенале БЗНС прежнего тезиса о неделимости села), у новой власти существовала и вторая линия деятельности — помощь «экономически слабым слоям». Революционные события первых послевоенных лет, мощное стачечное движение в течение 1919 и в начале 1920 г., в котором основной руководящей силой выступала БКП (т. с.), заставляли крестьянскую власть уделять более серьезное, чем прежде, внимание пролетарским и мелкобуржуазным слоям города.

И хотя в годы режима БЗНС не принималось специального законодательства в пользу рабочих, материальное положение различных категорий эксплуатируемого населения города несколько улучшилось. Этому способствовало принятие законов об облегчении жилищного кризиса, а также ряд мер в поддержку ремесленников, в частности прекращение сбора налога на ремесла после узаконения прогрессивно-подходного налога⁶³. Представителей городского эксплуатируемого населения в пользу «земледельческой» власти располагала и осуществлявшаяся ею политика экономического ущемления различных категорий буржуазии.

Характер нормотворческой и, соответственно, реформаторской деятельности «земледельцев» свидетельствовал о том, что парламент стал одним из важнейших органов власти, формально закреплявшим

совершенно новые направления жизнедеятельности болгарского общества, социальная структура которого получила более адекватное выражение в политическом представительстве.

В связи с этим возникает вопрос о месте и роли монархического института в системе органов высшей государственной власти, поскольку, несмотря на уничтожение режима личной власти и падение престижа института главы государства, за болгарским монархом формально сохранялись значительные конституционные полномочия, что означало и формальное сохранение дуализма в области законодательной.

В период правления крестьянской партии в стране сложилась такая расстановка политических сил, такая психологическая атмосфера, когда возможность фактического использования монархом таких полномочий стала минимальной. Основы взаимоотношений с монархическим институтом «земледельцы» определяли для себя до прихода к власти. Безуспешность их попытки утвердить в Болгарии республику и открывшаяся затем перспектива прихода к власти путем победы на парламентских выборах заставили Союз вернуться к прежним установкам борьбы за нее — в рамках существующих законов. Вновь был взят на вооружение лозунг общенародного конституционно-парламентарного управления страной⁶⁴. Его осуществление лидеры БЗНС считали возможным лишь при сохранении наиболее демократических положений конституции⁶⁵. Но социально-политическая доктрина БЗНС, подвергавшаяся серьезному обновлению, уточняла фактическую степень радикализма такой позиции, рассчитанной на конкретные условия полуоккупационного режима Антанты. Наиболее четко это выражалось в отношении крестьянской партии к монархии. Акцент делался на том, что одним из основных препятствий на пути утверждения более справедливой общественно-экономической структуры является режим личной власти, успешно противостоять которому может лишь не имеющий ничего общего с монархизмом БЗНС. В этих целях определялась целая система превентивных мер, главной из которых было поднятие парламента на должную высоту⁶⁶, в том числе за счет сужения монаршей прерогативы⁶⁷.

В своей политической практике новая власть проводила последовательно курс на обезличивание монарха как главы государства, стремясь к тому, чтобы он лишь царствовал, но не правил. Переставали действовать на практике те измененные в свое время статьи конституции, которые передавали царю часть законодательных полномочий Народного собрания. Осуществляя промульгацию законов, которая носила скорее чисто формальный характер, монарх не пользовался остальными полномочиями в отношении высшего органа политического представительства, так как вопрос о его роспуске и назначении даты выборов нового состава решал Верховный союзный совет — руководящий орган БЗНС. Лидер партии и бессменный глава всех «земледельческих» кабинетов А. Стамболийский лишь ставил Бориса III в известность об этом. Политическая действительность была таковой, что монарх не решался использовать право «вето» в отношении принимавшихся ОНС законов.

Формально монарх оставался и носителем высшей исполнительной власти, но в действительности он не решал вопросы назначения и смещения министров, формирования кабинетов. Правительства отчитывались только перед съездами БЗНС, от которых получали мандат на всю деятельность. В период правления «земледельцев» Борис III не представлял страну на международной арене, он утратил возможность руководить судебным ведомством, осуществлять функции верховного главнокомандующего. В той системе непосредственных связей, которая раньше существовала между монархом и военным министром, место Бориса заняло теперь Народное собрание и руководство БЗНС.

И все же, несмотря на ослабление фактических возможностей монарха в отношении Народного собрания, роль последнего как высшего органа государственной власти в жизнедеятельности болгарского общества нельзя абсолютизировать. Это связано прежде всего с тем, что фактическим дирижером во всех областях политической жизни была политическая партия — БЗНС. Усилению такой тенденции способствовало следующее: при общей заданности, которая была у законодательной и исполнительной власти в условиях «земледельческого» режима, Народное собрание оставалось аренной острой политической борьбы. Почти на всем протяжении этого периода функционировало XIX ОНС, которое отличала пестрота состава. Накаленность атмосферы в парламенте свидетельствовала о том, что правый оппозиционный лагерь стремился создать в Народном собрании один из легальных центров борьбы с режимом. И поскольку страна находилась под постоянным контролем держав-победительниц, периодически вмешивавшихся в ее внутренние дела, для организации сопротивления политике БЗНС порой имел значение прецедент категорического несогласия оппозиции с правительственным большинством Народного собрания по тому или иному вопросу.

Это заставляло «земледельцев» следовать давно сложившейся практике широкого использования формально юридических и фактических полномочий исполнительной власти, что проявлялось и в отношении власти законодательной — Народного собрания. Большинство законопроектов, рассматривавшихся в это время в ОНС, как и прежде, имело правительственное происхождение, а это в свою очередь определяло направления государственной политики. Но принципиальное содержание этих отношений, равно как и функций органов исполнительной власти, было иным, поскольку служило задачам утверждения новой господствующей силы — мелкой буржуазии, ее крестьянской части.

За годы режима исполнительная власть значительно усилила степень своего влияния за счет появления ряда новых учреждений, специально занимавшихся практическим приложением законов о реформах и преобразованиях. К ним относилась сеть органов, создававшихся во главе с Дирекцией ТПС, Дирекцией трудовой повинности и т. д.⁶⁸

В возглавлявшуюся правительством разветвленную сеть органов центральной и местной администрации фактически вплетались и орга-

ны местного самоуправления. В период правления «земледельцев» оставались в силе основные положения существовавших ранее законов о них, а это означало, что в своей деятельности эти органы должны были придерживаться линии центральной исполнительной власти. К создававшемуся механизму проведения реформ в обязательном порядке подключались члены окружных и общинных советов, а также наделенный значительными административными полномочиями окружной управитель.

Это противоречило программным установкам БЗНС, в которых содержалось требование децентрализации системы власти, предоставления автономии округам и общинам. Их осуществление должно было подчиняться глобальной политической цели Союза — обеспечению «полного народовластнического-конституционного управления»⁶⁹.

Столь явное отступление — курс на централизованную власть — было вызвано потребностями консолидации режима. Немаловажным было то обстоятельство, что буржуазия, сохранявшая свои экономические позиции, располагала очень ограниченными возможностями для противодействия БЗНС в высшем эшелоне власти. Специфически измененный механизм избирательной системы в условиях действия буржуазно-демократического принципа «свободной политической игры» мог открыть перед ней возможности сопротивления «земледельцам» — через местные выборные органы власти.

Фактически основным конкурентом БЗНС в местных представительных органах стала БКП (т. с.). Начиная с первых послевоенных общинных выборов (7 декабря 1919 г.), эта партия — ведущая сила в городской общине и вторая — после БЗНС — постоянно растущая в сельской⁷⁰.

Здесь сталкивались два наиболее сильных направления неконсолидированного фронта левых сил. Одно из них — «земледельческое» — и в данном конкретном случае решало сложную практическую задачу закрепления нового политического режима на всех уровнях. Характер проявлений второго — «тесняцкого» — определялся основными положениями партийной программы-максимум, изложенной в программной декларации I съезда БКП (т. с.) и конкретизированной в ряде последующих документов.

Выдвигая требование полной автономии общины и превращения общинных советов в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, «тесные» социалисты связывали его осуществление с взятymi на вооружение лозунгом социалистической революции и установления диктатуры пролетариата⁷¹.

БКП (т. с.) придерживалась точки зрения, что «земледельческая» власть не имеет принципиальных отличий от существовавших до нее буржуазных политических режимов⁷². Отсюда вытекало и отношение к любым ее проявлениям. Такая позиция имела глубокие корни и несла на себе отпечаток «теснячества», преодолевавшегося БКП (т. с.) в эти годы. Она строилась на медленно преодолевавшейся недооценке революционных возможностей крестьянства и соответственно отсутствию четких представлений о рабоче-крестьянском союзе, на известной абсолютизации принципа самостоятельной классовой борьбы.

И хотя III съезд БКП (май 1921 г.) принял специальную резолюцию по аграрному вопросу, в которой делался акцент на актуальность расширения фронта классовой борьбы⁷³, коммунисты были еще далеки от успешного решения этого вопроса. В документе уже говорилось о революционных возможностях беднейшего и даже среднего крестьянства, подчеркивалась необходимость привлечения этих представителей болгарского села в ряды БКП (т. с.)⁷⁴. Стержнем же своей агитационной платформы партия делала требования национализации земли, организации коллективного землепользования, а также отрицание социальной политики БЗНС⁷⁵. Но они не могли способствовать достижению намеченных БКП (т. с.) целей, так как были чуждыми частнособственнической психологии болгарского села, значительная часть которого возлагала большие надежды на преобразовательную политику «земледельцев». В период правления БЗНС обе партии оставались идеологически непримиримыми противниками, что в значительной мере переносилось на все сферы их взаимоотношений. БКП (т. с.) в своей практической деятельности чрезмерно концентрировалась на довольно частых резких выпадах «земледельческих» лидеров в свой адрес и это мешало ей разобраться в сложности и многообразии потенций крестьянского движения, выработать правильный подход к возглавлявшему его широкий поток БЗНС, ограничивало возможности сотрудничества двух наиболее популярных партий трудящихся в самых кризисных политических ситуациях.

Несмотря на то что программные установки БКП (т. с.) в отношении органов местного самоуправления отражали известную недооценку важности решения общедемократических задач в борьбе за осуществление социалистических целей, а также некоторую абсолютизацию теоретических положений об отрицании политических компромиссов⁷⁶, практическая работа коммунистов в этой сфере приобретала все большую популярность. Возглавлявшиеся ими общинные советы в условиях жесткой регламентации со стороны центральной администрации развивали активную хозяйственную и культурно-просветительную деятельность: они осуществляли дифференцированную политику в отношении сбора муниципальных налогов, перекладывая их бремя на наиболее состоятельную часть населения общины, занимались устройством общественных столовых, прачечных, борьбой со спекуляцией и т. д.⁷⁷

И хотя эта деятельность не шла вразрез с общедемократической направленностью «земледельческого» режима, на нее все же накладывал известный отпечаток характер сложных межпартийных отношений, наиболее резко проявившихся в борьбе за массовую базу. Основным ее итогом было достаточно сильное агитационное воздействие на трудящихся города и села в пользу БКП (т. с.). Показательными в этом плане были результаты очередных выборов в сельские общинные советы (февраль 1922 г.), когда коммунисты набрали 125 тыс. голосов и получили возможность стать во главе 109 общин⁷⁸.

Фактическое положение и функции органов местного самоуправления бесспорно усиливали исполнительную власть во главе с правительством. Но в соответствии со своим конституционным статусом они

вместе с Народным собранием являлись представительными органами. Казалось бы, таким путем в условиях режима БЗНС осуществлялось интенсивное опосредствованное наступление исполнительной власти на власть законодательную с помощью подрыва престижа представительной власти в целом. Но здесь обращает на себя внимание один очень важный и совершенно очевидный факт: в качестве регулятора отношений между двумя институтами, по сути представлявшими в полном объеме обе эти власти, выступал уже не монарх. Эту роль взяла на себя политическая партия — БЗНС. Ее низовые организации — дружки активно подключились к проведению такой линии в отношении всей системы управления на местах⁷⁹. Так на практике делались первые пробные попытки подойти к осуществлению одной из важнейших теоретических позиций БЗНС о путях и методах преобразования существующего общественного устройства, которая точнее всего выражалась в установленной «земледельцами» последовательной логической связи: крестьянская партия — парламентаризм — народовластие⁸⁰.

Структура и характер деятельности формировавшейся системы власти наиболее адекватно выражали существо «земледельческого» режима, свидетельствовали о том, что последний все более приобретал черты мелкобуржуазной крестьянской диктатуры. Закреплявшаяся централизация показывала, что сам режим не имел того необходимого набора признаков, который позволил бы ему приблизиться к новому качеству — утопическому идеалу сословной теории — стать основой «истинного народовластия».

В эти годы изменилась партийно-политическая структура Болгарии, произошла ее перестройка, концентрация. В борьбе со значительной и многоплановой оппозицией «земледельцы» в качестве идейного оружия пользовались теми положениями своей теории, в которых было заложено категорическое отрицание социальных функций существующих политических партий. По сути в них содержалось развернутое обоснование тезиса о правомерности и неизбежности установления в стране «крестьянской демократии», как более соответствующей социальной структуре болгарского общества, нежели диктатура буржуазии или диктатура пролетариата.

Однако в условиях режима БЗНС это не приобрело отчетливо выраженного характера последовательного, формально закрепленного практического наступления со стороны правящей партии. В действовавшем законодательстве не было положений, официально запрещающих какую бы то ни было политическую партию, хотя создававшаяся психологическая атмосфера была очень сложной для противников новой власти. Пожалуй, лишь закон о печати (1921 г.) — фактически закон об установлении цензуры над изданиями оппозиции — и закон о введении мажоритарной избирательной системы (1923 г.) были откровенно направлены против существовавшей многопартийной системы. Большинство же остальных важнейших законов, распространявшихся на социально-экономическую и политическую области (помимо уже упоминавшихся нормативных актов, которые затрагивали частную собственность, сюда следует отнести принятый ОНС 14 ок-

тября 1922 г. закон о проведении референдума по вопросу о виновности в национальных катастрофах бывших болгарских министров), прежде всего подрывали престиж руководства буржуазных партий, ущемляя их лидеров в экономическом и дискредитируя в политическом отношении.

Режим БЗНС сумел противопоставить себя всем без исключения политическим течениям — как возможным союзникам слева — БКП(т. с.) и БРСДП(о), так и, что естественно, политической оппозиции справа. Чрезмерная внешняя идеализация сословных постулатов, боязнь за собственную стремительно возросшую, но еще рыхлую и неустоявшуюся массовую базу, отсутствие достаточной организационной спаянности лишали Союз гибкости в отношениях с представлявшими рабочее движение партиями, каждая из которых черпала свои кадры в том числе в тех же социальных слоях, что и БЗНС.

Правда, между БЗНС и БКП(т. с.) достигалось единство в проведении ряда серьезных акций, таких, как высылка из Болгарии весной 1922 г. высших чинов врангелевской армии и последовавшее затем ее разоружение, совместный отпор буржуазной реакции во время тырновских событий в сентябре 1922 г., отстаивание общей позиции во время референдума по вопросу о наказании бывших министров (ноябрь 1922 г.). В 1921—1922 гг. БЗНС содействовал БКП(т. с.) в организации помощи голодающим Поволжья⁸¹. Но в целом отношения между ними оставались сложными и достаточно напряженными и в известной мере определялись сформулированной в апреле 1922 г. Высшим партийным советом БКП(т. с.) установкой на то, что «...никакое политическое соглашение между Коммунистической партией и Земледельческим союзом сейчас невозможно, техническое сотрудничество между ними допустимо»⁸². И хотя в конце 1922 г. режим БЗНС перешел к более жесткому курсу в отношении коммунистов, на всем протяжении периода его существования БКП(т. с.) действовала в наиболее благоприятных, чем когда-либо прежде, условиях; она значительно возросла численно⁸³, расширила сферу своего влияния⁸⁴.

Линия отношений между режимом БЗНС и БРСДП(о) вычерчивалась более просто. В период революционного подъема 1918—1919 г. социал-демократия пережила апогей своей политической значимости и влияния на развитие событий в стране. Теперь же, в условиях новой власти, продолжавшая численно увеличиваться⁸⁵, она не могла проявлять себя столь активно на политической арене. «Земледельцы» и коммунисты с помощью своего необычайно возросшего влияния в массах с разных сторон действовали в одном плане — способствовали сужению массовой базы БРСДП(о), что в свою очередь обессиливало ее в органах политического представительства, ограничивало возможности ее политической маневренности. Именно здесь крылась основная причина того, что своими главными врагами БРСДП(о) объявила БЗНС и БКП(т. с.)⁸⁶, а «земледельческий» режим в целом воспринимался ею крайне негативно⁸⁷. Усиление конфронтации социал-демократии с БЗНС находилось в безусловной зависимости от ус-

пехов ее основного идейного противника — БКП (т. с.), в ряды которой, а также в состав революционных профсоюзов вливались кадры, отошедшие от реформистских объединений⁸⁸.

В эти годы более глухо стали звучать ранее активно пропагандировавшиеся БРСДП(о) лозунги борьбы за социализм, а усиленная эксплуатация социал-демократами реформистских концепций социально-политического развития имела целью создать идейно-теоретическую альтернативу новаторству «земледельцев».

Фактически в плане борьбы с режимом БЗНС социал-демократы все теснее идейно смыкались с правым буржуазным лагерем. Накопленный опыт беспринципных политических компромиссов способствовал тому, что БРСДП(о), борясь «за восстановление поправленной демократии», в ходе многочисленных выборов стала в открытую блокироваться с буржуазными партиями⁸⁹. В частности, на парламентских выборах в апреле 1923 г. она в ряде округов и околий выступила в коалиции с партиями «Конституционного блока».

Как бы подводя итог деятельности БРСДП(о) в течение нескольких последних лет, один из ее лидеров К. Пастухов на заседании ЦК, состоявшемся на следующий день после падения режима БЗНС, с удовлетворением констатировал: «Мы обеспечили психологическую подготовку переворота... Мы сильнее всех компрометировали злодейскую власть Стамболийского»⁹⁰.

Стремление режима БЗНС утвердить мелкобуржуазные слои болгарского села в качестве ведущей экономической и политической силы общества вызвало отпор со стороны буржуазного лагеря в целом и поставило последний перед необходимостью идейной и организационной мобилизации. Такая задача начинает формулироваться и даже частично реализовываться уже на первом этапе существования режима БЗНС. В 1920 г. происходит слияние ряда буржуазных партий. На политическую арену выходят национал-либеральная партия (ее составили объединившиеся народно-либералы, младолибералы, либералы), а также Объединенная народно-прогрессивная партия (образована народниками и прогрессивными либералами).

Основы идейной платформы для консолидации правой оппозиции стали складываться из различных формул отрицания важнейших положений сословной теории и программы БЗНС, а также из излагавшихся в общем виде требований прекращения социально-политической и хозяйственной практики «земледельческого» режима. Сюда же в обязательном порядке добавлялся и антикоммунизм.

Уже в 1920 г. буржуазный политический лагерь сформулировал лозунг, под которым должна была осуществляться эта консолидация, — «За восстановление поправной конституции!»

1921 и часть 1922 г. прошли в напряженных поисках идейных и практических возможностей более широкого объединения право-оппозиционных сил. Но на его пути вставали такие серьезные препятствия, как скомпрометировавшее себя в общенациональном масштабе германофильство либералов, которые к тому же стали открыто выступать за власть «твердой руки»⁹¹, играла свою роль десятилетиями поддерживавшаяся народниками и демократами тради-

ция острой конкурентной борьбы за политический приоритет, давала о себе знать дифференциация внутри класса буржуазии. В руководстве народной, а позднее — Объединенной народно-прогрессивной партии ведущие позиции стали занимать представители крупного финансового капитала⁹², в то время как в центральные органы демократической партии входили менее сильные представители делового мира, что проявлялось и в определенной ограниченности их политического влияния⁹³. Предстояло решение и такой трудной задачи, как подключение к оппозиционному буржуазному единству известных своим республиканизмом и попытками выражать интересы различных категорий мелкой буржуазии — радикалов, в годы режима БЗНС оказавшихся на левом фланге буржуазного политического лагеря.

Попытка осуществления одного из важнейших направлений в социально-экономической политике БЗНС — поставить государство на службу крестьянству — помогла правой оппозиции определить тот основной стержень, на который ее различные течения в стремлении выработать общую программу для консолидации старались нанизывать свои антиземледельческие идеи этатизма.

Но у каждой из оппозиционных партий были собственные представления о необходимых изменениях в характере государственных проявлений и в соответствии с этим возникла своя схема будущего действия государственного механизма.

К примеру, либералы, представители наиболее правой партии буржуазной оппозиции, считали основными прежде всего экономические функции государства, осуществление которых будет направлено на привлечение иностранного, а также на создание условий для развития местного капитала. В качестве социальной функции государства его деятельность определялась как обеспечение «благополучия всех слоев общества», а также регулирования «доходов между трудом и капиталом». Все эти положения, по мнению либералов, могли быть осуществлены лишь при условии соблюдения существующих конституционных норм⁹⁴. Радикалы же выступали за такое основательное обновление государства, в результате которого монархия должна быть заменена республикой, а само оно должно нести в себе черты «трудовой политико-социальной организации»⁹⁵.

Проблематичность выработки общей теоретической платформы была очевидной, что, соответственно, ставило под вопрос возможности консолидации.

Решению задачи объединения буржуазных сил в составе новой организации — «Конституционного блока» (создан в июле 1922 г. из Объединенной народно-прогрессивной, демократической и радикальной партий) активно содействовала заявившая о себе в апреле 1922 г. праворадикальная организация «Народный сговор» — «своеобразный симбиоз реакционно настроенных военных и интеллигентов»⁹⁶, куда вошли и представители крупного капитала⁹⁷.

В программе «Конституционного блока», в общих чертах изложенной в «Обращении к болгарскому народу», проявлялась вынужденность и временность заключенного компромисса между разнородны-

ми политическими компонентами, поскольку ее основной общей идеей была борьба за восстановление перечеркнутых «земледельцами» конституционных норм⁹⁸. В ней содержались и положения о необходимости усиления роли парламента в деятельности государственно-политического механизма, поднятие авторитета государственной власти. В основе своей это было отрицанием системы власти, утвердившейся при режиме БЗНС, отрицанием самого режима.

Еще более сильно оно проявилось в программных положениях «Народного сговора», провозглашавших «верховную идею — государство над всем!»⁹⁹, противопоставленную какой бы то ни было словесности, равно как и любым формам диктатуры¹⁰⁰.

Итоги выборов в XX ОНС в апреле 1922 г. (БЗНС набрал 569 139 — 52,7% голосов; БКП (т. с.) — 203 972 — 18%; БРСДП (о) — 27 816 — 2,6%; «Конституционный блок» — 166 969 — 15,5%; национал-либералы — 55 963 — 8,2%)¹⁰¹, наглядно показывали, что, несмотря на объединение усилий, буржуазная оппозиция не могла свергнуть «земледельческую» власть парламентским путем. Режим БЗНС — результат кризиса буржуазной политической системы, и в частности парламентской системы, одновременно являлся показателем углубления этого кризиса, поскольку не вел к стабилизации ранее существовавшего государственно-политического механизма, а, наоборот, расшатывал его, утверждая аномалию в социально-политической жизни буржуазной Болгарии, суть которой состояла в том, что ведущей экономической силой оставалась уже достаточно дифференцированная болгарская буржуазия, все дальше оттеснявшаяся от политической власти.

Поэтому политические силы, входившие в ранее доминировавший механизм политической власти буржуазного болгарского государства, подключив свой потенциальный резерв, состоявший из реакционно настроенной части офицерства, а также различного рода националистических организаций, в июне 1923 г. встали на путь насильственного свержения режима БЗНС.

ТРАНСФОРМАЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 20-Х ГОДАХ

Термин «кризис» в сочетании с такими понятиями, как «демократия», «парламентаризм», «политика коалиционных партий», получил широкое распространение в чехословацкой буржуазной печати самых различных оттенков чуть ли не с момента рождения республики. Не чуралась его и реформистская пресса. На протяжении всего межвоенного двадцатилетия в некоторые периоды особенно громко и настойчиво в Чехословакии говорили и писали о «больной демократии», вкладывая, естественно, в это понятие самое различное содержание,

по-разному определяя симптомы и сущность «болезни», давая различные рецепты ее лечения в зависимости от тех или иных идейно-политических позиций, занимаемых «врачевателями». Особенно назойливо и крикливо твердили об этом представители праворадикальной фракции чехословацкой буржуазной политики, а вслед за ними — ее профашистского крыла, беззастенчиво паразитируя на реальных проблемах страны, доказывая, что либерализм агонизирует, демократия не оправдала себя в борьбе с социалистическими идеями и притязаниями национальных меньшинств. Однако особенно знаменательно, что даже сами идеологи и политические руководители республики, их сторонники и единомышленники не могли игнорировать явные признаки нестабильности ее режима, недостаточной эффективности ее политического механизма, деформации конституционной структуры и вынуждены были, правда весьма ограничительно, также употреблять термин «кризис» применительно к политической системе чехословацкой, как они ее именовали, «гуманной демократии». Правда, Т. Г. Масарик, а вслед за ним и Э. Бенеш, особенно в 20-х годах, когда речь заходила о «молодой чехословацкой демократии», предпочитали писать и говорить больше о ее «несовершенстве», «проблемах», «трудностях», «оплошностях», «ошибках», естественных, дескать, в обстановке, когда все в мире находится в состоянии кризиса, брожения, изменения¹, перехода от теократии к демократии².

«Затруднения» демократии, в том числе и чехословацкой, связывали они с чрезмерным числом политических партий, узкопартийным эгоизмом их членов, недостатками избирательной техники, несовершенством парламентского механизма, «естественной» тенденцией к созданию олигархических группировок, карьеризмом профессиональных политиков, эксцентричностью печати, неспособностью бюрократии, а иногда и ее склонностью поддаваться коррупции и, наконец, с политическими просчетами отдельных руководителей³.

Указывая на некоторые, чаще всего лежащие на самой поверхности иногда более, иногда менее существенные изъяны и пороки политической системы, ее официальные представители, однако, всегда отстаивали тезис о том, что она вовсе не уже, а лишь еще не удовлетворяет всем потребностям общества⁴. Наша чехословацкая демократия молода, у нее нет опыта и традиций. Да и вообще нет плохих демократий, а есть лишь плохие демократы, — утверждали они. Поэтому, дескать, вообще признаки кризиса современного (буржуазного) общества, если они существуют, следует искать исключительно в духовной, морально-этической сфере. «Кризис демократии является прежде всего вопросом нравственным»⁵, — таков был основополагающий вывод Т. Г. Масарика. «Демократия, — говорил он, — имеет свои ошибки, ибо граждане имеют свои ошибки. Каков поп, таков и приход»⁶. «Все дело в нравственном совершенствовании, воспитании масс и руководителей», — вторил ему Э. Бенеш⁷. При этом, конечно, имелась в виду прежде всего не столько «наиболее совершенная» чехословацкая демократия, являвшаяся, по словам Бенеша, «единственным исключением в Центральной Европе»⁸, сколько в других

и прежде всего в соседних с Чехословакией странах. Что же касается нас, утверждал Т. Масарик, то «мы имеем республику и демократию, и, несмотря на все ошибки и недостатки, можем быть ими удовлетворены»⁹.

Чехословацкие коммунисты с самого начала подходили к проблеме динамики кризиса буржуазной политики вообще и ее национальных модификаций в частности, как к неразрывной составной части общего процесса разложения мировой капиталистической системы в эпоху империализма. Общие и частные аспекты этой проблематики рассматривались на различных партийных форумах, освещались в важнейших документах партии и ее печати. На протяжении 20-х годов видные деятели КПЧ (Б. Шмераль, Й. Гакен, К. Крейбих, К. Готвальд, Я. Шверма и др.)¹⁰ не раз обращались к различным сторонам проявления этого процесса в Чехословакии, анализируя его симптомы в сфере структуры и функционирования государственно-политического механизма, в области внутри- и внешнеполитических отношений, идеологии. При этом, конечно, в условиях, когда не только буржуазная, но и социал-демократическая пресса всемерно глобифицировала традиционные идеалы буржуазной демократии, пыталась противопоставить лозунги постепенных демократических реформ требованиям коренных социально-экономических и политических преобразований, вполне понятным было подчеркивание коммунистами коренных пороков формальной буржуазной демократии, ее ограниченности, непоследовательности, лицемерия. Вместе с тем они первыми указали, что именно рост реакционных тенденций господствующих классов¹¹ — важнейший симптом подспудного и постепенного накопления кризисных факторов в недрах существующего политического строя. Если же этим тенденциям, подчеркивали коммунисты, не дать решительный отпор, то это обернется неисчислимыми бедствиями, прежде всего для трудящихся. «Путь вашей демократии, — говорил Б. Шмераль, выступая в конституционно-правовом комитете Национального собрания Чехословакии 3 марта 1927 г. при обсуждении очередного реакционного законопроекта (о реорганизации государственного управления), — это линия неуклонного скольжения все далее и далее книзу, ведущая страну в пропасть полицейского правления, бюрократического, абсолютистского произвола и реакции»¹².

Таким образом о кризисе буржуазной демократии в Чехословакии хотя и по-разному, говорят и пишут уже более шестидесяти лет. Имеет свою историю и вполне оправданная постановка ряда вопросов, связанных с раскрытием сущности этого явления и его проявлениями. Убедительные ответы на них может дать лишь конкретное и комплексное исследование динамики всех основных компонентов политической системы межвоенной Чехословакии как целого, т. е. важнейших, долговременных тенденций развития политических институтов и норм, политических отношений и политической идеологии в тесной связи между собой и с теми процессами, которые протекали в недрах и в рамках мировой капиталистической системы, в эпоху ее общего кризиса. Не ставя перед собой такой широкой задачи, мы огра-

начимся рассмотрением некоторых вопросов, связанных с постепенным изменением, перерождением структуры и характера деятельности механизма реальной политической власти в его высшей сфере на протяжении первого десятилетия существования республики, когда, на наш взгляд, многие симптомы кризисного развития были уже налицо, хотя и не проявили еще себя в такой степени, как в 30-е годы.

Как отмечал В. И. Ленин, буржуазия во всех капиталистических странах вырабатывает две системы управления, использует два метода отстаивания своего господства, два приема борьбы с рабочим движением, которые то сменяют друг друга, то переплетаются в различных сочетаниях. С одной стороны, это старые, давно испытанные приемы и методы прямого насилия, подавления, преследования. С другой — более современные, «либеральные», соответствующие развитым и цивилизованным порядкам капитализма, демократическому строю: временных уступок, отдельных шагов в сторону развития политических прав, частичных реформ, внутренней дезорганизации и разобщения рядов рабочего класса путем прямого и косвенного подкупа отдельных его представителей или групп, а также «идейного» воздействия¹³. Правящие круги Чехословакии в основном предпочитали именно эти, «чисто буржуазные», по ленинскому определению, приемы и методы, хотя в критические моменты все конкурирующие между собой буржуазные политические группировки были едины и никогда не останавливались перед применением открытого насилия.

В Чехословакии существовала, пожалуй, наиболее развитая из всех стран этой части Европы политическая система буржуазной, так называемой представительной демократии. Конституция 1920 г., гарантируя частную собственность на средства производства, сохранила основы фактического неравенства. Она закрепляла республиканские и парламентские институты, провозглашала равенство граждан независимо от происхождения, языка, расы или вероисповедания, неприкосновенность личности, жилища, частной переписки, свободу союзов, собраний, печати и т. д. Вместе с тем конституция создавала широкий простор для ограничения или даже сведения на нет декларируемых ею прав и свобод путем разнообразных оговорок и издания особых законов и распоряжений.

При этом в политической практике зачастую просто игнорировались даже совершенно недвусмысленные установления основного закона республики. Так, конституционный акт и специальный закон, принятый в 1924 г., устанавливали «несовместимость» депутатского мандата с членством в административных советах, правлениях акционерных обществ, с предпринимательской деятельностью, исполнением обязанностей специальных консультантов, адвокатов организаций и корпораций, находящихся в прямых хозяйственных связях с государством. Специальный параграф конституции запрещал и членам правительства входить в состав правлений, наблюдательных и других советов акционерных обществ, поскольку эти общества занимались деятельностью, приносящей доход. Оба эти законоположения

остались лишь на бумаге, хотя, конечно, даже если бы они соблюдались, то перекрывали бы далеко не единственный и не главный канал воздействия финансового капитала на парламентариев и исполнительную власть. Крупнейшие монополии имели своих прямых и далеко не малочисленных представителей и в Национальном собрании и во всех правительствах. Крупными предпринимателями были почти все премьеры (Крамарж, Швегла, Удржал) и чуть ли не каждый второй министр. В 1931 г. было документально доказано, что половина (115 из 230) членов палаты депутатов Национального собрания, избранных от буржуазных и реформистских партий в 1929 г., являлись членами 345 правлений, административных и других советов банков, промышленных, торговых и т. п. акционерных обществ и объединений. 56 депутатов и сенаторов от социал-демократии являлись членами 44 таких правлений и советов. 17 депутатов от национально-социалистической партии представляли 32 монополии. 15 социал-демократических и 8 национал-социалистических депутатов состояли членами одного, двух, трех, четырех и даже шести правлений акционерных обществ¹⁴. По числу постов в административных советах на одного депутата парламентарии от буржуазных партий — национально-демократической, аграрной, народной, естественно, их далеко опережали.

Господствующие классы уже в 20-е годы неустойчивость парламентарных и правительственных комбинаций пытались парализовать сужением прерогатив выборного «народного представительства», все более откровенным нарушением декларируемых буржуазными правоведами и идеологами принципов «взаимоконтроля» и «равновесия» законодательной и исполнительной властей в пользу исполнительной, сокращением числа политических партий или образованием мощных межпартийных блоков, стабильным бюрократическим аппаратом, сросшимся с аппаратом правительственных партий, и, наконец, созданием неконституционных, закулисных органов и центров реальной власти. По сути дела речь шла о подмене или замене формальной, «писаной» конституции «неписаной», но практически функционирующей.

В связи с тем, что конституционный фасад буржуазно-демократической политической системы в Чехословакии оказался в значительной степени фиктивным, функционально несостоятельным, в дальнейшем мы сосредоточимся в основном на рассмотрении реально существовавшей структуры и механизма действия главных, зачастую специфических и вовсе не предусмотренных конституцией институтов, которыми в сфере действительной политической власти на общегосударственном уровне в 20-х годах являлись прежде всего объединения (блоки) партий правительственных коалиций и такие их олигархические органы, как «Пятерка», «Шестерка», «Восьмерка», а также элитарная, так называемая «группа Града».

Общественно-политическая жизнь Чехословакии 20-х годов была чрезвычайно интенсивной и одновременно противоречивой и пестрой. Хотя конституция и не содержала такого понятия, как «политическая партия» (закон о выборах знал лишь «избирательные партии»),

именно политические партии, под прямым влиянием которых находились десятки и сотни профессиональных, кооперативных, молодежных, женских, спортивных, культурно-просветительных и других организаций, союзов, центров, объединений, являлись важнейшим неформальным составным элементом политической системы страны. В парламентских выборах 1920 г. участвовало 23, 1925 г.— 29, 1929 г.— 19 политических партий и объединений. Общий список партий и объединений, официально принимавших участие в парламентских выборах в течение 20-х годов, включает 49 наименований¹⁵. Из них лишь 15—17 бывали представленными в парламенте, а в правительственных коалициях участвовало минимум четыре, а максимум восемь.

Действительно крупных партий, имевших общегосударственное, а не чисто локальное значение, было около десяти, большая часть которых в разное время участвовала в правительственных комбинациях.

Чешская (Чехославянская) аграрная партия, с 1919 г. официально именовавшаяся Республиканской партией чехословацкой деревни, а с 1922 г.— Республиканской партией чехословацких земледельцев и мелких крестьян, в условиях буржуазной республики превратилась из партии, представлявшей интересы главным образом чешской сельской буржуазии, преимущественно средней и мелкой, в одну из ведущих партий чехословацкого финансового капитала, и прежде всего той его мощной группировки, которая постепенно монополизировала производство, переработку и сбыт сельскохозяйственной продукции, а затем внедрилась и в ряд отраслей легкой и тяжелой индустрии. При этом в ее идеологии и политике всегда сохранялись, а иногда и преобладали традиционные аграристские черты.

Рост влияния партии был связан с расколом в рабочем движении, аграрной реформой, проведение которой фактически оказалось исключительно в ее руках, как и важнейшие звенья государственного аппарата, определявшие основные направления внутренней, а позднее и внешней, в частности торговой (аграрные пошлины), политики. Это была самая сильная буржуазная партия страны, с середины 20-х годов прочно утвердившаяся на правом фланге многоцветного спектра ее партийно-политической системы.

Аграрии создали себе массовую социальную базу прежде всего среди буржуазных и мелкобуржуазных слоев, связанных с сельским хозяйством. Кроме определявших ее политическое лицо владельцев крупных капиталистических имений, предпринимателей, торговцев, банкиров, действовавших преимущественно в сфере сельскохозяйственного производства, а также представителей высшего и среднего звена государственной бюрократии, за партией шла основная масса среднего и мелкого крестьянства, значительная часть сельской интеллигенции и ремесленников, а отчасти также полупролетарские и пролетарские слои деревни, некоторые группировки средней и мелкой буржуазии города. Однако три четверти голосов, собираемых партией на выборах, давала деревня.

Партия имела централизованное руководство, опиралась на ши-

рокую сеть местных (районных и краевых), так называемых политических организаций, контролировала разнообразные профессиональные, предпринимательские, просветительные, молодежные, женские, спортивные союзы и объединения, располагала и собственными военизированными формированиями. Прочной материальной опорой партии являлись связанные с ней многочисленные кооперативные и акционерные производственные, закупочно-сбытовые, кредитно-ссудные, издательские и другие корпорации, контролировавшиеся в основном концерном одного из крупнейших банков страны — Аграрного. Именно при их помощи партия экономически овладела чешской, словацкой и закарпатско-украинской деревней. Утверждая, что «деревня — одна семья» и что именно аграрная партия защищает ее общие интересы, она и идейно-политически сумела увлечь за собой большую часть сельского населения. По данным секретариата партии, в 1928 г. число ее организованных членов превышало 300 тыс. человек¹⁶.

Чехословацкая национальная демократия, созданная в 1919 г. в результате объединения нескольких ранее самостоятельных буржуазных политических партий Чешских земель, выступала как партия консервативная, откровенно националистическая, как прямой политический представитель крупного чешского монополистического капитала, связанного прежде всего с банками, тяжелой и рядом отраслей легкой промышленности, а также с торговлей. Национально-демократическая партия, несмотря на свою постоянно сужающуюся членскую базу, сумела сохранить сильные политические позиции в буржуазной республике 20-х годов, прежде всего благодаря экономической силе поддерживавших ее кругов (Центральный союз чехословацких промышленников, концерн самого крупного в стране Живностенского — Промыслового банка и др.).

Наряду с прямыми представителями так называемых деловых кругов в ее рядах довольно широко были представлены настоятельные слои интеллигенции (адвокаты, врачи, инженеры, журналисты, писатели), учащейся молодежи, частных и государственных служащих, а первоначально и главным образом городских, зажиточных ремесленников и торговцев. Партия эта была в основном «городской», хотя и пыталась, впрочем, без заметного успеха, распространить свое влияние и на некоторые слои сельского населения. Располагая значительными материальными возможностями, национальные демократы создали свои профессиональные и предпринимательские союзы и объединения, политические клубы, культурно-просветительные и другие общественные организации. В отличие от других партий национальная демократия не имела строго централизованной организационной структуры, и лишь в 1925 г. был создан ее общегосударственный Центральный политический исполнительный комитет. Однако и после этого земские организации партии сохранили относительную самостоятельность.

Влиятельной и фактически автономной составной частью партии являлось националистическое молодежное объединение «Молодое поколение». Именно в недрах этой организации молодых «интеграль-

ных националистов» или при их активной поддержке возникли чешские правоэкстремистские и фашистские группировки, часть которых во второй половине 20-х годов организационно обособилась от национальной демократии, объединившись в «Национальной фашистской общине».

Национальным демократам никогда не удавалось скрыть или даже замаскировать свои тесные связи с крупными банковскими и промышленными монополиями и, несмотря на все усилия, предстать перед общественностью в качестве выразителей интересов «всей нации».

Именно этим объяснялся переход многих ее бывших сторонников из числа мелких и средних ремесленников, торговцев, предпринимателей в ряды Чехословацкой ремесленной и торговой партии среднего сословия, являвшейся младшим партнером аграрной партии и вербовавшей своих приверженцев главным образом в небольших провинциальных городах. Это же предопределило отчасти и выделение из нее в 1925 г. Национальной партии труда, в которую вошли прежде всего либерально настроенные представители ее интеллигенции, тяготевшие к так называемому проградистскому буржуазному политическому лагерю. Столкновение интересов различных монополистических группировок определяло и остроту фракционной борьбы внутри партии («пражское крыло», «моравское крыло», «промышленное крыло», «демократический центр»).

В 1919—1922 гг. несколько католических партий, действовавших в Чешских землях еще с конца XIX в., объединились, создав Чехословацкую народную партию. Хотя с 1922 г. во главе партии стоял единый руководящий орган, фактически она состояла из четырех автономных земских организаций (Чехия, Моравия — Силезия, Словакия, Закарпатская Украина). Располагая более чем 6 тыс. местных ячеек, партия активно действовала через свои профессиональные, кооперативные, а также молодежные, спортивные, женские и другие объединения. Наряду с аграриями клерикалы являлись самым мощным идейно-политическим фактором в деревне. Многочисленные сельские священники являлись советниками, доверенными и агитаторами партии.

Члены партии рекрутировались из самых разных классов и социальных групп, приверженных к католицизму. Однако по своему социальному составу в основном это была партия религиозно настроенных так называемых средних, буржуазных и мелкобуржуазных слоев деревни и отчасти города. Что же касается ее социально-политической роли, то она являлась выразительницей интересов консервативных кругов буржуазии и высшей церковной иерархии, связанных с банками, легкой и отчасти тяжелой промышленностью, а также крупным церковным землевладением. В начале 20-х годов партии удалось предотвратить отделение церкви от государства, а в 1926 г. добиться того, чтобы государство взяло на себя часть расходов по содержанию духовенства. В отдельные периоды партия координировала свои действия с немецкими, словацкими и другими клерикалами, однако попытка на рубеже 20—30-х годов создать католический

блок, объединив все национальные католические партии страны, не увенчалась успехом.

К числу наиболее влиятельных буржуазных партий немецкого национального меньшинства, принимавших участие в некоторых правительственных коалициях первого десятилетия существования республики (так называемые позитивистские партии), относились Союз немецких землевладельцев — партия немецких аграриев и Немецкая христианско-социальная народная партия — подобие Чехословацкой народной партии. Наиболее сильные политические позиции в Словакии занимала основанная в 1918 г. Христианская народная партия (с 1925 г. официально именовавшаяся Глинковской словацкой народной партией). По своему политическому характеру являясь клерикально-националистической партией словацкой буржуазии, она сумела увлечь за собой значительную часть сельского и городского населения Словакии, критикуя официальную теорию так называемого чехословакизма, централизаторскую политику пражского правительства, выдвигая требование автономии, используя традиционное влияние католической церкви и демагогически играя на социальных требованиях трудящихся.

Чехословацкая социалистическая партия (с 1926 г. Чехословацкая национально-социалистическая партия) являлась мелкобуржуазной реформистской партией с явным националистическим уклоном; с середины 20-х годов партия открыто защищала буржуазно-демократический статус-кво, принципы масариковский «гуманной демократии» и не шла дальше необходимости ее «совершенствования». В соответствии с этим от нее вначале отошли революционно настроенные левые элементы (анархо-коммунисты), а затем откололась националистическая, правозкстремистская группировка И. Стршибрного.

В конце 20-х годов в партию влились многие активные деятели самоликвидировавшейся Национальной партии труда. Чехословацкая национально-социалистическая партия была массовой, почти исключительно чешской политической партией, социальный состав членской базы которой был, однако, чрезвычайно пестрым. Имеющиеся данные ее исполкома свидетельствуют, что в начале 20-х годов она насчитывала 115,5 тыс. членов, 42% которых составляли рабочие (в значительной степени мелких промышленных предприятий и ремесленных мастерских); 19,2 — государственные и частные служащие; 12 — мелкие ремесленники, торговцы и рантье; 6,8 — чиновники; 8,3 — мелкие крестьяне; 1,9% — представители различных групп интеллигенции и студенчества. Причем численность мелкобуржуазной прослойки партии и ее профсоюзов, в частности различных категорий служащих и чиновников, неуклонно возрастала.

Так, в середине 20-х годов она составляла около 47% членов ее профсоюзного объединения — Чехословацкой рабочей общины (200—300 тыс. членов во второй половине 20-х годов)¹⁷. Сильные позиции имели социалисты в сокольских и легионерских организациях, в молодежном и женском движениях. Издательская корпорация партии «Мелантрих» принадлежала к крупнейшим в стране.

После раскола самой массовой политической партии республики — Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, инспирированного в 1920 г. ее правым руководством, пытавшимся таким образом предотвратить переход большей части членов партии на позиции коммунизма, в условиях частичной стабилизации капитализма социал-реформистам удалось сохранить сильные позиции в рабочем движении. Число членов социал-демократической партии во второй половине 20-х годов возросло примерно со 100 до 150 тыс. человек и 57—61% их составляли рабочие, в значительной степени относительно высокооплачиваемых категорий. Ее влияние опиралось прежде всего на массовые профессиональные союзы, сосредоточенные в самом крупном профсоюзном центре страны — Чехословацком объединении профсоюзов. Во второй половине 20-х годов чехословацкие и немецкие социал-демократические профсоюзы насчитывали 500—600 тыс. членов.

Под контролем социал-демократии находилась и широкая сеть потребительской кооперации (385 тыс. членов), сберегательных касс (Самопомощь), она пользовалась значительным влиянием в аппарате учреждений социального страхования. Массовыми были и ее культурно-просветительные (Рабочая академия), спортивные (Союз рабочих физкультурных обществ), молодежные, женские и другие общественно-политические организации.

Хотя программные документы партии продолжали апеллировать к марксизму, подчеркивали необходимость завоевания пролетариатом политической власти, преобразования общества на социалистических принципах, однако лишь в будущем, путем реформ, совершенствования существующего буржуазно-демократического устройства. Что же касается практической политики руководства партии, ее партийного и профсоюзного аппарата в центре и на местах, то она чем далее, тем более шла в общем русле проградистского крыла буржуазной политики, направленной на стабилизацию существующего общественного строя и политического режима, и прежде всего характеризовалась усилием во что бы то ни стало удержаться в блоке правящих коалиционных партий, не потерять вытекающих из этого выгод и привилегий. Это была типичная «буржуазная рабочая партия», неизменно занимавшая место на правом фланге Социалистического рабочего интернационала. Уже с середины 20-х годов чехословацкая социал-демократия активно сотрудничала с немецкой, а в 1928 г. был проведен совместный съезд обеих партий и создан специальный комитет с целью координации их действий.

Что касается социал-реформистских партий, их профсоюзов и других общественно-политических организаций, то можно утверждать, что их руководство, значительная часть функционеров их партийного и управленческого аппарата оказались фактически интегрированными в доминирующую политическую подсистему буржуазной демократии, т. е. частично допущенными к участию в политической власти на различных уровнях. Именно через них буржуазия стремилась использовать эти массовые партии и организа-

ции для поддержания своего господства, обеспечения существующему политическому строю более широкой социальной базы и устойчивости.

Единственной организованной политической силой, последовательно противостоящей политическому механизму власти, созданному буржуазией и ее союзниками, являлась Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ). С момента своего возникновения в 1921 г. это была массовая партия. Во второй половине 20-х годов (1925—1927 гг.) в ней состояло от 93,2 до 138 тыс. членов. 114—230 тыс. рабочих и служащих объединяли Красные профсоюзы, от 8 до 13 тыс.—Коммунистический союз молодежи. Под влиянием КПЧ находились массовые кооперативные, физкультурные, культурно-просветительные, женские, детские и другие организации. На протяжении 20-х годов КПЧ издавала от 36 до 53 названий газет и журналов на чешском, словацком, немецком, мадьярском и украинском языках, не считая периодических изданий профсоюзных и других организаций, находившихся под влиянием коммунистов. Несмотря на все усилия правящих кругов, им не удалось ни загнать партию в подполье, ни кардинально подорвать ее влияние в массах.

Одним из критериев влияния политических партий при отсутствии полных и достоверных данных о количестве их членов и местных организаций, хотя и весьма относительным, является число голосов, полученных ими на парламентских выборах. Конечно, число голосов, поданных за ту или иную партию, далеко не отражало в условиях буржуазной республики действительного положения в том смысле, что в предвыборной борьбе нет и не может быть равенства материальных условий, а следовательно, и возможностей идейно-политического воздействия у буржуазных и рабочих партий. Кроме того, в Чехословакии существовали и такие буржуазные партии, которые по числу полученных ими голосов хотя и не являлись ведущими, однако экономическая мощь кругов, стоящих за ними, была столь значительна, что с их фактической ролью в политической жизни страны никто не мог не считаться (такой партией прежде всего была Чехословацкая национально-демократическая). Важно, однако, обратить внимание на то обстоятельство, что даже наиболее влиятельным партиям в 20-е годы не удавалось собрать на выборах более 15% голосов избирателей. Исключение составляла лишь Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия, которая до раскола на парламентских выборах 1920 г. получила 25,7% всех голосов¹⁸.

В парламентской практике, буржуазной и реформистской прессе политические группировки и партии обычно обозначались или как правые, или как группировки и партии центра, или как левые. Следует, однако, иметь в виду, что во всех буржуазных и реформистских партиях существовали фракции и направления, которые можно было бы также обозначить как правые, центристские и левые. Важнее было другое: так называемые левые (национально-социалистическая, социал-демократические) партии последовательно шли за так называемым центром, между ними не было никакой принципиальной раз-

ницы и поэтому фактически понятия «центр» и «официальная левая» были весьма условными и мало что давали для выяснения действительного характера и позиции того или иного политического формирования. Обычно партии различались еще и по своему отношению к вновь созданному государству, его границам, зафиксированным в международных договорах, и буржуазно-демократическому режиму, как партии «государственно-созидательные» (участвовавшие в правительственных коалициях или составлявшие лояльную оппозицию) и «негативистские» (некоторые буржуазные партии национальных меньшинств, фашистские группировки). Буржуазная и реформистская пресса причисляла к числу последних и Коммунистическую партию Чехословакии, хотя еще в январе 1921 г. устами одного из своих видных руководителей Б. Шмерала коммунисты недвусмысленно заявили: «...мы признаем это государство естественной ареной классовой борьбы. Мы признаем существование самостоятельной Чехословацкой республики не просто как обычный факт, а считаем это великим историческим прогрессом по сравнению с прежним положением... Это государство является также нашим государством, мы хотим не разложить его, а завоевать»¹⁹.

Чрезвычайная пестрота чехословацкой партийно-политической архитектоники при наличии пропорциональной избирательной системы содержала известные негативные стороны для господствующих классов, дробя их политические силы, хотя дробились, конечно, и силы оппозиции. В то же время создавался определенный простор для маневрирования, среди масс населения поддерживались иллюзии о наличии широкого «демократического выбора». И все же многие буржуазные политические деятели сетовали на громоздкость этой конструкции, ее неповоротливость, чрезмерную противоречивость и неустойчивость, вынашивали планы ее перестройки с тем, чтобы превратить ее в более простую, мобильную, эффективную. Еще весной 1919 г. в одном из своих писем из Парижа на родину Э. Бенеш отмечал: «Если присмотреться к жизни отдельных государств, то мы увидим, что симптомом дезорганизации и их собственной внутренней слабости является чересчур большое число политических партий. При нынешних условиях поэтому я считаю основным постараться создать крупные партии или крупные блоки партий... излишнее дробление на целый ряд партий приносит больше вреда, чем пользы»²⁰. Тогда он предлагал создать три действовавшие в масштабе всей республики большие «государственно-созидательные» партии — социалистическую, аграрную и либеральную. Т. Г. Масарик, в принципе разделявший эти взгляды, в своих публичных выступлениях вынужден был, однако, исходить из реального положения и поэтому в основном концентрировал внимание на состоянии и взаимоотношениях существующих партий. Утверждая свой авторитет беспристрастного арбитра, он нередко высказывал довольно резкие суждения о политической морали коалиционных партий, узкопартийном эгоизме, неспособности, некомпетентности их представителей в государственном аппарате. В этом смысле он даже утверждал, что нет ни кризиса демократии, ни кризиса парламентаризма, но безусловно налицо кризис политических партий²¹.

Различные проекты сокращения числа политических партий, создание крупных межпартийных блоков обсуждались и на партийных съездах и в печати, особенно активно в моменты острых парламентских и правительственных кризисов. Были приняты и некоторые законодательные меры, направленные против мелких политических партий, а также раскольнических группировок внутри крупных. Положение о выборах 1920 и 1925 гг. предусматривало, в частности, что если число голосов, полученных партией хотя бы в одном избирательном округе, недостаточно для получения мандата, то эта партия фактически выбывала из предвыборной борьбы, а полученные ею голоса во втором и третьем распределении передавались крупным партиям. Таким образом налицо были элементы мажоритарной избирательной системы. Однако суть дела, конечно, заключалась не столько в числе политических образований, сколько в их классовом характере и вытекающих из этого целях и методах их политической деятельности.

Экономическая неустойчивость, острые социальные конфликты, мощное рабочее движение, национальные противоречия, сильные автономистские и сепаратистские тенденции, непрочность внешнеполитических позиций, организационная дробность партийной системы, наличие постоянной, сильной, хотя по характеру и принципиально различающейся парламентской и внепарламентской оппозиции предопределили то обстоятельство, что единственной возможностью обеспечения стабильности режима представлялся путь коалиционной политики. В начале 20-х годов в условиях послевоенного революционного подъема и экономического кризиса господствовала коалиция крупнейших буржуазных, мелкобуржуазных и социал-реформистских, в основном чешских, политических партий. С середины 20-х годов в обстановке относительной стабилизации капиталистической экономики, спада революционной волны ее сменила чисто буржуазная чешско-словацко-немецкая (в блоке с некоторыми мадьярскими буржуазными партиями) коалиция. Лишь с конца 1929 г. в нее вновь включились социал-реформистские партии. Все 10 сменявших друг друга в эти годы правительств, за исключением двух переходных, так называемых чиновничьих, формально «беспартийных», но фактически всегда учитывавших расстановку партийно-политических сил, были коалиционными. Основное ядро коалиционных правительственных блоков составляли главные, прежде всего чешские буржуазные партии — аграрная (республиканская), которая участвовала во всех правительствах, национально-демократическая и народная (католическая), не участвовавшие в двух коалиционных кабинетах. Социал-демократы и социалисты не принимали участия в двух коалиционных правительствах (с октября 1926 г. по декабрь 1929 г.). В среднем правительства менялись почти ежегодно (лишь девятое по счету правительство А. Швеглы продержалось немногим более двух лет). Таким образом разнообразные правительственные комбинации, основанные на коалиционном принципе, содержали лишь минимальный запас устойчивости.

Коалиция, естественно, предусматривала достижение компро-

мисса входивших в нее политических сил, а следовательно, дележ власти. Каждая партия, независимо от своей реальной политической силы и представительства в парламенте, при вхождении в правительственную коалицию формально, да и фактически приобретала право вето. Поэтому допуск или приглашение в состав коалиции для каждой из них означал очень много. Ведь в коалиции действовали два основных принципа: достижение договоренности во что бы то ни стало и другой — «что-то за что-то». Зачастую партии правящей коалиции заключали между собой и формальные договоры, например, о том, что «действия объединенных партий всегда будут определяться принципом, на котором данная коалиция зиждется, т. е. все принимать по соглашению и соглашений всегда лояльно придерживаться». Партии обязывались также, что «всеми своими органами будут поддерживать всякое парламентское правительство и общественную деятельность объединенного большинства». При этом создавался Исполнительный комитет коалиционных партий, а все его заседания, как и заседания его подкомитетов и комиссий, объявлялись доверительными, о которых могло сообщаться лишь в официальных, совместно принятых на заседаниях коммюнике²². Но главным было другое. Как известно, существуют компромиссы и компромиссы. Все дело было в том, что именно социал-демократы и социалисты шли на принципиальные уступки своим буржуазным партнерам по коалиции в ущерб интересам тех трудовых слоев населения, которые они обязывали представлять. В частности для социал-демократов, несмотря на то, что они всегда твердили, что участие в коалиционных правительствах для них якобы лишь вопрос тактики, коалиционная политика фактически стала программной²³. Действительный характер политики коалиции определяли буржуазные партии, занимавшие в ней ключевые позиции.

Основные министерства (внутренних дел, обороны, финансов, торговли и промышленности, земледелия) почти всегда находились в руках главных буржуазных партий — аграрной и национально-демократической, так же как и посты премьеров. Министерство земледелия (даже в так называемых чиновничьих правительствах) безраздельно принадлежало аграриям. Национальные демократы хозяйничали в министерствах торговли и промышленности, а также финансов. Министерство внутренних дел и обороны, за единственным исключением, попеременно было то в руках аграриев, то в руках национальных демократов.

В коалиционных блоках 20-х годов налицо было не только политическое преобладание буржуазных партий над реформистскими, но и чешских над инонациональными, а также явная тенденция к установлению гегемонии самой сильной буржуазной партии над всеми остальными. На нее претендовали сначала национальные демократы, а затем, с гораздо большим успехом, аграрии. Уже с середины 20-х годов аграрии начинают оттеснять своих политических конкурентов на задний план. Их лидер А. Швегла уже тогда самоуверенно утверждал: «Мы проникнуты убеждением, что то, что мы захотим, то и будет. Мы — носители судьбы и безопасности государ-

ства»²⁴. К началу 30-х годов аграрии чувствуют себя настолько сильными, что нередко начинают просто навязывать партнерам по коалиции свои требования. Для них по сути дела речь шла о том, чтобы, формально не отказываясь от коалиционной вывески как прикрытия, фактически утвердить свое безраздельное, однопартийное господство.

Небезынтересно, что Э. Бенеш, который первоначально, как и большинство других буржуазных и реформистских политиков, считал «единственно верной системой коалиционную правительственную систему»²⁵, вынужден был в конце концов прийти к заключению, что это чуть ли не главное зло европейских демократий вообще и чехословацкой в частности. «Тяжелые потрясения наших демократических институций, — писал он в уже цитировавшейся выше книге, — вызывались не только борьбой партий, но и соглашениями партий, взаимными компромиссами и уступками, совместным участием в правлении, дележе выгод власти, взаимопрощении грехов и ошибок...» Чаще всего, констатировал он, это проявлялось в том, что «партии явно или втихомолку договаривались о том, что каждая выделит сферу своего влияния, в которую другая партия не будет вмешиваться. Так возникли четко очерченные домены партий, никем не контролируемые, и в которые никто иной не мог проникнуть... Другое еще более трудное положение возникало тогда, когда в систему коалиционных партий вводился принцип вето, который терпели или вынуждены были терпеть...»²⁶ Отсюда, по мнению Бенеша, происходила слабость исполнительной власти режима. Эти горькие выводы вынужден был делать Э. Бенеш на основании собственного двадцатилетнего политического опыта, сначала в качестве неизменного главы внешнеполитического ведомства и будущего преемника президента Масарика, а также, как тогда злословили, «мальчика для битья» при нем (все выпады конкурирующих группировок, нацеленные по существу в Т. Г. Масарика, в основном обрушивались на Э. Бенеша), а затем и президента республики.

Правящая коалиция буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партий являлась постоянной константой политического механизма буржуазно-демократической Чехословакии. Его неустойчивость происходила и из противоречивости интересов и целей составлявших коалицию компонентов и того факта, что ей неизменно противостояла, как уже указывалось, сильная, хотя и разнородная по своему составу оппозиция.

При этом, конечно, фактически власть прибирают к рукам исполкомы, аппарат, наиболее влиятельные лидеры правящих партий. Это от них зависело составление единых списков кандидатов на выборах в парламент, да и сами парламентские мандаты считались лишь временно «одожденными» их исполкомами²⁷ определенным лицам. Баллотирующиеся кандидаты ряда партий правительственной коалиции обязывались отказаться от мандата по требованию своей партии, что давало ей возможность избавиться от нежелательного парламентария. Избирательный суд, решавший вопрос о членстве в парламенте, в своей практике в противоречии с конституцией по сути дела всегда считал такое обязательство достаточным осно-

ванием, чтобы по требованию руководства партии обвинить неудобного ей депутата в действиях «по низким или нечестным мотивам» и лишить его мандата²⁸. Коалиционная дисциплина, откровенный диктат узкой группы закулисных режиссеров, опиравшихся на партийный аппарат, превращал парламентариев партий правительственной коалиции в пассивных исполнителей, имевших лишь право поднять руку, голосуя за представленный правительством законопроект.

Специальные уставы парламентских партийных клубов прямо фиксировали эти обязанности своих членов. Так, устав клуба Чехословацкой национально-социалистической партии указывал, что его членом может стать лишь тот, кто «был выдвинут партией кандидатом, был избран и дал расписку Исполкому». В уставе прямо значилось: «Свободное голосование на пленарных заседаниях членам клуба не разрешается, можно, однако, до принятия клубом решения в отдельных, серьезно обоснованных случаях, разрешить отсутствие при голосовании»²⁹. Все это фактически приводило к тому, что при обсуждении в палате депутатов или сенате зачастую выступали лишь представители оппозиции, а парламентарии правящих партий отмалчивались, игнорировали заседания палат, являлись лишь для голосования. Из всего сказанного не следует, что парламент вообще превратился в фикцию или полностью дискредитировал себя в глазах избирателей. Однако падение его реального веса в политической системе бесспорно.

В условиях буржуазной республики каждая из крупнейших буржуазных и реформистских партий представляла собой сложный, в большей или меньшей степени централизованный политический организм с развитым организационным и агитационно-пропагандистским аппаратом, более или менее разветвленной сетью собственных издательских, промышленных, торговых, банковских, кооперативных и других учреждений и предприятий. Однако материальные средства, необходимые для своей деятельности, они изыскивали и черпали не только и не столько из членских взносов и доходов своих хозяйственных организаций, сколько из субсидий, прямо связанных с той или иной партией монополистических объединений, государственного бюджета (прежде всего партии правительственных коалиций) и, наконец, на путях неприкрытой коррупции. Она для так называемых правительственных партий, аппарат которых постепенно срастался с государственным, стала основным методом управления, основой материального благополучия, а часто и личного обогащения партийной верхушки. И если попытки добиться дотаций из государственного бюджета довольно легко обнаруживались политическими противниками и оппозицией, то размеры тайных субсидий монополий и закулисные махинации с продажей различных привилегий и преимуществ корпорациям и отдельным дельцам полностью выяснить и распутать не удавалось никогда.

Наиболее откровенно тесно и непосредственно с промышленными и банковскими монополиями была связана национально-демократическая партия. В личном фонде ее председателя К. Крамаржа сохра-

нился красноречивый документ, из которого следует, что лишь с марта 1924 г. до ноября 1926 г. в кассу партии поступило «от промышленности», т. е. от различных корпораций и отдельных предпринимателей 10 650 тыс. крон³⁰. Что же касается других, особенно так называемых социалистических партий, то связи эти были более завуалированы и опосредствованы. Однако и они нет-нет да и становились достоянием общественности. Архивные материалы лишь подтверждают их. Время от времени всплывали на поверхность различные аферы: то «спиртовая», то «бензиновая», то «табачная», то «угольная», и разражался очередной скандал, в который оказывались замешанными то одна, то несколько, а то и все партии правительственной коалиции. Прав был З. Неедлы, когда в январе 1924 г. с горечью и гневом писал в своем журнале «Вар», что коррупция, скандальные аферы — явление не единичное, они «симптоматичны, ибо показывают, что не тот или иной человек, а вся наша система, вся наша жизнь поражены этой болезнью»³¹.

В буржуазной Чехословакии при наличии многочисленных партий и объединений, на наш взгляд, фактически сложились и соперничали два основных, хотя организационно и не оформленных, политических лагеря. Один — буржуазно-либеральный в симбиозе с социал-реформистами, а другой — буржуазно-консервативный, крайне националистический, на правом фланге которого находились экстремистские, профашистские силы. Весьма условно их можно было обозначать как «проградистский» и «антиградистский». Причем формальная организационная принадлежность к той или иной политической партии вовсе не всегда означала принадлежность к одному из этих двух основных конкурирующих политических формирований. Более четко при этом выступают очертания проградистского лагеря с его достаточно определенно вырисовывавшимся идейно-политическим руководящим центром.

«Град» или «группа Града» — так в публицистике и научной литературе обычно именуется одно из тех своеобразных неконституционных образований высшей сферы политической власти в республике, которое сложилось вокруг ее президента Т. Г. Масарика. При этом иногда различают собственно «группу Града», а некоторые еще и ее так называемую «внутреннюю группу», которая включала непосредственно лишь относительно узкий круг доверенных людей — ближайших сотрудников и единомышленников президента (разные авторы зачисляют в этот элитарный эшелон различное число лиц — от одного—двух десятков до сотни), и так называемое проградистское крыло или направление в существующем спектре реальных политических сил, представленное явно и тайно связанными с «Градом» более или менее многочисленными сторонниками во всех основных буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партиях и находившихся под их влиянием организациях.

Термин «Град» не в смысле местонахождения резиденции президента, а как обозначение политического фактора, одного из центров реальной власти, претендующего не только на то, чтобы официально представлять, но и фактически определять основные направления

внутренней и внешней политики государства, формировать основы общей идеологической концепции, начал употребляться еще с начала 20-х годов конкурентами и противниками Т. Г. Масарика из буржуазного лагеря, скорей всего окружением и единомышленниками лидера национальных демократов К. Крамаржа, а затем получил всеобщее распространение. Естественным, что Т. Г. Масарик, всегда стремившийся предстать в роли беспристрастного арбитра, стоящего якобы и над партиями и над классами и над нациями, решительно отвергал правомерность употребления этого термина в подобном толковании. «Нет никакой политики Града, — утверждал он в 1926 г. в интервью газете «Народни освобозени», — в том смысле, чтобы я или некий круг людей под моим руководством проводили какую-то политику наряду с конституцией и парламентом»³². Через некоторое время он повторил, что такое представление о Граде — не что иное, как миф³³. Еще через два года в интервью К. Чапеку он счел нужным вновь заявить, что «не существует никакого Града в кавычках. Там, где существует демократия... там не может быть никакой камарильи, никаких скрытых влияний»³⁴. Настойчивость симптоматичная, тем более что в конфиденциальных документах самого президента, его канцелярии, ее осведомителей термин «Град» по сути дела именно в этом, политическом смысле употреблялся постоянно («работают против Града и его политики», «кампания против Града», «в поддержку Града» и т. д.). Реальная сила «Града», его влияние определялись совокупностью целого ряда факторов. Среди них свое место занимала и незаурядная личность самого Масарика, пользовавшегося постоянно и умело подогреваемой популярностью в качестве признанного идеолога и опытного политика с устойчивым международным авторитетом³⁵.

Масарик, профессор Пражского университета, автор объемистых трудов по вопросам философии, социологии, истории, политики, депутат рейхсрата, а затем признанный наконец глава зарубежного сопротивления, стал в 1918 г. президентом новой республики.

Политические взгляды Масарика были эклектичны, противоречивы точно так же, как и его философские построения, и в тех и в других нередко соседствовали положения, взаимоисключающие друг друга. Недаром исследователи, пытавшиеся свести воедино его высказывания, найти им общий знаменатель, изложить систему его политических взглядов, нередко становились в тупик и вынуждены были признать, что у Масарика каждый может найти и взять то, что захочет³⁶. Политическим идеалом Масарик провозгласил создание государства «гуманной демократии», демократии экономической, политической, социальной. Он заявлял, что в демократической республике не может быть условий для эксплуатации человека человеком, одного сословия другим. В то же время он решительно высказывался против ликвидации частной собственности, ибо она, по его мнению, являлась основой экономического прогресса. Путь к этой «широкой демократии», по Масарику, — это путь постепенных социальных и политических реформ, нравственного самоусовершенствования.

Масарик был ярым противником революционного марксизма, Со-

ветской России, коммунистического движения, пролетарской демократии и в этом отношении был последователен и в своих высказываниях и в своей политической практике. При всем том, что Масарик всегда стремился сохранить декорум безусловного приверженца высоких моральных, последовательно демократических норм в политике, он был далеко не щепетилен в выборе средств для достижения поставленных целей и, в частности, для привлечения на свою сторону нужных ему людей или расправы со своими политическими конкурентами и противниками. В зависимости от обстоятельств в ход шли и элементарные и сложные, многоходовые закулисные комбинации, которые он умел и любил осуществлять, открытая или анонимная полемика в прессе, прямой или косвенный нажим, шантаж, а то и подкуп отдельных лиц (министров, парламентариев, журналистов), организаций, органов печати, в том числе и зарубежной, сбор или покупка, а затем и, даже с точки зрения элементарной морали, далеко не всегда чисто плотное, использование добытых компрометирующих материалов — словом, весь арсенал испытанных методов буржуазной политики.

Не следует забывать, что время от времени президент собирал весьма внушительную дань с корпораций, банков и отдельных предпринимателей, принимал от них многомиллионные дары на личные и «специальные» нужды, бесконтрольно распоряжался огромными суммами своего тайного фонда и некоторых статей государственного бюджета не только для того, чтобы одарить своих родственников и друзей, но и «купить для себя» что и кого считал нужным. Существенную роль играла, естественно, и та значительная власть, которой был наделен президент республики согласно конституции. Левые социал-демократы в свое время недаром называли ее «монархической», имея в виду, что полномочия, предоставляемые ею президенту, можно было сравнить лишь с полномочиями бывшего монарха в Австро-Венгрии.

Широкие конституционные права и функции президента в совокупности с фактическим влиянием и авторитетом в самых разных слоях общества обеспечивали Масарику исключительную роль во всем государственно-политическом механизме и давали возможность известной самостоятельности по отношению к разным фракциям господствующего класса. Особое значение имели тесные, хотя, конечно, никогда не афишировавшиеся, связи «Града» и его главы с крупнейшими отечественными монополистическими объединениями, в 20-е годы прежде всего с концерном Живностенского банка, и контакты с influentialными деловыми и политическими кругами за рубежом. Масарика, особенно в сфере практической политики, не только внешней, но и внутренней, существенно дополнял его ближайший сотрудник и единомышленник, неизменный министр иностранных дел во всех правительствах — Э. Бенеш, человек, хорошо владевший искусством политического маневрирования.

Теснее всего с «Градом» была связана Чехословацкая национально-социалистическая партия. В ее идейно-политической трансформации значительную роль сыграл Э. Бенеш, вступивший в 1923 г.

в партию по совету Масарика. Последнему, может быть, ранее других стало ясно, что, не имея такого, как он, влияния и авторитета, Бенеш сможет стать его реальным преемником на посту президента, лишь опираясь на массовую политическую партию. Когда же в середине 20-х годов в руководстве партии сформировалась оппозиционная «Граду» фракция во главе с И. Стршибрным, это стало очевидным и многим другим их сторонникам. «Если Бенеш, — утверждал в конфиденциальном разговоре с канцлером П. Шамалом шеф-редактор влиятельных проградистских газет К. З. Клима, — хочет стать политическим деятелем, с которым вынуждены будут считаться, то он должен стремиться прибрать партию к рукам, должен оседлать ее, чтобы хотя бы совместно с другими распоряжаться ею или же уйти из нее прочь. Он должен больше стоять на собственных ногах, а не возбуждать постоянно подозрение, что удерживается лишь президентом, стоит и падет вместе с ним»³⁷. Лишь в 1926 г. после острой схватки и изгнания И. Стршибрного и его сторонников из партии Э. Бенешу удалось добиться этого. Он стал признанным лидером и основным идеологом партии, что, естественно, сказалось на ее программных установках и практическо-политической линии. Она стала главной партией «проградистского» лагеря и действенным инструментом идеологического и политического влияния «Града» в массах.

Что же касается социал-демократии, то идейное воздействие на нее Т. Г. Масарика датируется еще началом века. С годами это влияние значительно возросло, а после раскола партии в 1920 г., одним из закулисных инициаторов которого был Масарик, и той материальной и идейно-политической поддержки, которую оказал президент правым раскольникам в критические для них дни, оно стало без преувеличения доминирующим. Теоретическая беспомощность и бесплодие правых лидеров социал-демократии ни для кого не являлись секретом, и Масарик был одним из тех, кто лучше других понимал, к чему это может привести. Еще осенью 1920 г. он предупреждал В. Тусара, тогдашнего социал-демократического лидера и премьера, что правые «вообще не имеют ни одного теоретика и из-за этого утрачивают влияние»³⁸. И теоретиком правой социал-демократии не официально, но по существу становится идеолог буржуазного реформизма³⁹. Показательно, что в начале 20-х годов правые лидеры партии ничтоже сумняшеся сами во всеуслышание заявляли: «Программа Масарика — это наша программа»⁴⁰. Позднее они стали более осторожными в публичных выступлениях, хотя суть дела от этого ничуть не изменилась. Достаточно сказать, что так долго готовившуюся программу партии (она была принята только через десять лет после раскола) ее авторы на этот раз уже тайно консультировали и согласовывали с президентом⁴¹.

Однако Масарик поставлял лидерам этой партии не только идеи. Секретный фонд его архива содержит и ряд весьма красноречивых документов (некоторые из них уже стали достоянием гласности⁴²) о крупных денежных субсидиях правой социал-демократии на борьбу против стачек, антикоммунистическую деятельность и предвыборную агитацию, печать, строительство партийных клубов и т. д., по-

ступавших лично (анонимно) от президента (и черпавшихся из его тайного фонда, хранившегося в Живностенском банке) или выплачиваемых из неподотчетных средств министерства иностранных дел или при посредничестве канцелярии президента передававшихся прямо от имени определенных промышленных корпораций⁴³.

Серьезной опорой «Града» были и традиционно влиятельное масонское физкультурно-просветительное общество «Сокол» и политически активные объединения бывших легионеров — солдат и офицеров воинских формирований, созданных в годы войны в странах Антанты. Он имел прочные позиции в офицерском и дипломатическом корпусе, среди высшего чиновничества, государственных и частных служащих, преподавателей высшей и средней школы, а также в некоторых влиятельных кругах либерально настроенной творческой интеллигенции. «Град» располагал разветвленной пропагандистской (пресса, радио, издательства) и хорошо организованной собственной осведомительной службами. Нити последней сходились в руках начальника канцелярии президента П. Шамала и Э. Бенеша. В частности, возглавляемый Я. Гайшманом «пропагандистский отдел», формально числившийся сначала при совете министров, а потом — министерстве внутренних дел, фактически являлся органом политической разведки и контрразведки «Града», аккумулировавшим самую разнообразную, главным образом внутриполитическую информацию.

По сути дела такую же роль играл и специальный отдел министерства иностранных дел, поставлявший Бенешу далеко не только конфиденциальные сведения внешнеполитического характера. Здесь тщательно собирали, классифицировали и анализировали сведения о политических партиях, обстановке в их руководящих органах, их решениях, межпартийных контактах, скрупулезно брали на заметку все, что говорилось и писалось о «Граде» и его политике, о его главе и его ближайших сотрудниках, внимательно следили за всеми влиятельными политическими деятелями и особенно за теми, которые представляли или потенциально могли представить какую-то опасность или интерес для «Града».

Нельзя утверждать, что «Град» абсолютно господствовал в интеллектуально-теоретической сфере, однако, бесспорно, его идеологические концепции пустили глубокие корни в общественном сознании, и если можно говорить об официальной идеологии республики, то в ее основе лежали именно постулаты «Града» и его главы. В системе широкого идеологического воздействия «Града» важное место занимал и самый откровенный культ первого президента республики, можно даже говорить о своеобразном «харизматическом ореоле», созданном вокруг его личности еще при жизни.

И в своих теоретических построениях и в политической практике Масарик и его сторонники задолго до нынешних адептов технократии, ссылающихся на условия научно-технической революции для обоснования необходимости отстранения представительных органов от руководства государственной и общественно-политической жизнью общества, отстаивали и фактически пытались осуществить систему элитарного управления. «Парламентский пленум, — утверждал Ма-

сарик еще в 1922 г., — не место для работы и размышлений; его функция совершенно другая. Действительная работа всегда будет осуществляться в комитетах и подобных или даже более узких органах, а нередко и единицами»⁴⁴. Даже совещание 17 министров он считал скорее митингом, чем рабочим органом⁴⁵. Единственной альтернативой парламенту и другим выборным органам, неспособным осуществлять действенную организаторскую работу, по его мнению, являлась концентрация всех рычагов власти в руках узкой, якобы надклассовой и надпартийной группы «специалистов», управляющих анонимной массой. И совсем не случайно он говорил о необходимости «диктатуры знатоков»⁴⁶.

В конкретных условиях буржуазной республики эта спекулятивная абстракция служила лишь прикрытием стремления к установлению всевластия монополистического капитала в лице его правящей элиты⁴⁷, которая якобы обладала не только необходимыми профессиональными, но и высокими нравственными качествами. Организационная аморфность группировки «Града» была лишь относительной, видимой. В ее структуре, формально, естественно, нигде не зафиксированной, можно различить по крайней мере некий основной «мозговой трест», а также контактный, координационно-распорядительный центр, роль которого исполнял аппарат канцелярии президента, возглавляемый П. Шамалом. Все сотрудники ее фактически назначались президентом.

Как уже упоминалось, разные исследователи включают в так сказать «собственно» группировку «Града» различное число лиц. Так, например, М. К. Бахштейн, один из авторов двухтомной публикации, специально посвященной политической роли «Града»⁴⁸, зачислил в нее 97 человек (из них 37 в его так называемую внутреннюю группу) — фактически, если не большинство, то во всяком случае многих из тех, кто вообще занимал более или менее значительное место в государственной, экономической, общественно-политической или культурной жизни республики, чуть ли не весь, так сказать, высший эшелон ее элиты, за исключением, естественно, тех лиц, о которых известно, что они являлись откровенными противниками или соперниками Масарика и Бенеша. Отметим сразу же, что при этом совершенно не учитывалось, что на протяжении 20 лет позиция многих из них претерпевала весьма существенные изменения, да и вообще далеко не всегда была однозначной. Оставим, однако, такой совсем не бесспорный и, прямо скажем, несколько облегченный, подход на совести его автора, тем более что большинство критериев, используемых для проведенного им социологического анализа этой группы лиц (возраст, образование, прохождение военной службы, происхождение из той или иной части республики, населенных пунктов с тем или иным числом жителей и некоторые другие), хотя в общем и небезынтересны, но, на наш взгляд, мало что дают для объяснения и определения ее действительной социально-политической роли и значения⁴⁹.

Нам представляется более обоснованным, да и более перспективным в этом смысле, во всяком случае для 20-х годов, опираясь на

доступные документы президента и его канцелярии, присмотреться к тому кругу лиц, которых сам Масарик охотно или в силу необходимости, постоянно или время от времени считал нужным привлекать для сугубо конфиденциального обсуждения или выработки решений по важнейшим экономическим, внутри- и внешнеполитическим проблемам, а затем, очевидно, и для осуществления принятых решений.

Еще в ноябре 1921 г. Масарик продиктовал Шамалу список людей, которые должны были составить некий тайный «государственный совет», «обновленную мафию» времен первой мировой войны⁵⁰. В него «в первую очередь» должен был войти А. Швегла, второе по фактическому влиянию лицо в государстве, многолетний лидер крупнейшей буржуазной партии — аграрной, неизменной участницы всех правительственных коалиций. Он был истинным сыном своего класса, воплощением его оборотистости, жадности, хитрости, неразборчивости в средствах достижения цели. При этом, однако, Швегла всегда стремился сохранить обличье последовательного демократа, придерживающегося парламентских норм и правил. Он предпочитал «тихо сидеть у источника власти»⁵¹. Если к Бенешу с самого начала он относился весьма сдержанно, часто настороженно-выжидательно, а иногда и неприязненно, то отношение его к Масарику было значительно сложнее. Он знал ему цену, видел в нем силу, с которой до поры до времени нельзя не считаться, которую можно и нужно использовать, прекрасно понимал, что и Масарик при всем своем желании не может его игнорировать, не считаться с ним и как с личностью и как с политическим деятелем, возглавлявшим сильнейшую партию страны.

Другой крупной и достаточно противоречивой фигурой в этом обществе был финансовый магнат Я. Прейс — глава концерна Живнотенского банка и Центрального союза чехословацких промышленников, влиятельный член руководства национально-демократической партии, связанный с Масариком давними личными и деловыми отношениями. При этом Масарик, как представляется, не заблуждался относительно того, что Прейс, как и Швегла, всегда будет делать лишь то, что или немедленно или спустя некоторое время, прямо или косвенно может принести ему лично или кругам, стоявшим за ним, материальную или политическую выгоду. Однако он был необходим ему по многим причинам, не в последнюю очередь как известный рычаг воздействия на твердолобого и экспансивного лидера этой партии и своего личного политического соперника К. Крамаржа. В свою очередь Прейс, очевидно, лучше многих других понимал, какие потенциальные возможности содержатся в прямых контактах и сотрудничестве с «Градом», посредничестве между ним и так называемыми деловыми кругами в условиях, когда представляющая интересы стоявших за Прейсом монополистических группировок политическая партия — национально-демократическая не смогла обеспечить себе массовой социально-политической базы, а поэтому и нужных позиций в государственном руководстве.

Ту же партию и те же круги финансового капитала должен был

представлять в этом избранном кругу первый министр финансов республики А. Рашич, твердый орешек, но на которого Масарик, однако, возлагал определенные надежды как на возможно более способного к сотрудничеству, чем Крамарж, будущего лидера национально-демократической партии. Из числа влиятельных аграриев Масарик считал нужным включить в этот синклит также тогдашнего министра внутренних дел, а затем председателя Палаты депутатов Я. Малипетра, хотя ни он, ни близкие ему люди никогда лично особенно не симпатизировали ему. Что же касается остальных членов проектировавшегося «государственного совета», то они в то время являлись ближайшими доверенными людьми Масарика (Э. Бенеш, канцлер П. Шамал, староста Чешской сокольской общины Й. Шайнер, поэт и политический деятель Й. С. Махар, министр по делам Словакии В. Шробар, крупный банкир и владелец газетного концерна Я. Странский, буржуазный политэконом и неоднократно министр финансов К. Энглиш), младшими партнерами «Града» (лидеры правой социал-демократии В. Тусар, Р. Бехине, А. Гампл) и его послушными исполнителями (Я. Черный — неизменный глава всех чиновничьих кабинетов 20-х годов и др.).

В качестве своеобразного второго эшелона правящей элиты, привлекаемого «по специальным вопросам или от случая к случаю», Масарик назвал видных сотрудников Бенеша по министерству иностранных дел К. Крофту, В. Мастного, В. Гирсу и, что небезынтересно, обоих тогдашних лидеров социалистической партии И. Стршибрного и В. Клофача, а также председателя народной (католической) партии Я. Шрамека⁵². Как видим, перед нами сложный и не однозначный конгломерат лиц. Далеко не всех их можно безоговорочно причислить к «Граду», но без сотрудничества с которыми «Град», очевидно, обойтись не мог. В свою очередь и они понимали целесообразность и необходимость такого сотрудничества.

Судя по тем немногим и весьма скудным документам, которыми пока располагают исследователи, новомасарикисты, хотя и не всегда в том составе, который первоначально наметил Масарик, с привлечением ряда новых людей из элиты деловых, административных, дипломатических и военных кругов и исключением некоторых ранее намечавшихся, в течение 20-х годов неоднократно собирались для сугубо секретных совещаний. Кроме уже упоминавшихся, мы найдем среди их участников ближайших сотрудников Прейса по Живностенскому банку Й. Белогрижибека и А. Тилле, его зятя, генерального директора Чехословацкой компании сахарозаводчиков Д. Гартмана, генерального секретаря Центрального союза чехословацких промышленников Ф. Годача, главного директора Национального банка А. Новака, председателя Чехословацкой общины легионеров Й. Патейдла, начальника военной канцелярии президента, бывшего командующего чехословацкими войсками на Дальнем Востоке генерала С. Чечека, бывшего командира чехословацкого корпуса в России, начальника генерального штаба генерала Я. Сырового. Стоит также упомянуть, что в середине 1927 г. Масарик, как свидетельствует одна из записей канцлера Шамала, дает ему указание «образовать совет доверенных лиц,

который бы регулярно собирался и совместно решал важнейшие вопросы». Этот «совет» должен был быть уже гораздо более узким и включать лишь Швеглу, Бенеша, Прейса, Шамала, Энглиша и «может быть, еще кого-нибудь»⁵³. Все или часть из вышеперечисленных лиц принадлежали к группировке «Града» 20-х годов или были причастны к определению и реализации его политики, предстоит еще выяснить. В любом случае, однако, имеющиеся документы свидетельствуют о наличии неконституционного элитарного политического образования, включавшего влиятельных лидеров партий правительственных коалиций, представителей главных группировок финансового капитала, высшей бюрократии, верхушки дипломатического корпуса и генералитета, явно претендовавшего на право общего руководства страной. По сути дела перед нами верхушечная группировка правящей элиты, включавшая наиболее активных представителей политической, экономической, бюрократической, военной и идеологической элит господствующего класса — буржуазии, главным образом чешской, и ее монополистических кругов, а также перешедших на ее позиции выходцев из других классов, в том числе и рабочего.

Вряд ли правильным было бы игнорировать и имеющиеся сведения о принадлежности к правящей элите или близости к ней людей, связанных друг с другом еще и членством в чешских масонских ложах. В этой связи в литературе упоминаются, в частности, имена Э. Бенеша, А. Рашина, П. Шамала, Й. Шайнера, Й. С. Махара, К. Крофты, Я. Сырового и некоторых других. Французский исследователь Б. Мишель, посвятивший чешскому масонству специальную работу, склонен даже считать, что большинство единомышленников Масарика, входивших в группировку «Града», являлось масонами⁵⁴.

В литературе обычно подчеркивается, что монополией «Града» была прежде всего внешняя политика, практическое проведение которой в соответствии с выработанной им теоретической концепцией осуществлялось внешнеполитическим ведомством, неизменно возглавляемым Бенешем. Отсюда, как считается, в значительной мере происходило и влияние «Града» на внутриполитическую ситуацию. Действительно, «Град», как представляется, исходил из приоритета внешней политики над внутренней. Во всяком случае Бенеш, как он писал, с самого начала был «твердо убежден, что наша внутренняя политика будет определяться внешней политикой, более чем где-нибудь еще»⁵⁵.

Удельный вес внешнеполитических проблем для небольшого экономически развитого капиталистического государства с таким географическим положением и таким национальным составом, каким была Чехословакия, в самом деле был весьма значительным. Однако нет никаких сомнений, что осуществление общей внешнеполитической линии «Града», в основе которой все эти годы лежала преимущественная ориентация на Францию и стремление сохранить версальское статус-кво, и проведение им тех или иных конкретных дипломатических акций прямо зависели от его реальной силы и веса во внутриполитической сфере. Не говоря уже, конечно, о том, что классовый характер его внешней политики целиком определялся

внутренней политикой правящих кругов. Конкретной и наиболее яркой иллюстрацией этого являлась вся шестнадцатилетняя история установления нормальных дипломатических отношений с СССР.

В своей политической практике и в ее теоретическом обосновании «Град» настойчиво стремился создать впечатление, что стоит выше узко понятых классовых, групповых, национальных, религиозных или партийных устремлений. Его руководители всегда подчеркивали, что не стремятся к политической гегемонии, не вмешиваются во внутри- и межпартийные споры и конфликты. Беспристрастным анализатором, умиротворителем, гарантом учета всех естественных и справедливых требований, откуда бы они ни исходили, верховным моральным арбитром — вот чем прежде всего пытался предстать «Град» в глазах общественного мнения.

В современной чехословацкой историографии можно еще встретить с утверждением, что особенностью «Града» было то, «что он никогда не стремился сосредоточить в своих руках гегемонию в политической жизни»⁵⁶. Для нас, однако, не подлежит сомнению, что тенденция если не монополизировать решение главных вопросов внешней и внутренней политики, то во всяком случае не выпустить их из сферы своего контроля и влияния, прямо или опосредствованно воздействовать на определение основного курса, была свойственна «Граду» с самого начала. И именно поскольку и когда ему удавалось ее реализовать, выступить в роли политического координатора и корректора, выразителя главных и наиболее общих интересов господствующего класса или его наиболее влиятельных группировок, он и становился реальным и существенным, а в известной степени и относительно самостоятельным фактором действительной власти.

Несмотря на всю скудность находящихся до сих пор в научном обороте материалов, не подлежит сомнению, что одной из важнейших задач «обновленной мафии» стало установление взаимодействия с возникшим почти одновременно другим неконституционным органом реальной политической власти, так называемой «Пятеркой» (все члены ее были первоначально включены Масариком в продиктованный Шамалу список), чтобы не дать ей выйти из-под контроля и политического руководства «Града» и тем более превратиться в его конкурента.

«Пятерка», состоявшая из лидеров коалиционных партий и являвшаяся прямым и непосредственным порождением коалиционной системы правления, формально действовала как координационный орган (Объединенный исполнительный комитет) парламентских клубов этих партий, хотя и проводила свои регулярные совещания за плотно закрытыми дверями. Есть все основания предполагать, что Масарик первоначально рассматривал ее как многообещающий канал воздействия «Града» на руководство коалиционных партий. Летом 1921 г., как свидетельствует Ф. Пероутка, он прямо называл ее «государственным советом», а в 1922 г. в своем новогоднем послании не преминул отметить, что попытка создания узкого органа для руководства деятельностью парламента (формально задача «Пятерки» состояла в согласовании парламентского регламента) его с самого нача-

ла «чрезвычайно заинтересовала с точки зрения демократической и, разумеется, государственно-правовой»⁵⁷. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, из бутылки был выпущен джинн, которого не только загнать обратно, но и даже держать в узде оказалось далеко не просто.

Начало деятельности «Пятерки» как фактора реальной политической власти, относится к критическим месяцам конца 1920 г. Раскол социал-демократии, отставка правительства «красно-зеленой коалиции» правого социал-демократа В. Тусара, назначение президентом «нейтрального» чиновничьего кабинета Я. Черного, который по закулисной договоренности, при поддержке всех партий прежней коалиции в парламенте должен был продолжать осуществление ранее выработанной коалиционной программы⁵⁸, а вслед за этим декабрьская всеобщая политическая забастовка рабочего класса, до основания потрясшая самые основы буржуазного правопорядка, — все это вынуждало искать более действенные инструменты стабилизации политической системы. Одним из них, тем более полновластным, что в январе 1921 г. тяжело заболел Масарик, и стала «Пятерка». Она активно функционировала вплоть до марта 1926 г., когда на смену ей пришла на краткое время «Шестерка», а затем «Восьмерка», имевшие уже, однако, несколько иной состав и характер. Неизменными членами «Пятерки» были: председатель аграрной партии А. Швегла, председатель народной (католической) — Я. Шрабек, заместитель председателя национально-социалистической — И. Стршибрный. В 1923 г. в нее вошел председатель национально-демократической партии К. Крамарж, сменивший А. Рашина, скончавшегося после совершенного на него покушения. Первоначально членом «Пятерки» от социал-демократии был один из ее правых лидеров Р. Бехине. Однако после того как на очередном съезде партии в апреле 1924 г. его деятельность в «Пятерке» подверглась резкой критике, ему пришлось уступить место другому видному представителю правой социал-демократии А. Мейснеру. Все члены «Пятерки» в разное время занимали министерские посты, являлись премьерами или заместителями премьер-министров. Наиболее влиятельным членом «Пятерки», ее фактическим главой являлся Швегла, возглавлявший все правительства с октября 1922 по февраль 1929 г. (за исключением семи месяцев 1926 г., когда вновь пришлось создать чиновничий кабинет). Лишь в течение нескольких месяцев 1922 г. основные члены «Пятерки» сочли нужным, скорее всего из тактических соображений, несколько отойти в тень и выдвинуть на авансцену «Пятерку заместителей» или, как ее еще называли, «слабую Пятерку» (Р. Бехине, Й. Доланский, Я. Малипетр, Ф. Лукавский, Я. Славичек)⁵⁹.

Это было время недолгого существования очередного «переходного», на этот раз от чиновничьего кабинета к коалиционному, правительства, которое возглавил «второй человек» «Града» Э. Бенеш (сентябрь 1921 — октябрь 1922 г.). Скорее всего «Пятерка», считая, что обстановка в республике еще недостаточно упрочилась для того, чтобы без риска быть дискредитированной надежно ухватить корми-

ло власти, предпочитала выждать, предоставив Бенешу, а следовательно, «Граду» продолжать начатую Я. Черным после подавления декабрьской забастовки непопулярную политику «консолидации» государства. Думается также, что свою роль сыграло и недовольство откровенно диктаторскими замашками членов «Пятерки», в большей или меньшей степени проявившееся почти во всех партиях, которые они представляли. Самоуправством Рашина, Стршибрного, Бехине возмущались в сенате и палате депутатов. «Власть Пятерки,— докладывал канцелярии президента ее постоянный информатор, сенатор от национально-демократической партии Франта в ноябре 1921 г.,— возбуждает острую ревность в сенате» и предупреждал, что против нее складывается комплот всех сенаторов⁶⁰. Председатель национально-социалистической партии В. Клофач в начале 1922 г. даже демонстративно подал в отставку в знак протеста против деятельности «Пятерки», ставившей, как он заявил, и исполнительные комитеты партий и сенаторов перед свершившимся фактом заключенных соглашений⁶¹.

Что же касается Бенеша и Масарика, то для них при принятии решения непосредственно возглавить правительство, как позднее и, возможно, не без основания, утверждал в своих мемуарах Й. Стршибрный, «тайное стремление устранить таким путем Пятерку, было не последним доводом»⁶². Во всяком случае «Пятерка» не надолго отступила на задний план, обязавшись ограничить свою компетенцию исключительно парламентской режиссурой. «Пятерка,— уверял тогда Р. Бехине,— не хочет быть ничем большим и не может быть ничем меньшим, нежели руководителем парламента». Однако тут же предупреждал: «Пятерка — это необходимость, это альтернатива хаосу. Без Пятерки вы получите сборище по продаже с торгов, на котором прекращается разумная политика и начинается агитационная демагогия. Не рубите сук, на котором сидите»⁶³. Это было первое, еще не очень острое и явное, но не последнее столкновение «Града» с новым претендентом на единовластие.

Есть все основания полагать, что в этой конфронтации «Град» не стал победителем. Бенеш, как оказалось, не смог действовать без поддержки «Пятерки», а тем более вопреки ей, и, вовсе не желая брать на себя и свое правительство весь риск, служа, как чиновничий кабинет лишь прикрытием для «Пятерки», поспешил уйти с поста премьера. Полностью «Пятерка» показала себя сразу, как только была восстановлена «общенациональная коалиция» и после шестинедельных тайных переговоров между ее членами⁶⁴ сформировано первое правительство А. Швеглы (октябрь 1922 г.), которое прямо называли «правительством Пятерки»⁶⁵ (все ее члены заняли в нем министерские посты). Как утверждала позднее проградистская пресса, последующие четыре года были временем всевластия «Пятерки», когда она, «эмансипируясь от влияния Масарика, не желала терпеть никакого конкурента»⁶⁶ и поэтому «систематически и рафинированно» стремилась изолировать президента⁶⁷. «Пятерка» действительно на несколько лет буквально подмяла под себя и правительство и парламент и даже руководящие органы собственных партий, с чем

вынужден был, очевидно, не только считаться, но до времени и мириться «Град». Как утверждал Пероутка, власть пяти человек оказалась «и для демократов лучше и приемлемее, чем анархия»⁶⁸.

На регулярные заседания «Пятерки», часто для большей секретности проводившиеся за пределами Праги, никто из посторонних не допускался. Протоколы здесь, очевидно, не велись, во всяком случае они до сих пор не обнаружены, а все решения, касались ли они правительственных законопроектов, дележа между партиями денежных субсидий, мест в правительстве и государственном аппарате, персональных назначений и т. д., принимались после доверительных переговоров с глазу на глаз. Между членами «Пятерки» постепенно установились сложные и тесные связи и отношения и, естественно, возникла взаимозависимость, если не круговая порука. Принцип «ты — мне, я — тебе» был здесь основным, и сформулированным Шрамком лаконичным лозунгом: «Мы договорились, что договоримся», неизменно руководствовались все. Не без основания в начале 1925 г. Я. Странский в статье, положившей начало острой газетной полемике, заметил, что в те времена «члены Пятерки лънули друг к другу больше, чем к своим партиям и программам»⁶⁹.

Именно в «Пятерке» решались или предпрешались все вопросы еще до обсуждения их в совете министров и в парламенте. По сути дела от этого неконституционного органа исходила законодательная инициатива. Парламентарии, министры, а зачастую и члены руководства коалиционных партий ставились перед фактом уже достигнутой договоренности, в которой ничего нельзя было изменить, и им оставалось лишь подчиниться партийной и коалиционной дисциплине, если они не хотели вызвать правительственного кризиса или быть изгнанными из партии и лишиться мандатов, как это случилось, например, в 1923 г. с четырьмя левыми социалистами, голосовавшими против реакционного закона «Об охране республики», тайно подготовленного «Пятеркой».

До известной степени и до определенного времени с таким положением вынужден был мириться и «Град», прежде всего, очевидно, потому, что его основная опора, так называемые социалистические партии, были серьезно ослаблены, и угроза назначения досрочных парламентских выборов действовала на них безотказно.

В преддверии очередных парламентских выборов 1925 г. «Град» считал, однако, необходимым и своевременным дать «Пятерке» понять, что не будет равнодушно смотреть на ее стремление взять в свои руки все нити политического руководства, оставив ему лишь представительские функции. Уже в 1924 г. Масарик в специальном письме Швегле высказал свои замечания по поводу того, что «Пятерка» превращается в самостоятельный политический орган. При этом Масарика, как свидетельствуют документы, не могло не беспокоить то, что его постоянный и несговорчивый политический соперник К. Крамарж, став после Рашина полноправным членом «Пятерки», набирает силу, становится агрессивнее и все теснее сотрудничает с Швеглой, который в свою очередь видит в нем союзника в противостоянии «некоторым крайним социалистическим требованиям»⁷⁰.

И в начале 1925 г. началась явно инспирированная атака на «Пятерку», сигнал к которой, как уже упоминалось, подал Я. Странский статьей в своей газете «Лидове новины». Он утверждал, что «Пятерка» превратилась в коварного, народом не уполномоченного и перед народом не ответственного олигархического куратора над парламентом, правительством и президентом, подобного которому нет, дескать, ни в одной демократической стране. Профессиональные и ловкие политики, вошедшие в ее состав, писал он, быстро поняли свою силу, силу личной солидарности, и их содружество приобрело авторитарный характер. Пятерка пережила себя, устраните ее, призывал Странский⁷¹. Вслед за ним с резкой критикой «Пятерки» выступили и некоторые другие проградистские газеты и журналы: «Трибуна», «Народни освобозени», «Пшитомность»⁷².

На защиту «ее величества Пятерки», как тогда называли этот закулисный кабинет, встали влиятельные органы печати коалиционных партий — социал-демократической — «Нова свобода» и «Право лиду», аграрной — «Вечер» и особенно рьяно национально-социалистической — «Чешске слово», утверждавшее даже, что, дескать, именно благодаря «Пятерке» в стране уже три года существует стабильное правительство, в то время как во всем мире идет министерская чехарда⁷³. Хотя в результате этой полемики репутация «Пятерки» и была несколько поколеблена, однако уход ее с политической арены предопределили более серьезные обстоятельства: распад в марте 1926 г. общенациональной коалиции как результат резкого обострения социальных, политических и межнациональных противоречий в обстановке временного экономического спада (частичный экономический кризис 1926 г.) и серьезных внешнеполитических затруднений (Локарно).

Неминуемый развал прежней правительственной коалиции был предопределен еще результатами парламентских выборов осенью 1925 г., ибо составлявшие ее партии не получили устойчивого большинства в парламенте (они имели лишь на пять мандатов больше, чем оппозиционные). Как и ожидалось, сокрушительное поражение потерпела чехословацкая социал-демократия, лишившись почти половины мандатов. Ослабли и позиции немецкой социал-демократической партии. Лишь на один мандат увеличили свое представительство чехословацкие социалисты. Еще более упал вес национально-демократической партии. Зато серьезно упрочили свои позиции чехословацкие и немецкие аграрии и клерикалы. Сильнейшей в Словакии оказалась также клерикальная Глинковская словацкая народная партия. Крупную победу на выборах одержала Коммунистическая партия Чехословакии, занявшая по числу полученных голосов второе место среди всех партий, участвовавших в выборах.

В новых условиях сотрудничество буржуазных, мелкобуржуазных и социал-реформистских партий в прежней форме оказалось невозможным. Более года длился острый политический кризис, в ходе которого уже вполне рельефно выступили очертания тех двух политических лагерей, которые выше мы условно называли «проградистским» и «антиградистским». Коммунисты на страницах своей печати

тогда сразу же отметили, что спор между ними идет главным образом о формах и методах стабилизации капиталистического господства и острейшая политическая схватка разворачивается не столько между различными буржуазными, мелкобуржуазными и социал-реформистскими партиями, сколько между «проградистскими» и «антиградистскими» крыльями внутри этих партий⁷⁴.

Правительство так называемой господской коалиции, сформированное, наконец, Швеглой в октябре 1926 г., в которое вошли представители исключительно буржуазных партий, на этот раз не только чешских, но и словацких и немецких в блоке с некоторыми мадьярскими, фактически было правительством «проградистских» или по крайней мере стоявших на позиции необходимости сотрудничества с «Градом» группировок и фракций различных буржуазных партий. При этом, однако, сотрудничество буржуазных, мелкобуржуазных и социал-реформистских политиков продолжалось, но в новой форме, как «диалог» восьми буржуазных партий правительственной коалиции и «лояльной», «государственно-созидательной» оппозиции так называемого левого блока (отколовшаяся от национально-демократической Национальная партия труда, социал-демократы и социалисты), за спиной которого стоял «Град». И хотя «Град» опирался при этом не только на так называемый левый блок, но и на весьма влиятельные фракции внутри главных буржуазных партий новой правящей коалиции, все же уход в оппозицию основных проградистских партий, бесспорно, ослабил его позиции во внутренней политике. Это проявилось и в том, что ему и далее пришлось считаться с существованием закулисных «узких кабинетов», подобных «Пятерке»: сначала — «Шестерки», а затем сменившей ее «Восьмерки». Отличие «Восьмерки» от «Пятерки» заключалось не только в том, что в нее входили исключительно представители буржуазных партий, но и в том, что в ней бесспорно преобладающим стало влияние аграриев. Замкнутый, олигархический характер этого закулисного неконституционного правящего органа, как и методы и приемы его деятельности, по существу не претерпели изменений. Явное ослабление внутривнутриполитических позиций «Града» попытались использовать антиградистские группировки в руководящих кругах главных буржуазных партий, развернув очередную кампанию в печати против Бенеша (конец 1928 — первая половина 1929 г.). Первоначально в ней задавали тон правые аграрии, а с весны 1929 г. инициативу перехватили неугомонный и экспансивный К. Крамарж и чешские фашисты.

Активизации антиградистской, праворадикальной фракции в руководстве самой сильной буржуазной партии — аграрной содействовала и болезнь осмотрительного и гибкого ее лидера А. Швеглы, в результате которой с конца 1927 г. он фактически отошел от активной политической деятельности. «Граду», однако, удалось на протяжении 1929 г. постепенно упрочить свое поколебленное положение. С его энергичной поддержкой правительство возглавил аграрий Ф. Удржал, представлявший в руководстве своей партии те влиятельные круги, которые были связаны не только с сельскохозяйственным производством, но и с промышленностью, работавшей на экспорт, в частности с

концерном заводов Шкода, поставлявшим оружие государствам Малой Антанты. Его, видимо, не без оснований считали прямым и даже послушным проводником политической линии «Града». Оправдал себя и тактический маневр, связанный с уходом социал-демократов и социалистов в оппозицию, маневр, позволивший им укрепить свое влияние в массах, получить на внеочередных выборах почти на 25 % больше голосов, чем на предшествовавших, и в декабре 1929 г. войти в новое правительство так называемой широкой коалиции.

«Град», «Пятерка», «Восьмерка» в 20-е годы являлись центрами реальной политической власти. Эти элитарные и олигархические формирования, представлявшие интересы господствующего класса, являлись субъектами действительной политической структуры, главными звеньями действовавшей не на бумаге, а в жизни «неписаной», фактической конституции буржуазной республики. Можно без всякого преувеличения утверждать, что чем далее, тем более откровенно всю государственную работу вершили не представительные конституционные институты, а эти неофициальные правящие формирования, контактируя или конкурируя друг с другом. Причем, и это существенно, характер их десятилетней как внутри-, так и внешнеполитической деятельности свидетельствовал об однозначном, хотя и постепенном скоплении вправо всего политического режима, пока еще, однако, в рамках буржуазной демократии.

Главным носителем антидемократических тенденций являлся прежде всего лагерь крайне правых, обскурантистских сил. Этот так называемый антиградистский буржуазный политический лагерь был значительно более аморфным, чем проградистский. В 20-е годы он не имел какого-либо единого идейного и политического центра тяготения, четкой общей программы, внутри- и внешнеполитической концепции. Разнородные социальные, политические и национальные группировки, которые можно причислить к нему, объединяло скорее негативное отношение к буржуазно-либеральным концепциям «Града», к его относительно национальной толерантности, постоянным апелляциям к идеалам гуманизма и справедливости, демократической, а тем более социалистической фразеологии его идеологов. К этому лагерю можно отнести крайне правые, консервативные, воинственно националистические и радикально-экстремистские фракции и течения, существовавшие по сути дела во всех буржуазных и мелкобуржуазных партиях, и, естественно, открыто фашистские группировки и объединения, активно заявившие о себе в середине 20-х годов.

Чешское фашистское движение, родившееся в недрах национальной демократии и первоначально развивавшееся под крылом ее праворадикальной фракции, не стало массовым и не сумело в эти годы вырваться с политической периферии. Однако уже первый всплеск фашистской волны являлся еще одним показателем наличия симптомов кризиса политической системы, свидетельством того, что определенные круги господствовавших классов видели выход из него в кардинальной смене существовавших форм и методов правления, по их мнению, недостаточно эффективных. Попытки организационно объединить в этих целях правые силы или хотя бы скоординировать

их действия предпринимались неоднократно. Так, массированную кампанию против Э. Бенеша, развернутую в 1925—1926 гг. по закулисной договоренности, вели совместно правые фракции национально-демократической партии (Крамарж — Сис — Главачек), аграрной (Годжа) и национально-социалистической (Стришбрный).

В 1927 г., накануне новых президентских выборов вновь была предпринята попытка сплотить антиградистские силы, включая чешских фашистов (Гайда) и словацких клерикалов (Глинка), вокруг Крамаржа. В самом конце 20-х годов инициативу объединения всех антиградистских сил берет в свои руки правое крыло аграриев. 19 апреля 1929 г. датировано конфиденциальное сообщение информационной службы «Града» о создании аграриями (называются имена заместителя председателя партии, председателя ее парламентского клуба Ф. Станека и главы ее издательского концерна сенатора Й. Враного) специального комитета, располагавшего значительными финансовыми средствами, «задачей которого должна была стать организованная кампания против «Града», прежде всего против Э. Бенеша. «Он должен, по-видимому, — отмечалось в информации, — действовать так же, как «Град»: во всех партиях, редакциях, различных политических группировках должны быть привлечены люди, которые бы обеспечивали сбор информации и всеми способами парализовали бы влияние «Града». Речь идет не только о кампании в печати, а о политической в самом широком смысле... Не идет речь также лишь о кампании, связанной с нынешней ситуацией или с предстоящими выборами — цель состоит в том, чтобы раз и навсегда покончить с Э. Бенешем как возможным президентом республики...»⁷⁵.

Все эти попытки, однако, оказались тогда малоуспешными. Вплоть до конца 20-х годов общая тенденция к реакции, характерная для правящего класса республики, усилия части его круто свернуть на путь открыто авторитарных методов правления не привели к кардинальным изменениям формы существовавшего режима, хотя из недр антиградистского лагеря, и не только из уст главного претендента на роль его идеолога и руководителя К. Крамаржа, в эти годы не раз раздавались призывы к ревизии конституции, ликвидации парламента, установлению диктатуры «правительства сильной руки». Важно и существенно, однако, то, что идейная и практическо-политическая эволюция вправо была характерна и для возглавляемого «Градом» так называемого демократического центра, объединявшего буржуазно-либеральные, мелкобуржуазные и социал-реформистские силы.

Политическая система буржуазной демократии в Чехословакии с ее неустойчивой, шаг за шагом деформировавшейся структурой механизма политической власти, постепенной, «ползучей» деградацией представительных учреждений, реальным утверждением всевластия узких, закулисных, элитарных или олигархических группировок, не только фактическим, но формально-юридическим сужением политических прав и свобод и ограничением социально-экономических завоеваний трудящихся отражала в своей трансформации основные, сущностные тенденции империалистической, кризисной стадии развития капиталистического общества.

Реакционным устремлениям господствовавших классов и их политических представителей противостояло стремление самых широких слоев народа, организованного рабочего движения, и прежде всего его коммунистического авангарда, всегда игравшего существенную роль в политической жизни республики, к защите демократии, ее последовательному расширению и углублению. Коммунистическая партия Чехословакии вопреки сопротивлению и колебаниям реформистских лидеров, преодолевая пассивность и сомнения демократических элементов в буржуазном лагере, настойчиво боролась за консолидацию сил, способных сковать действия внутренней реакции.

Именно все это и вызывало у наиболее дальновидной части господствовавшего класса серьезные опасения, что переход к более или менее авторитарным формам правления может стать толчком к крушению всей общественно-политической системы. В течение 20-х годов в чешской национальной среде, внутри господствовавшей нации государства фашизм не смог проложить путей к народным массам, мобилизовать их в своих интересах, повести их за собой. Кроме того, в многонациональной Чехословакии, прежде всего из-за свойственной всем национальным разновидностям фашизма шовинистической нетерпимости, разнообразные фашистские и профашистские организации не смогли объединиться в общегосударственном масштабе. Поэтому в эти годы и различные влиятельные группировки правящего класса считались с ним лишь в ограниченной степени, как с потенциальной ударной силой в борьбе с революционным движением, а также со своими политическими и инонациональными конкурентами. Правозэкстремистские и фашистские силы не сумели использовать растущее недовольство пороками системы, чтобы выступить на авансцену политической жизни республики и круто сместить ось всей ее политической жизни.

Режим буржуазной демократии в определенной мере и до известного времени удовлетворял главные группировки прежде всего господствовавшей чешской буржуазии, ибо, несмотря на имевшиеся экономические и политические противоречия между ними, обеспечивал их национальную гегемонию и защиту главных, общеклассовых интересов. «Град» достаточно умело манипулировал в этих целях демократическими устремлениями масс. Действительная, относительно самостоятельная политическая роль «Града» становилась наиболее значительной тогда, когда вырисовывалось известное равновесие сил между противоборствовавшими группировками внутри господствовавшего класса и его союзников, и каждая из них стремилась использовать в своих целях и внешнеполитические связи «Града», и его влияние на массовые политические партии, прежде всего национально-социалистическую и социал-демократическую. Возрастало его политическое значение в глазах буржуазии, когда в результате активизации революционных сил под серьезной угрозой оказывалось ее господство как класса.

Кризисные явления в политической системе буржуазной Чехословакии были порождены общими закономерностями развития и функционирования политической системы капитализма при ее воз-

росшей нестабильности и неустойчивости как целого. Особенности их развития, формы их проявления, степень, в которой они захватывали те или иные ее составные элементы и сферы, предопределялись конкретными условиями внутренней и международной обстановки, складывавшимися в течение первого десятилетия существования республики.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И КРИЗИСА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ

Распад Австро-Венгрии, являвшийся следствием поражения блока Центральных держав в первой мировой войне и результатом огромного революционизирующего воздействия Великой Октябрьской социалистической революции на судьбы народов Европы в первую очередь и всего мира в целом, привел к образованию на развалинах «лоскутной монархии» ряда самостоятельных буржуазных национальных и многонациональных государств. В их числе было Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия), образованное путем объединения разнородных частей — самостоятельных королевств Сербия и Черногория и югославянских провинций Австро-Венгрии¹, обладавших различными политическими и государственно-правовыми традициями и опытом, находившихся на разных уровнях социально-экономического и культурного развития, занимавших неодинаковое положение в международных отношениях. Все эти обстоятельства не могли не оказать влияния на процесс становления государственного устройства Королевства СХС, формирование и функционирование как его политической системы в целом, так и ее отдельных элементов².

Не имея возможности здесь рассмотреть все стороны развития политической системы в период существования Королевства СХС как конституционной монархии, остановимся лишь на отдельных аспектах становления и кризиса представительной системы, сосредоточив внимание на взаимоотношениях между институтом монархии и парламентом.

К началу первой мировой войны движение за национальное освобождение заняло центральное место в политической жизни югославянских народов Австро-венгерской монархии. В силу ряда причин (малочисленность отдельных наций, их разделенность в государственном плане, угроза империалистической экспансии со стороны мощных соседей — Австро-Венгрии и Италии, родственность в этнокультурном и языковом отношении и др.) национально-освободительное движение югославянских народов вылилось в движение за их объединение в единое (по существу многонациональное) государство, за объединение югославянских провинций монархии с уже добивши-

мися самостоятельности Сербией и Черногорией. В рамках этого единого национально-объединительного движения, естественно, существовали большие или меньшие различия во взглядах на характер и форму устройства будущего государства (монархия или республика, централизованное государство или федерация и т. п.). Однако было ясно, что окончательный его облик будет зависеть от соотношения политических сил, участвовавших в его создании, и в огромной мере от обстановки на мировой арене. К моменту, когда вопрос об объединении югославянских народов вступил в фазу реализации, что стало возможным с началом первой мировой войны, в нем достаточно четко сформировались два течения, две концепции устройства будущего государства — монархически-централистская и федералистская (в рамках последней имелись сторонники монархии и приверженцы республики). Эти две концепции отражали интересы национальной буржуазии различных частей тяготевшего к объединению «югославянского этнического ареала».

Так, сербская буржуазия, интересы которой выражали радикальная партия и королевская династия Карагеоргиевичей, длительное время представляла себе будущее югославянское государство как «Великую Сербию», к которой в результате победы Антанты над Центральными державами должны быть присоединены все населенные сербами территории Австро-Венгрии³. Позднее эта программа трансформировалась в программу объединения с Сербией всех югославянских провинций (с включением хорватских и словенских земель⁴) и присоединения к объединенному государству и Черногории. Одним из главных постулатов этой программы было перенесение сложившейся в Сербии системы власти (конституционная монархия и централизованное управление) на новое объединенное государство.

Идеологическим обоснованием этой концепции служила теория единого «трехименного сербо-хорвато-словенского народа» (или одной нации, разделенной на три «племени»)*. В годы войны эта теория предназначалась преимущественно для внешнеполитических целей, т. е. для обоснования в глазах правительств и общественности государств Антанты и США необходимости «воссоединения разрозненных частей одного народа»⁵. После образования объединенного югославского государства она стала краеугольным камнем при создании жесткой централизованной политической системы, отрицавшей историческую и национальную самобытность несербских народов.

Выразителем стремлений хорватской и словенской буржуазии к объединению с Сербией стал Югославянский комитет, созданный в 1915 г. в Лондоне группой политических эмигрантов из югославянских земель Австро-Венгрии.

Согласно концепции Югославянского комитета, будущее объединенное государство — Югославия — должно было стать во многом совершенно новым государством, составные части которого в значительной мере должны были сохранить свои национальные и истори-

* При этом отрицалось существование каких-либо других югославянских наций и национальностей.

ческие особенности. И хотя в основе борьбы за создание Югославии, которую вел Югославянский комитет, лежала та же самая теория «трехименного народа сербов-хорватов-словенцев», деятели этого комитета вкладывали в нее иное содержание, нежели сторонники великосербской концепции, но по тактическим соображениям они избегали дискуссий по этому вопросу, откладывая их до тех пор, пока не будет достигнута главная цель — объединение.

Понимая, что эта цель может быть реализована лишь в результате военного разгрома Австро-Венгрии, и учитывая место и роль Сербии среди государств — союзников Антанты, руководители Югославянского комитета должны были считаться с основными положениями сербской концепции объединения и в первую очередь — с монархическим принципом государственного устройства будущей Югославии*. В целом концепция Югославянского комитета, хотя она и не была достаточно четко и последовательно разработана, предусматривала значительные элементы федеративного устройства⁶.

В рядах сторонников Югославянского комитета, а также в прогрессивных кругах сербской общественности имелось и республиканское течение, но оно было пока весьма слабым и почти не имело возможностей для пропаганды своих взглядов.

Великосербская и югославистская концепции будущего объединенного государства пришли в столкновение на Корфской конференции 1917 г., в ходе которой делегации Югославянского комитета пришлось во многом уступить делегации Сербии. Делегации согласились, что большинство вопросов политического устройства объединенного государства должно решить Конституционное собрание, которое будет создано сразу же после объединения⁷.

В результате острых разногласий, возникших между участниками конференции как по социально-экономическим (аграрная реформа), так и по государственно-политическим вопросам (централизм или автономия национальных земель, порядок выборов в Конституционное собрание и др.), в Декларации конференции эти моменты были опущены или сформулированы в самом общем виде. Лишь наиболее полно и недвусмысленно утверждался монархический принцип будущего государства:

«I. Государство сербов, хорватов и словенцев... будет свободным, независимым королевством с единой территорией и единым гражданством. Оно будет конституционной, демократической и парламентарной монархией во главе с династией Карагеоргиевичей...».

В пункте 13, касавшемся будущей конституции, хотя и провозглашалось, что «Конституция, которую после заключения мира примет Учредительное собрание... будет основой всей государственной жизни, источником и средоточием всех властей и прав, и ею будет регламентирована вся жизнь государства», тем не менее было под-

* Ни премьер-министр сербского правительства Н. Пашич, ни принц-регент Александр Карагеоргиевич так и не дали своего согласия на новое название государства: «Югославия». Результатом компромисса было принятие неуклюжего по форме и неточного по содержанию названия: «Королевство сербов, хорватов и словенцев».

черкнуто, что она, как и другие законы, вступит в силу после того, как ее санкционирует король⁸.

Итак, в Корфской декларации, являвшейся первым государственно-правовым актом, предопределявшим (правда, в самых общих чертах) государственное устройство будущей Югославии, были заложены его главные принципы — конституционная монархия с верховным правом короля санкционировать законы государства и в том числе его основной закон — Конституцию. Таким образом, уже на этом этапе, т. е. до фактического создания объединенного государства, сторонники федералистской концепции, в рамках которой могла иметь место и республиканская форма государственного устройства, потерпели серьезное поражение.

Югославянский комитет вынужден был пойти на уступки настояниям сербского правительства по многим причинам. Так, в отличие от Сербии, которая имела статус союзного государства и обладала значительным международным авторитетом как первая жертва агрессии австро-германского империализма, Югославянский комитет был лишь неофициальной общественной организацией эмигрантов из одной из «вражеских» стран, и долгое время руководители стран Антанты его попросту не замечали. Поэтому руководство Комитета возлагало главные надежды при решении судебных представляемых им народов на тесный союз с Сербией, активно действовавшей на международной арене в пользу объединения. Большую тревогу у Комитета вызывали притязания итальянского империализма на обширные земли, населенные хорватами и словенцами, которые были обещаны Италии Антантой по секретному Лондонскому договору 1915 г. Эта тревога еще больше возросла после того, как и премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж (5 января 1918 г.), и президент США В. Вильсон (8 января 1918 г.) открыто заявили, что в их планы не входит раздробление Австро-Венгрии, что славянским народам, входящим в ее состав, должна быть предоставлена лишь «разумная» автономия. Сербии же, как и Черногории, были обещаны восстановление суверенитета и территориальной целостности с известными приращениями, дающими выход к морю⁹.

Руководство Югославянского комитета прекрасно понимало, что в случае нарушения союза с Сербией хорватские и словенские земли могли либо остаться в составе Австро-Венгрии, либо попасть под итальянское владычество. Все это толкало сторонников югославистской концепции на уступки сербскому правительству в вопросах социально-экономического и государственно-политического устройства будущего объединенного государства или по крайней мере заставляло не устраивать дискуссий по этим вопросам, пока не будет достигнуто объединение, что они и делали.

Следует иметь в виду, что создатель концепции «Великой Сербии» и главное действующее лицо в борьбе за претворение ее в жизнь премьер-министр и министр иностранных дел сербского правительства Никола Пашич большей частью считался с мнением Югославянского комитета лишь постольку, поскольку оно соответствовало внешнеполитическим планам Сербии, содействовало их осуществ-

влению. Длительное время его «программой-минимум» было лишь объединение «всего сербства», что не предусматривало присоединения хорватских и словенских земель. Нередко со свойственной ему прямолинейностью и настойчивостью Н. Пашич давал понять Югославянскому комитету, что при неблагоприятном повороте международной обстановки Сербия ограничится выполнением только этой задачи¹⁰.

Слабость позиций сторонников федералистского устройства по сравнению с «централистами» проявилась и в акте провозглашения образования государства сербов, хорватов и словенцев, состоявшемся после окончания первой мировой войны 1 декабря 1918 г.*

Напомним кратко о важнейших событиях, предшествовавших этому акту.

Под могучим революционизирующим воздействием Великой Октябрьской социалистической революции истощенная и обескровленная войной, раздираемая социальными и национальными противоречиями Австро-Венгрия с весны 1918 г. вступила в полосу непрерывно растущего хаоса в экономике, в состояние глубокого политического кризиса. Резко усилилось антивоенное движение обездоленных трудящихся масс, разваливалась армия — оплот деспотического режима: массовые размеры приняло дезертирство. Несмотря на суровые законы военного времени, ширилось забастовочное движение рабочих. Так, в январе 1918 г. монархию потрясла всеобщая политическая забастовка пролетариата, охватившая около 700 тыс. рабочих всех национальностей, в ходе которой создавались стачечные комитеты и рабочие Советы. Непосредственными откликами на пролетарскую революцию в России было восстание моряков австро-венгерского флота, расположенного в Которской бухте, матросские волнения на военно-морской базе в Пуле¹¹. В июне забастовки вновь прокатились по всем землям Австро-Венгрии, что дало основание В. И. Ленину назвать их прологом социальной революции¹².

Летом и осенью 1918 г. в югославянских землях монархии имели место сильные крестьянские волнения, сопровождавшиеся столкновениями с полицией, поджогом помещичьих имений и самовольным разделом земли, провозглашением в ряде мест Воеводины и Славонии «советских» или «крестьянских» республик¹³.

В условиях подъема антивоенного и социального движения трудящихся и непрерывно нараставшего ослабления и распада государственного механизма Габсбургской монархии руководящие политические силы национальной буржуазии югославянских земель внутри страны, еще в 1917 г. отстаивавшие целостность монархии и выступавшие за ее переустройство в австро-славистском духе, переходят на позиции более радикального решения национального вопроса, видя в этом одновременно одно из главных средств направить движение масс по более безопасному для себя руслу борьбы за узконациональные требования. Процесс концентрации сил национальной бур-

* В югославскую литературу это событие вошло как «перводекабрьский акт объединения».

жуазии проявился, в частности, в создании объединений политических партий отдельных национальных земель, образовании «национальных комитетов» или «народных советов», постепенно превращавшихся в органы власти. В югославянских землях таким органом стало созданное в Загребе в начале октября 1918 г. Народное вече словенцев, хорватов и сербов, объединившее представителей местных буржуазных партий и деятелей правой социал-демократии. Его главными задачами были захват власти в момент окончательного распада Австро-Венгрии и предотвращение нараставшей народной революции. 29 октября 1918 г. оно провозгласило отделение всех югославянских земель от Австро-Венгрии и создание суверенного Государства словенцев, хорватов и сербов¹⁴.

Двухмесячная деятельность Народного вече со всей отчетливостью показывает, что оно было органом классового господства сербо-хорвато-словенской буржуазии, причем в обстановке ломки австро-венгерской системы власти в югославянских землях. Народное вече соединяло в себе как законодательные (парламент), так и исполнительные функции. Роль правительства исполнял Центральный комитет (Средишни одбор) вече. При этом прекратил свое существование национальный хорватский парламент — Хорватский сабор, признавший на своем заседании, на котором была оглашена Декларация об отложении югославянских земель от Австро-Венгрии, Народное вече хорватов, словенцев и сербов верховным органом власти в новообразованном Государстве СХС (хотя формального решения о роспуске сабора или его самоликвидации принято не было)¹⁵. Этот факт способствовал значительному ослаблению сторонников югославянской концепции, имевших сильные позиции именно в Хорватском саборе.

Буржуазный контрреволюционный характер Народного вече проявился как в страхе составлявших его политических сил перед размахом революционного движения, так и в попытках подавить вооруженным путем возникавшие в ходе этого движения очаги новой революционной власти. Слабость и неспособность национальной буржуазии справиться с движением масс заставили ее в спешном порядке добиваться объединения Государства СХС с Сербией, располагавшей вооруженными силами*, а также призвать на помощь войска Англии, Франции и США¹⁶.

Торопиться с объединением руководителей Народного вече и Югославянский комитет в Лондоне заставляла также политика грубого нажима, проводившаяся Н. Пашичем, давшим понять, что в случае затяжки сербское правительство ограничится «освобождением» (т. е. оккупацией) одних сербских областей и образованием «Великой Сербии». Так, в циркулярном письме главам сербских дипломатических представительств он распорядился добиваться у правительств Антанты удовлетворения лишь минимальных требований Сербии, что, естественно, немедленно стало известно Югославянскому комитету и Народному вечу Государства словенцев, хорватов и сербов¹⁷.

* 15—16 сентября был прорван Салоникский фронт, 1 ноября передовые части сербской армии вступили в Белград.

В начале ноября 1918 г. австро-венгерская армия переживала агонию: ее войска, подобно русской армии в 1917 г., «голосовали ногами» за мир, за прекращение чудовищной бойни, фронт развалился, и войска Антанты вступили на территорию Государства СХС; фактически началась итальянская оккупация словенских и хорватских земель, вызвавшая огромную тревогу и многочисленные протесты Народного веча, которое не располагало ни реальными силами для ее предотвращения, ни государственно-правовым статусом, способным обеспечить неприкосновенность его территории. Единственным выходом из критической ситуации было спешное объединение с Сербией.

К тому времени наступили некоторые изменения в позиции отдельных западных держав по отношению к югославянскому вопросу, в частности Франции, имевшей большое влияние как на сербское правительство, так и на принца-регента Александра; с целью сохранения этого влияния и в будущем и в расчете на привлечение оставшихся в России контингентов югославянских добровольческих войск к борьбе против Советской власти французское правительство решило поддержать создание объединенного югославянского государства и оказало давление как на правительство Сербии, так и на Югославянский комитет, обусловив свою поддержку необходимостью достижения соглашения между ними¹⁸.

Такое соглашение было достигнуто на Женевской конференции, состоявшейся 6—9 ноября 1918 г. при участии делегаций сербского правительства, сербской народной скупщины, Югославянского комитета и Народного веча словенцев, хорватов и сербов и принявшей декларацию об объединении Королевства Сербии и Государства СХС, в которой была выражена уверенность, что к ним присоединится и Черногория.

Женевская декларация во многом опиралась на Корфскую декларацию, в частности в разделе о будущем устройстве объединенного государства (созыв Учредительного собрания, выработка Конституции и др.). При этом, однако, она не содержала главного положения Корфской декларации, а именно пункта о монархической форме устройства создаваемого государства. Соотношение сил на Женевской конференции оказалось таким, что Н. Пашичу пришлось уступить по ряду вопросов. Так, декларацией было зафиксировано наличие двух самостоятельных и, следовательно, равноправных центров власти — сербского правительства и Народного веча СХС, каждый из которых обладал суверенной властью над своей территорией. Для осуществления некоторых общих функций (внешние сношения, руководство армией и флотом, подготовка к выборам в Учредительное собрание, торговля и транспорт и ряд других) будет создано правительство; членов этого правительства назначат на паритетных началах правительство Сербии и Народное вече, причем министры от Сербии должны будут присягать своему королю, а министры от Государства СХС — Народному вчу¹⁹. В целом Женевская декларация носила вполне определенный характер двустороннего договора равноправных партнеров, что открывало перспективы для федералист-

ского устройства будущего объединенного государства, поскольку вопрос об окончательном его устройстве вплоть до формы правления она оставляла на решение Учредительного собрания.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что принц-регент Александр отказался ратифицировать Женевскую декларацию. К тому же окончательное решение было за правительствами Антанты и США, не спешившими с признанием права югославянских народов на объединение с Сербией и Черногорией и изменившими свою позицию лишь после революций в Германии и Австро-Венгрии и завершения войны.

Во время дебатов в Народном вече по поводу процедуры объединения столкнулись две позиции — централистско-монархическая (подавляющее большинство буржуазных партий и группировок, а также социал-демократы) и республиканско-федералистская (Хорватская крестьянская партия, Хорватская партия права и некоторые другие). При этом федералисты предлагали не торопиться. Их главным тезисом было требование сохранения «исторической государственно-правовой индивидуальности Хорватии». Между тем и те, и другие были едины в необходимости принятия самых срочных и решительных мер против «нарушителей порядка», «бунтовщиков», «поджигателей» и «бандитов», т. е. против движения народных низов, принимавшего все более угрожающие размеры. Введение на территорию Государства СХС во второй половине ноября сербских, французских, английских и американских войск позволило справиться с революционным движением²⁰. Необходимо подчеркнуть, что во всей деятельности Народного веча СХС и его президиума вопросы социально-экономического порядка, а также вопросы улучшения положения широких народных масс, доведенных до отчаяния голодом, разорением экономики, безудержной дороговизной и пр., вообще не фигурировали. Центральным и по существу единственным вопросом, обсуждавшимся в долгих и подчас бурных дебатах этого буржуазно-национального органа, был вопрос национальный.

Сложившаяся обстановка, и в частности провал Женевской декларации, толкала Народное вече на прямые переговоры Загреб — Белград, на чем настаивали как сторонники централистского устройства в рядах Народного веча, так и прибывшие в Загреб представители сербского правительства. В конце концов 24 ноября 1918 г. Народное вече приняло решение об объединении Государства СХС с Сербией и Черногорией; в Белград была направлена делегация, уполномоченная претворить это решение в жизнь, действуя в согласии с сербским правительством²¹. Торжественная церемония — зачитание «Адреса Народного веча» и ответная речь регента Александра, — состоявшаяся в Белграде 1 декабря 1918 г., выполнила функцию важнейшего конституционного акта, которым формально-юридически провозглашалось возникновение нового государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев²².

Акт от 1 декабря и по форме, и по содержанию был серьезным поражением не только республиканского, но и федералистского (югославистского) течений. Так, в «Адресе» сообщалось о выраженном в

решении Народного веча желаний, чтобы власть правителя (т. е. монарха) над всей территорией отныне объединенного государства сербов, хорватов и словенцев осуществлял сербский король (соответственно действующий от его имени принц-регент) и чтобы по договоренности с сербским правительством и всеми политическими партиями в Сербии и Черногории было создано единое правительство при едином народном представительстве. Это центральное положение «Адреса», с одной стороны, предопределяло монархическую форму правления, с другой — обходило молчанием проблему автономии национальных областей, что в основном отвечало интересам сторонников централистской концепции.

По своей форме акт от 1 декабря не был договором равноправных сторон. В ответной речи Александр в одностороннем порядке провозгласил объединение Сербии с землями независимого Государства СХС, присвоив себе, таким образом, верховную законодательную власть, в силу чего этот акт не подлежал ратификации. При этом Александр нарушил Конституцию Сербии от 1903 г., не дававшую монарху прерогатив подобного рода. Авторитарно выступив в роли освободителя и объединителя всех югославянских земель, Александр предопределил место монархии в политической системе созданного «перводекабрьским актом объединения» югославянского государства, лишив будущее Учредительное собрание возможности вообще обсуждать вопрос о его государственном устройстве²³.

Важнейшей задачей активных политических сил, добившихся осуществления объединения, было построение адекватной новым условиям политической системы государства, общий облик и основные составные элементы которой уже определились в процессе предшествовавшего развития: Королевство сербов, хорватов и словенцев, исходя из решений Корфской и Женевской конференций и духа и буквы «перводекабрьского акта объединения», конституировалось как парламентская (конституционная) монархия, т. е. как одна из форм буржуазно-демократической политической системы, в которой формально законодательную власть осуществляет парламент, а исполнительную — ответственное перед ним правительство, в то время как институт монархии наделен определенными прерогативами и в той, и в другой области (разделяя с парламентом законодательную и с правительством — исполнительную власть). В конкретно-исторических условиях той или иной страны влияние института монархии в политической системе государства может быть либо сведено до минимума («король правит, но не управляет»), либо возрасти до размеров режима «личной власти» при сохранении внешних атрибутов буржуазного парламентаризма²⁴.

Важнейшей особенностью, глубинной сущностью кризиса буржуазно-парламентской политической системы объединенного югославянского государства было, на наш взгляд, постоянное расширение прерогатив монархии при одновременном ограничении прав парламента. Объяснялось это тем, что в условиях мощного подъема революционного рабочего, аграрно-крестьянского и буржуазно-национального движений пришедшая к власти великосербская буржуазия ви-

дела единственную возможность для сохранения своего господства во внепарламентских методах подавления борьбы масс при опоре на монархию. В сложившейся системе монарх — парламент — правительство парламент оказался самым слабым звеном в первую очередь потому, что именно в нем развернулась наиболее ожесточенная борьба, между потерпевшими серьезное поражение при объединении сторонниками федералистской концепции и победившими централистами. В этой борьбе каждая из противоборствующих политических сил стремилась опереться на «второй конституционный фактор» (как часто в то время называли монархию), что позволяло ей присваивать все больше прав, формально принадлежавших парламенту.

Это проявилось сразу же после 1 декабря 1918 г. при создании первых органов власти Королевства СХС. Так, когда регенту Александру был представлен состав первого общегославского правительства, составленного из представителей всех политических партий и групп (за исключением федералистов и республиканцев) во главе с Н. Пашичем, он категорически отказался утвердить Пашича в качестве премьер-министра, в результате чего премьером стал С. Протич (заместитель Пашича по радикальной партии), а Пашич был направлен в Париж для участия в мирной конференции²⁵. Этим поступком Александр присвоил себе право «выбирать» удобного ему премьера и этим правом он неизменно пользовался и позднее, самовластно призывая к власти и смещая правительства, создавая правительственные кризисы и т. п. в обход парламента, сужая таким образом его права и расширяя права короны.

Тенденция к автократии сочеталась в личности и политических взглядах Александра с крайним сербским национализмом, который он старался открыто не обнаруживать, но исходя из которого оказывал все возрастающее влияние на оформление политической системы новосозданного многонационального государства. Идеологическим обоснованием необходимости централизованного государственного устройства служила прежняя теория единого «трехименного» народа, приспособленная в новых условиях к интересам сербской буржуазии, стремившейся занять командные высоты на всех уровнях и в первую очередь в политической сфере.

Так, уже в первом правительстве С. Протича из 20 министров было 13 сербов, 4 хорвата, 2 словенца и 1 боснийский мусульманин, на что немедленно обратили внимание широкие круги общественности, в первую очередь в Хорватии²⁶.

Для придания большего веса «перводекабрьскому акту» по канонам конституционной монархии 29 декабря 1918 г. Сербская народная скупщина ратифицировала его, хотя, как отмечают югославские исследователи, с формально-юридической стороны она таких прав не имела, ибо ее функции прекратились 1 декабря с созданием нового государства. Одновременно распоряжением министра внутренних дел (которым в первом правительстве стал один из наиболее активных проводников централистского устройства, крупный сербский политический деятель из Хорватии Светозар Прибичевич) днем раньше, 28 декабря, было объявлено о роспуске Народного вече СХС,

а Хорватскому сабору, выразившему желание от имени хорватского народа обсудить акт объединения, в этом было отказано, несомненно, из боязни, что в нем получат широкое отражение как федералистские и республиканские концепции, так и недовольство складывающимся положением²⁷. Тем самым несербские политические структуры с самых первых дней существования объединенного государства оказались в неравноправном, ущемленном положении. Поскольку среди них наибольшим политическим опытом обладали хорватские буржуазные и мелкобуржуазные партии и организации, в рядах которых значительное место занимали федералистское и республиканское течения (вплоть до крайнего сепаратизма), главной осью внутренней политической борьбы во все последующие годы стал «хорватский вопрос».

О значении «хорватского вопроса», точнее говоря, сербо-хорватских противоречий в политической жизни Югославии, в том числе в первое десятилетие ее существования, имеется обширнейшая литература, и место и роль этих противоречий в развитии острого кризиса югославской буржуазной политической системы выяснены с достаточной полнотой. Между тем несомненный интерес представляет рассмотрение роли и места противоречия «король — парламент», и не столько с точки зрения формально-юридического положения короны в конкретной политической системе конституционной монархии, сложившейся в результате образования объединенного югославянского государства, сколько выяснение ее реальных прав, многие из которых были ею фактически узурпированы в условиях «переходного периода», во время становления новой политической системы, когда, как справедливо отмечал Ф. Чулинович, «факт предшествовал праву»²⁸.

Мы уже видели, что в «перводекабрьском акте объединения» принц-регент Александр де-факто выступил в роли высшей инстанции, санкционировавшей объединение, а не как одна из равноправных сторон, что придало этому акту «надконституционный» характер и тем самым практически снимало вопрос о самой возможности дискуссии в Учредительном собрании относительно формы государственного устройства страны.

Эта роль монархии закрепилась и усилилась путем установления процедуры утверждения правительства и депутатов первоначально сформированного без выборов так называемого Временного народного представительства, а затем и Учредительного собрания, избранного на основании в спешном порядке изданного Закона о выборах. Члены представительства и депутаты могли приступить к своим обязанностям лишь после принесения присяги королю²⁹, который, таким образом, еще до начала работы Учредительного собрания и принятия Конституции имел большие возможности оказывать прямое влияние на состав правительства (увольнять в отставку одного премьер-министра и поручать формирование правительства другому*)

* Так, например, причинами отказа Александра назначить Н. Пашича главой первого правительства Королевства СХС были его недовольство результа-

и косвенное — на состав парламента (для представителей партий, отстаивавших республиканские принципы, вопрос присяги королю представлял большие трудности).

Еще одной из важных прерогатив короны в переходный период до созыва Конституционного собрания стало право издания указов, имевших силу закона и подлежавших позднее утверждению со стороны парламента. Эти указы, регламентировавшие различные аспекты политической и социально-экономической жизни страны, ее административное устройство и т. д., разрабатывались правительством и вступали в силу после подписания их королем и опубликования в официальном вестнике правительства «Службене новине»; они становились одним из главных инструментов осуществления диктатуры буржуазии внепарламентским путем*.

Особенно наглядно это проявилось при разработке мер по подавлению борьбы трудящихся масс за свои политические права, за улучшение социального и экономического положения рабочего класса, завершившихся изданием в 1921 г. антикоммунистического «Закона о защите общественной безопасности и порядка в государстве». Как убедительно показал югославский исследователь Б. Глигориевич, вся работа по подготовке к принятию этого закона проходила с многочисленными нарушениями общепризнанных норм буржуазного права³⁰. Первым антикоммунистическим, антирабочим актом стала печально знаменитая «Обзнана» — распоряжение министра внутренних дел об увольнении всех коммунистов с государственной службы, о запрещении деятельности рабочих домов, конфискации их имущества и т. д., обнародованное в виде афиш 30 декабря 1920 г. Этот акт не только не прошел через парламента, но и не имел подписи короля, равно как и не был опубликован в «Службених новинах»³¹. Поэтому правительство стремилось получить согласие парламента на то, чтобы изданные с 1 декабря 1918 г. указы (за подписью короля), имевшие временный характер, получили силу закона. Это было пужно правительству в первую очередь для принятия таким путем антикоммунистического закона о защите государства в связи с огромным размахом революционного рабочего движения под руководством созданной в 1919 г. Коммунистической партии, угрожавшим господству буржуазии³². Однако на первых порах (в 1920 — первой половине 1921 г.) усилия правительства в этой области встретили сопротивление даже в кругах буржуазных партий, представленных в парламенте, справедливо увидевших в предоставлении королю и правительству таких прав прямой шаг к диктатуре, отрицание буржуазного парламентаризма³³. (Эти опасения подтвердились, и принятый в августе

тами Женевской конференции и желание единолично пожать лавры объединения, огромные заслуги в достижении которого признавали за Н. Пашичем как в стране, так и за рубежом.

* За период существования Временного народного представительства оно утвердило лишь около десятка законов, в то время как было издано 748 подписанных королем правительственных указов. См.: *Gligorijević B. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919—1929)*. Beograd, 1979, s. 61.

1921 г. антикоммунистический «Закон о защите государства» позднее был применен, в частности, и против Хорватской республиканской крестьянской партии³⁴.) С помощью прямой фальсификации ст. 130 Конституции (ее формулировка была изменена без обсуждения за день до голосования Конституции в Учредительном собрании) правительству удалось добиться того, чтобы правительственные указы с подписью короля становились законами «впредь до их отмены или изменения», т. е. практически на неограниченное время³⁵. Таким образом, институт монархии (при огромной зависимости правительства от него) получил одну из важнейших позиций в системе власти, еще больше укреплявшую его положение в отношении парламента.

Так, в течение первых трех лет существования объединенного югославянского государства, на протяжении которых формировалась его политическая система, институт монархии занял в системе высших органов государственной власти фактически доминирующее положение, нашедшее отражение и в Конституции, принятой на Видов день (28 июня) 1921 г. и получившей в связи с этим название Видовданской конституции.

«Сербо-хорвато-словенское государство, — говорилось в ст. 1 Конституции, — есть конституционная, парламентская и наследственная монархия. Официальное название государства: Королевство сербов, хорватов и словенцев»³⁶.

Между тем анализ статей Конституции, определявших права короля, убедительно показывает подчиненное положение парламента по отношению к институту королевской власти.

Согласно Конституции, король осуществлял законодательную власть совместно с народной скупщиной (ст. 46). Однако если учесть, что ему принадлежало высшее право санкционирования законов, принятых парламентом, и право «вето» в скрытой форме (право отказа подписать негодный ему закон), а также то, что именно он провозглашал новый закон, без чего тот не мог вступить в силу (ст. 80), prerogативы короля ставили его фактически над парламентом. Согласно Конституции, король созывает сессию парламента, лично открывает и закрывает ее. Ему принадлежит право роспуска парламента и назначения новых выборов (ст. 52).

В соответствии со ст. 47 королю принадлежала исполнительная власть, которую он осуществлял «через посредство ответственных министров», и хотя министры были «ответственны перед королем и народной скупщиной» (ст. 91), их зависимость от короля подчеркивалась тем, что совет министров непосредственно подчинялся королю, который назначал и его председателя, и всех его членов (ст. 90). «Перед вступлением в исполнение своих обязанностей министры приносят присягу на верность королю и конституции» (ст. 90).

Единоличной prerogативой короля было ведение внешних сношений и руководство военными делами (король — главнокомандующий вооруженными силами). Ему принадлежало право назначать и сменять судей, объявлять амнистию и т. п. (ст. 50). Наконец, личность короля объявлялась неприкосновенной. Его нельзя было при-

влекать к ответственности за что-либо, против него не могло быть выдвинуто никаких обвинений (ст. 55).

Последующая практика политической жизни Королевства СХС показала, что записанные в Конституции права монарха активно им использовались, в то время как prerogative парламента в огромной степени были декларативными, по существу фиктивными. Достаточно сказать, что из 23 правительств, словно в калейдоскопе сменявших друг друга за период с 1918 по 1929 г., 21 правительство было отстранено в результате вмешательства королевского двора³⁷.

Оказавшись с первых дней рождения объединенного югославянского государства перед лицом мощного революционного рабочего движения, возглавляемого Коммунистической партией, политическая система этого государства вступила в полосу острого кризиса, одним из проявлений которого был кризис парламентаризма. Защищая диктатуру буржуазии, буржуазная политическая система Королевства СХС, облеченная в форму конституционной (парламентской) монархии, в широких масштабах использовала внепарламентские методы подавления революционного, всякого демократического движения, наглядно подтверждая правоту ленинских слов о том, что в условиях капитализма: «Действительное классовое господство лежало и лежит *вне* парламента»³⁸.

Выполнению монархией в новосозданном Королевстве сербов, хорватов и словенцев функций «второго конституционного», а фактически надконституционного фактора способствовали общая неразвитость социально-экономической структуры общества (в связи с поздним переходом от феодализма к капитализму), слабое развитие политической культуры буржуазного общества, отсутствие буржуазно-демократических традиций, дробность политических партий, имевших по существу национальный или региональный характер*, и др. Отличительной чертой политической жизни страны в тот период стала межпартийная борьба за представительство в парламенте и борьба в самом парламенте. Неспособность любой из партий на основе парламентского большинства сформировать однопартийное правительство вынуждала руководство партий заключать предвыборные блоки, коалиции и т. д., что давало короне дополнительную возможность влиять на парламент, назначать и сменять правительства, используя соперничество партий.

С 1920 г. одной из опор двора в течение многих лет была получившая приют в Королевстве СХС белогвардейская армия с Врангелем во главе, которая, сохранив свою структуру, нередко оказывала поддержку правительству и двору, особенно в борьбе против рабочего движения³⁹.

Обострение политической борьбы между централистами и федералистами, возглавляемыми Хорватской республиканской крестьянской партией (ХРКП), выдвинувшей программу создания «миролюбивой Хорватской крестьянской республики», позволяло монархии

* Так, на выборах 1923 г. с самостоятельными списками кандидатов в депутаты выступили 33 политические партии и группы (*Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. Zagreb, 1961, knj. 1, s. 406*).

выступать в роли арбитра в этой борьбе, что еще больше усиливало ее позиции в политической системе.

Стремясь укрепить свое положение, ХРКП вступила в Крестинтерн (1924 г.), что дало повод правительству применить и против нее антикоммунистический закон о защите государства, обвинить партию в антигосударственной деятельности.

Правительственные репрессии, открытое вмешательство двора в предвыборную борьбу не смогли сдержать недовольства народа (особенно в Хорватии) политикой жесткого централизма, и на выборах 1925 г. оппозиция получила 151 мандат из 315, несмотря на многочисленные фальсификации, осуществленные на выборах. В этих условиях ХРКП пошла на резкий поворот в своей политической ориентации: ее представитель П. Радич (брат С. Радича) заявил в скупщине о признании монархии и конституции⁴⁰, дав таким образом понять, что ХРКП отказывается от своего республиканизма и делает ставку на монархию. В этом шаге ХРКП король увидел путь для дальнейшего укрепления своей власти, и вскоре под давлением короля было достигнуто соглашение между руководством радикальной партии и ХРКП, не только отказавшейся от своего курса на федеральное устройство, но и вычеркнувшей слово «республиканская» из своего названия⁴¹.

Результатом поворота ХКП на союз с монархией было освобождение ее лидера С. Радича из тюрьмы и введение его в правительство, образованное двумя партиями (радикалами и ХКП). Верхушечная комбинация не уничтожила глубоких противоречий, существовавших с первых дней Королевства СХС, в том числе и в рядах самого правительства. Королевский двор все чаще вмешивается в дела парламента, по его настоянию одно правительство сменяется другим. Особенно обострилась обстановка в парламенте, в котором после выборов 1927 г. большинство получили радикалы и демократы, в рядах которых, однако, не было полного единства. Оппозиция, возмущенная грубыми методами, применявшимися при выборах, обвиняла правительство в многочисленных нарушениях закона, подлогах и насилиях. 20 июня 1928 г. в накаленной атмосфере скупщины депутат от радикалов П. Радич убил П. Радича и смертельно ранил С. Радича.

Убийство в скупщине обострило положение в стране. Воспользовавшись этим, король 6 января 1929 г. распустил парламент и ввел единоличную диктатуру. Видовданская конституция была отменена, распущены все политические партии, на коммунистов власти обрушили новую волну террора.

Таким образом, в течение десяти лет произошла стремительная эволюция политической системы Югославии, на смену буржуазно-демократическим, парламентарным формам правления пришла крайне реакционная диктатура, означавшая полный разрыв с методами и нормами буржуазной демократии.

Такое развитие было, на наш взгляд, отнюдь не случайным, и корни «Диктатуры 6 января» (под этим названием вошел в историю Югославии период с момента государственного переворота до введения антидемократической октроированной конституции 1931 г.) сле-

дует искать прежде всего и главным образом в расстановке и соотношении политических факторов и сил, активно участвовавших в создании объединенного югославянского государства. Плачевный итог «парламентарного периода» в истории Югославии был по существу «запрограммирован» при ее рождении, как бы изначально предопределялся нерешенностью (и неразрешимостью в условиях диктатуры буржуазии) унаследованных от предыдущего развития проблем, изначальными пороками созданной после объединения политической системы.

ОТ БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА — К РЕЖИМУ «САНАЦИИ»

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала прямое влияние на развитие событий в Польше. Непосредственная близость к России бывшего Королевства Польского с такими его крупными пролетарскими центрами, как Варшава, Лодзь, Домбровский угольно-металлургический район содействовала мощному подъему революционной волны.

Немаловажное значение имело и то, что на этой территории среди польского пролетариата активно действовали две революционные партии рабочего класса — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), которая тесно сотрудничала с ленинской партией большевиков, и Польская социалистическая партия-левица (ППС-левица).

Свыше миллиона поляков во время революционных событий находились в различных промышленных центрах России. Это были рабочие эвакуированных в глубь страны в связи с войной промышленных предприятий, солдаты, мобилизованные в царскую армию, бывшие военнопленные армий Австро-Венгрии и Германии. Тысячи поляков принимали активное участие в вооруженной борьбе за победу социалистической революции и в защите власти Советов в годы гражданской войны и иностранной интервенции. После подписания Брестского мира с Германией эвакуированные поляки стали возвращаться на родину. Многие из них, проникшиеся революционными идеями в процессе участия в борьбе за победу пролетариата, становились в ряды борцов за социальное и национальное освобождение своего народа.

Развитие революционного движения на польских землях шло параллельно с активизацией национально-освободительной борьбы, нараставшей по мере приближения краха угнетавших Польшу австро-венгерской и германской монархических держав, военное поражение которых стало фактом в начале ноября 1918 г.

Октябрьская революция в России создала благоприятные условия для воссоединения польских земель и восстановления независимого польского государства. Ленинский Декрет о мире, принятая на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. Декларация прав на-

родов России и, наконец, Декрет Совнаркома РСФСР от 29 августа 1918 г. об отмене договоров, заключенных русским царизмом с прусской и австрийской монархиями о разделе Польши, — эти исторические документы Советской власти предопределили будущее польского народа, который после долгих лет неволи получил возможность восстановить свою государственность.

Теперь предстояло из трех частей страны, долгое время бывших изолированными друг от друга, создать единый жизнеспособный государственный организм, почти заново восстановить разрушенную войной экономику, возродить национальную культуру. Революционное и национально-освободительное движение почти полностью смело австро-германские оккупационные органы власти. В октябре 1918 г. в состоянии глубокого кризиса оказались и созданные австро-германским военным командованием в Варшаве в соответствии с актом от 5 ноября 1916 г. монархический Регентский совет и сформированное им «правительство».

В ночь с 6 на 7 ноября 1918 г. в оставленном австрийскими войсками Люблине усилиями активизировавшегося руководства Польской социал-демократической партии, действовавшей в Галиции и Тешинской Силезии (ППСД), было сформировано временное так называемое народное правительство во главе с лидером партии И. Дашиньским, в состав которого, кроме социал-демократов, вошли представители ПСЛ-«Вызволене», объединявшей главным образом средние слои деревни, и партии зажиточного крестьянства ПСЛ-«Пяст».

Люблинское правительство объявило о низложении Регентского совета, провозгласило Польскую народную республику. Оно обнародовало манифест, в котором содержалось обещание введения 8-часового рабочего дня, равноправия всех граждан, национализации части церковных земель и майоратов, а также проведения демократических выборов в сейм, который и должен был, по замыслу лидеров партий, вошедших в правительство, осуществить социально-политические реформы.

СДКПиЛ и ППС-левица разоблачали как действительную классовую сущность правительства Дашиньского, так и его попытки обещаниями реформ отвлечь трудящиеся массы от борьбы за установление диктатуры пролетариата и коренные социально-политические преобразования.

Верхи эксплуататорских классов и выражавший их интересы Регентский совет были не на шутку встревожены появлением нового правительства даже во главе с реформистской ППСД. Регентский совет сделал отчаянную попытку удержать власть в своих руках, не допустить дальнейшего развития революционного процесса. Для этого реакции нужна была «сильная личность», пользующаяся достаточным авторитетом, способная на решительные действия и могущая опереться на реальную вооруженную силу. Члены Регентского совета остановили свой выбор на кандидатуре Ю. Пилсудского, находившегося в этот момент в Магдебургской крепости, куда он был заключен германскими властями летом 1917 г. за отказ выполнить приказ командования о нашивке польским легионерам германских знаков от-

личия. Этот выбор вполне устраивал довольно широкие круги польской буржуазии и особенно помещиков — как в Галиции, так и в Центральной Польше. Пилсудскому была обеспечена поддержка и со стороны польских земельных магнатов, имения которых находились на белорусских и украинских территориях, где уже была установлена власть Советов: им были известны планы похода на восток, вынашиваемые Пилсудским с целью захвата этих непольских территорий. На Пилсудского ориентировалось и руководство реформистских партий — ППСД и ППС, за которыми шла и часть мелкобуржуазной интеллигенции и которые зарекомендовали себя как противники социалистической революции.

И, наконец, весьма существенным было то, что Пилсудский уже располагал значительным числом преданных ему офицеров и солдат из бывших легионеров, сражавшихся под его командованием на стороне Австро-Венгрии. Кроме того, сохранились и были готовы к действию созданные Пилсудским для проведения диверсий в тылу русских войск во время мировой войны формирования Польской военной организации (ПОВ), насчитывавшей к концу войны около 25 тыс. человек.

Учитывая все это, Регентский совет принялся хлопотать о быстрейшем возвращении Пилсудского в Варшаву, а после его возвращения (10 ноября 1918 г.) поспешил передать ему не только военную, но и гражданскую власть.

Появление Пилсудского на политической арене в момент, когда разгоралась ожесточенная борьба за власть между партиями и группировками эксплуататорских классов, стремившихся захватить ключевые позиции в возрождаемом государстве, оказало, как увидим, большое влияние на расстановку политических сил в стране.

Одной из важных специфических черт политической жизни Польши было то, что на ее территории действовало множество партий, группировок и групп, имевших различные, в том числе и внешнеполитические ориентации, хотя при этом некоторые из них и носили сходные названия. Все это было результатом расчленения в прошлом польских земель.

Действовавшая на территории бывшего Королевства Польского самая старая и, пожалуй, самая влиятельная буржуазно-помещичья партия — национальная демократия (эндеция) ориентировалась на царскую Россию, ее требования по национальному вопросу ограничивались автономией Королевства Польского в рамках Российской империи. В ходе войны эндеция стала выступать за воссоединение всех польских земель в составе Российской империи на правах автономии.

К эндеции примыкала польская католическая партия — христианская демократия (хадесия), опиравшаяся главным образом на мелкую буржуазию и отсталые слои рабочего класса. Такой же ориентации придерживалась буржуазная Партия реальной политики («реалисты»), Прогрессивная партия и некоторые другие партии и группы, входившие в период германской оккупации Королевства Польского в блок, объединявший «пассивистов» — сторонников пассивного ожидания победы Антанты, — Межпартийное демократическое коло.

К лагерю независимцев принадлежало, кроме ППС-фракции, также ПСЛ-«Вызволене», организации которого имелись и в Галиции.

В Галиции самой влиятельной являлась партия зажиточных и средних крестьян ПСЛ-«Пяст», а в помещичьих кругах группировка консерваторов, объединявшая крупных земельных магнатов и чиновников. В австрийском парламенте эта группировка (Польское коло) занимала сильные позиции. В Галиции также легально действовала реформистская социал-демократическая партия — аналог ППС-фракции. Она опиралась на значительную часть рабочего класса и мелкобуржуазную интеллигенцию.

Все легально действовавшие на территории Галиции политические партии (включая ППСД) в годы первой мировой войны ориентировались на Австро-Венгрию, поддерживали коалицию Центральных держав. Их требования в национальном вопросе ограничивались предоставлением автономии Польше в составе Австро-Венгрии.

Поражение Австро-Венгрии и Германии в войне вызвало вначале замешательство, а затем переориентацию политических буржуазно-помещичьих партий Галиции на Антанту и замену ими лозунга автономии требованием восстановления польского государства с конституционно-монархическим строем.

Победа Октябрьской социалистической революции вынудила и державы Антанты изменить свою позицию по польскому вопросу. С падением буржуазного строя в России отпала необходимость в поддержке Антантой претензий русского царизма, а затем буржуазного Временного правительства России на польские земли как платы за участие в войне против держав Четверного союза. Перед державами Антанты открывалась возможность вовлечения возрождавшегося польского государства в орбиту своего безраздельного влияния и использования людских и природных ресурсов Польши в подготавливаемой вооруженной интервенции против Советской страны. Для правительства держав Антанты теперь вопрос состоял лишь в том, чтобы выбрать, какой из группировок отдать предпочтение, содействуя ее утверждению у власти в восстановленном польском государстве.

В момент возрождения независимого польского государства на политической арене все более значительной силой становилась группировка, возглавляемая Ю. Пилсудским.

Ю. Пилсудский достаточно широко был известен своими реакционными взглядами и в кругах мелкобуржуазной интеллигенции, среди мелкопоместной шляхты, а также студенческой молодежи — выходцев из семей помещиков и буржуазии среднего достатка. Эти элементы объединяли крайний национализм, ненависть к революционному движению и его авангарду — передовым рабочим, шедшим за СДКПиЛ и ППС-левицей. Группировка Пилсудского пропагандировала обособление от русского революционного движения, ориентируя польских рабочих на подготовку к войне с Россией¹.

Поэтому, несмотря на давние симпатии руководителей держав Антанты к эндеции и сдержанность по отношению к Пилсудскому за его «социалистическое прошлое», они видели, что фактическое соотношение политических сил в восстановленном польском государстве

менялось в пользу последнего, опиравшегося на созданные им военные формирования и организации.

Большую роль здесь сыграла пропаганда пилсудчиков, превозносивших своего руководителя как самого активного борца за независимость. Она имела определенный успех и в той части рабочего класса, которая шла за ППС и галицийской ППСД, внушавшими массам, что пилсудчики и их ПОВ борются за широкую демократизацию общественного строя и радикальные преобразования в пользу трудящихся.

Между тем революционное движение трудящихся масс продолжало расти. Вдохновленные победой пролетарской революции в России, рабочие Польши открыто выступали за коренные демократические преобразования, повсеместно в промышленных центрах экономическая борьба перерастала в политическую. Осенью 1918 г. в ряде городов, особенно в Силезии и Домбровском промышленном округе, стихийно стали возникать Советы рабочих депутатов². В ряде сел были созданы Советы крестьянских и батрацких депутатов. В этой обстановке происходило дальнейшее сближение между СДКПиЛ и ППС-левицей, в середине декабря 1918 г. увенчавшееся слиянием их в одну партию, принявшую наименование Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП)³.

Напуганные ростом революционного движения, реакционные круги Польши с радостью и надеждой приветствовали возвращение Пилсудского и оказали ему полное содействие в захвате власти в стране.

Пилсудский, приняв отставку люблинского правительства, поручил тому же Дашиньскому сформировать новый кабинет, который должен был заняться прежде всего подготовкой к созыву Законодательного сейма. С этого момента теряли свою силу все декреты и постановления, ранее принятые люблинским правительством. Это являлось вместе с тем одним из демагогических приемов Пилсудского, учитывавшего надежды, связываемые народом с сеймом, и попытавшегося представить себя поборником парламентаризма.

При формировании правительства Пилсудскому пришлось пойти на некоторые уступки эндеции, претендовавшей на роль гегемона в политической структуре польского государства. Надежды Пилсудского на то, что включение некоторых лидеров эндеции в формируемое по его указке правительство примирит их с новоявленным диктатором, не оправдались.

Формирование правительства было поручено правому социалисту Е. Морачевскому, который имел конспиративные контакты с эндецией. Новый кабинет почти наполовину был составлен из правых социалистов, входивших прежде в состав люблинского правительства; треть его составляли «людовцы», т. е. представители крестьянских партий. Такой состав правительства предопределялся стремлением сохранить хотя бы видимость «преемственности». Социально-политическая программа нового кабинета повторяла декларации люблинского правительства, но реализация всех более или менее значительных реформ, в том числе наиболее назревшей — аграрной, откладывалась до созыва сейма.

Вся деятельность правительства Морачевского направлялась Пилсудским. В декабре 1918 г. по указанию Пилсудского были подавлены вооруженной силой восстание рабочих ЗамоЙщины, а затем и революционные выступления пролетариата Домбровского бассейна, Люблина и других промышленных центров⁴.

Одновременно Пилсудский принял меры к приданию своей диктатуре законной формы. 22 ноября 1918 г. правительство приняло декрет о временной верховной власти в государстве. Устанавливался пост начальника государства, который занял Пилсудский. Правительство Польши было признано де-факто правительствами Франции, Англии, США и ряда других государств.

К этому времени относится оформление группировки сторонников Пилсудского, получившей наименование бельведерского лагеря (по месту пребывания начальника государства — во дворце Бельведер). Это было довольно пестрое как по воззрениям, так и классовой принадлежности объединение различных политических партий и организаций, ранее известных в качестве так называемых левых сторонников независимости. В него входили бывшие легионеры, члены ПОВ, социалисты, крестьянская партия «Вызволене» и некоторые другие. К нему примыкали отдельные политические группы помещиков, особенно с восточных окраин, надевавшихся на удержание Подъшей украинских, белорусских и литовских земель.

В бельведерский лагерь входили также публицисты и литераторы, группировавшиеся вокруг «Газеты польской» и еженедельника «Жонд и войско».

Несмотря на то что правительство проводило политику, отвечающую интересам эксплуататорских классов, жестоко расправляясь с революционным движением, в начале января 1919 г. эндеки совершили попытку путем заговора свергнуть его. Эта попытка потерпела неудачу. Но Пилсудский пошел на уступку эндекам, и в новом правительстве решающие позиции заняла эндеция. На посту премьер-министра и министра иностранных дел оказался ее ставленник И. Падеревский, пользовавшийся доверием империалистических кругов Запада. Соглашаясь на кандидатуру Падеревского, Пилсудский надеялся через него установить контакты с финансовыми кругами США, Англии и Франции и добиться получения от них кредитов и оружия для подготавливавшегося военного нападения на советские республики⁵.

Компромисс между пилсудчиками и эндецией был временным, диктовался как соотношением сил, так и тактическими соображениями. Обе группировки надеялись укрепить свои позиции и одержать победу на предстоящих выборах в Законодательный сейм. Пилсудский с присущим ему цинизмом открыто признавался своим единомышленникам, что с помощью сейма он надеется получить правовое обоснование своей диктаторской власти. Он полагал также, что введение буржуазно-демократической парламентарной системы откроет для него перспективу сближения с республиканской Францией и другими буржуазными государствами с республиканской формой правления. И, наконец, Пилсудский считал, что парламентские иллюзии

масс можно было использовать для борьбы с революционным движением⁶.

Выборы в сейм, состоявшиеся 26 января 1919 г., дали относительное большинство голосов (40,7%) партиям, входящим в группировку эндеции. Кроме того, у эндеции был значительный резерв сторонников в Познанщине⁷, где выборы в связи с продолжавшейся оккупацией ее германскими войсками (по согласованию с Антантой) еще не состоялись. Группировка партий, на поддержку которых могли рассчитывать пилсудчики (ПСЛ-«Вызволене», ППС, ПСЛ-левица), получила вместе 30,3% голосов, остальные голоса (30,3%) достались партиям центра (ПСЛ-«Пяст» и др.) и национальных меньшинств (3,5%).

Таким образом, на выборах в Законодательный сейм правые одержали победу, получив возможность влияния на состав и направление деятельности правительства. Вместе с тем было очевидно, что ни одна из группировок не получила такого большинства, опираясь на которое можно было бы сформировать устойчивое правительство. Это, однако, создавало для пилсудчиков возможность лавирования.

Пока продолжалась работа конституционной комиссии, задерживавшаяся из-за ожесточенных споров между ее членами, представлявшими различные классы и течения, Пилсудский с целью быстрого «узаконения» своей диктаторской власти народным представительством решил немедленно созвать сейм, чтобы провести через него закон о высших органах государственной власти. На сейме, созванном 9 февраля 1919 г., был принят закон о правах начальника государства и полномочиях правительства. Этот закон получил название временной, или Малой конституции⁸. Эндек перед открытием сейма выступили с предложением вообще ликвидировать должность начальника государства, передав его функции председателю сейма (которым был эндек В. Тромпчинский), однако натолкнулись на решительное сопротивление со стороны пилсудчиков, представителей умеренной левицы, а также центра (вместе — 188 депутатов против 109 голосов группировки эндеции). Пилсудский остался на посту главы государства. Поддержка депутатами партий центра кандидатуры Пилсудского объясняется главным образом тем, что он одновременно являлся главнокомандующим вооруженными силами, что в сложной внутренней и международной обстановке было немаловажным аргументом в его пользу.

Используя такой резерв, как депутаты партии центра, Пилсудский добился изъятия из проекта Малой конституции формулировки, ограничивавшей права главнокомандующего, и таким образом получил право единолично распоряжаться вооруженными силами без предварительного согласования с сеймом. В то же время эндеция сумела отстоять в проекте Малой конституции внесенное по ее настоянию положение о некотором ограничении прав начальника государства в управлении гражданскими делами. Малая конституция в окончательной редакции гласила, что каждый государственный акт начальника государства требует подписи соответствующего министра. По настоянию представителей эндеции в Малую консти-

туцию было внесено и положение о том, что избранный сеймом глава государства ответствен перед ним за свои действия и должен согласовывать с сеймом персональный состав формируемого правительства. Эндеции удалось провести и специальное постановление, закреплявшее ограничение власти главы государства в будущей конституции. Образованный во время работы сейма по требованию лидеров эндеции внеконституционный орган — Совет сеньоров, составленный из руководителей депутатских клубов, полагал, что «ненормальное положение, когда в одних руках сосредоточена и гражданская и военная власть... должно быть возможно более кратким», и высказался за скорейшее принятие «большой» конституции⁹.

В середине 1919 г. позиции эндеции и правых партий в сейме усилились в результате дополнительных выборов, проведенных в тех частях Польши, где они не проводились 26 января 1919 г. Особенно много голосов им дали выборы на Познанщине. В результате эндеция стала располагать в сейме 140 мандатами, партии центра — 131 мандатами, в то время как «левые» — пилсудчики и их союзники имели всего 123 мандата. Ко времени принятия конституции правые и центр имели 65% всех депутатских мандатов.

Пилсудский понимал, что для удержания и упрочения своих позиций в государстве ему необходимо: 1) наращивание верных ему вооруженных сил и 2) максимальное расширение социальной базы, опираясь на которую можно было бы идти дальше по пути установления безраздельной диктатуры. В беседе с ближайшими единомышленниками Пилсудский говорил: «Все мои усилия должны быть теперь направлены на армию... Будет у меня армия — будет все в моих руках»¹⁰. Сильная армия необходима была пилсудчикам и для реализации их планов захвата белорусских, украинских и литовских земель, в чем были особенно заинтересованы буржуазно-помещичьи круги, утратившие свои владения на этих землях.

Полсудский провозгласил так называемую федералистскую программу, которую стали усиленно пропагандировать его сторонники, в том числе и лидеры ППС. Суть этой программы состояла в создании на восточных границах Польши буферных буржуазных государств, формально независимых, а фактически полностью находящихся в зависимости и под эгидой буржуазно-помещичьего польского государства. Польским помещикам, лишившимся вследствие революционных преобразований, происходивших на этих территориях под влиянием Октябрьской революции, своих латифундий и имений, Пилсудский обещал их возвращение. Предполагалось, что солдаты и офицеры, в первую очередь бывшие легионеры, в награду за участие в вооруженных захватах на востоке будут наделены землями на захваченных территориях. Эндеки высказались за прямую инкорпорацию украинских, белорусских и части литовских земель, не прикрывая захват федералистской фикцией. Вместе с тем, считаясь с возможностью реставрации буржуазной России и не желая сориться с державами Антанты, которая в этом случае поддержала бы такую Россию, эндеки были готовы ограничиться включением в состав Польши несколько меньшей территории, чем хотели пилсудчики.

Вооруженная антисоветская интервенция, начатая вскоре после прихода пилсудчиков к власти в начале 1919 г. и осуществлявшаяся под их прямым руководством, привела к захвату значительной части территории советских республик — Украины, Белоруссии и Литвы. Польское правительство решительно отвергло неоднократные предложения Советского правительства об установлении добрососедских отношений с Польшей и разрешении спорных территориальных вопросов путем переговоров.

Первоначальные успехи польских войск, встречавших на своем пути слабое сопротивление разрозненных отрядов Красной Армии, силы которой были отвлечены на другие фронты, на некоторое время сгладили остроту противоречий между соперничавшими в борьбе за власть политическими группировками имущих классов Польши. Буржуазно-помещичьи партии, в частности эндеция, приветствовали авантюру пилсудчиков, в том числе и развязанную ими в конце апреля 1920 г. антисоветскую войну, в ходе которой польские войска захватили столицу Советской Украины Киев, а на территории Белоруссии дошли до р. Березины.

Контрнаступление Красной Армии, сопровождавшееся изгнанием польских войск с захваченных ими территорий, вызвало панику в правящих кругах Польши, растерянность всего бельведерского лагеря, сильно ударило по личному престижу Пилсудского. Только жестокие репрессивные меры, предпринятые Пилсудским с помощью оставшихся в его подчинении вооруженных сил, а также усилия правых лидеров ППС, поддержавших авантюру Пилсудского, спасли польское буржуазное государство от полного краха. При содействии правительств держав Антанты, щедро снабжавших Польшу военными материалами, удалось оттеснить находившиеся почти у стен польской столицы истощенные тяжелыми боями части Красной Армии и даже вновь оккупировать некоторые территории Украины и Белоруссии. Начавшиеся по инициативе Советского правительства, нуждавшегося в ликвидации польского фронта для переброски войск на разгром Врангеля, мирные переговоры привели к окончанию военных действий и подписанию 12 октября 1920 г. прелиминарного, а 18 марта 1921 г. окончательного мирного договора с Польшей. Хотя Польше и удалось оставить за собой значительную часть украинских и белорусских земель, а также Вильнюсскую область, федералистская программа пилсудчиков потерпела крах.

Уже с подписанием прелиминарного мира возобновились работы конституционной комиссии, а с ними и трения между бельведерским лагерем и эндецией. На позицию обеих группировок оказывала воздействие внутривнутриполитическая обстановка, характеризовавшаяся высоким уровнем политической активности масс. Это нашло отражение и в принятой сеймом 17 марта 1921 г. конституции Польской республики.

Несмотря на наличие в польском обществе многочисленных и влиятельных элементов, выступавших за сохранение конституционной монархии, им пришлось примириться с установлением республиканского строя, что было зафиксировано в ст. 1 конституции. Ст. 2

ее гласила, что «верховная власть в Польской республике принадлежит народу» в лице двухпалатного сейма (Национального собрания). Каждый гражданин Польши, без различия пола, по достижении 21 года пользовался избирательным правом. Право же быть избранным в сейм получали граждане, достигшие 25 лет.

Конституция провозглашала равенство граждан перед законом. Отменялись родовые и сословные привилегии. Граждане могли подвергаться лишению личной свободы не иначе как по суду. Защищая частную собственность, конституция признавала существование также и коллективной — объединений граждан, учреждений, органов самоуправления, а также государственной собственности.

Конституция прокламировала неприкосновенность жилища, свободу выбора места жительства, рода занятий, право на социальное обеспечение в случае болезни, несчастного случая, инвалидности и отсутствия работы.

Однако реакционному большинству сейма удалось протащить ряд поправок к статьям конституции, которыми урезывались, а то и просто сводились на нет провозглашенные в ней права и свободы. Так, например, конституцией декларировалось право каждого гражданина свободно выражать свои мысли и убеждения, но с многозначительной оговоркой: «поскольку это не нарушает требований закона». Конституция провозглашала свободу печати, право создания обществ, профессиональных союзов и других объединений граждан, право национальных меньшинств на управление религиозных обрядов, пользование родным языком, создание своих организаций — благотворительных, религиозных и др. Вместе с тем католической церкви конституция гарантировала господствующее положение среди других церквей. Более того, конституция закрепляла за католической церковью полную независимость от светской власти. Ст. 114 конституции, в частности, гласила, что «римско-католическая церковь управляется собственными законами». Статьи конституции о свободах и правах граждан сопровождались оговорками, сводившими на нет суть этих прав. Неприкосновенность личности могла быть нарушена особым законом или распоряжением судебных властей. Положение ст. 100 о неприкосновенности жилища и недопущении обыска или изъятия личного имущества по усмотрению администрации могло не применяться.

Свой численный перевес в сейме эндеция использовала при утверждении статей, касавшихся компетенции высшей государственной власти — президента и правительства. Права президента, которым, по предположениям эндеции, должен был стать Пилсудский, были значительно урезаны по сравнению с Малой конституцией, а права сейма и правительства расширены. Согласно ст. 3 конституции любой закон приобретал силу лишь после одобрения его обеими палатами сейма.

По конституции (ст. 39) президент избирался абсолютным большинством голосов депутатов обеих палат на совместном заседании. Далее, ст. 49 конституции ставила под контроль сейма внешнеполитические действия президента. Согласно этой статье президент был

обязан информировать сейм о заключении договоров с правительствами других государств, а сейм мог принять или не принять к сведению эту информацию, и тогда подписанный президентом договор считался недействительным. Сейм вообще мог отстранить президента, если он «в течение трех месяцев не выполняет своих функций». Если ранее, по Малой конституции, Пилсудский мог единолично решать вопрос о созыве или роспуске сейма, то теперь президент мог распустить сейм не иначе как с согласия большинства в 3/5 членов верхней палаты — сената. Президент осуществлял свою исполнительную власть не прямо, а через ответственных перед сеймом министров и чиновников. Государственный акт президента получал силу закона только после подписи председателя совета министров и соответствующего министра.

Положения конституции, касавшиеся компетенции президента, вызвали резкое недовольство Пилсудского. Особенно неприятной для Пилсудского была ст. 46, которая гласила, что президент является главнокомандующим вооруженными силами только в мирное время. Во время же войны президент обязан был назначить главнокомандующим другое лицо, но не по своему выбору, а по предложению правительства. И это лицо, став главнокомандующим, несло ответственность за свою деятельность не перед президентом, а перед правительством и сеймом. Ст. 46 фактически выбивала из рук Пилсудского основное орудие, с помощью которого он держался у власти и намеревался в дальнейшем окончательно утвердиться как неограниченный диктатор. В общей сложности различные ограничения власти президента содержались в 10 статьях конституции.

Однако Пилсудский не оставлял надежды на то, что ему удастся сохранить решающее влияние на государственные дела.

После ухода в отставку 9 сентября 1921 г. коалиционного правительства В. Витоса острые противоречия между ведущими политическими партиями по вопросу о путях преодоления внутривнутриполитического и экономического кризиса, охватившего страну, не позволили создать кабинет, опирающийся на парламентское большинство.

В этой обстановке Пилсудскому удалось продвинуть на пост премьер-министра своего сторонника, формально беспартийного А. Пониковского, поддержанного незначительным большинством голосов депутатов сейма (благодаря поддержке консерваторов, которые все больше стали склоняться на сторону Пилсудского).

Однако кабинет Пониковского продержался лишь около 10 месяцев. За это время политическая обстановка и экономическое положение в стране еще более обострились. Активизировалась борьба пролетариата, возглавляемая КРПП, продолжавшей в условиях жестокого полицейского террора спланировать революционные силы.

Исправив просчет, заключавшийся в бойкоте выборов в сейм в 1919 г., КРПП приняла решение участвовать в предстоящих выборах, создав избирательный Союз пролетариата города и деревни. Оживилась печать КРПП, возобновилось издание органа ее ЦК «Червоны штандар» и некоторых других нелегальных и полуполигальных газет и журналов, выходивших частью в стране, а частью — за границей, в том

числе теоретического журнала партии «Новы пшеглэнд». Пролетариат стремился использовать в своей борьбе и те куцые свободы, которые провозглашались мартовской конституцией.

Приближавшиеся выборы в сейм и президентские выборы вызывали серьезное беспокойство у пилсудчиков. Положение усугублялось тем, что наблюдалось разочарование своим лидером и у части тех, кто безоговорочно шел за Пилсудским в годы польско-советской войны и связывал с победой на востоке свои надежды. Были разочарованы не только землевладельцы, надеявшиеся возвратить свои имения, но и значительная часть солдат и офицеров, ждавших от властей земельных наделов в виде обещанного вознаграждения за участие в войне. К ним следует добавить и те 50 тыс. солдат и офицеров, на вербованных эмигрантским Польским национальным комитетом в Париже, до этого живших в Америке и странах Европы и переброшенных осенью 1919 г. в Польшу, которые с окончанием военных действий остались без занятий и содержания. Эти «лишние» люди представляли собой беспокойную и в то же время потенциально податливую на авантюры массу, которую Пилсудский намеревался использовать в своей политической игре.

Однако этот элемент нуждался в организации, в сплочении, идейном вооружении. Это побудило Пилсудского, ранее полагавшегося лишь на свой непререкаемый авторитет и привыкшего действовать методом приказов, приступить к разработке идейной базы движения, принявшего впоследствии название движения за «санацию», т. е. оздоровление экономической и политической жизни государства, а также выработку организационных форм объединения своих сторонников.

Группа влиятельных идеологов пилсудчины (некоторые из них одновременно являлись идеологами ППСД и ППС, в частности Т. Холувко, Л. Василевский, М. Малиновский, Б. Сивик и др.) в начале 1922 г. основала два периодических издания — «Дрога» и «Глос правды». На страницах этих изданий пропагандировалась концепция польской «государственности». В основе ее лежало положение о том, что восстановленное и объединившее польские земли классовое буржуазно-помещичье государство является высшей и идеальной категорией организации общества. Интересы отдельных личностей, политических, национальных групп, социальных слоев должны быть подчинены этому государству.

Идеалом и эталоном общественно-политического устройства провозглашалось такое государство, которое представляло бы все слои и группы, как социальные, политические, так и национальные. Все это должно было происходить на основе добровольного отказа от удовлетворения этими группами и слоями собственных интересов и стремлений во имя интересов общегосударственных. В основе пилсудчиковской идеологии государства лежал принцип «солидаризма» его граждан, жизнь и деятельность которых должна была протекать в рамках, установленных правящей элитой, т. е. лагерем пилсудчины. Этого пилсудчики и не пытались скрывать, утверждая: «Мы создавали польское государство, значит оно принадлежит нам, и управлять им

должны мы»¹¹. Идеологи пилсудчины представляли себе идеальное государство в виде пирамиды, в основании которой находились бывшие рядовые-легионеры; следующий слой — бывшие члены ПОВ, затем — преданные Пилсудскому офицерские кадры и интеллектуальная «элита». Венчала пирамиду узкая группа наиболее приближенных к Пилсудскому лиц во главе с ним самим.

Летом 1922 г. в начале избирательной кампании в сейм и сенат пилсудчики приступили к созданию собственной политической партии — Польской организации свободы, ядром которой стали бывшие члены ПОВ. В это же время был организационно оформлен Союз легионеров, объединивший наряду с бывшими легионерами и некоторую часть участников польско-советской войны 1920 г. Эти организации должны были развернуть агитацию за избрание в сейм сторонников бельведерского лагеря, а на пост президента — Пилсудского.

В ходе подготовки к выборам произошел ряд острых столкновений между Пилсудским и лидерами эндеции. Бурную реакцию эндеции вызвало решение Пилсудского дать отставку кабинету Пониковского, заменив его более послушным, который организовал и обеспечил бы победу бельведерскому лагерю на предстоящих выборах. Предложенная Пилсудским кандидатура его старого друга, деятельного и энергичного А. Сливиньского на пост премьер-министра была решительно отвергнута лидерами эндеции, действовавшими через Совет сеньоров и председателя сейма Тромпчиньского.

После двухнедельного правительственного кризиса благодаря поддержке ПСЛ-«Пяст», обеспечившей Пилсудскому перевес, Сливиньский стал главой кабинета. Однако объединенными силами эндеков и христианских демократов кабинет Сливиньского был вскоре свергнут; ими была предложена кандидатура лидера хадеции В. Корфантого, которую тут же отклонил Пилсудский. 1 августа 1922 г. формирование нового кабинета, которому предстояло провести избирательную кампанию, было поручено близкому к консерваторам ректору Краковского университета А. Новаку.

Пилсудский, оценив обстановку, решил перейти в контрнаступление и еще более усилил деятельность по консолидации сил своих сторонников, прибегая к обычным для него демагогическим приемам — восхвалению своих заслуг перед Польшей и лести в адрес ветеранов первой мировой и польско-советской войн, используя для этого самые разные поводы¹².

Активизировалась и печать пилсудчиков. Публицисты, подвизавшиеся в ежемесечнике «Дрога», стремились доказать, что причина слабости польского государства заключается в множестве политических партий, ведущих между собой борьбу. Пилсудчики призывали верить судьбу народа узкой группе «заслуженных» людей во главе с «народным вождем» Пилсудским¹³. Главный идеолог «Дроги» А. Скварчиньский, выступая против «всевластия партий», в то же время резко обрушивался на эндецию за ее якобы недостаточную активность в борьбе с коммунизмом. Прямолинейная пропаганда идеи солидаризма пилсудчиками, требовавшими не только ликвидации «всевластия партий», но и вообще их ликвидации, вызывала у

многих недоверие, отпугивала именно своей прямолинейностью. Эндеция в своих предвыборных заявлениях призывала избирателей-поляков продемонстрировать национальное единство. Католическое духовенство, на которое опиралась эндеция, тоже призывало верующих к забвению распрей и противоречий. Немаловажную услугу эндеции на выборах в сейм в ноябре 1922 г. оказали многочисленные объединения промышленников и земельных магнатов, щедро финансировавших пропагандистские мероприятия, особенно правую прессу, выходившую в период избирательной кампании огромными тиражами. Кроме того, фабриканты оказывали прямое давление на рабочих, а помещики — на батраков, принуждая их голосовать за кандидатов партий эндеции и центра.

В результате все усилия Пилсудского, направленные на то, чтобы «законным путем» сохранить в своих руках неограниченную диктаторскую власть, и за бельведерским лагерем — главенство в государстве, не привели к успеху.

Однако образование национальными меньшинствами собственного избирательного блока, получившего 100 депутатских мандатов, создало ситуацию, в которой победа эндеции оказалась не такой уж внушительной. Пилсудчики получили возможность лавирования как при формировании правительства, так и, что особенно важно, на выборах президента, которые состоялись в начале декабря 1922 г.

Соотношение сил не позволяло ни одной из группировок провести своего кандидата в президенты без поддержки депутатов от блока национальных меньшинств.

Эндеция никак не могла рассчитывать на поддержку их кандидата депутатами от национальных меньшинств. Но и Пилсудский хорошо знал неприязнь к нему со стороны украинского, белорусского и еврейского национальных меньшинств за проводимую им политику национального гнета. Не будучи уверенным, какое из двух зол изберут депутаты от нацменьшинств — эндецию или бельведерский лагерь — Пилсудский не решился идти на риск провала на выборах и предпочел отказаться от выдвижения своей кандидатуры на пост президента, мотивируя свой отказ тем, что конституция дает президенту слишком мало прав. Этот шаг Пилсудского был воспринят его сторонниками и даже самой сильной партией центра — ПСЛ-«Пяст» как призыв к борьбе. После двух туров голосования, когда кандидаты эндеции не набрали нужного большинства голосов, «левые» партии вместе с ПСЛ-«Пяст» поддержали кандидатуру, предложенную Пилсудским, — беспартийного, но тяготевшего к лагерю консерваторов, все более склонявшихся к союзу с пилсудчиками, профессора Г. Нарutowича, занимавшего в последнем перед выборами кабинете А. Новака пост министра иностранных дел.

Эндеция не могла примириться с проигрышем в борьбе за президентское кресло. 12 декабря 1922 г. в день принятия присяги Нарutowич был убит ее агентом.

В результате новых выборов, на которых перевес взяли те же группировки, президентом был избран бывший социалист, близкий к Пилсудскому, Ст. Войцеховский.

Так закончился второй этап борьбы между группировками имущих классов Польши за главенство в государстве. Пилсудский стал усиленно готовиться к новой схватке с эндецией. Отказавшись от предложенного поста начальника генерального штаба как оскорбительного для него, Пилсудский уединился в своем имении Сулеювек под Варшавой. Оттуда он внимательно следил за политической жизнью, изредка приезжая в столицу, совещался со своими единомышленниками как в руководстве армией (хотя их количество значительно сократилось в результате чистки офицерских кадров от пилсудчиков, проведенной правительством блока «Хьена-Пяст»), так и в правительственных учреждениях и в политических партиях.

Сторонники Пилсудского пристально наблюдали за действиями правительства и сейма, подробно информируя своего лидера. Хроническую инфляцию, достигшую в 1923 г. небывалых размеров, рост безработицы в связи с застоем промышленного производства пилсудчики использовали для атак на правительство блока эндеции с христианской демократией и ПСЛ-«Пяст», пришедшего к власти в мае 1923 г. Решающую роль сыграла социальная демагогия пилсудчиков, умелое использование ими ненависти к эндеции, катастрофическое положение экономики и финансов, обнищание населения, что обездоленные трудящиеся массы считали прямым следствием политики господствующих классов, олицетворением которых была правящая клика эндеции и ее союзники. Все это заставляло многих не только прислушиваться к призывам пилсудчиков, но и верить им, полагая, что хуже, чем есть, не может быть, а лучшее — возможно.

Вместе с тем антидемократическая позиция Пилсудского позволила ему укрепить контакты с родственными по классовому происхождению и идеологии помещичьими кругами, выразителями интересов которых была политическая группировка консерваторов.

Важной причиной переориентации помещиков на Пилсудского явились откровенные планы подготовки с помощью империалистических держав Западного нового антисоветского похода с целью расчленения и ослабления СССР.

Решительный поворот помещичьих кругов на сторону пилсудчиков произошел после того, как эндеция и ПСЛ-«Пяст» заключили между собой так называемый «Ланцкоронский пакт», один из пунктов которого содержал решение о проведении земельной реформы, предусматривавшей принудительное отчуждение земли наиболее крупных помещичьих имений в фонд, из которого предполагалось наделение части малоземельных крестьян. Хотя отчуждение касалось в основном магнатских латифундий, а за отчуждаемую землю ее владельцы получали полную компенсацию, это решение насторожило многих помещиков, и они в своей массе заняли позицию поддержки Пилсудского, являвшегося противником земельной реформы вообще. Пилсудскому также был выгоден союз с помещичьими кругами для реализации своего плана захвата власти.

Пилсудский не упускал из виду и тот резерв, который представляла собой крестьянская и некоторая часть рабочей молодежи, объединенная в полувоенной организации — Союзе стрелцов — детища

Пилсудского, созданного им еще перед первой мировой войной. Эта организация, которую эндеки иронически называли «приватной армией» Пилсудского¹⁴, теперь пользовалась его особым вниманием и постоянно пополнялась новыми членами, проходившими военную подготовку. В апреле 1926 г. Союз стрелцов возглавил один из самых доверенных лиц Пилсудского К. Бартель.

Вербовка пилсудчиками сторонников, проводимая ими внутри различных политических партий, давала определенные результаты. Так, в 1923—1925 гг. в ПСЛ-«Пяст» произошло два раскола, из нее выделилась группа, ставшая на путь поддержки Пилсудского. Усилилась группа сторонников Пилсудского в Национальной рабочей партии, находившейся под влиянием эндеции. Шел процесс консолидации активных приверженцев авантюристического курса пилсудчиков также в ПСЛ-«Вызволене».

Пилсудский использовал каждый повод для публичных выступлений, в том числе и в печати, направленных как против правительства блока людовцев с эндецией и христианской демократией, так и против сейма. В интервью редактору виленской газеты «Слово» С. Цат-Мацкевичу 12 августа 1923 г. Пилсудский, касаясь политики сейма, заявил о его неспособности создать устойчивое правительство, опирающееся на парламентское большинство¹⁵. Несколькими днями ранее Пилсудский выступил на съезде союза бывших легионеров во Львове. Он призвал их к сплочению с тем, чтобы под его руководством добиваться «оздоровления» государственной власти, так как-де лишь с этим связано лучшее будущее бывших легионеров¹⁶.

Пилсудский связывал начало выступления с кульминационным пунктом кризиса верхов и ростом недовольства «низов», нараставшего в связи с ухудшением их положения, вину за которое пилсудчики и в прессе и в устной пропаганде целиком сваливали на главного своего политического соперника — эндецию.

Когда правительство коалиции «Хьена-Пяст» было вынуждено уйти в отставку, пилсудчики еще не были готовы к захвату власти. Они выжидали более удобного момента. В декабре 1923 г. было сформировано правительство во главе с одним из лидеров эндеции Вл. Грабским. Это правительство не только не добилось обещанной «санации» финансов, но проведенная им финансовая реформа всей своей тяжестью обрушилась на трудящиеся массы, вызвав новый рост их недовольства. Круг недовольных политикой правительства Грабского расширился и за счет армейских офицеров. Объявив программу экономии, правительство отложило на неопределенный срок обещанную реформу денежно-материального довольствия военнослужащих. Была отсрочена также реорганизация верховного военного командования, которой добивался Пилсудский. Все это было на руку Пилсудскому, так как резко увеличивало число его сторонников в армии. К внутренним трудностям прибавились неудачи во внешней политике. Ориентировавшееся на Францию правительство Грабского ограничило свои связи с английским капиталом, стремившимся упрочить свои позиции в польской экономике. Это обстоятельство еще более усилило стремление правящих кругов Англии сделать став-

ку на группировку Пилсудского, в проанглийской ориентации которого они были уверены. С этого времени частым гостем Пилсудского в его имении Сулеювек стал английский посол Макс Мюллер¹⁷, а также военный атташе полковник Клейтон. Повышенный интерес дипломатов к Пилсудскому объяснялся тем, что реализацию своей цели — утверждение безраздельного влияния в польской экономике (а значит и в ее внешнеполитической ориентации) правящие и финансово-промышленные круги Великобритании теперь стали связывать с захватом кликой Пилсудского государственной власти. Со своей стороны Пилсудский рассчитывал на финансовую помощь английских банкиров для упрочения своей диктаторской власти, когда она окажется в его руках. Лагерь Пилсудского сближала с правящими кругами Великобритании и антисоветская направленность внешнеполитического курса, поддерживаемого всей польской реакцией. С милитаризацией страны польская реакция связывала возможность подавления усиливавшейся революционной борьбы польского пролетариата, смыкавшейся с развернувшимся национально-освободительным движением украинского и белорусского народов, которое в 1924 г. в ряде мест вылилось в вооруженные выступления с требованием самоопределения и воссоединения с советскими республиками.

В ноябре 1925 г. правительство Грабского, не сумев справиться с внутренними трудностями и доведя страну до полной финансовой катастрофы, ушло в отставку. Но и пришедшее ему на смену правительство А. Сквиńskiego, в котором по-прежнему ведущие посты занимали эндеки и лидеры ПСЛ-«Пяст», шло тем же путем. В результате проводимой им политики экономии за счет снижения зарплаты рабочих и сокращения количества рабочих мест число только официально зарегистрированных безработных за два последних месяца 1925 г. возросло с 251 тыс. до 360 тыс. Начало 1926 г. характеризовалось ростом числа антиправительственных выступлений рабочих. Страну потрясла волна демонстраций и митингов, организуемых коммунистами, а в ряде случаев возникавших стихийно. Число недовольных правительством блока эндеции с правыми людоецами увеличилось после того, как было опубликовано распоряжение министра финансов эндека Эдзеховского о снижении зарплаты служащим, сокращении пенсий инвалидам, штатов железнодорожников и введении обложения налогом за пользование электричеством и керосиным освещением.

Все это вызывало беспокойство у имущих классов. Активизировались эндецкие фашистские организации. В феврале 1926 г. была создана новая организация фашистского типа — объединение польских монархистов, сразу же получившая поддержку со стороны значительной части помещиков и клерикалов. Из рядов эндеции раздавались открытые призывы к установлению диктатуры по примеру итальянского фашизма. Пилсудчики считали, что приближается удобный момент для государственного переворота, когда ненависть в массах к эндеции и ее союзникам достигла наивысшего предела. Пилсудский инспирировал прибытие в Сулеювек большой группы преданных ему офицеров и генералов, ставшее своеобразным смотром их готовности к выступлению. Вслед за этим в газетах, находившихся

под влиянием пилсудчиков, появился ряд выступлений Пилсудского с нападками на разрабатываемый правительственный проект закона о высшем военном командовании, а затем заявление Пилсудского о прекращении им начатых по инициативе президента Войцеховского переговоров о своем возвращении в армию. Готовясь к перевороту, основную роль в котором должно было сыграть преданное ему офицерство, Пилсудский хотел развязать себе руки.

В начале мая 1926 г. разразился новый правительственный кризис. На смену ушедшему в отставку кабинету Сквинынского 10 мая пришло сколоченное эндеками, христианскими демократами и правыми людовцами правительство «сильной руки» во главе с В. Витосом. Народные массы восприняли это как возвращение печальной памяти правительства блока «Хьена-Пяст» в 1923 г., как вызов всей польской демократии. Против нового правительства выступили все партии сеймовой левицы, в том числе ППС, ПСЛ-«Вызволене», Стронництво хлопске. Пилсудский не замедлил выступить в печати с интервью, в котором объявил открытую борьбу не только правительству Витоса, но и всем политическим партиям правого лагеря¹⁸. Это и явилось сигналом к перевороту.

По распоряжению Пилсудского его сторонник генерал Л. Желиговский, незадолго перед этим назначенный военным министром, стянул к Рембертову (вблизи Сулеювека), где находился Пилсудский, несколько пехотных и кавалерийских полков. Во главе их Пилсудский 12 мая вступил в Варшаву. В итоге трехдневных боев сопротивление войск, остававшихся верными правительству, было сломлено, и вся власть перешла к Пилсудскому и его клике. Сравнительно легкой победе способствовала, кроме ненависти народа к эндеции и ПСЛ-«Пяст», также дезориентация значительной части рабочего класса, и не только той, что шла за ППС, демагогическими лозунгами и обещаниями Пилсудского. Выступление Пилсудского было поддержано и коммунистами, вначале не сумевшими разобраться в характере событий и расценившими путч Пилсудского как выступление мелкобуржуазной демократии против крупной буржуазии и помещиков, готовившихся установить фашистскую диктатуру. Однако эта ошибка вскоре была исправлена. Компартия призвала к продолжению борьбы за рабоче-крестьянское правительство, которое одно может осуществить насущные чаяния трудящихся масс¹⁹.

Майский переворот Пилсудского открывал новый этап в истории польского буржуазно-помещичьего государства. Был установлен диктаторский режим клики пилсудчиков, выражавшей интересы значительной части помещиков, буржуазии, офицерства и кулацкой верхушки деревни, и вошедший в историю под названием режима «санации». Это была одна из разновидностей авторитарных режимов, эволюционизировавших в направлении фашизма.

МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РУМЫНИИ (1923—1938 гг.)

Воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на мировое общественное развитие было всеобщим, но и бесконечно разнообразным в зависимости от конкретно-исторических условий каждой страны. Особенно очевидно проявилось это воздействие в политической области: системе власти, созданной буржуазией, была противопоставлена альтернатива со стороны политической системы социализма. На политическом уровне важнейшим проявлением противоборства двух систем явились кризисные процессы, выразившиеся прежде всего в ослаблении действительности, стабильности и общественной эффективности механизма политического господства буржуазии. Традиционной, складывавшейся на протяжении веков буржуазной политической системе всегда был свойствен заложенный в ее природной сути антагонизм между гражданским обществом, социально-политической организацией жизни этого общества и государственным механизмом его управления. Общий кризис капитализма, начало которому положила первая мировая война и Октябрьская революция в России, повлек за собой обострение антагонистических противоречий во всех сферах жизнедеятельности капиталистического общества, что вызвало уже на первой стадии развития кризиса прогрессирующее расстройство структуры и функционирования буржуазной политической системы.

Обращаясь к анализу кризисных процессов в механизме власти господствующих классов Румынии в межвоенные годы, необходимо хотя бы в общих чертах определить контуры становления и эволюции политической системы буржуазного румынского общества.

Специфические черты буржуазного преобразования румынского общества обусловлены общими особенностями развития капитализма в Румынии. Запоздалое и зависимое развитие капитализма привело к тому, что слабая, нерешительная буржуазия нуждалась в постоянной поддержке, она оказалась менее энергичной, менее уверенной в себе по сравнению с буржуазией других европейских стран. Поражение революции 1848 г. в Дунайских княжествах выявило политическое бессилие нового формирующегося класса — румынской буржуазии, проявившего склонность к компромиссу с феодальной властью. Причин тому несколько: неразвитость собственно промышленной буржуазии, боязнь массового народного движения, грозная революционная сила которого была продемонстрирована европейским пролетариатом в том же 1848 г., однако главное все-таки определялось тем, что экономические позиции и интересы ведущей части буржуазии были тесно связаны с помещичьим землевладением.

Противоречивый, дуалистический союз земельной и буржуазной олигархии наложил глубокий отпечаток на социально-политиче-

скую структуру общества и генезис капитализма в Румынии. Основные буржуазные преобразования были проведены здесь «сверху», в условиях борьбы за объединение Дунайских княжеств и становления румынской государственности. Государство (по крайней мере в начальный период развития 1859—1866 гг.) явилось инструментом перестройки феодальных институтов: именно в этот период была проведена ограниченная аграрная реформа, отменены привилегии бояр и основные феодальные повинности крестьянства, проведена избирательная реформа, а в 1866 г. принята первая конституция румынского государства, формально провозгласившая основные буржуазные права и свободы и определившая регулирующие принципы функционирования политической надстройки буржуазной Румынии.

Хотя формирование политического механизма и структуры власти в Румынии испытало бесспорное влияние опыта западноевропейской государственности, перенесенные на румынскую почву институционные формы были далеки от истинной сути «классической» модели западной политической системы со всем комплексом ее первоначальных принципов буржуазной демократии. Исследуя процессы становления системы государственной власти Румынии в конце XIX — начале XX в., советский историк С. А. Мадиевский следующим образом определил ее характер и место среди современных ей форм правления: по реальному соотношению высших органов власти Румыния «была во многих отношениях ближе к монархиям дуалистическим», занимая некое промежуточное положение между «парламентарно-монархическими, с одной стороны, дуалистическими и абсолютистскими — с другой»¹.

Отзвуки российской революции 1917 г. были восприняты в румынском парламенте как «самое страшное предзнаменование» для правящих кругов страны именно потому, что в Румынии «существовал тот же порочный социальный строй: внизу — бесправный, безграмотный народ, наверху — всевластная олигархия...»². Великий Октябрь явился своеобразным катализатором глубинных революционных процессов в румынском обществе, а совместные выступления трудящихся юга России и пограничных областей Румынии в незначительной степени способствовали тому, что уже в начале 1918 г. огонь революционной борьбы охватил всю страну. Во многих городах Румынии демонстрации рабочих неизменно выдвигали лозунги «Долой короля!», «Долой буржуазию!», «Да здравствует Республика!». Выступления рабочих в Бухаресте не прекращались ни на один день, в связи с чем правительство ввело на предприятиях столицы режим военного положения.

Анализируя положение в Румынии в послеоктябрьский период, В. И. Ленин отмечал, что ее «правлящий класс... находится в положении, близком к тому, которое можно назвать совершенно отчаянным... В долгу, как в шелку, и расплачиваться по долгам им нечем. Банкротство неминуемо. Революционное движение рабочих и крестьян все растет и растет»³. Искры российского революционного пожара попали здесь на благоприятную почву. Ухудшившееся в годы войны экономическое положение трудящихся и тяготы германской

оккупации повлекли за собой дальнейшее обострение противоречий в румынском обществе. В стране постепенно вызревали объективные предпосылки революции. Осенью 1917 г. в восточных районах страны начались выступления крестьян с требованиями наделения их землей.

Контраст между нищетою масс и военными прибылями капиталистов, между голодной жизнью народа и роскошью буржуазно-помещичьей верхушки, между страданиями простых людей на полях сражений и коррупцией правителей — этот контраст питал гнев и возмущение народных масс, усиливал их ненависть к тем, кто наживался на империалистической войне. Румынский народ потерял в войне 800 тыс. человек и не хотел продолжения империалистической войны.

В этих условиях правящие круги Румынии, охваченные страхом перед революционным движением, поспешили заключить перемирие с Германией и Австро-Венгрией с тем, чтобы бросить все силы на подавление народных выступлений. В начале 1918 г. румынские войска вторглись на советскую территорию, в Бессарабию. Несмотря на решительный протест и неоднократные предупреждения советского правительства, румынские власти санкционировали захват и последовавшую аннексию Бессарабии.

В условиях революционного кризиса, охватившего в 1918 г. Австро-Венгрию, усилилось национально-освободительное движение, в том числе и румынских трудящихся Трансильвании. В ходе начавшейся буржуазно-демократической революции в Трансильвании была выдвинута программа политических и социальных преобразований, в том числе и требование об объединении территории с компактно проживающим румынским населением в Трансильвании и Румынии. В условиях революционного подъема прогрессивные силы надеялись, что объединение осуществится в рамках демократической республики. Однако и румынские правящие круги, и лидеры националистически настроенных слоев румынской буржуазии Трансильвании приложили немало усилий к тому, чтобы подавить революционно-демократические устремления масс и обеспечить незыблемость буржуазно-помещичьего строя и монархии⁴.

Согласно послевоенным мирным договорам, территория Румынии выросла более чем вдвое, а население увеличилось с 7,8 млн. в 1915 г. до 16 млн. в 1920 г., по сравнению с довоенным уровнем промышленный потенциал составил 235%, в рядах промышленного пролетариата насчитывалось более полутора миллиона человек⁵.

В первые послевоенные годы положение господствующих классов Румынии оставалось неустойчивым, накал революционной борьбы снизить не удавалось, нарастали экономические затруднения, обострились отношения с соседними государствами, нерешенным оставался вопрос определения внешнеполитического курса страны. С ноября 1918 по январь 1922 г. в Румынии сменилось семь премьер-министров. Буржуазно-помещичья верхушка вынуждена была искать эффективные средства для укрепления своего положения в обстановке мощного подъема рабочего движения. В 1919 г. отмечены

250 крупных забастовок, в которых приняли участие более 150 тыс. рабочих, т. е. примерно каждый третий из общего числа промышленного пролетариата. С марта по октябрь 1920 г. состоялось уже 345 крупнейших забастовок с общей численностью участников 360 тыс. человек⁶. В октябре 1920 г. страну потрясла всеобщая забастовка, в которую включилось большинство пролетариата Румынии.

Господствующие классы лавировали, проводя политику «кнута и пряника». Применяя методы прямого насилия и репрессий против рабочего движения (например, жестокое подавление всеобщей забастовки в 1920 г., полицейская расправа над участниками первого съезда коммунистической партии в мае 1921 г. и т. д.), правящие круги вынуждены были согласиться и на проведение ряда реформ, которых требовали массы: прежде всего аграрной реформы, реформы избирательного права, принятия законов о труде, о профсоюзах.

Наиболее важное значение имела аграрная реформа. В 1921 г. парламент утвердил отдельные аграрные законы для «старого королевства», Трансильвании и Буковины. Земля передавалась крестьянам в пользование и при условии уплаты части выкупа (20% стоимости участка) переходила в их собственность. Многочисленные оговорки в законе существенно ограничивали размеры экспроприации, а вместе с тем произвольно определяли величину сохраняемых крупными землевладельцами имений, допускалось колебание от 100 до 500 га в зависимости от местности и от характера ведения хозяйства. Продажа земли была запрещена, как и наследственный передел земли, однако облегчались условия для помещиков, продающих землю непосредственно крестьянам. В целом аграрная реформа способствовала капиталистическому развитию румынской деревни и в определенной степени ликвидации ряда феодальных пережитков в сельском хозяйстве. Одновременно в результате уменьшения веса помещичьей верхушки и вследствие буржуазного перерождения части ее неизбежно должен был начаться процесс перераспределения сил в буржуазно-помещичьем лагере, что было связано с изменением и социально-экономической, и политической структуры румынского общества.

Реформа избирательного права способствовала повышению роли трудящихся масс в политической жизни страны, их прямое участие в выборах расширяло сферу воздействия низов на политику правящей верхушки. В этой связи буржуазия испытывала острую потребность навязать свои «правила игры» с тем, чтобы заключить в их жесткие рамки деятельность всех политических сил, держать под контролем оппозицию и прежде всего нейтрализовать рабочий класс и его организации. Ранее сложившаяся ограниченная группа политической элиты в лице лидеров двух основных партий — национал-либеральной (НЛП) и консервативной после войны значительно изменилась и расширилась с учетом влияния крупной буржуазии присоединенных промышленно развитых территорий. В начале 20-х годов постепенно утверждается новая партийная система с ее новым для Румынии фактором — острой конкуренцией, расколами и неожиданными политическими блокировками (например, национальная пар-

тия Трансильвании во главе с Ю. Маниу первоначально вела переговоры об объединении с более родственной ей по социальному составу и целям НЛП И. Брэтиану, но довольно быстро переориентировалась на слияние с мелкобуржуазной царанистской партией И. Михалаке, имевшей в то время радикальную программу создания «крестьянского государства» в Румынии).

Воздействие комплекса рассмотренных социально-политических проблем на механизм политической власти и общественных отношений влекло за собой изменения в структуре и функционировании румынской буржуазной политической системы, что в первую очередь нашло свое выражение в принятии новой конституции. Вызванная к жизни наметившимися процессами модернизации общества после войны конституция 1923 г. должна была, с одной стороны, закрепить основы нового политического и социально-экономического соотношения сил, в правовой форме выразить волю правящих кругов сохранить стабильность политической власти, с другой стороны, так приспособить правовую надстройку к подвижности общественных отношений, к социально-экономическому развитию, чтобы избежать в будущем ее коренной ломки.

При анализе буржуазной конституции, конечно, не следует ни пренебрегать значением конституционных норм, ни абсолютизировать их реальный смысл. Действительно, конституция 1923 г. содержала довольно много фиктивных и носящих чисто формальный характер положений, которые определяли политический режим в соответствии с принципами классово ограниченной буржуазной демократии со всеми неотъемлемыми ее пороками. Вместе с тем следует принять во внимание также, что включение прогрессивно-демократических конституционных прав, свобод и принципов в основной закон румынского государства в тот период объяснялось стремлением законодателя предотвратить накопление революционной энергии трудящихся масс и сил оппозиции против авторитарно-монархического режима. В этой связи можно подчеркнуть, что конституция 1923 г. отразила и итоги борьбы трудящихся, определенные завоевания рабочего класса в области профессиональных и политических прав и свобод, закрепляя «то, что уже дала жизнь»⁷.

Известно, что одной из характерных черт буржуазной демократии является признание принципа разделения властей и главенствующей роли представительных органов в системе государственных институтов. Степень сохранения самостоятельности высших органов государственной власти по отношению друг к другу определяет уровень демократизма функционирования высшего эшелона системы классовой диктатуры. Напротив, сосредоточение власти исполнительными органами становится серьезным препятствием для осуществления демократических функций буржуазно-представительного режима. Характер взаимоотношений между высшими звеньями политического механизма власти определялся в разделе III конституции 1923 г.⁸, включавшем, кстати, наибольшее количество статей — 75 из общего числа 139 статей. Главой государства объявлялся король, он осуществлял законодательную власть совместно с двух-

палатным парламентом, но не был подконтролен ему, более того, он имел право его роспуска. Исполнительная власть также вверялась королю, который назначал и смещал правительство, ответственное только перед ним. Любой законопроект должен был получить одобрение обеих палат парламента и короля, а право законодательной инициативы распределялось в равной степени между теми же институтами.

Особенностью статуса парламента в данной триархии являлось то, что реальная полнота власти осуществлялась главой государства — королем и назначенным им премьер-министром, парламенту же отводилась роль совещательной политической ассамблеи, поведение которой определяли воля и интересы правящей партии. Об этом свидетельствовала система формирования руководящих органов парламента. В начале работы сессии очередного созыва избирались председатели обеих палат и бюро. Практика западного парламентаризма показывает, что председатели хотя и выбираются правящим большинством, но не рассматриваются как представители партии, этот строго соблюдаемый принцип порой закрепляется конституцией. В румынском парламенте председатели палат и члены бюро представляли прежде всего свою партию. Что же касается социального состава парламента буржуазной Румынии, то любая легислатура в истории межвоенного периода вырисовывает в целом оригинальную картину этого так называемого института национального представительства. Например, в парламенте 1933 г. преобладали представители трех категорий: адвокаты, работники системы просвещения и высших учебных заведений, землевладельцы и ни одного рабочего или крестьянина! В среднем процент представительства этих категорий в семи парламентах с 1922 по 1937 г. был следующим: адвокатов в палате депутатов было 41,8%, в сенате — 35,5%, аграриев соответственно — 14,4% и 14,8%, университетских профессоров и учителей — более чем по 6%, священнослужителей разных рангов — около 9% и т. п.⁹

Важнейшей сферой парламентской деятельности, согласно конституции, являлась законодательная практика. Опыт румынского буржуазного парламента показывает, что право на законодательную инициативу в межвоенный период использовало в большей степени правительство. За два десятилетия оно представило 5,8 тыс. законопроектов, парламент же — всего 1,3 тыс. проектов, из них было принято соответственно около 75% первых и до $\frac{1}{4}$ — вторых¹⁰.

Использование парламентом права контроля по отношению к правительству было предопределено румынской конституцией 1923 г. в ограниченных рамках, в основном речь шла об интерпелляции, т. е. запросах депутатов, обращенных в разных формах к правительству. Практика выражения вотума недоверия правительству румынским парламентом не применялась из-за принадлежавшего королю контрправа — роспуска парламента. Но и применение интерпелляции не имело действенных политических результатов. Подавляющее большинство запросов подавали представители оппозиции, члены правительства предпочитали давать письменный ответ, да и то дале-

ко не на все запросы. Статистика свидетельствует, что сроки представления ответов не выдерживались, а в среднем запросы удовлетворялись менее чем наполовину. Всего за 21 год деятельности парламента в межвоенный период дискуссии проводились примерно по 10% полученных ответов, но ни одно правительство или кто-либо из министров не ушли в отставку вследствие критической оценки их деятельности¹¹.

Нарушение равновесия между звеньями государственного механизма в пользу усиления прерогатив институтов исполнительной власти — не односторонний процесс. Наряду с падением значения и роли парламента как представительного органа, что является наиболее важной, сущностной тенденцией процесса свертывания буржуазной демократии, в конституционно-правовом плане наблюдалось наступление правящих кругов на демократические права и свободы. Наиболее значимые политические права и свободы, завоеванные трудящимися массами Румынии в годы подъема революционной борьбы, нашли отражение в конституции 1923 г.: было введено всеобщее избирательное право на основе тайного голосования, отменены сословные и церковные привилегии, женщины получили гражданские права и было закреплено признание равенства обоих полов, провозглашалась свобода собраний, объединений и организаций, свобода печати. Однако в самой конституции были обозначены и пределы осуществления предоставляемых прав, причем показателен тот факт, что лишь один раздел ее был посвящен гражданским правам, а подавляющее число статей о статусе органов государственной власти признавало ограничения политических свобод и личных прав граждан. Так, завоеванное трудящимися право на забастовку ограничивалось предоставленным правительству правом «регулировать трудовые конфликты» (ст. 21); провозглашение свободы объединения трудящихся в организации фактически перечеркивалось положением о необходимости признания властями за любой организацией статуса «юридического лица» и введения контроля за ее деятельностью; разрешение на свободу собраний ограничивалось уточнением: «помимо собраний на площадях, дорогах и других местах общественной значимости» (ст. 29); конституция вводила обязательное начальное образование, вместе с тем не все категории населения получили право на бесплатное обучение.

В последующие годы ограниченный и декларативный характер конституционных принципов особенно отчетливо выявился в политике румынских правящих кругов, направленной на подавление революционного и демократического движения в стране. В 1924 г. был принят так называемый закон Мырзеску, предусматривавший «защиту государства от красной опасности», на основе которого правительство запретило деятельность КПП, революционных профсоюзов, коммунистических молодежных и женских организаций, закрыло ряд изданий демократического направления, например газеты «Адеварул», «Диминяца» и др. Одновременно было введено осадное положение в крупных городах, что давало основание для усиления цензуры печати, для проверки лояльности служащих государст-

венного аппарата и установления полицейского контроля за деятельностью всех политических партий, а также введения тюремного наказания за пропаганду коммунистических идей и лозунгов классовой борьбы. Не случайно даже буржуазные парламентарии охарактеризовали принятие этих репрессивных мер как политику, направленную на «подавление какой бы то ни было активности в политической жизни общества», на «легализацию методов насилия»¹².

Стремясь ограничить и направить в безопасное для себя русло политическую борьбу, правящие классы неизбежно пытаются приспособить избирательное право к задаче укрепления своего господства, и наглядный пример тому — проведение реформы избирательной системы в 1926 г. Закрепленное в конституции право «о всеобщем, равном, прямом, обязательном и тайном голосовании» было ограничено новым избирательным законом, заменившим пропорциональные выборы мажоритарной системой голосования. Главное новшество заключалось в том, что закон подчинял механизм выборов партийному принципу, предоставляя партии, собравшей 40% голосов избирателей, подавляющее большинство парламентских мандатов. Вводились различные оговорки и для избирателей: не имели права участвовать в выборах женщины, военнослужащие, ограничивалось время для регистрации избирателей по месту жительства, к голосованию допускались лишь лица, получившие специальную избирательную карточку, был определен возрастной ценз, различный для избирателей и депутатов обеих палат¹³. Значительный ущерб принципу представительной демократии наносили неоднократные перекройки избирательных округов, имевшие целью поставить в невыгодные условия в первую очередь пролетарские центры и территории с проживанием нацменьшинств. Крайне неблагоприятно мажоритарная система отражалась на деятельности левых партий.

Система буржуазно-парламентской демократии подчинялась такому принципу: «Дайте мне власть, и я вам дам парламент!» Действительно, между выборами в мае 1926 г. и июле 1927 г. прошло чуть больше года, а правительства разных партий в это время получали на них неизменное абсолютное большинство: в 1926 г. народная партия Авереску добилась на выборах в палату депутатов 53%, в сенат — 81% голосов, а в 1927 г. уже национал-либералы получили соответственно 62% и 85%, причем и последующие избирательные кампании доказывали эту закономерность. В 1928 г. правительство национал-царанистов на выборах в палату депутатов обеспечило 78%, сменившее его правительство в 1931 г. имело 47%, но в 1932 г. НЦП вновь получила более 40% голосов¹⁴.

Ярким проявлением недоверия масс к политике сменявшихся правительств являлась растущая пассивность избирателей, увеличивавшаяся апатия их на выборах, что следует рассматривать в качестве реального политического сопротивления низов, ибо, как указывал В. И. Ленин, отказ от политики — есть тоже политика¹⁵. В этом плане примеры избирательной статистики в межвоенной Румынии чрезвычайно показательны. С 1926 по 1937 г. (период между первыми и последними выборами в парламент на основе закона 1926 г.)

численность зарегистрированных избирателей увеличилась всего на 400 тыс., но процент участвовавших в голосовании упал с 75 до 66, при этом в среднем по Бессарабии показатели были значительно ниже — около 50%, а в отдельных округах и того меньше (в Лалушине, например, только 34%)¹⁶.

Прослеживается и снижение поддержки электоратом правительственных партий на выборах: с 78% в 1928 г. до 35,9% голосов избирателей в 1937 г.¹⁷

Вполне естественно, что сужение массовой политической базы заставляло правящую верхушку искать средства и пути для обеспечения своего влияния на массы, интеграции их в политическую систему. Эти задачи, как правило, возлагаются на политические партии. Буржуазные партии Румынии не просто взаимодействовали с государственным механизмом, а являлись составной частью его структуры.

Конкретная организация партийной системы в буржуазной Румынии — довольно сложный для изучения объект. В большинстве случаев буржуазные партии отличались пестротой своего социального состава. Наряду с сильными, организованными политическими партиями с четко определенной политической линией и программой имелось немало весьма слабых аморфных организаций (в выборах обычно участвовало от 20 до 50 политических группировок), у которых отсутствовали программы, аппарат, уставы. К тому же большинство партий не имело своих организаций на местах. Активность партий, как правило, была связана с периодами предвыборных кампаний, а единственным источником для определения их влияния являются статистические данные о результатах парламентских выборов.

Характерным признаком румынской партийной системы является политическая монополия двух ведущих буржуазных партий. Наступление периода относительной стабилизации капитализма в Румынии совпало с приходом к власти наиболее сильной политической партии страны — национал-либеральной (НЛП). Она являлась самой крупной и старейшей политической партией и представляла главным образом интересы промышленной и банковской буржуазии «старого королевства» (т. е. территории Румынии до первой мировой войны). До начала 20-х годов либералы попеременно чередовались у власти с консерваторами — партией крупных помещиков, которая распалась и сошла с политической арены, когда вследствие аграрной реформы позиции помещиков в правящем лагере заметно ослабли. Во главе либеральной партии бесценно находилось семейство Брэттиану, державшее в своих руках многие румынские банки, включая Национальный банк. Благодаря своим финансовым операциям, а также некоторым ограничительным мерам, принятым против крупных промышленников вновь присоединенных областей и национализации недр земли, либеральная партия значительно укрепила свою экономическую базу и расширила политическое влияние. Это была единственная партия, имевшая свои организации по всей стране. Географически ее влияние оставалось стабильным на протяжении

почти всего межвоенного периода, а именно: наиболее сильные позиции на территории «старого королевства», особенно слабые — в присоединенных провинциях, в центрах проживания национальных меньшинств. На выборах 1926 г. НЛП получила в среднем по стране 7% голосов избирателей, тогда как в «старом королевстве» — около 10%, в Трансильвании — 3,6%; на выборах 1932 г. выявилась та же пропорциональность. Базой национал-либеральной партии в первую очередь была буржуазия города, национал-либералы политически господствовали в крупнейших промышленных центрах. Так, в Бухаресте, даже будучи в оппозиции в 1932 г., она собрала 39% голосов (в среднем по стране — лишь 13,6%), а в 1933 г. — 62% (в стране — 51%)¹⁸.

В середине 20-х годов национал-либералы имели неизменную поддержку короля Фердинанда. Лидер партии И. Брэтиану, возглавлявший правительство в 1922—1926 гг., имел на него большое влияние, а поддержка монарха развязывала ему руки, он всегда мог апеллировать к королю, чтобы отвести упреки оппозиции в установлении режима личной власти. Но такое положение могло измениться со смертью престарелого Фердинанда, тем более что наследный принц Кароль не скрывал своих намерений покончить с монополией власти семейства Брэтиану. Видя, что оппозиционные партии близки к соглашению об объединении с Каролем, НЛП решила добиться лишения последнего права на престол, используя для этого фактический разрыв Кароля со своей семьей. В январе 1926 г. национал-либеральное правительство поспешно провело через парламент акт, лишивший Кароля прав престолонаследия, и создало регентский совет при малолетнем престолонаследнике Михеа, рассчитывая закрепить господствующие позиции НЛП.

Дело с изгнанием Кароля — это в известной мере определенный политический рубеж в деятельности и положении НЛП. В борьбе против политики либералов объединились различные оппозиционные силы, несмотря на пестрый спектр их политических направленности. Именно тогда на арене политической жизни Румынии появилась вторая массовая буржуазная партия — национал-царанистская партия (НЦП). Она была создана в сентябре 1926 г. путем слияния царанистской (крестьянской) партии во главе с бывшим сельским учителем И. Михалаке и национальной партии Трансильвании, возглавляемой крупным землевладельцем и предпринимателем Ю. Маниу. Оценивая произошедшее изменение в соотношении сил внутри правящего лагеря, буржуазная газета «Вииторул» (орган национал-либералов) писала: «Румыния вновь возвращается к двухпартийной системе»¹⁹.

Национальная партия была образована еще в начале 80-х годов XIX в. в Трансильвании. Руководящую роль в ней играли крупные аграрии и промышленники, многие из которых были связаны с германским, а затем английским капиталом. Эта партия, выражавшая интересы прежде всего трансильванской буржуазии, была недовольна политикой крупного капитала «старого королевства», представленного либералами и мало считавшегося с ее требованиями,

Поэтому национальная партия и ее руководство легко находили общий язык с иностранными монополиями, опасавшимися, что провозглашенный либералами экономический курс «своими собственными силами» приведет к «излишней самостоятельности» румынской буржуазии и может ущемить их интересы.

В отличие от «старых» политических партий либералов и консерваторов царанистская партия образовалась в Румынии после первой мировой войны, когда под влиянием Октябрьской революции румынское крестьянство по примеру крестьян Бессарабии и других областей России начало борьбу за землю. В 1918 г. под руководством И. Михалаке начали создаваться первые организации царанистской партии в Мунтении, вскоре она объединяла широкие массы крестьянства, привлекая их обещаниями переделить в их пользу земельные наделы. Партия укрепила свои ряды в период проведения аграрной реформы, создав свои организации в 55 уездах из 72²⁰.

Основой ее социальной базы было крестьянство, но не беднейшее — жители горных районов или те, кто только обзавелся своим наделом, а в первую очередь кулачество, зажиточные виноградари, которые надеялись в связи с хорошей экономической конъюнктурой подняться выше в социальной и политической иерархии.

Начав борьбу за власть, царанистская партия под влиянием усиливавшегося расслоения сельского населения все больше становилась выразительницей интересов верхушечных, кулацких слоев крестьянства. Руководящее ядро партии, постепенно сплетаясь с буржуазными кругами, явственно поворачивало вправо и подчиняло всю свою деятельность единственной цели — завоеванию власти. Это в значительной степени и определило выбор царанистами союзника в лице национальной партии, после слияния с которой они отбросили многие демагогические лозунги, открыто отказались от принципа классовой борьбы.

В конце 20-х годов социальная база национал-царанистской партии была чрезвычайно пестрой. Ее основную массу составляло среднее и в какой-то мере мелкое крестьянство, но среди членов и сторонников партии были и представители помещичьих слоев и буржуазии, в том числе и монополистической, которые хотели установления более тесных связей с иностранным капиталом, и мелкой городской буржуазии, и значительное число представителей городской и сельской интеллигенции. Благодаря особенностям состава и политической платформы (основополагающими принципами которой было, во-первых, требование «открытых дверей» для иностранного капитала в промышленности, во-вторых, концепция «крестьянского государства»), оппозиционная национал-царанистская партия длительное время представлялась внешнему наблюдателю как радикальное движение если не левой, то по крайней мере демократической направленности. НЦП с самого начала выступала с осмотрительно составленной политической программой, растворенной в демагогических лозунгах и обещаниях улучшить жизнь румынского крестьянства, однако главным и определяющим позиции НЦП оставалось заверение ее лидеров, что «они не стремятся к изменению существую-

щего порядка», а требуют лишь «признания своего права на власть»²¹.

В 1928 г. НЦП показала себя как партия, умеющая лавировать среди нараставших противоречий, использовать в своих интересах и революционный подъем трудящихся масс города и деревни, и недовольство широких буржуазных слоев экономической политикой и политическим засильем НЛП, и поддержку иностранных монополий, и стремление части финансово-монополистических кругов, близких к монархии, а также высшего офицерства добиться возвращения Кароля на престол. Парламентские выборы 1928 г. стали триумфом НЦП, она получила 349 из 387 депутатских мандатов²².

Хотя у двух «исторических» буржуазных партий (как принято называть НЛП и НЦП) редко оказывались серьезные политические конкуренты, тем не менее «третьи» партии не исчезли с арены политической жизни Румынии. Оппозиционные, но слабые и подконтрольные правящим кругам буржуазные партийные группировки часто противопоставлялись друг другу, в зависимости от обстоятельств против них направлялось недовольство различных социально-политических сил или, напротив, они привлекались к власти в периоды острых разногласий в высшем эшелоне власти. Среди наиболее влиятельных «третьих» партий и организаций буржуазного лагеря румынские историки выделяют несколько групп²³. Первая из них включает все отколовшиеся фракции НЛП и НЦП и продолжавшие свою деятельность вплоть до последних выборов 1937 г., т. е. национал-либеральную группировку Г. Брэтиану, радикал-даранистскую партию Г. Юниана, а также правый фланг партийной системы — фашистскую организацию «Все для отечества» (Железная гвардия), национал-христианскую партию О. Гоги — А. Кузы. Отличительная черта этой группы состоит в том, что все эти партии ставили целью завоевание власти.

К следующей группе относятся малочисленные, но весьма влиятельные партии, лидеры которых неоднократно призывались правящими кругами к кормилу власти. Это народная партия А. Авереску, национал-демократическая партия во главе с Н. Йоргой, аграрная партия К. Арджетояну и «Румынский фронт» А. Вайды-Воевода. Эти партии также надеялись прийти к власти, но фактически время от времени власть получали не партии, а их руководители. Причем только для формирования «переходного» правительства или коалиционного кабинета, как правило, на ограниченный период. Вместе с тем лидеры этих партий всегда находились в числе узкого круга привилегированных политических деятелей, близких к монарху и составлявших Коронный совет.

В третью группу объединяются политические организации национальных меньшинств, например Венгерская партия, Еврейская партия и др. В основе их деятельности лежали принципы защиты интересов мелкой и средней буржуазии — представителей какой-либо национальности. Они не ставили целью завоевание власти, но старались получить депутатские места в парламенте, вступая обычно в блоки с ведущими или более влиятельными партийными организациями.

Если в основу классификации буржуазной партийной системы межвоенной Румынии положить два критерия — представительство в парламенте и участие в правительстве, то представленная выше схема многопартийности неизбежно разбивается о вопрос: сколько партий реально претендовало на доминирующие позиции в политической жизни страны? Тогда в эволюции партийной системы выявляются два периода: первый — в течение 20-х до середины 30-х годов, когда в борьбе за власть действительно соревнуются только две партии — НЛП и НЦП, при этом их соперничество ограничивается одной целью — завоевание власти, в то время как общая политическая идеология и устой режима не подвергаются ими сомнению. Формирование общей политики господствующего класса в годы частичной стабилизации носило спонтанный характер: учет интересов различных групп и слоев буржуазии, распределение государственного «пирога» зависели от степени близости тех или иных сил к правящей партии национал-либералов. Крупный капитал действовал прежде всего через своих ставленников в «личных кабинетах» министров, в 1922—1926 гг. неизменно возглавляемых главой НЛП И. Брэтэану. Под нажимом этой фракции крупной буржуазии, представляемой НЛП, старый и больной король Фердинанд утратил роль активного арбитра в политической жизни.

Немаловажную роль в обострении политической нестабильности в стране сыграло лишение принца Кароля права на престолонаследие и нарастание симптомов экономического кризиса в конце 20-х годов. К этому следует присовокупить и такой фактор, как усиление влияния иностранного капитала на внутреннюю и внешнюю политику господствующих классов Румынии. Одним из следствий этого процесса явилось нарастание противоречий между группами буржуазии, одной — ориентирующейся по-прежнему на англо-французский капитал, другой — связывающей свои интересы с активизировавшимся в Румынии германским капиталом.

Следующий этап эволюции партийной системы румынского буржуазного общества приходится на вторую половину 30-х годов после того, как возвращение Кароля на престол, вызвав перегруппировку сил в верхах правящей элиты, углубило противоречия внутри господствующих классов, обострило борьбу за власть между отдельными группами монополистического капитала. В этот же период на политической арене страны активизировались силы правой и фашистской реакции. Именно тогда в партийной системе проявляется новый фактор — складывающийся правый реакционно-фашистский лагерь. Водоразделом в соперничестве между ним и прежними партиями является уже отношение к природе режима буржуазной демократии.

Свидетельством кризиса партийной системы буржуазного лагеря явились многочисленные партийные новообразования и расколы в 30-е годы: по сравнению с 1928 г., когда действовало семь влиятельных буржуазных партий, в 1937 г. в избирательных бюллетенях фигурировали 13 партий и организаций и более 50 различных политических объединений. Только в годы мирового экономического кризиса в стране сменилось 10 правительств, трижды досрочно проводились

парламентские выборы, которые выявили неожиданный рост влияния относительно мелких партий и примерно одинаковое падение числа голосов у правящей НЦП и оппозиционной НЛП. Стремление господствующих классов укрепить позиции у кормила власти и расправиться с революционным движением было недвусмысленно выражено в заявлении премьер-министра А. Вайды-Воевода в связи с массовыми выступлениями железнодорожников и нефтяников в феврале 1933 г.: «Нужно спасти страну, переступив через все законы, через все порядки, через все конституции. Пусть будет диктатура, но страну надо спасти»²⁴. Тогда же было введено осадное положение, действие которого продлевалось непрерывно вплоть до государственного переворота 1938 г.

Ссылаясь на «чрезвычайное положение в государстве», в обход конституционных норм парламент сам закрепил в одном из законов 1936 г. право правительства «на основе королевского декрета принять любые меры... определяемые высшими интересами страны», хотя и с оговоркой — «в период каникул» законодательного корпуса»²⁵.

Участие парламента в определении государственной политики и контроле за деятельностью правительства было незначительным. Свою роль в усилении пассивности парламента играло и отсутствие права избирателей на отзыв депутата. Избранный на основе принципа так называемого «национального представительства», депутат не нес ответственности за свою деятельность перед теми, кто за него голосовал, а также за деятельность того института власти, в котором он лично участвовал. Отдельные политические деятели указывали на «опасное падение роли представительных органов» в середине 30-х годов. Румынский буржуазный юрист К. Петреску-Эрча доказывал, что «парламент не осуществляет свою роль контроля над государственным аппаратом», в связи с чем «падает престиж самого представительного учреждения»²⁶. Другой буржуазный автор констатировал, что в Румынии «не правительство подчиняется парламенту, как должно быть в стране реальной конституционной демократии, а наоборот, у нас парламент находится в распоряжении правительства... даже не столько правительства, а его главы»²⁷.

Экономический кризис 1929—1933 гг., обрушившийся на Румынию, затронул все сферы ее социально-экономической и политической жизни. Румынские правящие круги в этот период искали пути преодоления кризиса, с одной стороны, при содействии иностранного капитала, а с другой — с помощью государственного финансирования и экономического регулирования хозяйственного механизма. Государство становилось главным источником финансирования отраслей тяжелой промышленности и крупнейшим потребителем ее продукции (причем на протяжении 30-х годов рост государственного потребления связан во многом с милитаризацией экономики). Административный характер имели меры, осуществляемые государством в области социальной политики, среди них такие, как замораживание заработной платы трудящимся, увеличение продолжительности рабочего дня, увеличение налогов и введение новых внутренних займов.

Система государственного протекционизма была ориентирована

на оказание прямой помощи ведущим монополистическим объединениям страны, заправили которых — Н. Малакса, М. Аушнитт, И. Джигурту, Н. Бужою и др. были связаны с правящей политической группировкой во главе с Каролем II. В интересах именно этой монополистической верхушки еще в годы кризиса был принят ряд законодательных актов о поощрении новых отраслей промышленности, в том числе о предоставлении монопольного права ввоза оборудования и получении кредитов на выгодных условиях, о лимитировании импорта отдельных товаров, в то время как подобная продукция румынского производства продавалась на внутреннем рынке намного дороже импортной (например, продукция металлургической промышленности, монополизированной фирмой Н. Малаксы).

Представители крупнейших монополий занимали высокие государственные посты и таким образом являлись проводниками политики, удобной им. Премьер-министр Г. Татареску был председателем ведущего в 30-е годы в «пятерке» крупнейших банков страны «Банка румынского кредита», министры В. Антонеску, Г. Гафенку, А. Вайда являлись членами правлений важнейших нефтяных компаний. В то же время значительную роль в системе взаимодействия монополий и государства, выработки государственной политики, в том числе в экономической области, играли союзы предпринимателей, например, Союз металлургической и горнорудной промышленности, Ассоциация финансов и крупной промышленности, бывшие выразителями интересов основных группировок монополистической буржуазии.

В условиях становления государственно-монополистического капитализма руководящую роль в сфере практического государственного управления, в принятии политических решений все чаще принимали на себя неконституционные органы, верхушка властвующей элиты в лице «королевской камарилы». Это выдвижение новой политической силы происходило под прикрытием призывов об установлении «твердой власти в стране» и «сильного государства». Пущенные в ход новые идеологические лозунги сыграли далеко не последнюю роль в изменении политической системы румынского буржуазного общества в межвоенный период. Естественно, нельзя объяснить кризис буржуазно-демократических институтов лишь идеологическим фактором, однако изменение политических концепций господствующих классов уже само по себе является важным свидетельством кризиса политической системы, неспособности господствующей буржуазной идеологии в новых условиях обеспечить эффективную теоретическую защиту существующего политического режима.

Одна из главных задач буржуазной политической идеологии заключается в обосновании идеи незыблемости буржуазного миропорядка, поддержании политико-мировоззренческого статус-кво, поэтому ее основная направленность тесно связана с приспособительными тенденциями в институциональном механизме буржуазной политической власти. Именно идеологические концепции выполняют функции диагностирования с соответствующих классовых позиций «болезней» этого механизма и выработки рецептов их преодоления, а так-

же обоснования необходимости модернизации системы политического господства в условиях нарастания общеполитического кризиса буржуазного общества.

Чем острее становились реальные противоречия румынского общества в 30-е годы, чем очевиднее выявлялась неспособность правящих кругов сохранить конституционные буржуазно-демократические политические институты, тем более активизировались поиски буржуазными идеологами новых концепций. И в первую очередь этому способствовали буржуазные партии с их пропагандистскими возможностями. Несмотря на ряд особенностей, обусловленных конкретными целями и задачами каждой из буржуазных партий либо определенными классовыми позициями того или иного идеолога, господствующие направления в буржуазной идеологии можно характеризовать следующим образом: 1) традиционная апология буржуазно-демократических институтов, открыто и последовательно нацеленная на защиту конституционного механизма политической системы (либеральное направление); 2) «апокалиптическое» направление, предусматривающее в условиях кризиса буржуазной демократии и краха веры в прочность и совершенство буржуазного либерализма ориентацию на систему сильной государственной власти господствующей элиты (элитарное направление); 3) авторитарное и открыто фашистское направление, тяготеющее к разработке концепций и проектов установления крайне реакционного диктаторского режима.

Буржуазные теоретики — представители либерального направления, вскрывая негативные процессы в недрах существующей политической системы, связывали их прежде всего не столько с ущербностью демократических институтов, сколько с диктаторскими замашками отдельных политических лидеров (например, руководителей НЛП — сначала И. Брэтиану, затем с 1934 г. Г. Татареску), самого Кароля II, не анализируя социально-экономического содержания их политического поведения. Член руководства НЦП Д. Добреску видел основные пороки румынской демократии в коррупции государственного аппарата, политиканстве и демагогии партийной верхушки, предающей интересы масс во имя упрочения своих позиций. Он призывал короля встать во главе «новой сильной демократии добра и солидарности»²⁸. Другой представитель НЦП П. Андрей обвинял парламент в «анархии» и считал необходимым укрепить «дисциплину и организованность» демократических институтов, соблюдать «демократию прав и свобод», но и «демократию обязанностей»²⁹.

У сторонников второго — элитарного — направления центральной идеей политических концепций было обращение в авторитету «твердой власти». Близкая к правительственным кругам газета «Универсул» в середине 30-х годов стала рупором тех сил, которые призывали поставить у политического руля людей, «способных сказать да, когда нужно сказать да, и нет, когда требуется сказать нет»... «Не диктатуры нужно бояться, — убеждала газета, — мы в принципе против диктатуры, но примем и диктатуру, если она нас наделит законностью... и спасет от анархии, в которую нас ввергает практика фальшивого конституционализма»³⁰.

Редактор реакционной газеты «Курентул» П. Шейкару подчеркивал, что лишь «отсутствие ответственной элиты» мешало проведению «политики улучшения материального и морального положения масс»³¹. Г. Брэтиану, лидер отколовшейся от НЛП группировки либералов-диссидентов, впоследствии сблизившийся в политическом партнерстве с руководством «Железной гвардии», призвал создать «новую элиту из средних слоев» и повысить «роль государства»³².

Представители третьего направления, категорически отрицая для Румынии «полезность избирательной урны», предлагали заменить «иллюзии о ценности парламентаризма» идеалами «революции легионеров»³³. На страницах реакционных изданий ведущие идеологи фашизма Н. Крайник и Н. Ионеску широко пропагандировали эти новые «идеалы» — корпоратизм, диктатуру, тоталитаризм, обрамляя их доктринами расизма и средневековой мистики. В основном лидеры «железнодорожного» движения демагогически призывали вернуться к культам «национальной специфики» и создать государство на основе «этнической справедливости», ликвидируя «фальшивую демократию» с ее партиями, выборами, парламентской жизнью и прочим «дорогостоящим блеском для режима нищеты»³⁴.

В условиях обострения идейно-политической конфронтации «верхов» в правящем лагере постепенно складывалось убеждение, что именно король может и должен навести «новый конституционный порядок в государственной жизни», когда страна «будет иметь твердую единую волю и программу правления»³⁵. Анализируя развитие политической борьбы между правящей национал-либеральной партией и оппозицией в конце 1935 г., редактор близкой к правительственным кругам газеты «Универсул» С. Полеску призывал короля «вмешаться и спасти страну от анархии». Несколько лет спустя он же пояснил позицию по этому вопросу, напомнив, что его газета с самого начала «оценила заслуги Муссолини, призывая наших политических деятелей, погрязших в демагогии и политической распухлости после войны, брать пример с политического лидера Италии...»³⁶

Своеобразие политической системы буржуазной Румынии, связанное с общей неразвитостью конституционно-парламентского механизма и хронической социально-политической нестабильностью режима, было использовано Каролом и его камарильей для установления открытой диктатуры в тот момент, когда в период парламентских выборов в декабре 1937 г. разразился новый политический кризис: ни одной из противоборствующих группировок не удалось получить необходимого большинства. Общий итог последних в рамках действия конституции 1923 г. парламентских выборов отразил сдвиг вправо всего спектра сил буржуазного лагеря и реально нависшую опасность со стороны реакционно-фашистского блока, за представителей которого проголосовало около 16% избирателей, тогда как правящая НЛП набрала 35,9% голосов. Кризис поразил центральные институты государственно-управленческого механизма, и «верхи» не могли больше ограничиваться «косметическим» подновлением политической системы. Монархия и фашизм взяли на себя инициативу осу-

дествить ее трансформацию «сверху». Заручившись поддержкой близких монархии лидеров финансово-монополистической элиты в союзе с крупнейшими аграриями, Кароль II упразднил конституционно-парламентский режим и, отменив действовавшую конституцию, 10 февраля 1938 г. провозгласил установление диктатуры в стране. Оценивая классовую сущность и реакционную направленность программы королевской диктатуры, компартия Румынии обозначила февральский рубеж 1938 г. как «начало эволюции политического режима в сторону фашизма»³⁷.

Проблема становления новой власти раскрывается в этот период достаточно полно с принятием конституции в конце февраля 1938 г. Объявленный правительством референдум по вопросу об отношении к конституционной реформе, проводившейся в условиях осадного положения, превратил принцип «всенародного голосования» в грубый фарс. Каждый его участник должен был пройти регистрацию и публично, в присутствии специальной комиссии высказаться за конституцию. Введение института референдума преследовало со стороны властей определенную политическую выгоду, поскольку его абсолютно положительный результат — 99,8% голосов одобрения — должен был символизировать поддержку масс начавшейся перестройке режима.

Новая конституция 1938 г. не только значительно сократила количество статей (оставив 100 статей из прежних 139), но и ввела некоторые новые элементы права. Наиболее важные из них касались изменений во взаимоотношениях органов государственной власти. Провозглашалось верховенство власти монарха, парламент же превращался в совещательный орган, деятельность которого и само существование полностью зависели от воли монарха. Чтобы усилить подчинение парламента, законодатель предусмотрел реформу сената: к двум бывшим категориям сенаторов (избранных на выборах и постоянных сенаторов «по праву») добавлялась третья категория «сенаторов, назначенных королем», что составляло половину от избираемых членов этой палаты. Устанавливая двухступенчатую систему выборов в парламент и предоставляя избирательное право только лицам в возрасте после 30 лет (раньше возраст определялся в 21 год), имеющим профессию и работу, конституция вводила принцип корпоративной системы в основу формирования и деятельности парламента в условиях королевской диктатуры. Депутаты парламента обязаны были приносить присягу и носить форму впоследствии организованной единственной партии нового режима — «Фронта национального возрождения» (ФНВ).

Верховная исполнительная и судебная власть также закреплялись за монархом, вместе с тем закон снимал всякую ответственность за его действия как главы государства, поскольку статья 44 предусматривала необходимость контрассигнации министрами актов короля.

Касаясь основных принципов гражданского права, конституция применяла формулировку о «гарантиях прав и свобод в рамках закона», что должно было означать подчинение личности интересам

государства. Новое законодательство усиливало репрессивные меры наказания за все виды политических «преступлений»: выступления трудящихся за улучшение условий своей жизни и работы, в защиту демократических свобод и гражданских прав. Конституция запрещала агитацию «за изменение формы правления, раздел или распределение частной собственности, за освобождение от налогов» и причисляла к особо опасным государственным преступлениям «пропаганду классовой борьбы» (ст. 7) ³⁸.

На протяжении 1938—1939 гг. королевская диктатура приспособляла конституционную программу к новым направлениям государственно-правового строительства системы монархо-фашистского режима. Так, в марте — апреле 1938 г. в дополнение к конституции были изданы декреты о запрещении всех политических партий, о введении военных трибуналов, которым передавались все дела о политических «преступлениях», а позже на основе закона о «защите порядка в государстве» была введена смертная казнь за эти «преступления». Важное значение для укрепления позиций этого нового режима имела административная реформа с последовавшей сменой государственного аппарата среднего и низшего звена. На государственные должности в уездах, городах и селах назначались преимущественно начальники военных гарнизонов, офицеры, что свидетельствовало о стремлении военизировать государственный аппарат и превратить армию в главную политическую опору королевской диктатуры.

Динамизм перестройки государственно-политической структуры отражал характерную черту эволюции королевской диктатуры на ее первом этапе. Конституция 1938 г., закрепив основные нормы и принципы фашистско-корпоративного правопорядка, изначально предопределила контуры и перспективы становления монархо-фашистского режима в Румынии. Она была упразднена в сентябре 1940 г., когда была исчерпана ее политическая значимость и системно-преобразующая роль на завершающем этапе перестройки механизма политической власти буржуазной Румынии в рамках военно-фашистского государства.

Раздел второй

ЗАРОЖДЕНИЕ ФАШИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ЛАГЕРЕ ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1919—1926 гг.)

Созданная в ноябре 1918 г. Польская республика была страной со средним уровнем развития промышленности и с незавершенным процессом буржуазных преобразований в сельском хозяйстве.

Становление буржуазного польского государства проходило в обстановке острой классовой борьбы. Помещики и капиталисты, столкнувшись в момент складывания буржуазной государственности с мощным революционным подъемом, вынуждены были пойти на признание и законодательное фиксирование значительного комплекса социальных и демократических прав и свобод. Наиболее точно, пожалуй, позиция правящих классов в отношении буржуазного парламентаризма в первые годы существования Польской республики была охарактеризована лидером национальной демократии Р. Дмовским, говорившим в 1919 г.: «Мы окружены со всех сторон революциями: русской, венгерской, германской. У нас нет армии. Поэтому мы в силу необходимости сделали то, что в природе делают слабые, лишенные клыков и когтей звери: мы приняли защитную окраску»¹.

По мере спада революционной волны и упрочения капиталистического строя усиливалось стремление правящих классов Польши к отходу от буржуазного парламентаризма, к утверждению антидемократического реакционного режима. Этот процесс стал особенно активным после установления режима «санации» в мае 1926 г., но уже и в предшествующие годы буржуазными политиками и идеологами велся поиск эффективных путей выхода из экономического и политического кризиса, который традиционными консервативными и либеральными буржуазными методами польские имущие классы преодолевали со все большим трудом.

Для выяснения характера эволюции политической линии польских правящих классов в первой половине 20-х годов значительный интерес представляет изучение зарождения и развития фашистских тенденций в национальной демократии.

Национальная демократия являлась в межвоенный период одной из основных буржуазных политических сил Польши. В понятие национальная демократия включается не одна какая-то политическая партия, а вся совокупность политических, общественных, молодежных, спортивных, женских и других организаций и союзов, объединенных узами различного характера и общностью идеологии. В основе всех

идеологических концепций эндеции лежали национализм в его крайней шовинистической форме, антикоммунизм, клерикализм. В качестве основной политической задачи, общей для всего лагеря в целом, следует назвать прежде всего стремление к упрочению социально-экономических и политических основ капитализма в Польше.

Политическим стержнем всего лагеря национальной демократии в первой половине 20-х годов являлся созданный в 1919 г. Народно-национальный союз (ННС, Звёнзек людово-народовы — ЗЛН). Ведущие позиции в нем заняли политики из Галиции, имевшие наибольший опыт парламентской деятельности, такие, как С. Грабский, С. Гломбиньский и др. Именно эта группа определяла в первые послевоенные годы политический облик эндеции. В их руках находилось руководство парламентской фракцией и Главным советом ННС. Эти деятели надеялись, что парламентская форма правления окажется достаточно эффективной для стабилизации капитализма и сохранения территориальной целостности неоднородного в национальном отношении буржуазного польского государства². Путь к решению этой задачи они видели в создании «польского большинства в сейме», т. е. прочного парламентского блока польских правых и центристских партий, признающих неизбежность основ капиталистического строя, в котором национальная демократия играла бы руководящую роль.

Итоги парламентских выборов 1919 г. вселяли надежду на успех подобной тактики. В июле 1919 г. фракция ННС в сейме насчитывала 145 депутатов, что составляло 36,8% общего числа его депутатов. Эндеция оказывала сильное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Ее представители и сторонники занимали в этот период ряд ответственных постов в правительстве, включая и пост премьер-министра; значительными были позиции эндеков в центральных и местных органах государственной администрации, самоуправления, юстиции и в армии.

Фактором, способствовавшим довольно широкому распространению влияния национальной демократии в польском обществе, являлся хорошо организованный пропагандистский аппарат. В распоряжении эндеции находилось несколько довольно крупных издательств. К середине 20-х годов эндеция самостоятельно или совместно с другими, близкими ей организациями издавала газеты практически во всех воеводских центрах Польши³, причем ряд изданий был сориентирован на конкретную читательскую аудиторию: мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию, крестьянство и т. д.

Будучи партией выборной кампании, т. е. ориентируясь прежде всего на получение максимально возможного числа голосов на парламентских выборах, ННС довольно большое внимание уделял развитию своей организационной структуры. В середине 1921 г. в его составе насчитывалось более 2 тыс. низовых организаций-кружков, не считая доверенных лиц⁴. Вся организационная работа на местах велась платными функционерами, что позволяло резко активизировать ее в момент подготовки и проведения выборов.

Весьма важным представляется вопрос, в интересах каких классов и групп вела свою политическую деятельность национальная демократия. Экономически и политически господствующими классами

Польша в этот период являлись буржуазия и помещики, социально-экономические интересы которых были далеко не идентичными. Помещики представляли собой силу, не считавшуюся с которой не могла себе позволить ни одна политическая партия или лагерь, претендовавшие на роль опоры капиталистического строя в стране. Главным в политической деятельности помещиков было стремление к сохранению в неприкосновенности их земель владения. Именно этими соображениями руководствовались они, оказывая политическую и материальную поддержку той или иной правой политической силе на протяжении всего межвоенного периода. Что же касается польской буржуазии, то, исходя из интересов развития капитализма в стране, она была заинтересована в более широком проведении буржуазных преобразований в деревне, а следовательно, в ограничении помещичьего землевладения. Задача эмиграции по консолидации этих классов вокруг своей программы осложнялась в значительной степени тем обстоятельством, что она не являлась единственным претендентом на право единоличного выражения интересов этих классов.

Конкуренцию эмиграции составляли пилсудчики, также претендовавшие на роль политического лидера этих классовых сил. Именно в этом кроется одна из причин острого антагонизма, существовавшего между энками и пилсудчиками в 1918—1939 гг. Если в период становления польской буржуазной государственности чаша весов в этой борьбе склонялась в большей степени на сторону Ю. Пилсудского, то в начале 20-х годов, с переходом к мирному развитию более предпочтительными становятся шансы национальной демократии.

Парламентские выборы 1919 г. показали, что в сфере идейно-политического и организационного воздействия национальной демократии находились весьма значительные круги польского общества, в то время как парламентское представительство пилсудчиков было незначительным. Национальная демократия сумела использовать в своих интересах разочарование имущих классов в Ю. Пилсудском после провала его военных планов на востоке. Не случайно, что в антипилсудчиковской пропаганде эмиграции этот момент обыгрывался особенно часто и настойчиво.

Поддержка национальной демократии польской буржуазией и помещиками особенно наглядно проявлялась в ходе подготовки к парламентским выборам 1922 г., когда эмиграцию поддерживали такие могущественные организации польской буржуазии и помещиков, как Центральный союз польской промышленности, горного дела, торговли и финансов («Левиафан»), Верховный совет помещичьих союзов. На рубеже 1920—1921 гг. между «Левиафаном» и Центральным аграрным обществом было достигнуто соглашение о совместном финансировании избирательной кампании, а в 1921 г. был создан Центральный избирательный комитет хозяйственного возрождения Польши, в задачи которого входил сбор средств на проведение выборов⁵. Нет никаких сомнений, кто имел преимущество в использовании средств из этого фонда. Так, в марте 1921 г. Верховный совет помещичьих союзов принял решение о поддержке тех партий, которые выдвинул наиболее подходящие для помещиков принципы аграрной

реформы, т. е. будут отстаивать частную парцелляцию без конфискации помещичьих имений⁶. Из 36 кандидатов в депутаты сейма, выдвинутых воеводскими съездами помещиков осенью 1921 г., 31 были сторонниками и членами ННС⁷.

Помещики оказывали давление на зависимых от них крестьян, вынуждая их голосовать за кандидатов эндеции. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что, хотя украинское население Восточной Галиции либо бойкотировало парламентские выборы 1922 г., либо голосовало за кандидатов блока национальных меньшинств, украинцы, работавшие в поместьях Сенявской, князя В. Чарторыского и графа Замойского, голосовали за объединенный список правых партий, в котором ведущая роль принадлежала эндекам, «за тот список, который морально и материально поддерживали помещики»⁸.

В августе 1922 г. Верховный совет помещичьих союзов передал в избирательный фонд эндеции крупную сумму денег⁹. Значительная поддержка была оказана эндеции крупной буржуазией. 31 мая 1922 г. состоялось совместное заседание лидеров национальной демократии с наиболее богатыми помещиками и промышленниками. На совещании выступили С. Гломбиньский, Р. Дмовский, С. Грабский и др. Они представили Народно-национальный союз как единственную политическую организацию, способную защитить интересы имущих классов. Выступавшие также изложили программу изменения социального законодательства, которую эндеция собиралась осуществить в новом сейме. Тут же был проведен сбор средств, пять из присутствовавших дали более чем по 1 млн. марок, остальные — по 100 тыс.¹⁰

Поддержка промышленных и банковских кругов стала особенно сильной после конституционного кризиса летом 1922 г. О своей поддержке эндеции заявили князь Любомирский, Натансоны из Союза сахарозаводчиков, зять крупного финансиста Л. Я. Кроненберга Ковалевский, представитель финансовой группы А. Гарновский и др.¹¹ В сентябре 1922 г. правление Торгового банка в Варшаве выделило в избирательный фонд эндеции и ее союзников 30 млн. марок¹². Конечно, финансовую поддержку получали и другие политические организации: пилсудчики, еврейские и немецкие партии, но львиная доля субсидий приходилась в это время на эндецию и ее союзников по правому избирательному блоку.

Прямые связи эндеции с буржуазией и помещиками обеспечивали ей их широкую материальную и политическую поддержку, но, чтобы успешно выполнять свою роль крупнейшей буржуазной политической силы, она должна была обеспечить себе поддержку более широких слоев польского общества. В. И. Ленин подчеркивал: «Если демократизирован строй государства, то капиталистам *приходится* искать опоры в массах, а для этого надо организовать их под лозунгами клерикализма (черносотенства и религии), национализма-шовинизма и т. д.»¹³. Массовой социальной базой эндеции, по мысли ее идеологов, должна была стать мелкая и средняя городская буржуазия польского национальности¹⁴.

Весьма разнообразными были организационные формы, с помощью которых эндеция стремилась вовлечь в сферу своего политического, идейного и организационного воздействия польскую мелкую и среднюю буржуазию. Важнейшей из них было Общество развития национальной жизни в Польше («Розвуй»), задачей которого была борьба с еврейским ремеслом и торговлей, преобладавшими в бывших русской и австрийской частях Польши, путем поддержки и развития польских кооперативных и акционерных обществ и банков, организации бойкота еврейских товаров, широкой антисемитской пропаганды¹⁵. Это была организация, насчитывающая в 1927 г. только в Восточной Галиции около 5 тыс. членов¹⁶. Из других организаций следует назвать Легион защиты конституции, Организацию общественной самопомощи, «Национальную стражу», в задачи которых входила борьба с рабочим и коммунистическим движением и которые ориентировались на вовлечение в свои ряды мелкой и средней буржуазии.

Не обходила своим вниманием эндеция рабочий класс и крестьянство, но в первые годы независимости воздействие на эти классы осуществлялось преимущественно через посредство католического клира, с которым национальная демократия сотрудничала самым тесным образом. В Законодательном сейме на скамьях ННС заседало 17 священников, ее поддерживала высшая церковная иерархия — кардинал Э. Дальбор, архиепископы Ю. Теодорович, А. Хленд, А. Каковский и др.

Столь разветвленная система идеологического, политического и организационного воздействия на массы во многом предопределила успехи, достигнутые эндецией на выборах в сейм в 1919 и 1922 гг. Однако постоянное удержание столь различавшихся по своим классовым интересам сил в орбите влияния эндеции было чрезвычайно сложным делом, требовало от нее постоянного лавирования и компромиссов, накладывало свой отпечаток на программу и тактику парламентской борьбы.

Программа ННС была принята на его II съезде в 1919 г. и с небольшими поправками, внесенными в 1924 г., действовала до 1928 г. Она была составлена в общих выражениях, что впоследствии давало возможность ее весьма широкой интерпретации. Основой идейно-политических взглядов энденции являлся национализм, в котором она видела самое надежное оружие защиты социальных, экономических и политических позиций польской буржуазии и помещиков. Программа однозначно определяла отношение эндеции к революционному движению в стране, заявляя, что «стремление к революции и насильственным социальным переворотам... должно пресекаться наравне с поползновениями внешних врагов».

Эндеция признавала деление общества на классы, но считала, что в основе взаимоотношений между ними должны лежать не противоречия, а сотрудничество, добиться которого можно с помощью некоторых социальных реформ, однако содержание их не конкретизировалось.

Эндеция выступала как решительный противник государственного вмешательства в экономику, ратуя за неограниченную частную инициативу. В области аграрных отношений она отстаивала «прусский путь» развития и стихийную эволюцию помещичьих имений в хозяйства капиталистического характера. Анализ выдвигавшейся эндецией социально-экономической программы со всей очевидностью свидетельствует, что ее главной задачей была защита господства польской буржуазии и помещиков.

Крайне шовинистический характер имела эндецкая программа создания «национального государства», предусматривавшая культурную, социально-экономическую и политическую дискриминацию национальных-меньшинств. С помощью национализма эндеция стремилась расколоть трудящихся Польши по национальному признаку и тем самым ослабить силу их сопротивления капиталистической эксплуатации¹⁷.

Важное место в социально-политической доктрине эндеции отводилось вопросу о форме государственной власти. В первые годы эндеция не выступала прямо и открыто против парламентской демократии, но ее позиция по ряду вопросов уже в этот период имела отчетливую антидемократическую окраску. Эта оценка относится к ее взглядам на роль органов местного самоуправления, которые, по мысли эндеции, должны были стать определенным противовесом сейму, избираемому, как она считала, слишком демократическим путем¹⁸. Антидемократическим был и конституционный проект эндеции, предусматривавший введение сената с полномочиями, близкими сейму, высокий возрастной ценз для избирателей.

Оценивая в целом идейно-политическую программу эндеции и ее концепцию стабилизации капиталистических отношений, следует признать, что, несмотря на присущие ей антидемократические, реакционные черты, в первые годы существования буржуазного польского государства они не выходили за рамки традиционных программ и взглядов правых буржуазных партий парламентских государств. Об этом свидетельствует и предлагавшаяся лидерами ННС тактика борьбы лагеря эндеции за политическую власть в стране, а также его организационная структура, весьма разветвленная, но чрезвычайно аморфная.

Антидемократизм эндеции и ее позиция представителя интересов имущих классов нашли полное отражение в ее конкретной политической деятельности. Она выступала против 8-часового рабочего дня¹⁹, признания за рабочими права на забастовку, особенно на транспорте и на предприятиях коммунального хозяйства, против больничных касс и пособий по безработице²⁰, т. е. практически против всех социальных завоеваний польского рабочего класса, достигнутых в 1918—1920 гг. Проголосовав в июле 1920 г. за закон об аграрной реформе, она впоследствии всячески бойкотировала его реализацию.

В мае 1923 г. было достигнуто соглашение о создании правительственной коалиции, в состав которой вошли центристская крестьянская партия «Пяст» и блок правых партий, выступавший на выборах 1922 г. под названием Христианское национальное единство

(«Хьена»). Эндеция играла в этом правительстве ведущую роль. Предпринятая эндецией попытка осуществления на практике собственной программы стабилизации капиталистических отношений в стране в период существования правительства блока «Хьена-Пяст» вылилась в усиление налогового гнета на рабочий класс и крестьянство, в сокращение государственных расходов на социальное обеспечение, просвещение и т. д., в удлинение рабочего дня и быстрое снижение реального жизненного уровня не только рабочего класса и крестьянства, но и средних слоев в результате галопирующей инфляции. Нараставшее сопротивление трудящихся против наступления на их социальные права правоцентристское правительство пыталось подавить с помощью репрессий и политического террора.

Основной причиной провала предлагавшихся эндецией и ее политическими союзниками мер по стабилизации капиталистических отношений в стране явилось решительное сопротивление масс. В 1922 г. в Польше началось новое оживление стачечной борьбы, достигшее в 1923 г. наибольшего размаха за все время существования буржуазной республики. Стачки, начинавшиеся на экономической почве, очень часто приобретали политическую окраску, сопровождались стычками с полицией. Предпринимавшиеся правительством попытки укрепить свое положение путем нагнетания антикоммунистической истерии и введения чрезвычайного положения не приносили ощутимых результатов. 5 ноября в стране началась всеобщая стачка, а 6 ноября произошли вооруженные столкновения рабочих с войсками в Кракове, Бориславе и Тарнове. События ноября 1923 г. наглядно показали, что трудящиеся Польши обладают достаточной революционной энергией, чтобы пресечь открытые попытки ликвидации их социальных и политических завоеваний.

Правительству блока «Хьена-Пяст» не удалось решить основной задачи — стабилизировать капиталистическую экономику Польши, укрепить социальные и политические позиции правящих классов, разгромить рабочее движение. 15 декабря это правительство, потеряв большинство в сейме в результате раскола в ПСЛ—«Пяст», вынуждено было уйти в отставку. Видный деятель эндеции С. Козицкий писал в связи с этим: «Должен сказать, что и я, и многие другие в нашем клубе узнали об этом с удовлетворением. Было абсолютно ясно, что правительство Витоса не сможет удержаться по причине неудач в области санации финансовой системы и валюты. Поэтому лучше было, что состояние агонии было прервано не в результате явной катастрофы, а скорее по причинам случайным и формальным»²¹.

Блок с ПСЛ—«Пяст» имел далеко идущие последствия для национальной демократии как в плане ее внутривнутриполитического развития, так и во взаимоотношениях с поддерживавшими ее классами и социальными группами. Эндеция вынуждена была пойти на уступки этой крестьянской партии, выражавшей преимущественно интересы зажиточной части крестьянства, согласившись на проведение аграрной реформы, хотя и крайне урезанной, ограниченной, дискриминирующей не только украинское и белорусское крестьянство, но и без-

земельное и малоземельное польское крестьянство. Однако даже незначительные уступки «Пясту», не затрагивавшие основ помещичьего землевладения, а лишь создававшие более благоприятные условия для развития капиталистических отношений в деревне, вызвали резкое недовольство помещичьих кругов, особенно в восточных воеводствах. Первым проявлением такого недовольства уступками национальной демократии в аграрном вопросе явился отказ помещичьих политических организаций войти в состав правительства блока «Хьена — Пяст» в 1923 г., а в ходе работы I съезда польских помещиков в сентябре 1924 г. это недовольство нашло выражение как в выступлениях участников, так и в итоговых документах. В резолюции съезда прямо указывалось, что «не все партии, поддерживаемые помещиками на последних выборах под лозунгами христианского национального единства, оправдали их ожидания. Поэтому помещики призываются оказывать помощь только тем партиям, которые последовательно и отважно... поддержат экономические постулаты съезда», т. е. выступают против аграрной реформы вообще»²².

Съезд продемонстрировал также полный отход помещиков от признания парламентской демократии в качестве основы государственного строя в Польше. В выступлении А. Мейштовича, будущего министра санационных правительств, подчеркивалось: «Чрезмерный парламентаризм обанкротился во всей Европе, а мы ввели его у себя в полном объеме, в стране, менее всего приспособленной к такого рода эксперименту, обществом которой никогда не сдало экзамена на зрелость, среди опасностей, справиться с которыми могут только сильные правительства. Отсюда все наши неудачи и поражения»²³.

Начавшийся в 1923 г. в Польше экономический кризис значительно сужал возможности социального маневрирования Народно-национального союза, ставил его перед необходимостью занимать позицию, отвечающую интересам крупной буржуазии. Эндеция развернула кампанию за свободу частного предпринимательства, изменение налоговой системы в интересах капиталистов, отказ от чрезвычайного налогообложения и имущественного налога. Позиция эндеции по социально-экономическим вопросам полностью выражала требования буржуазии Польши. В начале 1925 г. Е. Лэмпикский, один из директоров «Левиафана» заявил, что польская промышленность не может нормально развиваться без долгосрочных государственных кредитов, снижения транспортных тарифов, ограничения социального законодательства и снижения налогов на капитал²⁴. Незамедлительно последовал ряд выступлений ведущих деятелей Народно-национального союза в поддержку этих требований²⁵.

Совпадение позиций Народно-национального союза и «Левиафана» по вопросам стабилизации экономики стало совершенно очевидным после того, как пост министра финансов в правительстве А. Сквинынского в ноябре 1925 г. занял видный деятель эндеции и один из директоров «Левиафана» Е. Здзеховский. Предложенная им программа преодоления финансовых трудностей предусматривала в первую очередь снижение заработной платы государственных служащих и повышение косвенных налогов на трудящихся. Особое удов-

летворение имущих классов вызвало заявление Е. Эдзеховского, что «нынешний чрезвычайный имущественный налог, как показал опыт, нельзя получить в установленном сеймом размере в 1 млрд. злотых», что лично он является сторонником свободного экспорта сельскохозяйственных продуктов, а также обещание предоставлять торговой и промышленной буржуазии долгосрочные кредиты под низкий процент²⁶.

По-иному развивались отношения эндеции со средними городскими слоями после 1923 г. Эти слои, менее всего связанные с внешними рынками, сталкивались с большими трудностями при получении кредитов, на их положении в значительно большей степени сказывались последствия экономического кризиса. Это не могло не повлиять на их отношение к эндеции, за которую в значительной своей массе они голосовали в 1922 г. На рубеже 1923—1924 гг. произошел перелом в настроениях этих слоев в пользу центристских и даже левых сеймовых партий. Эндеция пыталась противодействовать этому процессу с помощью социальной демагогии и активизации антисемитских настроений, но конкретных шагов по облегчению положения средних слоев в эти годы эндецией предпринято не было. В 1925—1926 гг. произошло дальнейшее ослабление позиций эндеции в этой социальной группе, о чем, в частности, свидетельствуют неблагоприятные в целом для нее итоги коммунальных выборов в Познанском и Поморском воеводствах, в которых эндеция была прежде преобладающей политической силой. Активизировалась деятельность группы бывшей Мещанской партии, блокировавшей в Законодательном сейме с пропилсудчиковскими центристами. Состоявшийся в феврале 1926 г. в Познани съезд «среднего сословия» занял довольно четкую антиэндецкую позицию так же, как и проходивший в апреле общепольский съезд «среднего сословия» в Варшаве²⁷.

Таким образом, начиная с рубежа 1923—1924 гг. отчетливо наблюдается процесс эрозии социальной базы эндеции, выход из-под ее политического и организационного влияния значительной части помещиков и городских средних слоев и их переориентация на пилсудчиков. Все это привело к значительному ослаблению позиций той группы в лагере национальной демократии, которая рассчитывала осуществить программу стабилизации капиталистических отношений в Польше с помощью методов буржуазного парламентаризма, хотя она и продолжала сохранять свои позиции в Народно-национальном союзе, в котором роль руководящего центра играла парламентская фракция²⁸.

Для национальной демократии никогда не была свойственна приверженность идеалам буржуазного парламентаризма, ее пугала перспектива политической радикализации широких слоев польского общества и возможность победы на выборах левых партий и пилсудчиков. Особенно отчетливо эти опасения проявились в ходе подготовки к проведению выборов в сейм Польской республики в январе 1919 г. В этот период ряд деятелей лагеря эндеции выступили как открытые сторонники насильственных методов изменения расстановки политических сил в пользу национальной демократии путем отстра-

нения от власти Ю. Пилсудского и правительства Е. Морачевского. Об этом свидетельствуют два планировавшихся в конце 1918 г. заговора против Ю. Пилсудского, о которых было известно членам Национальной лиги²⁹, а также неудавшаяся попытка государственного переворота в ночь с 4 на 5 января 1919 г. с участием известных деятелей эндеции Е. Здзеховского, Т. Дымовского, М. Янушайтиса и др. О готовившемся заговоре знал С. Грабский³⁰. Однако большинство в руководстве национальной демократии склонялось в этот период к парламентским методам борьбы за политическую власть, опасаясь, что откровенно антидемократическая позиция приведет к изоляции и ослаблению лагеря. В этот период в польском обществе преобладали иллюзии, что как только начнет функционировать сейм, в стране будут введены демократические порядки, исчезнет социальная несправедливость. Допуск к участию в правящих политических структурах мелкобуржуазных партий также укреплял в массах веру во всемогущество сейма и его способность решать экономические и политические вопросы в интересах всей нации³¹.

Начиная с 1921 г., со вступлением Польши в мирный период развития, буржуазия и помещики все активнее требовали от правительства более действенной защиты их интересов, неограниченной свободы частного предпринимательства и неприкосновенности частной собственности и все более неохотно шли на уступки трудящимся, даже если они только в минимальной степени затрагивали их интересы³². Польским правящим классам не удалось добиться быстрой стабилизации капиталистических отношений, на что рассчитывали их идеологи. Постепенно рассеивались парламентские иллюзии в сознании широких масс, росло понимание невозможности улучшения положения трудящихся в условиях капиталистического общества. Среди имущих классов усиливалось стремление к отходу от буржуазного парламентаризма, к преодолению нестабильности и подавлению рабочего и национально-освободительного движения силой.

Выразителями этих стремлений в лагере национальной демократии стали политические деятели, недовольные тактической линией Народно-национального союза. Центральной фигурой, вокруг которой они группировались, был Р. Дмовский, — общепризнанный идеолог и лидер эндеции с момента ее оформления в самостоятельное политическое течение в конце XIX в. Он весьма критически отнесся к созданию ННС, считая его архаичной организацией, не отвечающей новым требованиям, организацией слишком аморфной и недостаточно дисциплинированной³³. Задуманная им организация эндеции не имела ничего общего с партией избирателей, каковой являлся ННС, а приближалась бы скорее к организации фашистского типа со строгой внутренней дисциплиной и иерархическими принципами построения³⁴.

Организационным центром складывавшегося праворадикального течения в лагере национальной демократии стал возобновленный в 1922 г. теоретический орган эндеции «Пшегленд внешнепольский», идейно-политическая направленность которого определялась прежде всего Р. Дмовским³⁵. Весьма характерно, что за все время существо-

вания журнала в нем не было напечатано ни одной статьи С. Грабского, считавшегося лидером Народно-национального союза. Именно на страницах «Пшеглёнда вшехпольского» началась разработка политической платформы праворадикального крыла эндеции. В течение 1922—1924 гг. Р. Дмовским был опубликован ряд статей, в которых он весьма пессимистически оценивал перспективы развития мировой капиталистической системы, возможности крупных европейских держав восстановить свои позиции в мире на довоенном уровне³⁶. Особое внимание обращал Р. Дмовский на социальные последствия этого ослабления капиталистической системы, на нарастание угрозы революционных потрясений³⁷. В связи с этим он призывал внимательно изучать грозящую опасность и работать над сплочением «истинно национальных сил» в самостоятельную политическую организацию, не связанную с Народно-национальным союзом и сеймом³⁸. «Пшеглёнд вшехпольский» активно участвовал в начатой с конца 1922 г. лагерем эндеции борьбе за пересмотр конституции 1921 г. в направлении ограничения полномочий сейма и усиления позиций исполнительных органов власти, а также в пропаганде необходимости пересмотра избирательного закона в связи с его «чрезмерной демократичностью»³⁹.

На формирование новых моментов в политической идеологии эндеции после 1921 г. значительное влияние оказали различные европейские реакционные политические течения, такие, как «Аксьон франсэз», хортизм и особенно итальянский фашизм. Эндеция довольно рано, уже в 1921 г., обратила внимание на итальянский фашизм, видя в нем родственное политическое движение⁴⁰. Но только со второй половины 1922 г. проблема итальянского фашизма заняла одно из центральных мест на страницах эндецкой прессы.

Эндеция не считала фашизм исключительно итальянским явлением. Она видела в нем лишь специфическую форму борьбы буржуазии за сохранение своих позиций в условиях чрезвычайного обострения классового борьбы после первой мировой войны. Специфика фашизма, по мнению эндеции, заключалась в том, что он решительно порвал с парламентаризмом, переставшим в новых условиях выполнять роль регулятора напряженности социально-классовых конфликтов и взял на себя функции борьбы с революционным движением, которые правительство, расстроенное деятельностью различных радикальных и либеральных течений, перестало выполнять должным образом⁴¹. В фашизме эндецию привлекало то, что путем демагогии ему удалось объединить в своих рядах представителей интеллигенции, мелкой буржуазии и рабочих⁴². Социальная демагогия итальянского фашизма не скрывала от эндеции его классового характера как движения буржуазии в защиту неприкосновенности своих экономических и политических позиций⁴³.

Интерес эндеции к фашизму уже в этот период не ограничивался только симпатиями к нему. Она пыталась заимствовать некоторые приемы его идеологической обработки масс. Избегая в целом радикальной социальной демагогии из-за опасения оттолкнуть от себя буржуазию польской национальности, эндеция пытается уже в

1922 г. несколько трансформировать обоснование своего антисемитизма, заявляя, что борьба с евреями — это борьба с капиталистической реакцией, с представителями международного «экономического и политического империализма»⁴⁴.

После парламентских выборов 1922 г., не принесших эндеции убедительной победы, ее пропаганда стала обращаться к примеру фашистской Италии для доказательства кризиса парламентской демократии, как к аргументу в пользу того, что буржуазный парламентаризм не является последней и окончательной формой политического строя. Все настойчивее подчеркивалось, что именно фашистское государство ближе всего стоит к той модели «национального государства», создание которого эндеция объявляла основной целью своей деятельности⁴⁵.

Пропаганда итальянского фашизма, широко проводившаяся эндецией, приносила различные результаты. Если лидеры ННС использовали пример фашистов Италии прежде всего как политический аргумент в проводившейся ими кампании по сплочению всех правых сил в едином блоке, то среди части деятелей лагеря эндеции и близких к нему кругов проявлялось стремление к немедленному перенесению на польскую почву фашистских методов борьбы за власть. Примером такого рода настроений в среде эндеции явились события декабря 1922 г., связанные с избранием первого президента Польши Г. Нарutowича и его убийством.

Следует особо подчеркнуть факт инспирированных эндецией манифестаций у итальянского посольства в Варшаве 11 декабря 1922 г., во время которых провозглашались здравицы в честь Б. Муссолини и фашизма⁴⁶. Другим свидетельством распространения фашистских настроений в правых кругах является существовавшая в 1922—1923 гг. организация «Готовность патриотов польских», целью которой был захват власти в стране в момент политического кризиса. Руководитель этой «нелегальной» организации Я. Пенкославский вел переговоры с членами правительства блока «Хьена—Пяст», а также с лидерами правых партий, в том числе и с Р. Дмовским, который, однако, отказался принять непосредственное участие в этой организации, но в то же время заявил, что «создание новой организации никогда не помешает»⁴⁷. Организация Я. Пенкославского была не очень многочисленна, в ней было около 800 членов, но среди них — шесть генералов и несколько десятков старших и младших офицеров.

Начиная с 1923 г. деятели праворадикального течения в национальной демократии все большее внимание начали уделять молодежи, видя в ней мобильную силу. В сентябре 1923 г. С. Козицкий заявил, что на арену политической жизни выступает новое поколение, которое прошло войну, приобрело неизвестный предшествующим поколениям опыт и ищет пути осуществления своих планов государственного переустройства. Его не устраивали больше ни «мещанская демократия», ни «либерализм финансовых сфер», ни «пацифизм плутократии и социалистов», ни «выродившийся в результате введения всеобщего избирательного права парламентаризм».

Только фашизм, проповедовал он, может дать ответ на наболевшие вопросы, стоявшие перед молодыми⁴⁸.

Вопрос о роли и месте молодежного движения в лагере эндеции в первой половине 20-х годов имеет большое значение для исследования проблемы идейно-политической эволюции эндеции на протяжении всего межвоенного периода, поскольку именно молодежные лидеры, приобщавшиеся к политической деятельности в начале 20-х годов, определяли облик эндеции в 30-е годы.

На базе созданного в 1918 г. Национального объединения студенческой молодежи в марте 1922 г. был основан студенческий союз «Всепольская молодежь». Члены «Всепольской молодежи» могли состоять во всех находившихся под влиянием эндеции организациях, но ни в руководстве ННС, ни в его парламентской фракции их представителей не было. Это объяснялось тем, что лидеры Народно-национального союза были противниками участия молодежи в политической деятельности старшего поколения⁴⁹. О преобладающем влиянии во «Всепольской молодежи» руководителей Народно-национального союза, считавших возможным стабилизировать и укрепить позиции капитализма в Польше в условиях парламентского строя, свидетельствует принятая ее I съездом «Идейная декларация», повторявшая в основном положения программы ННС⁵⁰.

Такое ограничительное толкование места и роли «Всепольской молодежи» в лагере эндеции вызывало определенное недовольство у ее лидеров⁵¹. Оппозиция, вначале весьма слабая и нерешительная, усиливалась по мере организационного становления и расширения влияния «Всепольской молодежи» в студенческой среде. Ее усилению способствовало участие молодых эндеков в антикоммунистических и антисоциалистических акциях⁵², в декабрьских событиях 1922 г. в Варшаве, достижение в 1921—1922 гг. преобладающих позиций в студенческой среде, а также деятельность Р. Дмовского и его сторонников, стремившихся превратить молодежь в свою опору в борьбе с более умеренным крылом в лагере национальной демократии⁵³.

Поворотным моментом в идейно-политическом развитии «Всепольской молодежи» стал ее II съезд в апреле 1923 г. На нем выступили С. Грабский и Р. Дмовский. Если выступление С. Грабского, выдержанное в традиционных тонах, прошло без особого резонанса⁵⁴, то призыв Р. Дмовского «не будьте талмудистами» оказал огромное влияние на умонастроения молодых эндеков. Он подверг критике политическую линию ННС, как не отвечающую потребностям времени, дал новую трактовку основных задач молодежного движения лагеря эндеции, призвал его активно включиться в борьбу за «преобразование мышления нации», взяв за образец итальянский фашизм⁵⁵.

Сильное воздействие на идейно-политическую эволюцию деятелей «Всепольской молодежи» оказывал «Пшеглэнд вшепольский», оценивавшийся ими как «неразлучный проводник» в их теоретической подготовке⁵⁶. С конца 1922 г. в молодежной прессе эндеции все чаще стали появляться статьи, ставившие под сомнение жизнеспособ-

способность парламентской демократии и требовавшие от молодежи «освежить всепольское движение»⁵⁷. Деятели «Всепольской молодежи» стремились распространить влияние этой организации и на нестуденческую молодежь⁵⁸.

В 1923 г. произошло дальнейшее укрепление позиций «Всепольской молодежи», добившейся полного преобладания в Национальном союзе польской студенческой молодежи. Среди лидеров «Всепольской молодежи» росло убеждение, что молодежь может и должна играть более самостоятельную роль в политике эндеции, что одной пропагандистской работы недостаточно, а следует приступить к созданию боевых групп для борьбы с «анархией», как это было сделано в фашистской Италии⁵⁹.

Таким образом, к концу 1923 г. в лагере эндеции наметились определенные новые тенденции в подходе к вопросу о путях стабилизации капиталистических отношений в стране, возникновение которых было связано с деятельностью Р. Дмовского и группы его единомышленников, все более скептически оценивавших перспективы парламентского развития Польши, не веривших в способность существующей политической системы сдерживать рост антикапиталистических настроений в обществе. Не вызывает сомнения сильное стимулирующее воздействие на развитие этих тенденций идей итальянского фашизма, находивших для себя благоприятную почву среди правых политических сил в условиях непрекращавшегося экономического и политического кризиса в Польше. Весьма характерно и то, что именно к этому времени и лагерь пилсудчиков пришел к окончательному выводу о необходимости государственного переворота как единственного пути стабилизации капитализма в Польше. Эти сходные тенденции в развитии двух основных политических сил имущих классов Польши свидетельствовали об отходе польской буржуазии и помещиков от той модели государственного устройства, которая была ими выбрана в 1918 г. не по доброй воле, а под давлением находившегося на подъеме массового революционного и демократического движения.

Начиная с 1924 г. наблюдается значительная активизация деятельности сторонников Р. Дмовского в лагере эндеции, в том числе и в Народно-национальном союзе. IV конгресс ННС в 1924 г., первый конгресс, на котором присутствовал Р. Дмовский, принял решение об уменьшении в Главном совете числа депутатов сейма и сенаторов и увеличении представительства от воеводских организаций, что вело к ослаблению позиций лидеров умеренного крыла в партии и лагере эндеции в целом. Весьма показательно выступление на конгрессе Р. Дмовского, призвавшего «дать по зубам» всем противникам капиталистического строя в Польше. В ходе формирования новых руководящих органов партии произошло значительное усиление позиций сторонников Р. Дмовского. С. Грабский не был избран в состав ее Главного правления. Это был несомненный успех Р. Дмовского, так как идеолог умеренного течения в лагере эндеции оказался фактически вне узкого руководящего круга. Инициаторы изменения положения о составе и роли Главного совета не скрыва-

ли, что они рассматривали существовавшую в ННС ситуацию как ненормальную, так как парламентская деятельность является только частью общеполитической работы партии, и, кроме того, она «легко приводит к определенному ограничению поля мышления и политической деятельности». Целью предстоявших перемен должно было стать перенесение «центра тяжести политической мысли и воли партии на ее руководство — Главный совет и Главное правление»⁶⁰.

В условиях эрозии традиционной социальной базы эндеции, в обстановке начавшегося отхода от нее части имущих классов и мелкой буржуазии, а также под определенным воздействием итальянского фашизма с конца 1924 г. наблюдались некоторые новые моменты в социальной демагогии национальной демократии в отношении рабочего класса. Если прежде эндеция при обращении к рабочим, как правило, ограничивалась призывами смириться со своим тяжелым материальным положением и согласиться на урезывание социального законодательства, то теперь упор в ее пропаганде все чаще делался на подчеркивание общности интересов польских рабочих и польских предпринимателей в вопросах сохранения и развития производства, на совпадение интересов «производителей», на «общенациональные» цели⁶¹.

Несомненное воздействие на изменение тона эндецкой пропаганды оказал опыт итальянских фашистов по созданию корпораций⁶². Так, один из крупнейших пропагандистов итальянского фашизма В. Яблоновский заявлял, что как фашизм, так и национализм не являются по своей природе антирабочими движениями. Наоборот, они признают, что рабочий класс лишен части причитающегося ему общественного богатства, что ему надо помочь получить его, и что фашизм якобы помогает ему это делать лучше, чем социалисты⁶³.

В первые послевоенные годы эндеция пользовалась сильным влиянием среди государственных служащих⁶⁴. В конце 1924—первой половине 1925 г. ею было создано несколько профсоюзных организаций в Восточной Галиции, объединявших преимущественно ремесленников, а также инженерно-технический персонал на нефтепромыслах Дрогобыча⁶⁵. Но главное внимание в это время было обращено на создание собственных профсоюзов с участием рабочих. Центром этой деятельности стал Домбровский бассейн. В июле 1925 г. в Сосновце состоялась совместная конференция деятелей ННС и представителей рабочих Кракова, Бельско-Бялой, Верхней Силезии, Домбровского бассейна, Лодзи, Варшавы и Белостока. Задачами конференции была выработка директивных тезисов работы ННС среди рабочих и ее унификация на территории всей Польши. В принятой резолюции говорилось, что «руководящей мыслью наших профсоюзов будет стремление к сотрудничеству с капиталом. Интересы производства являются общим делом как рабочих, так и умного фабриканта. В профессиональные союзы «Праца польска» могут входить как рабочие, так и фабричные служащие, но только поляки»⁶⁶. Первоочередной задачей профсоюзов «Праца польска» была организация штрейкбрехерской деятельности и борьба с классовыми профсоюзами⁶⁷. Эндеция не скрывала, что этим шагом она вступает на путь «национального синдика-

лизма»⁶⁸. Особенно большое значение этим профсоюзам придавали лидеры праворадикального течения, по мнению которых они должны были войти в состав будущей организации фашистского толка⁶⁹.

В середине 1925 г. по инициативе связанных с эндецией директоров и управляющих шахт в Домбровском бассейне был создан профсоюз горняков. В течение 1925—1927 гг. были созданы аналогичные профсоюзы текстильщиков и металлистов, а в 1927 г. отдельные профсоюзы «Праца польска» были объединены в едином профцентре, насчитывавшем 3800 членов. Это профсоюзное объединение характеризовалось левыми течениями в профсоюзном движении как реакционная организация с корпоративной программой, состоящая на службе у фабрикантов⁷⁰.

Хотя эндецкий профцентр и уступал по численности другим профсоюзным объединениям, тем не менее сам факт его создания свидетельствует о стремлении эндеции охватить своим влиянием рабочий класс Польши. Меняется характер эндецкой пропаганды в отношении рабочего класса, более изощренными становятся ее приемы. Наиболее показательным примером этого может служить работа Р. Дмовского «Рабочий вопрос вчера и сегодня», в которой он подверг критике польскую торговую и промышленную буржуазию за ее склонность к получению чрезмерных прибылей и к спекуляции, попытался столкнуть между собой различные отряды рабочего класса — высокооплачиваемых квалифицированных рабочих с низкооплачиваемыми неквалифицированными⁷¹. Более того, Р. Дмовский объявил себя противником капитализма, но капитализма не вообще, а его либеральной частнопредпринимательской модели, «деформирующей и уничтожающей личность». В качестве антитезы этой модели он выдвинул необходимость резкого усиления позиций государства в качестве регулятора экономической жизни и социально-классовых отношений⁷². Единственный выход из кризиса буржуазной демократии Р. Дмовский видел в отказе от буржуазно-демократических свобод и институтов, в установлении сильной власти, в том, чтобы поставить «на место» профсоюзное движение, и, наконец, в «оздоровлении» социального законодательства⁷³. Появились пропагандистские брошюры, в которых «производительный» капитал противопоставлялся «непроизводительному», ростовщическому, с которым надо бороться, ибо он повинен в упадке промышленности, торговли и т. д.⁷⁴

Таким образом, активизация деятельности эндеции в рабочей среде базировалась на идеологии корпоративизма, которая, как отмечал П. Тольятти, свойственна всем фашистским режимам и движениям⁷⁵. Причем в пропаганде эндеции рос удельный вес социальной демагогии в формах, более характерных для фашизма, чем для традиционной буржуазной реакции.

К числу наиболее важных и симптоматичных явлений в развитии праворадикального крыла в эндеции в 1925 г. следует отнести все более четко оформлявшуюся мысль о необходимости создания новой организации, которая бы диаметрально отличалась от ННС. Выдвижение такой задачи полностью совпадало с замыслами Р. Дмовского,

относящимися еще к 1920 г. Наиболее четко эта мысль сформулирована в статье «Борьба с демагогией» в «Пшеглёнде вшехпольском». Ее автор заявил, что ННС так же, как и другие партии, болен демагогией и склонностью к компромиссам, что является естественным следствием его парламентского характера. Радикальные перемены в тактике ННС произойдут не скоро, но в конце концов они наступят. Поэтому «очень важно для ускорения реакции и должного его руководства, чтобы уже существовали кристаллизационные центры. Надо, чтобы большинство знало, что политические организации предвидели результаты вредной демагогии и предостерегали от них»⁷⁶.

О том, что эта статья не носила случайного характера, свидетельствует, в частности, выступление Р. Дмовского на общепольской конференции ННС в октябре 1925 г., в котором он подчеркнул, что в условиях приближающегося столкновения защитников и противников капитализма особое значение приобретает националистическое движение, которое не заинтересовано — ни в сохранении, ни в свержении капитализма, а только в «сохранении независимости нации». Поэтому главной задачей Р. Дмовский считал сплочение в националистическом лагере как можно большей части польского общества⁷⁷. Сама идея сплочения всех националистических сил в единой организации не была новой для эмиграции, этой цели в свое время служила Национальная лига, а также ННС в момент его создания в 1919 г. Новым было понимание задач и характера подобной организации, которая должна была объединять силы не для парламентской борьбы, а для подготовки их к непосредственной борьбе с революционным и рабочим движением. В пользу подобной трактовки вышеупомянутого выступления Р. Дмовского свидетельствуют опубликованные им на рубеже 1925—1926 гг. серия статей «Сны и действительность» и работа «Рабочий вопрос вчера и сегодня». В «Снах...» он прямо заявил, что для него хороша любая политическая система, гарантирующая стабильность государства, что он без колебаний согласился бы на фашистскую диктатуру, если бы в Польше была «создана организация, хотя бы наполовину похожая на фашистскую»⁷⁸. О необходимости создания подобной организации он писал и в «Рабочем вопросе...»⁷⁹.

Последней попыткой навязать ННС свою тактику политической борьбы за власть явилось выступление Р. Дмовского на заседании Главного совета партии в феврале 1926 г. О позиции Р. Дмовского можно судить только по дневниковой записи Ю. Здановского. «Дмовский хотел придать им (решениям Главного совета. — Г. М.) боевой тон. Он уже видел мысленно, как эти решения всколыхнут общество... В предлагаемых резолюциях Дмовский взял такой тон, что даже вывел меня из равновесия, так далеко зашел он в демагогии... Я заявил, что нельзя выбирать путь приведения в движение толпы, если нет железной сети, которая удержала бы волну. Муссолини вначале с помощью верхних слоев создал эту сеть, а потом уже привел в движение. Дмовский думал, что надо эти верхние слои напугать, что это так понравится массам, что они за этими лозунгами

пойдут. Пошли бы, наверное, но к большевизму»⁸⁰. Как явствует из этой записи, Р. Дмовский пытался навязать эндеции тактику политической борьбы, основанную на широком использовании опыта итальянского фашизма, особенно в области социальной демагогии, что должно было обеспечить эндеции массовую социальную базу, которую она начала терять после 1923 г. Предложенная Р. Дмовским резолюция была отвергнута большинством Главного совета, опасавшимся, что радикальная социальная демагогия еще больше ослабит позиции эндеции среди имущих классов. От предложения Р. Дмовского осталось только провозглашение необходимости «моральной революции», цели которой были определены крайне расплывчато, а также призыв к созданию организации, которая объединила бы все националистические элементы⁸¹.

Социальной средой, в которой идеи Р. Дмовского находили в этот период наибольший отклик, было студенчество, организованное в союзе «Всепольской молодежи». Большое значение в процессе сближения «Всепольской молодежи» с праворадикальной группировкой эндеции имел ее III съезд в ноябре 1925 г. Принятая на съезде Программная декларация во многом отличалась от Идейной декларации 1922 г. Она требовала от каждого члена «Всепольской молодежи» активной позиции в деле защиты капиталистического строя. О влиянии праворадикального течения на «Всепольскую молодежь» наиболее красноречиво свидетельствовали те положения декларации, которые касались оптимального государственного устройства Польши, а также места в ней национальных меньшинств. Декларация заявляла, что «государственное устройство должно служить не осуществлению абстрактных доктрин, а историческим задачам нации». Целью политической деятельности объявлялось создание «сильной государственной власти как результата выкристаллизовавшейся политической мысли нации», а также «изменение общественного устройства с целью достижения большего равновесия отдельных социальных слоев».

В декларации вообще отрицалось существование в Польше славянских национальных меньшинств, они просто объявлялись этническими группами польского народа, имеющими право на развитие своей культурной самобытности. Что касается евреев, то они рассматривались как расово чуждый элемент, подлежащий не только полной культурной, политической и экономической изоляции, но и вытеснению из страны. Таким образом, «Всепольская молодежь» занимала в национальном вопросе не только шовинистическую, но и расистскую позицию. Программная декларация 1925 г. в отличие от Идейной декларации 1922 г. формулировала политическую платформу, во многом отличную от той, которая содержалась в программе ННС, во главу угла ставила не вопросы развития молодежного движения, а вопросы актуальной политической борьбы. В выступлениях делегатов съезда отчетливо звучала мысль об особой роли прошедшей войны молодежи в деле «будущего возрождения Польши», что прямо перекликалось с речью выступившего на съезде Р. Дмовского, в которой он сетовал на отсутствие сильных личностей и на чрезмерный карьеризм⁸².

Итоги работы съезда пропагандировались «Пшеглёндом вшехпольским»⁸³.

После съезда резко активизировалась антикоммунистическая деятельность «Всепольской молодежи». Председатель ее Главного совета Я. Рабский в открытом письме по случаю нового, 1926 г. потребовал от членов организации активной борьбы с коммунистами, со всеми левыми⁸⁴. Участились случаи физической расправы с политическими противниками «Всепольской молодежи». Так, весной 1926 г. ее членами был совершен ряд нападений на собрания и митинги, созывавшиеся левыми студенческими организациями. Члены «Всепольской молодежи» активно откликнулись на проводившуюся эндецией накануне 1 мая 1926 г. мобилизацию своих сторонников для оказания помощи полиции в разгоне организуемых коммунистами демонстраций⁸⁵.

Началось проникновение «Всепольской молодежи» в среду рабочих и ремесленной молодежи путем создания организации «Объединенная всепольская молодежь». К маю 1926 г. подобные ячейки были созданы в Варшаве и Кракове⁸⁶.

Лидеры «Всепольской молодежи» открыто заявляли о невозможности стабилизации капитализма в Польше в условиях буржуазного парламентаризма, выступали за более широкое и решительное применение фашистских методов борьбы с революционным движением, за включение в сферу своего идейного и организационного воздействия рабочей и ремесленной молодежи. «Всепольская молодежь» больше, чем другие составные части лагеря эндеции, оказалась подготовленной к участию в реализации вынашивавшейся Р. Дмовским идеи создания новой эндецкой организации.

Нарастание политического кризиса в стране весной 1926 г., обострение классовой борьбы, а также сопротивление умеренного крыла эндеции планам Р. Дмовского окончательно убедили его в необходимости создания новой политической организации, предназначенной для захвата власти в момент упадка парламентского строя⁸⁷. В апреле 1926 г. Р. Дмовский ездил в Италию для ознакомления с организацией фашистского государства. В Риме он имел несколько встреч с итальянскими националистами, занимавшими важные посты в фашистском государстве. Наиболее «полезными» были для него встречи с Э. Коррадини, «творцом предфашистского национализма»⁸⁸.

Государственный переворот в мае 1926 г., осуществленный Ю. Пилсудским, и установление режима «санации», являвшегося разновидностью диктатуры крупного капитала и помещиков, положили начало новому периоду в развитии буржуазного польского государства. Однако этот факт не сразу был осознан руководителями буржуазных, реформистских и мелкобуржуазных партий. Лидеры ННС и после переворота не теряли надежды на то, что они смогут использовать свои позиции в сейме для давления на режим в целях его ослабления, изоляции и последующего прихода к власти парламентским путем. Однако практика политической жизни после мая 1926 г. все более наглядно свидетельствовала, что Ю. Пилсудский не намерен считаться с волей сейма, что его политика находит одобрение не толь-

ко у помещиков, но и у буржуазии, в значительной своей части поддерживавшей национальную демократию вплоть до переворота⁸⁹.

Что касается Р. Дмовского, то он одним из первых в лагере эндеции разобрался в характере нового режима, определив его как диктатуру, опирающуюся на армию. Он полагал, что переворот положил конец первому, парламентскому периоду развития Польши. Но второй период, которому, судя по предшествующим его выступлениям, должно было соответствовать близкое по своему характеру фашистской Италии государство, еще не начался. Страна находится на перепутье и пойдет к социальной революции или же к фашизму, причем направление ее дальнейшего развития будет во многом зависеть от того, смогут ли правые взять в свои руки государственную власть, когда Ю. Пилсудский ее потеряет. В неспособности Ю. Пилсудского удержать власть в своих руках на длительный период Р. Дмовский в 1926 г. не сомневался. Основной задачей на ближайшее время Р. Дмовский считал «оздоровление политической жизни в Польше», в том числе и лагеря эндеции, для чего, по его мнению, необходимо было произвести смену политических кадров⁹⁰. В отличие от умеренного крыла, праворадикальная группировка полностью отвергала пригодность в новых условиях парламентских методов политической борьбы. Единственную силу, способную воспрепятствовать возможному революционному взрыву, она видела в консолидации всех правых политических сил Польши⁹¹.

Летом 1926 г. Р. Дмовский и его сторонники развернули активную деятельность по созданию новой организации. С конца июня началась публикация серии его статей «Фашизм», в которых анализировался опыт итальянского фашизма⁹². Главную заслугу фашизма он видел в подавлении коммунистического и рабочего движения, в отстранении от власти либеральных политиков и замене их «национальной организацией». Понимая, что лозунги полной ликвидации парламентаризма не могут привлечь симпатии широких масс, Р. Дмовский демагогически заявлял, что фашизм не уничтожает парламентскую демократию, а лишь ставит ее под контроль «организации элементов, лучше других понимающих политику»⁹³. Значительно расширился круг врагов «национального государства», в их число, кроме коммунистов и левых сил, включались также буржуазно-либеральные деятели. Важным для понимания эволюции праворадикального течения было также заявление Р. Дмовского, что для руководства страной вовсе не обязательно иметь за собой большинство нации, а вполне достаточно иметь сплоченную, активную и боевитую организацию. Коснувшись взаимосвязи фашизма и национализма, он подчеркнул, что национализм является идейным отцом фашизма, ибо он подготовил почву для фашистского переворота⁹⁴. Более того, фашизм — это «не что иное, как организованный по определенному методу национализм»⁹⁵. Р. Дмовский весьма критически оценивал польский национализм за его неумение должным образом отмежеваться от либеральных доктрин.

Одновременно с этим предпринимались и практические шаги по созданию новой организации. Т. Белецкий, вспоминая о встрече лиде-

ров «Всепольской молодежи» с Р. Дмовским летом 1926 г., отмечал, что «из долгой беседы, которую мы имели... следовало, что у него уже были выкристаллизовавшийся взгляд на необходимость создания новой организации...»⁹⁶. В беседе с Ю. Здановским в начале августа 1926 г. Р. Дмовский заявил, что считает ННС «ненужной шелухой», парламентскую деятельность — фикцией, а людей, ею занимающихся, — людьми прошлого. Основу нового движения должны составить активные группы, число которых будет расти очень быстро и руководители которых создадут штаб будущей организации⁹⁷. Эти же мысли были сформулированы им в статье «Организация нации»⁹⁸.

К ноябрю 1926 г. были закончены все подготовительные работы по созданию организации. Кроме консультаций с лидерами «Всепольской молодежи», Р. Дмовский вел переговоры с рядом деятелей ННС, лидерами христианских националистов, христианских демократов и др. 27 ноября 1926 г. на заседании Главного правления ННС Р. Дмовский сообщил, что в ближайшие дни он объявит о создании новой организации⁹⁹. В своем заявлении Дмовский со всей откровенностью раскрыл классовые цели, которые преследовались им при подготовке к созданию этой организации, подчеркнув, что без помощи имущих классов невозможно вести активную политику. Он утверждал, что открытая поддержка помещиками и частью финансовых кругов сацией свидетельствует, что ННС теряет среди них опору. Он обвинил руководство партии в том, что его политика парламентских компромиссов оттолкнула от эднечии ее политических союзников. Поэтому, сказал Р. Дмовский, он решил взять на себя инициативу создания новой организации, которая не занималась бы текущей политикой, а вела работу по сплочению и идейному воспитанию всех «здоровых национальных элементов» независимо от их партийной принадлежности с тем, чтобы превратить их в силу, способную противостоять грозящей социальной революции¹⁰⁰.

4 декабря 1926 г. в Познани на собрании с участием около 300 человек Р. Дмовский провозгласил создание новой политической организации эднечии — «Лагерь великой Польши» (ЛВП, «Обуз велькей Польски» — ОВП). ЛВП строился на отличных от принятых в буржуазных партиях Польши организационных принципах: в целом организационная структура ЛВП была идентична организациям фашистской партии в Италии. На учредительном съезде была оглашена подготовленная Р. Дмовским «Идейная декларация», которая должна была стать основой программы ЛВП¹⁰¹. Более конкретно цели и задачи организации были представлены Р. Дмовским на собрании варшавской организации ЛВП в январе 1927 г.¹⁰² Как Идейная декларация ЛВП, так и выступления Р. Дмовского в Варшаве ясно и недвусмысленно свидетельствовали об отказе от принципов буржуазной демократии. Лидеры ЛВП требовали подавления всякой оппозиционной деятельности, которая хотя бы в минимальной степени затрагивала основы капиталистического строя. Их идеалом была иерархическая организация общества, отстранение масс от всякого влияния на политическую жизнь страны. Правда, допускалось сохранение парламента как контрольного органа, однако принципы его избрания

не имели ничего общего с демократией. Национальные меньшинства лишались вообще каких бы то ни было прав. Условиями стабильности государства Дмовский считал абсолютную неприкосновенность частной собственности, полную ликвидацию всех социальных завоеваний трудящихся, практическое осуществление национального синдикализма¹⁰³. В первой половине 1927 г. появился ряд брошюр из серии «Программные указания», развивавших и дополнявших положения Идейной декларации. Особо выделялась брошюра Р. Рыбарского, в которой получил дальнейшее развитие выдвинутый Р. Дмовским тезис о необходимости усиления вмешательства государства в экономическую жизнь страны¹⁰⁴.

Создание «Лагерь великой Польши» завершило важный этап в развитии национальной демократии. Организационно оформилось политическое течение, отрицавшее тактическую линию ННС в борьбе за укрепление основ буржуазного строя в стране. В качестве идеала государственного устройства лидерами ЛВП выдвигался фашистский режим в Италии середины 1926 г. Этим, видимо, объясняется сохранение в программе ЛВП ряда положений, свойственных традиционной буржуазной политической мысли. Р. Дмовский, приступая к созданию ЛВП, рассчитывал привлечь в него не только сторонников национальной демократии, но и членов других политических буржуазных партий и организаций, а это также накладывало отпечаток на формулировки программы.

Создание ЛВП не являлось чисто внутренней проблемой развития лагеря эндеции. Зарождение и развитие праворадикального течения в национальной демократии происходило в условиях экономической, социальной и политической нестабильности капиталистического строя в Польше, когда правящие классы все более откровенно высказывались против буржуазного парламентаризма. Именно в этом, а не в политических навыках деятелей той или иной части Польши, следует искать истоки ЛВП.

Разногласия между сторонниками Р. Дмовского и С. Грабского касались не конечных целей политической борьбы и не отношения к буржуазному парламентаризму как системе институтов и морально-этических ценностей буржуазной демократии, а форм и методов стабилизации капиталистических отношений в стране в условиях общего кризиса капитализма, острых социально-классовых и национальных конфликтов и противоречий. Большое воздействие на праворадикальное течение оказал итальянский фашизм, у которого оно пыталось перенять новые для буржуазии формы и методы завоевания массовой социальной базы, хотя делалось это еще довольно робко и непоследовательно. С созданием «Лагерь великой Польши» начался переход на позиции фашизма всего лагеря национальной демократии. Это был процесс длительный и непростой, поскольку борьбу за политическую власть после 1926 г. эндеции пришлось вести с режимом «санации», также эволюционизировавшим в направлении фашизма.

ФАШИСТСКИЕ ПАРТИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ХОРТИСТСКОЙ ВЕНГРИИ

В самом начале первого этапа общего кризиса капитализма в Венгрии было свергнуто господство помещиков и капиталистов, установлена власть трудящихся. Рабочий класс разрушил буржуазную политическую систему. Однако за сравнительно краткий срок существования Венгерской Советской республики (133 дня) процесс создания новой социалистической политической системы не был завершен, хотя основные ее элементы — общественные организации и органы государственной власти — приобрели отчетливо выраженный социалистический характер.

После свержения Советской власти в Венгрии (август 1919 г.) ни одной из группировок помещиков и капиталистов, возрождавших свои партии и восстанавливавших свое классовое господство, не удалось восстановить буржуазную политическую систему ни в том виде, в каком она функционировала до победы буржуазно-демократической революции (осень 1918 г.), ни в том, в котором существовала она в Венгрии с ноября 1918 по март 1919 г. (т. е. в период коалиции политических представителей радикальной и либеральной буржуазии с правыми лидерами социал-демократии). Именно в этом первоначально нашел свое проявление ее кризис.

Власть помещиков и капиталистов во второй половине 1919 г. восстанавливалась сверху в условиях оккупации значительной части страны, в том числе и столицы, румынскими войсками, в условиях разгула белого террора, чинимого хортистскими офицерскими отрядами при прямой поддержке представителей правящих кругов стран Антанты.

Самыми влиятельными среди возрождавшихся политических партий помещиков и капиталистов первоначально были Объединенная христианская партия и Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ). В главном, в стремлении восстановить капиталистические порядки у этих партий взгляды совпадали. Но в отношении того, какую форму правления избрать, кому вручить верховную власть в государстве, среди них не было единства, хотя большинство их членов и составляли сторонники реставрации монархии. Была воссоздана и Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ). Ее реформистские лидеры открыто заявили о готовности сотрудничать с буржуазией в «восстановлении порядка» в стране. Левые, революционные деятели этой партии, принимавшие активное участие в политической жизни Венгерской Советской республики, были вынуждены эмигрировать, а те, которые остались в стране, подвергались гонениям и преследованиям наравне с коммунистами.

Несмотря на настоящую охоту, устроенную хортистскими офицерскими отрядами на коммунистов, свою деятельность в глубоком подполье возобновила и Коммунистическая партия Венгрии (КПВ).

Между тем претендентов на верховную власть в государстве оказалось немало. К ней рвались лидеры контрреволюционных группи-

ровок, обосновавшихся после утверждения Советской власти в Сегеде и Вене, а также Габсбурги. Одним из них был Миклош Хорти¹, вице-адмирал, ставший военным министром в правительстве, созданном в конце 1918 г. в Сегеде*. Под его руководством было вскоре создано несколько офицерских рот, насчитывавших в общей сложности до 1300 человек.

В то же время в Вене был создан Венский антибольшевистский комитет, главой которого стал граф Иштван Бетлен. Контрреволюционные центры в Сегеде и Вене поддерживали между собой связь и ставили одни и те же задачи: получить от Антанты оружие и при ее поддержке свергнуть Советскую власть в Венгрии.

Растерявшиеся в дни революции бывшие господствующие классы быстро приходили в себя после свержения власти трудящихся. Сменявшие друг друга правительства в Будапеште эволюционировали вправо, постепенно исключая либералов и правых социал-демократов, вводимых в их состав с целью дезориентации общественного мнения. Но чем дальше, тем более ясно вырисовывались три группировки буржуазии и помещиков, и фактически создавались три центра власти на территории страны.

Один из них был на той ее части, где находились румынские оккупационные войска, контролировавшие территорию восточнее Будапешта. С их помощью центр рассчитывал захватить власть в стране. В Будапеште действовало правительство фабриканта Иштвана Фридриха, ставленника эрцгерцога Иосифа Габсбурга, поддержанное группами графа П. Телеки (сегедское «правительство») и графа И. Бетлена из венского антибольшевистского комитета. Третьим центром было главное командование войск Хорти, обособившееся от сегедского «правительства» и обосновавшееся в Задунайском крае². Первоначально Хорти действовал с благословения командования французских оккупационных войск, но вскоре переориентировался на Великобританию и США. Исход борьбы за власть между этими центрами в немалой степени зависел от поддержки правительств держав-победительниц.

В планы Великобритании и Франции не входила длительная оккупация Венгрии румынскими войсками. Их целью было помочь внутренней контрреволюции консолидировать свои силы и расправиться с революционным движением. Фридрих вместе с группой Андрашпи (легитимистов) выступал в качестве основного соперника хортистского главного командования в борьбе за руководящую политическую роль в стране. Хотя его правительство и располагало полицейскими силами, М. Хорти быстрыми темпами создавал армию, и к середине ноября 1919 г. в ней уже насчитывалось 25 тыс. человек, а к концу года — почти вдвое больше. Это в конце концов и предприняло позицию держав Антанты и прежде всего Великобритании.

Пока М. Хорти был в Сегеде, у него не было программы, рассчитанной на длительный срок. В интервью журналисту газеты «Фриш уйшаг» он тогда заявил: «Первой, главной задачей мы считаем унич-

* Подробнее о М. Хорти: Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М., 1982, с. 111.

тожение большевизма. Мы пока не хотим идти далее этого...»³. В течение 20—30-х годов все идеологи хортистского режима постоянно говорили и писали о так называемой сегедской мысли, которая лежала, дескать, в основе всей деятельности хортистов. Однако никто из них не предпринял даже попытки изложить, в чем же заключалась эта «мысль». А между тем суть ее нашла выражение в практической деятельности особых офицерских отрядов, в развязанном ими белом терроре против всего прогрессивного в стране, в практике безудержного национализма и расизма, прежде всего антисемитизма.

Еще будучи в Задунайском крае, М. Хорти вынашивал планы захвата поста главы государства. Его заветной мечтой уже в то время было занять престол и основать собственную династию. Недаром он часто в своих речах упоминал Яноша Хуняди, военного предводителя, сына которого — Матяша — дворянство в свое время провозгласило королем. Однако он понимал, что вряд ли католическая знать, нарушив традиции, позволит ему, реформату по вероисповеданию, занять трон. И хотя многие его сторонники (Д. Гёмбеш и др.) подталкивали его к тому, чтобы он провозгласил себя королем, Хорти предпочел достижимую тогда и реальную власть регента.

Естественно, М. Хорти, добываясь власти, не афишировал свои истинные цели. Значительная часть венгерской знати, особенно аграрное ее крыло, была сторонником восстановления на венгерском троне «законного короля» Карла Габсбурга. Поэтому М. Хорти публично и в переписке с экс-королем выдавал себя за преданного его сторонника, готового уступить власть, как только после подписания мирного договора (поскольку правительства держав-победительниц и ряда соседних государств решительно возражали против возвращения к власти Габсбургов) для этого будут созданы благоприятные условия.

В начале 20-х годов ни одна из политических группировок эксплуататорских классов, претендовавших на власть, не могла обеспечить себе перевес⁴, и они были вынуждены идти на взаимный компромисс. При этом все они видели единственное средство для упрочения своего господства в беспощадном белом терроре и физическом уничтожении коммунистов и других прогрессивных деятелей. Именно поэтому различные группы эксплуататорских классов стремились заручиться прежде всего поддержкой М. Хорти, опиравшегося на реальную вооруженную силу. Тот же в свою очередь использовал их в своих целях. Многие из видных политических деятелей консервативного толка поспешили выразить свою поддержку М. Хорти. В упрочении его положения важную роль сыграла и позиция Союза венгерских промышленников, поддерживавших его еще в конце 1919 г.⁵ Они, конечно, рассчитывали на взаимность, о чем откровенно писали в одном из номеров своего журнала: «Нам необходимо знать, что эта армия (хортистская. — А. П.) в любую минуту, если понадобится, сможет защитить наши интересы»⁶.

В начале 1920 г. были проведены выборы в парламент, подготовку которых фактически контролировали хортисты. Однако чтобы обеспечить избрание М. Хорти регентом (поскольку от основных политических партий: Партии мелких сельских хозяев и христианской партии

были избраны не только сторонники главнокомандующего), 1 марта 1920 г., когда решался этот вопрос, войска под командованием Дюлы Остенбурга окружили здание парламента, и неугодные М. Хорти депутаты просто не были допущены в него. Да и присутствие в коридорах и в зале вооруженных офицеров из отряда Остенбурга, которых было больше чем пропущенных туда депутатов, также сыграло свою роль. 131 депутат (из 141 присутствовавших) проголосовал за избрание М. Хорти регентом⁷.

После голосования парламент направил к М. Хорти, резиденция которого находилась в отеле «Геллерт», делегацию во главе с архиепископом Оттокарсом Прохазкой с просьбой согласиться с избранием и принести в парламенте присягу. Но, явившись туда, М. Хорти потребовал получения самых широких полномочий, в том числе неограниченного права роспуска парламента. Офицерские отряды продолжали оставаться в здании парламента. В этой обстановке председатель парламента (после краткого совещания с узким кругом политических деятелей, собравшихся в одной из комнат, прилегавших к залу заседания) Иштван Раковски обратился к Хорти: «Прошу, диктуйте свои условия, Национальное собрание выполнит их»⁸. В результате был составлен (подписанный 15 буржуазными политическими деятелями) следующий документ: «Руководители партий согласились в том, что пересмотрят право роспуска парламента, изложенное в 13-м параграфе 1-й статьи Закона 1920 г., в том смысле, чтобы обеспечить регенту неограниченное право роспуска парламента, а также пересмотрят второй абзац 14-го параграфа»⁹.

Расширение прав регента, касавшееся роспуска парламента, было зафиксировано на основе этой договоренности в измененной статье 17 Закона 1920 г., хотя и не в такой форме, как желал этого регент*. Что же касается изменения 14-го параграфа (о том, что парламент не может привлечь регента к ответственности), то оно было утверждено лишь в 19-й статье Закона 1937 г.¹⁰

После избрания М. Хорти регентом внутри правящих классов на первый план выдвинулись противоречия между легитимистами и сторонниками «свободных выборов короля». Распри охватили не только основные коалиционные партии, но и самое окружение М. Хорти. Тогда еще даже большинство командиров хортистских особых отрядов считало М. Хорти верным сторонником Габсбургов. Но, заняв пост регента, М. Хорти не собирался содействовать восстановлению на троне экс-короля Карла. В 1921 г. Хорти с помощью вооруженных сил и при поддержке правящих кругов западных стран и соседних государств пресек две попытки Карла вернуть себе венгерский престол. Вслед за этим Габсбурги были детронизированы, легитимисты оттеснены на задний план политической арены.

Правые экстремистские элементы, в том числе и командиры осо-

* В ней расширялись права регента на роспуск парламента, но не обеспечивались неограниченные права, взамен чего в этом измененном Законе регенту предоставлялось право отклонения законов, использования армии за пределами страны в случае войны с последующим одобрением правительства и парламента и право помилования.

бых отрядов — Иван Хейяш, Дюла Остенбург-Морвек и их сообщники, нужные М. Хорти в борьбе с революцией, но не сумевшие сориентироваться в борьбе с Карлом, теперь оказались для него обузой.

Для консолидации хортистского режима более подходящими оказались политические деятели, поддерживавшие Хорти, принадлежавшие к высшей венгерской знати. Ее интересы отражал и граф Иштван Бетлен, на протяжении целого десятилетия (с апреля 1921 по август 1931 г.) возглавлявший кабинет министров и ставший советником Хорти как по внутренним, так и по внешнеполитическим вопросам.

К шовинистической, антикоммунистической и антисоветской политике Иштван Бетлен добавил более отчетливо, чем у его предшественников выраженный реваншистский штрих, связанный с идеей возвращения утерянных в войну территорий и восстановления «великой Венгрии», так называемой империи св. Иштвана. Не лишне отметить, что он происходил из Трансильвании, а его имение, земельные владения отошли к Румынии.

Бежавшие (в основном в Будапешт) с территорий, отошедших к соседним странам, более 300 тыс. венгерских магнатов и чиновников стали самыми активными сторонниками политики И. Бетлена.

Однако, даже такому опытному политическому деятелю, каким был И. Бетлен, нелегко было упрочить режим, установленный путем уничтожения революционных завоеваний трудящихся средствами открытого белого террора. Какова была расстановка классовых сил в Венгрии в те годы? В границах, установленных Трианонским мирным договором, тогда проживало 7990 тыс. человек. Более половины из них были заняты в сельском хозяйстве (55,7%). С восстановлением крупнопоместного землевладения менее 1% землевладельцев прибрали к своим рукам почти половину всех земельных угодий страны. Причем во владении 1130 крупнейших хозяйств (не меньше 1000 кадастровых хольдов) находилось 5383 тыс. кад. хольдов (из 16 млн.). Магнаты-аграрии восстановили в своих хозяйствах как в системе организации процесса производства, так и в форме оплаты труда многие формы феодальной эксплуатации. В то же время 63% мелких крестьянских хозяйств (до 5 кад. хольдов каждое) имели в своем распоряжении всего 9% земель, а почти 300 тыс., или 24,7% крестьянских дворов, полупролетариев венгерской деревни имели в своем пользовании лишь около 1% всех земель. Значительным по численности был сельскохозяйственный пролетариат.

В промышленности в то время было занято около одной пятой активного населения страны, а в торговле и на транспорте — 10%¹¹.

Финансовой олигархии и земельным магнатам (около 2% населения) нелегко было восстановить и утвердить свою власть, подчинить своему господству массы трудящегося населения. Верхушка господствующих классов смертельно боялась рабочего класса и предпочитала сознательных, передовых рабочих держать в тюрьмах и концентрационных лагерях.

И. Бетлен был назначен премьером, будучи беспартийным. Первоначально он предполагал опереться на буржуазную Объединенную христианскую партию и ПМСХ. Но в этих партиях, как и в правительстве, осенью 1921 г. обострилась борьба между легитимистами

и сторонниками свободных выборов короля. Дело дошло до раскола основной партии правительственной коалиции и репрессий против сторонников Карла Габсбурга.

В этой ситуации одним из важнейших средств консолидации режима И. Бетлен считал создание новой партии, на которую он мог бы опереться в управлении страной. Основой ее, по его мнению, могли стать сторонники регента в Партии мелких сельских хозяев и христианской партии. Именно эти партии еще со времени выборов 1920 г. держали в своих руках большинство парламентских мандатов — 188 из 219 (после дополнительных выборов на левом берегу Тисы, откуда были выведены румынские войска, и в г. Пече и его окрестностях, после ухода оттуда сербских войск). Хотя к январю 1922 г. в парламенте было представлено уже 11 политических партий (СДПВ бойкотировала выборы), доминирующее положение продолжали занимать ПМСХ (94 депутата) и христианская партия (52)¹².

Одна из газет отмечала в те дни, что идет беспощадная борьба за создание Партии единства, как назвал премьер будущую партию. Первоначально премьер-министр пытался собрать вокруг себя хотя бы немногих своих сторонников, а затем обеспечить себе большинство законодателей. «Бетлен,— писала та же газета,— выкручивая руки, хотел бы загнать парламентариев в Партию единства, но те не идут»¹³.

16 февраля 1922 г. регент дал указание закрыть сессию Национального собрания. В тот же день И. Бетлен изложил свой план образования Партии единства, «без которой, — как он заявлял, — в Венгрии не может наступить консолидация»¹⁴. Выступая в Мишкольце 11 марта 1922 г., И. Бетлен выразил надежду, что эта партия объединит всех сторонников «национальной демократии», отвергающих «интернациональную демократию». Мы хотим, говорил он, «демократию, но не господство крикунов... грубой массы»,¹⁵ власть интеллигенции. Мы хотим, продолжал он, демократию, но не такую, «которая требует упразднить частную собственность, устранить религию и национальные традиции»¹⁶. Понятием «демократия» Бетлен усиленно жонглировал, умышленно и постоянно, и не только с целью ввести в заблуждение парламентариев и общественное мнение страны. Это обеспечивало также необходимую политическую и финансовую поддержку держав-победительниц новому фашистскому режиму. И. Бетлену до поры до времени приходилось маскироваться, выдавать себя за демократа, заявлять, что якобы основной целью его жизни является восстановление демократических начал. Когда же оппозиция изобличала И. Бетлена и прямо указывала, что в Венгрии существует диктатура олигархии, что никакой демократии нет, что хортисты даже не осмелились провести плебисцит и спросить народ, какую форму государственного управления он предпочитает, когда обращали внимание премьера на отсутствие всеобщего избирательного права в Венгрии и т. д., и т. п., Иштван Бетлен обычно уверял своих оппонентов, что и во всей Европе такое же положение. В частности, отстаивая введенный в Венгрии избирательный закон (в некоторых местах тайное, а в других, главным образом в сельских, открытое голосование), он утверждал, что «в Восточной

Европе и на Балканах было бы вообще смешным говорить о всеобщем избирательном праве как о гарантии демократии»¹⁷. Когда в парламенте и в печати подвергли критике ограничения избирательных прав женщин (возрастной ценз — 30 лет и другие цензы), венгерское правительство сослалось на то, что и в Англии аналогичное положение, а в ряде буржуазных стран Европы дела еще хуже, ибо женщины вообще лишены права голоса¹⁸.

В 1922 г. при выборах в Национальное собрание различные цензы привели к сокращению числа избирателей на 750 тыс. по сравнению с 1920 г. Кроме того, со ссылкой на «венгерский характер», как указывалось выше, в сельских избирательных округах было восстановлено открытое голосование. Правительство И. Бетлена также приняло меры к тому, чтобы партиям, которые могли хотя бы косвенно представлять интересы трудящихся, всемерно затруднить ведение предвыборной борьбы. В результате из 245 мандатов новой Партии единства досталось 143 (58%), хотя она и получила всего 813 тыс. голосов (45%)¹⁹. Более 15% голосов (278 тыс.) собрала СДПВ. Депутатами от Партии единства стали 23 крупных землевладельца, 13 средних помещиков, 19 кулаков, 35 чиновников²⁰.

Партия единства, несмотря на ряд попыток, предпринимавшихся, в частности, Д. Гёмбёшем в 1922—1923 гг., не превратилась в массовую. Вес ее в политической системе хортистской Венгрии определялся прежде всего тем, что ее члены занимали руководящие посты как в центральных, так и местных органах власти. Поскольку главой партии являлся премьер-министр, то от него зависело, кто получит мандат в законодательный орган и какой пост или место займет в администрации или общественной жизни. Между И. Бетленом и депутатами парламента сложились такие отношения, что последние называли премьер-министра не иначе, как «хозяин», а оппозиция окрестила парламентариев, получивших мандат от Партии единства, «мамелюками» — кличкой, которую носили безоговорочно следовавшие политике бывшего премьера Венгрии Иштвана Тисы депутаты парламента от Партии труда²¹.

Одной из особенностей политической системы хортистского режима, отражавшей одновременно и его слабость, было существование наряду с легальными политическими партиями и легальными фашистскими организациями, тайных союзов и обществ, абсолютное большинство которых верно служило ему.

О том, какую роль они играли, современники могли только предполагать. В настоящее время, когда в распоряжении исследователей имеются дневники Пала Прокаи²² и Иштвана Задравеца²³, есть возможность реконструировать действительную картину деятельности тайных организаций.

Все эти организации контролировались из единого центра, созданного летом 1919 г. в Сегеде и перенесенного вскоре в Будапешт, «Этелкёзи сёветшейг» — «Союза Этелкёз», или «Экса»*. Его основа-

* «Этелкёз» — называлось государственное объединение семи венгерских племен в районе между южным течением Днестра и Дуная. В древневенгерском языке «этелкёз» означало — междуречье.

телями были профессор-языковед Вилмош Прехле, офицеры генерального штаба Дюла Гёмбёш и Дюла Тоокош, член сегедского контрреволюционного комитета патер Иштван Задрavec и католический священник Янош Дярмати²⁴. Хорти одобрил идею создания этой организации, приветствовал ее «благородные цели». Он поддерживал тесную связь с руководством союза, принимал его представителей, выслушивал и выполнял их советы и предложения, особенно в период борьбы за власть, поскольку и сторонники «свободных выборов короля» и легитимисты из «Экса» прочили Миклоша Хорти на пост главы государства.

Согласно уставу, «Эксом» управлял «совет семи вождей». Уполномоченные «совета семи» принимали у вновь вступавших присягу, которая обязывала к послушанию и сохранению втайне до конца жизни как самого существования организации, так и своего членства в ней. Тому, кто нарушит эту присягу, грозила смерть. Однако двое из руководящих деятелей «Экса», входивших одно время в «совет» (П. Пронаи и И. Задрavec), попав позже в немилость у М. Хорти, решились в своих дневниках зафиксировать деятельность «Экса» для будущих поколений. Из них видно, что на заседаниях «совета семи» рассматривались и решались вопросы о назначении на все государственные и административные посты — от премьер-министра и до сельского старосты. Его решения, как это установлено, беспрекословно проводились в жизнь. Организаторы «Экса» — самой широкой тайной организации периода хортизма (около 15 тыс. членов) — стремились установить в Венгрии тотальную диктатуру. Цели «Экса» во многом совпадали с политическим кредо ряда создававшихся в то время легальных контрреволюционных организаций, проповедовавших шовинизм, реваншизм и расизм, таких, как Союз пробуждающихся мадьяр и Всеенгерский союз оборонительных сил (МОВЕ). Наиболее влиятельным из них был МОВЕ, созданный еще осенью 1918 г. контрреволюционным офицерством. Почетным председателем его был избран М. Хорти, а председателем его ближайший сподвижник 34-летний капитан генерального штаба Д. Гёмбёш. МОВЕ фактически выполнял роль легального прикрытия тайного «Экса» (кстати, заседавшего в том же здании, которое было официальной резиденцией МОВЕ). Члены «Экса» согласно уставу называли друг друга «братьями», как это впоследствии стало принятым во всех крайне правых организациях в Венгрии. Прием в члены союза и заседания «совета семи» обставлялись с величайшей таинственностью. «Вожди» заседали в длинных черных мантиях с капюшонами, а вступавшие в союз давали клятву над человеческим скелетом*. Членами «совета семи» были начальник полиции

* Тогда возник план породнить Миклоша Хорти с Габсбургами (по затее Д. Гёмбёша предлагалось соединить брачными узами эрцгерцога Альбрехта Габсбурга с дочерью регента Паулеттой Хорти и избрать Альбрехта королем при сохранении фактической власти в руках Миклоша Хорти), кандидата в короли Альбрехта пригласили из Швейцарии в Будапешт, где он принес присягу на верность «Эксу» (*Pintér István. Ki volt Horthy Miklós? Budapest, 1968, 59, 77. old.*).

Имре Надаши, Дюла Гёмбёш и Иштван Бетлен. Остальные места в нем вскоре заняли графы Гедеон Радаи, Жигмонд Перени и генерал Иштвен Шретер²⁵. «Вожди» считали регента М. Хорти «невидимым главой» союза, а по неписаным условиям он мог в любое время занять пост «главного вождя». Но М. Хорти предпочитал не вступать ни в тайные, ни в легальные политические организации, хотя широко пользовался их услугами как в период борьбы за власть, так и в годы консолидации режима. Он держал их под своим контролем, как и Партию единства, через своих близких родственников, занимавших в них ключевые посты. Приближенные М. Хорти, в том числе и флигель-адъютанты, были вовлечены с ведома регента в «Экс». И до конца существования этого общества руководители его очень внимательно следили за тем, чтобы рядом с М. Хорти были только люди, входившие в организацию. Поскольку «главного вождя» так и не оказалось, «совет семи» учредил новую должность «вождя-исполнителя», которую занял барон Бертольд Фейлич²⁶. Он был из-за своего физического уродства непригодным к публичным ролям, но в «Эксе» приобрел большой вес. К нему сходились тайные нити организаций со всей страны. Следует иметь в виду, что и «Экс» раздирали противоречия. Даже в «совет семи» входили сторонники «свободных выборов короля» и легитимисты. Враждовали католики и протестанты. Позже в нем противоборствовали сторонники прогитлеровской и англофильской ориентации. Вообще вся деятельность союза сопровождалась интригами, нередко кончавшимися политическими убийствами. Так, И. Задрavec, в частности, описал случай, когда Д. Гёмбёш, душа и мозг всего общества, чуть было не поплатился жизнью при «укротении строптивых».

Часть венгерских контрреволюционеров из венского и сегодского центров входила в другое тайное общество — Объединенную христианскую лигу, названную позже Обществом Волфа²⁷. Руководителем ее были граф Пал Телеки и Карой Волф. В лиге была особая «внешнеполитическая комиссия» с католической и протестантской подкомиссиями. Это общество первоначально соперничало с «Эксом».

Были и другие тайные общества откровенно националистического, шовинистического характера, поддерживавшиеся правительством, которые ставили своей задачей ревизию границ, такие, как Общество Геллерта, Союз им. Ракоци, Союз им. Тёкёли, Союз им. Зрини, а также Союз пробуждающихся мадьяр. Некоторые из них имели тесные связи с австрийскими и германскими фашистскими организациями. Многие видные их деятели были одновременно активными членами различных легальных, часто военизированных организаций и политических партий.

Правительство И. Бетлена в мае 1921 г. создало Объединение общественных союзов, во главе которого стал граф Пал Телеки. Объединение должно было контролировать и координировать деятельность тайных, полутайных и легальных шовинистических и ирредентистских организаций.

По мнению И. Задрaveца, Д. Гёмбёш был самым целеустремленным и энергичным деятелем среди «сегодских» сподвижников

М. Хорти. Он планировал построить всю общественную жизнь на военный лад, в том числе и в Партии единства, в которой он ненадолго стал заместителем И. Бетлена. Он возглавлял группировку тех хортистов, которые по происхождению не принадлежали к магнатско-аристократической знати, но верно служили интересам венгерской финансовой олигархии, тесно связанной с крупнопоместной аристократией. И М. Хорти и И. Бетлен охотно пользовались услугами этой группировки, в основном состоявшей из джентрийских элементов, как в борьбе против революционных сил, так и против легитимистов.

В 1922 г. Д. Гёмбёш стал заместителем-распорядителем в новой Партии единства. Превратить Партию единства в массовую опору хортистов Д. Гёмбёш пытался административным путем.

При помощи террора, махинаций, реакционной избирательной системы сторонникам И. Бетлена удалось создать послушное им большинство в Национальном собрании*.

Однако честолюбивый граф И. Бетлен лишь до времени терпел рядом с собой Д. Гёмбёша, который нередко высказывал мнения, противоречащие планам Бетлена, не гнушался он и антикапиталистической демагогии.

В результате Д. Гёмбёш вынужден был вместе со своими сторонниками на время покинуть правящую партию**. Их деятельность в Партии защиты расы, однако, не принесла им успеха.

Антикоммунизм, шовинизм и антисемитизм объединяли расистов и правительственную партию, хотя они по-разному подходили к решению общих для себя задач. Сторонники И. Бетлена учитывали международную обстановку, позицию стран-победительниц и их союзников, государств Малой Антанты. Венгрия при правительстве И. Бетлена вступила в Лигу наций, что требовало выполнения страной версальских договоров. Группа же Д. Гёмбёша настаивала на проведении более агрессивной внешней политики, не считаясь с реальной обстановкой. Разногласия между Д. Гёмбёшем и И. Бетленом в этой области носили, однако, временный характер. Как только возникла более благоприятная, с точки зрения И. Бетлена, обстановка для осуществления «активной» внешней политики, он снова стал энергично привлекать к сотрудничеству сторонников «защиты расы». Д. Гёмбёш со своими единомышленниками возвратился в Партию единства. Вскоре после этого Дюла Гёмбёш стал военным министром, а в октябре 1932 г., в разгар мирового экономического кризиса, новая гвардия хортистов, в основном джентрийского происхождения, во главе с Д. Гёмбёшем, ставшим премьер-министром, выдвинулась на авансцену.

Это была уже новая плеяда «витязей» учрежденного Миклошем

* И. Бетлен намеревался подчинить правительству и административному аппарату деятельность правящей партии, а также других легальных и тайных фашистских организаций. С этой целью ему удалось скомпрометировать в глазах Хорти их лидеров.

** Об этих событиях и деятельности Партии защиты расы см.: Кризис политической системы капитализма..., с. 120—122.

Хорти Ордена рыцарей. В качестве правой оппозиции на политической арене теперь выдвинулись новые силы *.

Еще до захвата власти в Германии гитлеровцами в Венгрии действовала Национал-социалистская венгерская рабочая партия, которую возглавлял Золтан Бёсёрмени. Эта партия, а также проявлявшая активность на Большой венгерской низменности так называемая Бригада Алфёльд, возникли как прямая реакция на усилившееся рабочее движение в годы мирового экономического кризиса.

Обе эти организации ставили перед собой задачу «культивации» венгерской разновидности фашизма путем перенесения на венгерскую почву сначала элементов итальянского фашизма, а позже и германского национал-социализма. В движении Бригады Алфёльда участвовали бывшие активисты белых офицерских отрядов, пользовавшиеся поддержкой Д. Гёмбёша²⁸. Они широко использовали социальную демагогию, откровенно проповедовали национализм, ставя своей целью ликвидацию парламентской системы и создание тоталитарного государства. В конце 1931 г. они даже предприняли неудачную попытку путча гитлеровского образца.

После прихода к власти в Германии гитлеровцев партию З. Бёсёрмени стали называть Партией скрещенных кос. До того ее символом была зеленая свастика в белом кругу на красном фоне, которую носили на правом рукаве коричневой рубашки. Теперь же правительство, ссылаясь на существовавший в Венгрии закон, по которому не разрешалось носить знак, флаг или герб, если он был официальным в другой стране, запретило прежний символ партии Бёсёрмени. Вместо него ввели скрещенные косы.

З. Бёсёрмени переписывался с Гитлером и еще в 1931 г. лично навестил его с целью ознакомиться с организационными принципами национал-социализма. Возвратился он в Венгрию с весомой «поддержкой», позволившей ему издавать газету, устраивать пышные встречи, застолья, требовавшие немалых средств²⁹.

Еще в октябре 1930 г. З. Бёсёрмени обнародовал «Национал-социалистское воззвание», пронизанное дикой антисемитской демагогией, безудержным шовинизмом, нападками на революцию 1918 и 1919 гг., призывами уничтожить социалистические, демократические и либеральные движения. Во внешней политике воззвание призывало ориентироваться на фашистскую Италию, но главным образом на Германию, где, как подчеркивалось в нем, «вскоре победят национал-социалисты»³⁰.

В декабре 1931 г. З. Бёсёрмени опубликовал программу Национал-социалистской венгерской рабочей партии, которая фактически была слегка мадьяризованной копией программы гитлеровской партии. В ней выдвигалось требование восстановить Венгрию в границах 1914 г., но не допустить реставрации Габсбургов на венгер-

* В конце 20-х годов начали возникать группы и союзы, ставшие в оппозицию к правительству. Это были группы Лайоша Перлеи, Белы Саса, Миклоша Чомоша, клуб реформ Вешшелени и общество им. Миклоша Барты, но заметного успеха они не имели (Uj magyar központi levéltár, KUM, Be, III, 8. l.).

ском троне (поскольку прежде всего это противоречило намерениям Германии захватить Австрию). Во внутренней политике программа намечала ряд «радикальных» мер, сформулированных в довольно туманных фразах о «пропорциональном» распределении материальных благ, высылке иностранцев, выдвижении «способных венгров» на более высокие руководящие посты, создании «здорового» среднего класса. В ней декларировалось, что гражданином Венгрии может быть только личность «туранского и арийского» происхождения и никто другой не может вести ни интеллектуальной, ни предпринимательской деятельности, не может владеть собственностью³¹. В партии фактически существовало несколько фракций, между которыми шла острая борьба вокруг методов работы и за персональное лидерство.

З. Бёсёرمени предлагал усилить демагогию с целью завоевания масс на свою сторону. Таким путем он пытался стать венгерским «фюрером». «Радикализация» его деятельности вела к его изоляции в партии. Влияние его падало. И, как отметил начальник политической полиции Йожеф Швейницер Шомбор, «только в Деваване и окрестности ему удалось одурачить слабоумных тем, что он, мол, вооружит их, поведет на Будапешт, и они возьмут там власть в свои руки»³². Он создал там и тайную организацию, которая вскоре была раскрыта. Хортистский суд приговорил З. Бёсёرمени к тюремному заключению, но тот бежал в Германию, откуда вернулся только в апреле 1941 г.

В первые годы видной фигурой в Партии скрещенных крестов был Золтан Мешко, депутат парламента, побывавший во многих партиях, в том числе и в Партии единства, пока, наконец, не присоединился к партии З. Бёсёرمени, а затем создал свою Национал-социалистскую венгерскую рабочую партию³³.

В программе З. Мешко подчеркивалась мысль, что «венгерским нацистам нужно провозгласить диктатуру венгерской святой короны»³⁴, отменить мирный договор и с помощью Италии и Германии силой оружия вернуть себе отнятые земли. Построить национал-социалистское государство они намеревались усилиями администрации и военных. Кроме того, они предполагали использовать «самоотверженность интеллигенции и вождя-мессию». Себя Мешко считал «фюрером с апостольским духом»³⁵. Прибавлением к наименованию партии слова «аграрная» он надеялся расширить свое влияние в сельских местностях.

Хотя в парламенте З. Мешко и вел себя как оппозиционер, но в его речах можно было встретить критику лишь в адрес премьер-министра*. Вместе с тем он всегда подчеркивал свою лояльность по отношению к М. Хорти³⁶. Характерно, что, собираясь создавать свою партию, З. Мешко сначала явился на прием к регенту и обсудил с ним предстоящую программную речь. Позднее он разъяснял: «При создании своей партии я руководствовался целью вызвать к жизни

* Консервативные реакционные круги Венгрии отдавали предпочтение З. Мешко. Им импонировало его салонное, более умеренное направление национал-социализма.

такую организацию, которая была бы безусловно верна регенту»³⁷ *.

З. Мешко продолжал поддерживать тесную связь с руководителями нацистской партии в Германии. Но если раньше Дюла Гёмбёш всемерно содействовал ему в этом³⁸, то став премьером (первым иностранным главой правительства, нанесшим визит Гитлеру после прихода последнего к власти), он увидел в З. Мешко своего конкурента. После того как в начале апреля 1933 г. З. Мешко посетил Гитлера, Д. Гёмбёш предложил ему ликвидировать партию, мотивируя это тем, что «недопустимо, чтобы лидер партии ссылался на Гитлера, не гражданина Венгрии»³⁹. Д. Гёмбёша беспокоило и финансирование деятельности сторонников З. Мешко через торгового атташе германского посольства в Будапеште⁴⁰, но З. Мешко отверг предложение Д. Гёмбёша и продолжал свою деятельность, опираясь в основном на материальную поддержку графа Шандора Фештетича. При германской нацистской партии З. Мешко учредил свое постоянное представительство. Однако в первой половине 1934 г. партия распалась. Часть ее членов пошла за графом Ф. Палфи, часть за графом Ш. Фештетичем. Два графа стали основными претендентами на роль венгерского «фюрера».

Объединенная национал-социалистская партия Ф. Палфи в своей программе ставила задачу искоренить «разрушающие венгерское общество силы» — марксизм, индивидуализм, интернационализм и безбожие. Во внешней политике она намечала ревизию Трианонского мирного договора, а во внутренней — обеспечение «руководящей роли» венгров. В ней был ряд положений, заимствованных из программ фашистских партий Италии и Германии, в том числе и о создании корпоративного строя⁴¹.

Программа Венгерской национал-социалистской партии графа Ш. Фештетича также ставила своей задачей «вновь приобрести великую Венгрию» и «обеспечить нам место под солнцем для размещения лишнего населения», и заявляла, что равноправным венгерским гражданином может быть лишь человек «туранского и арийского» происхождения, а владеть недвижимым имуществом может лишь полноправный гражданин. В ней намечалось упразднить парламентскую систему и ввести представительство интересов в сельском хозяйстве и в промышленности. Причем с целью сохранения Венгрии в качестве аграрного придатка к третьему рейху основной отраслью экономики провозглашалось сельское хозяйство⁴².

В программах обеих этих партий содержался ряд демагогических положений, имевших целью ввести в заблуждение несознательные массы трудящихся.

Как видно, намерения лидеров национал-социалистских группи-

* Подыгрывая Хорти, он иногда шел дальше законодателей от правящей партии. Так он в одном из своих выступлений в 1934 г. заявил: «Этот выдающийся государственный деятель получит такую полноту власти, какой обладают другие главы государства мира» (Országos Levéltár, BM, VII. res., 1934—7—2004, 13218; UMKL, KUM, Be, III, 8. l.). Финансировал эту партию граф Шандор Фештетич, а позже и граф Фидел Палфи (UMKL, KUM, Be, III, 8. l.).

ровок, несмотря на несущественные нюансы как во внутренней, так и во внешней политике, мало чем отличались друг от друга и от целей и действий правящей партии.

Итак, противоречия, обострившиеся в годы экономического кризиса, боязнь революционного движения масс, усиление фашистского движения в некоторых странах Европы не только привели к власти в Венгрии крайне правую группировку (во главе с Д. Гёмбёшем) Партии единства, но и способствовали появлению новых фашистских организаций, пытавшихся использовать сложное положение и пробраться к власти при поддержке гитлеровцев или итальянских фашистов.

В 30-е годы на политической арене появился и отставной майор генерального штаба Ференц Салаши. Уйдя в отставку в 1933 г., он сначала пытался утвердиться в правом крыле партии Христианское национальное единство, а затем — в социал-демократической. После того как это ему не удалось, он решил создать собственную организацию, по существу нелегальную, названную им Жизненным союзом⁴³.

Как отмечал Й. Швейницер Шомбор, ведавший политическими делами будапештской полиции, Ф. Салаши собирал вокруг себя «сумасшедших фантазеров», «вечно бунтовавших фантастов, бездарных отщепенцев» со дна общества и уголовников, «мечтая о роли Ромула Августа, который открыл ворота Рима перед германскими наемниками»⁴⁴.

Наряду с тайной организацией Жизненный союз в начале 1935 г. Салаши создал и легальную так называемую Национальную партию воли*. Судя по изданной в 1933 г. брошюре «План построения венгерского государства»⁴⁵ и выпускавшимся позднее листовкам, идеи Салаши почти не отличались от взглядов, пропагандируемых другими венгерскими национал-социалистскими группировками. Воссоздание «великой Венгрии» (утверждение руководящей роли венгров в Дунайском бассейне) намечалось провести в жизнь «по зову» и «под руководством сильной личности». Вся власть в государстве должна была быть сосредоточена в руках одного «вождя», который упразднил бы всякую демократическую инициативу и организацию. «Решающий фактор государственной власти, — утверждал Ф. Салаши, — не должен спрашивать у народа, что тот хочет, а говорить ему, что он намерен делать»⁴⁶. Характерной особенностью программы была идея консервации венгерской экономики. Откровенно расистские взгляды Салаши нашли свое выражение даже в том, что и Христа он пытался вывести из «годванской расы», к которой, по его утверждению, принадлежали и венгры⁴⁷.

Хотя Салаши, как и другие руководители национал-социалистских групп, выступал против парламента, требовал его упразднения,

* Главой партии воли формально считался Арпад Таби. Но фактическую власть сосредоточил в своих руках Ф. Салаши — начальник канцелярии. Членами руководства этой партии были: Андраш Тимор, Иштван Теодорович, Дюла Хлаткит и др. (ВМІ, V—81671, 1—2. ъе.; V—19430, X, 212—213. І.; UMKL, KUM, Be, III, 12. І.). В марте 1935 г. начала выходить газета партии Салаши «Уй мадьяр мункаш» («Новый венгерский рабочий»).

утверждал, что в парламенте работать не согласен, поскольку считает его «самым большим обманом народа»⁴⁸, однако и он пытался баллотироваться на выборах в Государственное собрание. В 1935 г. различные национал-социалистские группы выдвинули кандидатов в депутаты. Баллотировались тогда Ш. Фештетич, З. Мешко, И. Балог, Ф. Палфи, Л. Сечени, Ш. Айтнер, А. Закариаш, К. Шарди-Штрейн, Г. Бихарвари, Я. Боньхади, Л. Хендел, Д. Вучкич. Но лишь один граф Ш. Фештетич собрал достаточное количество голосов в округе Энинг, где находились его владения, а также в Дебрецене. Собранные в этом городе голоса он передал Иштвану Балогу.

После смерти одного из депутатов в избирательном округе в Памазе баллотировался и Ф. Салаши. Но из 12 043 голосов он получил всего 942 (кандидат от правительственной партии собрал 6 316, а легитимист — 4 795 голосов)⁴⁹. Понятно, что в такой ситуации Ф. Салаши легко было «отказаться» от работы в парламенте. Хотя национальная партия воли насчитывала в то время всего около 100 человек, Ф. Салаши пытался объединить вокруг нее все национал-социалистские организации на принципах так называемого хунгаризма, смысл которого он видел в разработке своей специфически венгерской фашистской программы, отличной от германской и итальянской. Однако на первых порах попытки Салаши не увенчались успехом. Когда Ф. Салаши уговаривал, в частности, графа Палфи, объединиться с ним на основе «хунгаризма», тот взял со своего стола «Майн кампф» Гитлера и заявил, что венгерским национал-социалистам нет надобности иметь свою собственную программу, ибо она уже разработана «фюрером»⁵⁰.

Правящие группировки хортистов попытались привлечь к себе Ф. Салаши и его сторонников. Премьер-министр даже пообещал Ф. Салаши парламентский мандат от правящей Партии единства и пост в ней с высоким окладом⁵¹. Однако это совсем вскружило голову Ф. Салаши. Национальная партия воли начала выпускать листовки, открыто заявляя о своих претензиях на власть, которую на этот раз она была якобы «готова захватить вооруженным путем». В середине марта 1937 г. было опубликовано так называемое «Боевое указание движению»⁵², в котором ставилась задача «взять власть полностью» в ходе «открытого боя». После этого, когда правительству стало ясно, что «приручить» Салаши не удастся, он был арестован. 16 апреля министр внутренних дел Йозеф Сел запретил Национальную партию воли.

Салаши сидел в тюрьме недолго и в мае уже вел переговоры с одним из руководителей Объединенной венгерской национал-социалистской партии, депутатом палаты представителей Государственного собрания Иштваном Балогом-младшим об объединении двух партий*. Летом и осенью 1937 г. Ф. Салаши продолжал переговоры и с лидерами других национал-социалистских группировок об объединении.

* К этому времени из партии И. Балого вышел Ш. Фештетич. В июле 1937 г. Ласло Эндре и Лайош Сечени образовали еще одну такого же направления партию, назвав ее Венгерской социалистской партией защиты расы.

24 октября 1937 г. было принято решение объединить семь партий и групп национал-социалистов, во главе которых стояли Ф. Салаши, И. Балог, И. Кемери-Надь, Д. Капуш, Э. Малнаши, А. Тимар, Т. Бенке⁵³, в Венгерскую национал-социалистскую партию. Председателем объединенной партии стал Ф. Салаши.

Тогда же была установлена связь этой партии с официальными кругами нацистской Германии⁵⁴. В декабре 1937 г. в «Эссен национал-цайтунг» была опубликована статья в поддержку Ф. Салаши и его так называемого хунгаризма, который-де «обеспечил бы руководящую роль Венгрии в Дунайском бассейне. Ф. Салаши не остался в долгу и в начале 1938 г. выступил против евхаристического конгресса, проводившегося в Венгрии, открыто поддержав позицию гитлеровской Германии⁵⁵. Вслед за этим один из видных деятелей правящей партии выступил против Ф. Салаши с интерpellацией в парламенте.

24 февраля 1938 г. министр внутренних дел распустил Венгерскую национал-социалистскую партию, и за Ф. Салаши и 72 другими ее членами был установлен полицейский надзор. В течение 1937—1938 гг. суды неоднократно рассматривали дела Ф. Салаши и приговаривали его к краткосрочным тюремным заключениям. Так, в марте 1938 г. его приговорили к двум неделям тюрьмы «за агитацию против капиталистического строя».

В это время один из руководителей запрещенной партии Калман Губай был избран в Лавашберене депутатом палаты представителей, и 4 апреля в парламенте он заявил о создании Национал-социалистской венгерской партии (НСВП) — хунгаристское движение, т. е. о фактическом восстановлении запрещенной партии, но под другим названием. Поскольку Ф. Салаши находился в тюрьме, главой партии был объявлен К. Губай. Когда правительство запретило выход газеты этой партии «Ессетарташ», то Оливер Рупрехт передал в ее распоряжение ежедневную газету «Мадьяршаг», до того являвшуюся рупором консерваторов-легитимистов. Предприятие «Шенкер» поддерживало эту газету, передав через кооператив «Эке» Ф. Салаши 50 тыс. пенгё⁵⁶.

После выхода из тюрьмы и снятия с него полицейского надзора, Ф. Салаши официально возглавил партию. Он сразу же начал переговоры (через венгерского военного атташе в Риме Ласло Сабо) с руководителями итальянских фашистов о финансировании своей партии. Муссолини пообещал выделить для этой цели 10 млн. лир⁵⁷. Одновременно с такой же миссией Ф. Салаши направил своего сподвижника Шандора Чиа в Берлин.

Новая партия состояла из двух частей: легальной — НСВП, рассчитанной на привлечение масс, и хунгаристского движения — узкой тайной группы, призванной держать членов партии под контролем. Во главе этой группы стоял Ш. Чиа.

Опасаясь конкуренции новой партии в Берлине, М. Хорти в апреле 1938 г. вновь предложил Ф. Салаши сотрудничать с правительством, в противном случае пригрозив ликвидировать его партию. Ф. Салаши не согласился. Он решил перейти в наступление, сыграв на антисемитизме. Была выпущена листовка с призывом «Ревекка,

вон из крепости!» (имелась в виду резиденция М. Хорти), утверждавшая, что якобы жена регента еврейка. Советнику же регента Ф. Салаши направил памятную записку, в которой утверждал, что у М. Хорти, дескать, есть выход из создавшегося положения — последовать примеру короля в Италии, или Гинденбурга в Германии, передавших власть Муссолини и Гитлеру. Только он, Ф. Салаши, сможет «вывести нацию из кризиса»⁵⁸.

Тогда М. Хорти решил убрать «распоясавшегося» конкурента. В июне 1938 г. после двух судебных разбирательств кандидат в венгерские фюреры — «немает веветё» был приговорен к трем годам тюремного заключения (судебная курия сократила этот срок до 10 месяцев). К этому времени в его партии насчитывалось уже 6224 члена⁵⁹.

30 июня 1938 г. Ф. Салаши, отвечая на вопросы представителя газетного концерна «Балтимор», изложил основные моменты программы ВПНС — хунгаристское движение. Ф. Салаши утверждал, что венгерский национал-социализм — это хунгаризм, а хунгаризм — венгерская разновидность национал-социалистского мировоззрения. Цель движения — приход к власти и построение венгерского национал-социалистского крестьянского государства, в распоряжении которого будет и промышленность. Но хунгаризм, как заявил Ф. Салаши, не намерен превращать Венгрию в промышленное государство и вводить автаркию. В угоду Гитлеру Ф. Салаши, как и Ф. Палфи, пытался сохранить Венгрию в виде аграрного придатка фашистской Германии, ставя задачей «увеличить контингенты товарного клиринга на вывоз сельскохозяйственной продукции». Ф. Салаши считал необходимым отказ от Трианонского мирного договора и создание «Венгерской национал-социалистской империи», обеспечивающей главенство венгров в Дунайском бассейне⁶⁰. Кроме того, Ф. Салаши уже тогда открыто заявил, что намерен в будущем вовлечь Венгрию в войну против Советского Союза.

Однако эти заявления Ф. Салаши отражали лишь одну часть его программы — ту, которая могла вызвать одобрение или по крайней мере «не возбудить настороженности» гитлеровской Германии*. Другую, главную часть своей программы Ф. Салаши считал необходимым до поры до времени широко не афишировать. 23 октября 1945 г. на допросе в полиции Ф. Салаши раскрыл, что его замыслы шли значительно дальше. Во-первых, говорил он, хунгаристское движение предполагало «культивировать» расу путем распространения системы К. Линнея, разработанной в биологии для растений, и на человеческий род. Хунгаристы намеревались «очистить расу от примесей чужой крови», считая допустимым смещение крови лишь внутри одной расы, т. е. годванской. Во-вторых, исходя из «теории» о превосходстве венгров над другими народами, хунгаристы не соглашались

* В результате Ф. Салаши добился открытой поддержки в Германии. В таких гитлеровских газетах, как «Фёлкшер беобахтер» и «Дойче алгемайне цайтунг» подвергались критике некоторые венгерские министры за преследование хунгаристского движения (UMKL, KÜM, Be, III, 27. I.).

с провозглашением немцев нацией «сверхчеловеков». По тактическим соображениям Ф. Салаши считал целесообразным идти вместе с германскими фашистами «до их полной победы», после чего, по его мнению, должен был наступить период борьбы между «хунгаризмом» и германским нацизмом, в результате которой последний должен был уступить годвчант господство для начала в Европе и Азии⁶¹. По утверждению Ф. Салаши, «хунгаризм» должен был стать синтезом духовной, материальной и моральной философских категорий, выраженных в национализме, «социализме» и христианстве. «Говорят, что теория моя путана и непонятна, — хвастливо заявил он на суде в 1938 г., — но ведь и бог сотворил мир из хаоса. Я не могу быть богом богов»⁶².

Борьба М. Хорти против Ф. Салаши принимала временами острый характер исключительно в силу претензий последнего на власть в стране, но отнюдь не из-за разногласий по вопросу об ориентации на Гитлера или из-за методов борьбы против революционного движения внутри страны. Правда, правое крыло правительственной партии, возглавлявшееся Белой Имреди, как и сторонники Ф. Салаши, требовали более тесного союза с Берлином. Хорти, стремившийся в основном к тому же, вынужден был, однако, считаться и с той частью правящих кругов, которые, будучи связанными с английским, французским и американским банковским и промышленным капиталом, с тревогой наблюдали за угрожающим их интересам усилением экономического и политического влияния Германии. Впрочем, они возлагали большие надежды на объединение западных империалистов с германскими фашистами в борьбе против международного коммунистического движения и прежде всего против его опоры — Советского Союза.

Покровительством регента по существу пользовались обе группировки в правительственной партии, прежде всего поскольку и та, и другая поддерживали планы территориальных захватов. Рассчитывая осуществить их прежде всего при помощи Германии и Италии, венгерские правители поначалу не прочь были опереться на правящие круги Англии и США.

В 1938 г. на смену правительству Кальмана Дарани, ориентировавшегося на сторонников И. Бетлена, к власти пришло крайне правое крыло Национальной партии единства во главе с Б. Имреди. Однако сторонники И. Бетлена убедили М. Хорти в необходимости сместить Б. Имреди, чтобы спасти хортистский режим и не допустить революционных событий 1918—1919 гг. Во главе правительства в начале 1939 г. стал граф Пал Телеки, блокировавшийся со сторонниками И. Бетлена. Переименована была и правящая партия, которая стала теперь называться Венгерской партией жизни. Между тем сторонники Ф. Салаши продолжали действовать террористическими методами.

3 февраля активисты партии хунгаристского движения бросили с крыши дома на ул. Дохань гранату в толпу людей, выходящих из церкви. 22 человека было ранено⁶³. На следующий день был запрещен выход газет «Мадьяршаг» и «Ёссетарташ», а затем распущена и ВНСП — хунгаристское движение.

Однако уже через неделю депутаты парламента Калман Хубай, Калман Рац и Артур Хаам заявили в палате представителей о том, что их партия вновь действует под названием Нилашкерестеш парт (Партия скрещенных стрел). Отсюда и члены ее обычно именовались нилашистами или салашистами (сторонниками Ф. Салаши).

Пришедший к власти П. Телеки решил обновить законодательный орган по своему усмотрению и провести выборы в парламент. 15 марта 1939 г. была опубликована и предвыборная программа нилашистской партии, подписанная К. Хубай и К. Рацем (Ф. Салаши находился в тюрьме)*.

Нилашисты, как и другие оппозиционные фашистские группы, полностью поддерживали внешнеполитические цели правительства. Во внутренней же политике, пытаясь заручиться поддержкой избирателей, нилашисты обещали уменьшить налоги, упразднить ростовщические проценты и спекуляцию, национализировать картели, военную и энергетическую промышленность, поддерживать кустарную промышленность, ослабить тяготы, вызванные военными займами, обеспечить интеллигенцию твердым жалованьем. Они обещали выкупить крупные землевладения, а также имения иностранцев и банки и требовали ввести корпоративную систему «для ликвидации безработицы».

Аграрный вопрос в то время был настолько жгучим, что обойти его не могла ни одна партия. Пытаясь обмануть крестьян, нилашисты обещали провести аграрную реформу на основе провозглашенного премьером П. Телеки принципа: «чья земля, того и государство»**, но при этом специально разъясняли, что кулацкие хозяйства затрагивать не собираются⁶⁴.

Депутат парламента нилашист Пал Ваго написал специальную работу, в которой пытался уточнить взгляды партии на аграрно-крестьянский вопрос. Он предлагал решить земельный вопрос путем введения налога, величина которого зависела бы от стоимости земли. Эта же идея нилашистов изложена и в брошюре И. Денеша⁶⁵. Он отстаивал принцип, по которому земель владеть могут только венгры, причем не все, а лишь те, кто хочет и может ее интенсивно обрабатывать. По его мнению, единый высокий и затем повышенный налог со стоимости находившейся во владении земли позволил бы отказаться от остальных 118 видов существовавших тогда налогов, перевести сельское хозяйство на рельсы интенсификации производства, упорядочить землепользование (нерадивые откажутся от земли), уничтожить безработицу и т. п.

Вскоре была опубликована еще одна программа нилашистов по

* Она состояла из 10 пунктов. В ней, как и прежде, говорилось о необходимости восстановления империи Сент Иштвана под руководством регента, в которой было бы обеспечено господство венгров, но теперь эта мысль была уже завуалирована призывами к «объединению всех венгров», к «унии братских народов» при «руководящей роли венгров». Эта часть программы не отличалась ни от целей правящей партии, ни от программ других нацистских партий и групп Венгрии.

** Тогдашний лидер нилашистов Калман Губай был сторонником сохранения крупнопоместного землевладения в руках лишь венгров.

аграрному вопросу. Автором ее был Й. Роос⁶⁶, который заявил, что нилашисты хотят проводить новую земельно-хозяйственную политику, а не земельную реформу. Он предлагал передать землю в руки венгерских националистов, но ни в коем случае не безземельных, у которых уже-де не крестьянская психология⁶⁷. Кулачество он считал той частью крестьянства, которая сможет улучшить и облагородить венгерскую расу, в отличие от бедноты и сельскохозяйственных рабочих, «годных только для производства материальных благ»^{*}.

По сути дела ни одна из оппозиционных фашистских партий, как и правящая, говоря об аграрной реформе или о политике землепользования, не шла дальше лишения евреев землевладений и передачи в руки венгров земель на территориях с преобладанием населения, принадлежащего к другим национальностям.

Опасаясь, что нилашистам с помощью демагогии удастся привлечь на свою сторону большое количество избирателей, граф П. Телеки решил воспользоваться грызней между Партией скрещенных стрел и другими национал-социалистскими группировками. С этой целью он «посоветовал» последним объединиться на выборах в единую партию⁶⁸, что те и сделали. Конечно, «единство» рядов этой партии было фикцией. На самом деле она состояла из нескольких искусственно и весьма непрочно «склеенных» группировок. Такая партия не представляла большой опасности для сторонников П. Телеки, однако и не сослужила им той службы, на которую они рассчитывали. Вместо соперничества с нилашистами она быстро нашла общий язык с ними. Две оппозиционные фашистские партии втайне от правительства заключили своеобразный предвыборный союз, смысл которого состоял в том, чтобы «не мешать друг другу»⁶⁹. Как сообщал регенту один из деятелей правящей партии Хуго Паир, нилашисты, стремясь сбить с толку избирателей, «с утра до вечера во всех местах, где они находились, пытались возбуждать недовольство», нашептывали, что «придет Салаши и он поможет», изображали его «мессией», «единственным честным человеком спасителем страны»⁷⁰. Под влиянием этой агитации на сторону нилашистов переходили прежде всего те разорившиеся дворяне, офицеры, служащие, кому по различным причинам «не повезло» при хортистах, а также некоторые обманутые крестьяне и, наконец, известная часть люмпен-пролетариев⁷¹.

В результате с помощью подкупа и демагогии на выборах, состоявшихся 28—30 мая 1939 г., партия нилашистов собрала 16,2% всех поданных голосов и получила 31 мандат в парламенте. Кроме того, другие национал-социалистские группы получили 11 мандатов⁷². Подавляющее же большинство мест в парламенте (183 из 260) досталось правительственной партии⁷³.

Выборы 1939 г. были кульминацией успеха нилашистского движения. Депутаты Партии скрещенных стрел явились на заседание парламента в военном строю и в собственной форме.

^{*} «Боевая программа» Венгерской национал-социалистической партии Ш. Фештетича требовала в общей форме принять закон, «который более справедливо распределит землю» (PIA, A. XXII, 3/42/3, 1. l.).

Хотя в разработанном уставе партии нилашистов⁷⁴ ее руководители вновь сочли нужным подчеркнуть верность регенту, свое стремление к упрочению «древнего венгерского военного духа», обязывались добиваться своей цели (преобразования страны в национал-социалистском духе) конституционным путем и законными средствами, в нем вместе с тем нашла свое отражение навязчивая идея Ф. Салаши о фюрерстве. «Вождь партии — это выразитель единой воли и ответственности», — говорилось в уставе.

Однако уже в августе 1939 г. партия нилашистов начала распадаться, в ее рядах бушевала фракционная борьба. Этот процесс усилился в начале второй мировой войны*.

Лишь в конце войны на неосвобожденной части страны после падения хортизма сторонникам Салаши на непродолжительное время удалось при поддержке германских нацистов прийти к власти и на практике попытаться осуществить свои доктрины, открыто выступить в роли защитников интересов финансового капитала и крупных земельных магнатов.

В условиях общего кризиса капитализма буржуазия и помещики Венгрии не смогли после свержения Советской власти восстановить свое господство ни в традиционных рамках буржуазного парламентаризма, ни тем более в коалиции с правой социал-демократией.

Движимые страхом перед революционным движением и стремлением расправиться с его главной силой — рабочим классом, они создали политическую систему, в рамках которой действовали тесно связанные между собой легальные и тайные фашистские организации. При их помощи, прибегая к беспощадному террору против трудящихся, культивируя национализм, шовинизм и антисемитизм, они пытались удержаться у власти.

Нуждаясь во внешней поддержке, правящие круги Венгрии временами пытались придать политической структуре более или менее либеральный вид, допускали существование парламента, правда, при таких условиях его формирования, которые при любых обстоятельствах обеспечили бы им большинство, а также многопартийной системы.

Внутри правящего лагеря хортистов никогда не было единства. Возникновение в 20-е годы оппозиции справа к фашистской правящей партии и появление на политической арене в 30-е годы ряда фашистских оппозиционных партий и усиление их влияния свидетельствовали о неуклонном углублении хронического кризиса хортистской политической системы, завершившегося в конце второй мировой войны полным ее крахом.

* На протяжении 20—30-х годов оппозиция к хортизму справа существовала, но не смогла превратиться в серьезную силу. Большинство венгерских фашистов предпочло оставаться в правящей партии, тесно сотрудничая с М. Хорти.

ОТ «НАРОДНОГО СГОВОРА» К «ЦАНКОВЩИНЕ» В БОЛГАРИИ. 1922—1934 гг.

В настоящем очерке делается попытка рассмотреть процессы, происходившие в той части лагеря крайней реакции Болгарии, которая концентрировалась вокруг Цанкова на протяжении 1922—1934 гг., т. е. с момента появления на политической арене организации «Народный сговор» и до государственного переворота 19 мая 1934 г.

На заключительном этапе первой мировой войны в Болгарии сложилась революционная ситуация. Одним из ее кульминационных пунктов была всеобщая стачка транспортных рабочих в конце 1919 — начале 1920 г. и последовавшая за ней всеобщая стачка, которую организовали коммунисты. Однако в обстановке, когда пролетариат еще не был готов взять власть в свои руки, а буржуазия уже не могла ее удержать, революционная ситуация разрешилась приходом к власти крестьянской партии — Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС). В 1920 — 1923 гг. БЗНС установил в стране однопартийное правление, что уменьшило влияние прежних буржуазных партий на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Идейный кризис, охвативший болгарскую буржуазию в эти годы, довольно полно исследован болгарским историком Ст. Радуловым¹. Буржуазные публицисты дискутировали по вопросам демократии и диктатуры, судеб парламента, роли государства в отношениях между трудом и капиталом, муссировали идею нации как единого общественного организма, воспевали гармонию классовых интересов. Однако в каждой из буржуазных партий эти идеи толковались по-своему, и ни одна из них не смогла создать на их основе программу преодоления кризиса буржуазно-парламентарной политической системы. Подобные идеи развигивались и в нелегальной Военной лиге, объединившей в 1919 г. настроенных националистически и откровенно антикоммунистически офицеров. Они стремились представить себя некоей надпартийной, надклассовой силой, озабоченной «возрождением отечества». Но, кроме отрицания существующего положения, реакционный милитаризм, вступавший в Болгарии, как и в других странах, на авансцену политики, не мог предложить сколько-нибудь цельной идейной платформы борьбы за «новые порядки» в стране.

То, что оказалось не по плечу традиционным буржуазным политикам и военным, попыталась сделать группа профессоров Софийского университета во главе с А. Цанковым, тесно связанная и с «деловыми кругами», и с теми же военными. Весной 1922 г. они выступили открыто, заявив о существовании новой «надпартийной» организации «Народный сговор».

Ее истоки уходят в годы первой мировой войны и связаны с деятельностью Дирекции по снабжению и общественному планированию (ДСГОП) — одной из первых в Болгарии организаций государственно-монополистического типа. Последняя оформилась в апреле

1917 г. Единоначальным ее руководителем стал генерал А. Протогеров — один из организаторов жестокого подавления солдатского Владельского восстания 1918 г. В деятельности Дирекции, помимо ряда крупных финансистов и монополистов (П. Петрович, Ат. Буров), активно участвовали военные и «интеллектуалы» (А. Цанков, Ян. Моллов, П. Тодоров и др.). Руководители ДСГОП были озабочены не только выполнением служебных функций в государственно-монополистическом учреждении, но и созданием «непартийной политической формации». Подобная туманная формулировка соответствовала их неясному еще представлению о новой желательной форме объединения политического актива буржуазии, способного, как они надеялись, вывести общество из кризиса. Поиски этой формы были настойчивыми. Уже в конце 1917 г. возникла первая организация, считавшая своим назначением содействовать сплочению пестрого, раздробленного буржуазного политического лагеря — Великая масонская ложа Болгарии². Ее главой — великим мастером — был директор ДСГОП А. Протогеров, членами — многие деятели Дирекции (в том числе А. Цанков, Ян. Моллов, Я. Стоенчев).

В феврале 1918 г. с целью выработки политической стратегии и тактики буржуазных кругов был создан Институт защиты болгарских интересов. В его руководстве оказались те же лица. В то же время в столице и в провинции возникали и другие организации, считавшие своей задачей объединение сил буржуазного политического лагеря. Все они были слабыми и недолговечными, но само множество таких организаций свидетельствовало об упорном характере попыток буржуазных деятелей (и гражданских, и военных) реализовать идею «надпартийной формации». При этом положение буржуазных политиков было двойственным: входя в «надпартийные» организации, они продолжали оставаться членами прежних буржуазных партий, что свидетельствовало, на наш взгляд, о трудности отхода «старых» буржуазных деятелей от традиционных представлений о формах политической организации. Вместе с тем продолжала спланиваться группа, члены которой — реакционные представители делового мира, военщины и профессуры — все более определенно вставали на путь отрицания «бессильных» и «прогнивших» партий буржуазии. Это относилось прежде всего к группе, сложившейся вокруг генерала Протогера и составлявшей костяк возглавлявшихся им организаций. Ее идеологом с самого начала стал А. Цанков.

Выходец из партии широких социалистов, профессор политэкономии Софийского университета А. Цанков проповедовал в качестве идеала некий буржуазный социализм, достичь который он намеревался на пути активного вмешательства государства в экономическую жизнь и примирением интересов буржуа и рабочего. Его идейными наставниками были реакционный немецкий экономист И. Конрад и В. Зомбарт, принадлежавший к числу главных идеологов германского империализма, а позже и фашизма. Участие в деятельности ДСГОП, в которой Цанков занимал пост заместителя директора экономического отдела, оказало большое влияние на его взгляды. Стремясь обобщить опыт ДСГОП в книге «Последствия войны»³,

А. Цанков выдвигал в качестве главного постулата тезис: государство должно координировать и хозяйственную жизнь страны и социальные отношения в обществе. Он выступал в защиту национальной промышленности, но одновременно и за меры против ренты, против непроизводительных вложений капитала, а в интересах рабочих — за регулирование рабочего дня, социальное обеспечение, привлечение рабочих к техническому руководству предприятиями. От этих построений лежала прямая дорога к теории социального мира, гармонии классовых интересов, которую фашисты сделали одним из краеугольных камней своей идеологии.

Идейное тяготение друг к другу реакционно настроенных военных, профессуры, представителей капитала привело к оформлению еще в 1921 г. «на основе, — как указывает болгарский историк В. Георгиев, — давно существовавшей группы лиц» нового политического центра в лице «Народного сговора»⁴, стремившегося установить сильную власть и таким образом изменить неблагоприятное для себя положение. Идея свержения власти БЗНС возникла позже⁵.

Среди объявленных целей «Народного сговора» на первом месте стояли такие, как «закрепление духовного единства нации» и «идейное объединение» интеллигенции, что, на наш взгляд, отражало стремление «интеллектуалов» играть ведущую роль в организации. Это свидетельствовало об их заинтересованности в поддержке со стороны масс, поскольку одной из целей Народного сговора провозглашалось «пробуждение и сплочение народной энергии» и направление ее на «разумное и полезное совместное творчество на принципах социальной пользы и справедливости», т. е., очевидно, во имя все той же гармонии классовых интересов. Далее среди целей Сговора называлось повышение престижа государственной власти. Включение этого требования в очень лаконично сформулированную первоначальную программу организации, состоявшую всего из пяти пунктов, говорит о том, какое важное значение придавали ее составители этому положению. Тактика Народного сговора определялась стремлением к союзу и, более того, — объединению «родственных по составу и идеям болгарских политических партий»⁶.

В Народный сговор, лидером которого стал А. Цанков, потянулись многие видные буржуазные политики. При этом они оставались членами своих прежних партий, что придавало Народному сговору видимость «надпартийности», способствовало росту авторитета этой организации. Согласно новым данным, численность Народного сговора составляла не менее 200—300 членов⁷, но политическая его роль определялась не столько численностью, сколько превращением в центр тяготения буржуазных деятелей, считавших необходимым консолидацию сил с целью борьбы против революционного движения и правительства БЗНС⁸. Влияние его росло, распространившись на демократов (партию средней буржуазии) и радикалов (мелкобуржуазную партию), не говоря уже об откровенно реакционной партии народняков. Народный сговор сумел настроить против «земледельцев» почти всю буржуазную интеллигенцию и, используя Великую ложу масонов Болгарии, подчинить себе руководство ряда творче-

ских союзов интеллигенции. Сильным его влияние было также в Союзе домовладельцев, Союзе зерноторговцев, Союзе защитников земельной собственности, а также в Союзе офицеров запаса. Уже с июня 1922 г. руководители Народного сговора согласовывали свои действия, как утверждает Ст. Радулов, с тайной Военной лигой⁹. Народный сговор имел связи и с Внутренней македонской революционной организацией (ВМРО), в частности с самым сильным из трех ее течений — автономистским (двумя другими были федералистское и левое, находившееся под влиянием коммунистов).

В июле 1922 г. одна из целей Народного сговора была достигнута: под его интенсивным нажимом Объединенная народно-прогрессивная, демократическая и радикальная партии заключили между собой блок, названный Конституционным. 15 июля 1922 г. было опубликовано Обращение Конституционного блока к болгарскому народу. Основная его мысль отражала стремление восстановить роль буржуазии в государстве, в первую очередь в парламенте¹⁰.

Сколь ни было важно в процессе мобилизации реакционных сил создание Конституционного блока, этот шаг едва ли мог удовлетворить руководителей Народного сговора. Деятели последнего параллельно разрабатывали собственную программу, подчеркивая, что, несмотря на ее преемственную связь с программой традиционных буржуазных партий, она отличается рядом особенностей.

Среди идеологов Народного сговора, помимо А. Цанкова, были профессор Софийского университета экономист Д. Мишайков, правовед П. Стайнов; в разработке программы участвовали также Ян. Моллов, Ат. Буров, Н. Милев и др.¹¹ Настроенные резко антикоммунистически, они в поисках выхода из кризиса буржуазного парламентаризма атаковали некоторые стороны довоенной политической системы, существовавшей в стране, намечали меры для ее «улучшения».

В июле—августе 1922 г. в газете «Слово» были опубликованы пять развернутых программных статей Народного сговора. Некоторые их положения полностью совпадали с программными положениями Конституционного блока, ряд других приобрел гораздо более сильное звучание. Так, на идее государства руководители Народного сговора делали особое ударение: «всех граждан должно объединять нечто общее, — писало «Слово», — а именно: верховная идея, смысл которой — государство должно быть поставлено над всем»; любые интересы — сословные или классовые — должны отступать перед общегосударственными. Резко прозвучало со страниц «Слова» и требование создания крупных и крепких партий, необходимости их сплочения и преодоления политической раздробленности. Сравнительно детально Народным сговором были разработаны разделы, касавшиеся экономической, финансовой и социальной политики. Прибегая к демагогическим приемам, Народный сговор заявлял о стремлении ввести «максимальное налоговое обложение»¹², распространявшееся, судя по контексту, на буржуазию, критиковал и большие контрасты в уровне потребления различных слоев общества.

Спецификой программных статей было обращение ко всем груп-

пам населения страны, в том числе к крестьянству, рабочим, ремесленникам. В стремлении привлечь их к себе руководство Народного сговора не скупилось на обещание осуществить различные меры по улучшению их положения. «Забота» о всех классах общества подвигала авторов программных положений Народного сговора к формулировке принципа социального мира. Роль главного инструмента в регулировании социальных отношений отводилась «надклассовому», «надпартийному» государству — государству, которое должно стоять «над всем».

В основе тезиса «государство выше всего», несомненно, лежала авторитарная идея. Тяга же к авторитаризму со стороны Народного сговора, генезис которого самым непосредственным образом был связан с появлением элементов государственно-монополистического капитализма в Болгарии, означала не что иное, как генерацию фашистских тенденций. Авторитарная окраска программы Народного сговора была предпосылкой для дальнейшей эволюции идеологии этой организации в фашистском направлении.

Правда, условия для этого в Болгарии оказались в то время ограниченными. Так, в Италии, а позже и в некоторых других странах, идея нации, обнаруживающая несомненную близость с идеей надклассового государства, выдвигалась фашистами в первую очередь во имя внешнеполитических интересов, которые искусственно превращались в главные; проповедь социального мира увязывалась с конкретными целями в этой сфере, объявлявшимися важнейшими и общенациональными. Получив такое направление, фашистская программа вообще, идея нации в частности, приобретала в ряде случаев большую силу, помогала фашистам завоевать поддержку различных социальных групп. В Болгарии начала 20-х годов этого не случилось. Поражение страны в мировой войне, особенности ее международного положения в первые послевоенные годы фактически свели на нет возможности формировавшихся фашистских сил эксплуатировать лозунги активной внешней политики, а следовательно, использовать в своих интересах один из психологически наиболее действенных рычагов — идею нации. Тем самым программа Народного сговора была лишена потенциально наиболее активного заряда. Стержнем ее стала идея сильного надпартийного и надклассового государства. Но в этом случае социальный мир из средства достижения цели становился самой целью и в таком качестве идея социального мира уже не могла оказывать столь сильного воздействия на многие категории людей, которых она должна была примирить и сплотить. В этом состояла одна из причин слабости идейного влияния Народного сговора на широкие круги населения.

Думается, вряд ли правильно однозначно называть Народный сговор фашистской организацией, как это принято в литературе общего характера вплоть до настоящего времени. Скорее это была организация про- или предфашистская. В ней были сплавлены элементы традиционной буржуазной демократии и новые, фашистские, хотя еще недостаточно четко выраженные.

Появление таких двух политических центров, как Народный сго-

вор и Конституционный блок, было отражением процесса мобилизации сил реакции, шедшего по двум линиям: концентрации крайней реакции, развивавшейся в направлении фашизма, и сплочения традиционных буржуазных партий в блок, который, будучи также реакционным, стремился главным образом к реставрации порядков, существовавших до прихода БЗНС к власти, и к подрыву влияния компартии. Линии эти не были параллельными, в ряде моментов они перекрещивались, но не сливались, оставались самостоятельными. Поскольку оба буржуазных политических центра не чувствовали себя достаточно сильными в политическом и идеологическом отношениях, каждый из них был заинтересован в существовании другого. Отсюда — взаимная поддержка, сотрудничество между ними, но одновременно и недоверие друг к другу. Если фашиствующие лидеры Народного сговора сомневались в способности «старых» партий сыграть положительную роль в «обновлении политической жизни», то традиционные буржуазные политики страшились того, что главенствующая роль в событиях перейдет к политическим парвеню из Народного сговора.

Осенью 1922 г. правительство БЗНС нанесло сильный удар по Конституционному блоку, после чего главными организаторами борьбы против режима «земледельцев» и «коммунистической опасности» стали тайная Военная лига и легальный Народный сговор. Руководство Военной лиги, приняв на подпольном съезде в ноябре 1922 г. решение совершить государственный переворот, сосредоточило в своих руках его военную и политическую подготовку. Идеалом для многих офицеров был «беспартийный режим», опирающийся на армию. Но в тогдашних международных условиях о правительстве военных и открытой военной диктатуре в Болгарии нечего было и мечтать. Поэтому при политической подготовке переворота лидеры Военной лиги были озабочены тем, чтобы в составе будущего «национального», а попросту коалиционного кабинета центральная роль оставалась за ними самими и руководящими деятелями Народного сговора. Правда, одного Народного сговора в качестве политической опоры будущего правления оказалось недостаточно, и военным пришлось вновь обратиться к старым буржуазным партиям: «другого выбора не было»¹³. Однако расчет строился на том, что прежние буржуазные партии будут распущены, а их кадры войдут в одну новую партию с «новой идеологией», целью которой являлось реформировать и возвысить болгарское национальное государство¹⁴. Таким образом, «традиционные» буржуазные политики, не разделявшие подобных взглядов и надеявшиеся возродить после устранения правительства Стамболийского старые буржуазно-парламентарные порядки, должны были остаться вне правящего корпуса и даже вне политической жизни, так как, по замыслу формировавшейся военно-фашистской верхушки, партийно-политическая борьба как фактор, ослаблявший фронт буржуазии против революционной борьбы трудящихся, вообще не должна была иметь места.

Таковы были главные постулаты заговорщиков из Военной лиги, совершивших 9 июня 1923 г. государственный переворот. Никаких

более четких представлений о программе правления у них не было.

Придя к власти, правительство А. Цанкова стало использовать, с одной стороны, обычные конституционные формы организации власти — парламентские выборы, парламент, Совет министров, в котором были представлены все буржуазные партии. Коренной ломки государственной системе узурпаторы не произвели, но стремились наполнить прежние формы новым содержанием. Так, Народное собрание они хотели превратить в надежный и послушный механизм нового режима. В Совете министров все нити руководства внутренней и внешней политикой страны были переданы в руки военных. Кардинально менялся кадровый состав административных органов в провинции.

Однако, с другой стороны, наряду с прежними органами власти возникли новые, внеконституционные. Это прежде всего Конвент — фактическое правительство, состоявшее из офицеров, близких к главе Военной лиги и военному министру Ив. Вилкову, и действовавшее закулисно. В провинции руководящую роль стали играть местные «конвенты», вобравшие в себя наиболее реакционных деятелей.

Существование внеконституционных органов власти, являвшихся важнейшими гарантами нового режима, с прежними формами государственно-политической жизни было отражением тенденции, свойственной фашизму на ранней стадии его развития и отчетливо проявившейся в 20-е годы в ряде стран (Италия, Венгрия, Испания). Главной же опорой военно-фашистского режима в Болгарии была армия, функции которой частично были приближены к функциям полиции и жандармерии. Был использован, кроме того, ряд чрезвычайных мер: исключительное законодательство, запрещение коммунистической партии, объявление военного положения в стране и др.

В конкретных условиях Болгарии руководство страны особое внимание уделило совершенствованию машины принуждения, которая приобрела в тогдашней государственной структуре почти самодовлеющее значение. Из всех присущих фашизму черт в годы правительства Цанкова наибольшее развитие получил террор в отношении трудящихся.

В первые же месяцы после прихода к власти «деятели 9 июня», как стали называть себя узурпаторы, попытались осуществить свой идеал — реорганизовать политическую жизнь страны путем роспуска основных буржуазных партий и последующего слияния их в одну крупную партию, центром которой стал бы Народный съезд и которая заняла бы монопольное положение на политической арене. Это казалось им тем более необходимым, что режим не имел массовой опоры. Такая попытка, однако, натолкнулась на сильное сопротивление со стороны некоторых влиятельных буржуазных группировок, особенно в демократической и радикальной партиях. Добиваясь цели, деятели Народного съезда действовали методом нажима и угроз. Цанков был готов и на уступки, в частности в идейном плане. Он заявлял, что идейные различия не являются непреодолимым препятствием для объединения и что «для блага страны легко могут быть сглажены, если не устранены»¹⁵.

И хотя Цанкову и К° удалось добиться подписания 10 августа 1923 г. протокола о создании Демократического сговора в составе Народного сговора, Объединенной народно-прогрессивной, демократической и радикальной партий, новая партия долгое время не могла приступить к нормальному функционированию. Лишь в конце декабря 1923 г. был создан временный Верховный совет партии, секретариат ее был сформирован не раньше января 1924 г.¹⁶ А уже в феврале—марте 1924 г. из Демократического сговора вышла часть радикалов и демократов, что привело к оформлению буржуазной оппозиции и окончательному краху надежд фашиствующих политиков на монопольное положение правительственной партии на политической арене. С весны 1924 г. началось, наконец, создание на местах руководящих органов партии.

Какова же была программная оснастка Демократического сговора? В ходе борьбы за его создание в июле — августе 1923 г. Цанков и его единомышленники оказались вынужденными пойти на уступки нефашистской части буржуазии. В результате из предварительного документа — «Платформы» Демократического сговора, опубликованной 1 октября 1923 г., исчезли пункты, отражавшие авторитарные стремления группы реакционных политиков, которые годом раньше отчетливо прозвучали в программных статьях Народного сговора.

Официальная программа Демократического сговора была принята в октябре 1924 г. на учредительном съезде. Однако что она собой представляла, установить на сегодняшний день трудно: отдельного ее издания не обнаружено, в газетах того времени текст ее опубликован не был. Известно лишь, что в комиссию по подготовке программы вошли Д. Мишайков, Г. Т. Данаилов, Кимон Георгиев и др., всего 16 человек; А. Цанкова среди них не было¹⁷. Судя по газетным отчетам, руководители съезда постарались обойтись без обсуждения проекта программы: председательствовавший А. Ляпчев заявил, что программа глубоко прочувствована делегатами и нуждается в одобрении, а не в дебатах¹⁸.

Съезд оформил существование Демократического сговора. Согласно отчету секретариата, в нем на 20 октября имелось 1950 низовых организаций с 102 580 членами¹⁹. Эти цифры на протяжении нескольких дней постоянно возрастали в газетных сообщениях. 29 октября 1924 г. секретариат, ссылаясь на дополнительные, но все еще неполные данные, определял общее число членов Демократического сговора уже в 141 121 человек. В нем было: крестьян — 62%, ремесленников — 19%, торговцев — 7%, «прочих» (рабочие, промышленники, адвокаты, врачи, инженеры) — 12%²⁰.

Однако Демократический сговор оказался весьма далек от идеала «деятелей 9 июня»: он не стал качественно новым элементом политической структуры, а просто вписался в традиционную партийно-политическую систему в виде еще одной реакционной буржуазной партии, мало чем отличавшейся от остальных по методам своей деятельности и организационному устройству. Выступая на съезде, А. Цанков заявил: «Мы не уничтожили старые партии. Мы сгруппировались и реорганизовали то, что получили в наследство»²¹.

Не удалось добиться и монопольного положения для Демократического сговора на политической арене. Процесс фашизации болгарской буржуазии, процесс восприятия ею фашистских идей и методов руководства обществом и государством оказался заторможенным.

Правда, деятельность буржуазной оппозиции не приобрела большого размаха. Единственным последовательным борцом против фашизма выступили трудящиеся массы, возглавленные БКП и левыми «земледельцами». Дважды — в июне и сентябре 1923 г. — болгарский народ поднимался на массовые вооруженные восстания, но оба они были подавлены армейскими частями. Соппротивление народа фашизму, в разных формах продолжавшееся и после подавления Сентябрьского восстания, держало руководство военно-фашистского режима в постоянном напряжении. Вынужденные из-за остроты социальных отношений в стране откладывать «государственное строительство» до лучших времен, военно-фашистские силы лишились тем самым возможности форсировать фашизацию страны.

Однако, несмотря на компромиссный характер официального программного документа правительственной партии, некоторые важные в идеологическом отношении положения Цанков рекламировал в ходе проведения различных социально-экономических мероприятий. Так, большая часть этих мероприятий пропагандировалась как результат действий «надклассового», «надпартийного» государства, регулирующего экономическую жизнь и социальные отношения и притом будто бы с целью ограничить всевластие капитала и поставить его на службу обществу. В частности, при проведении финансовой реформы провозглашался так называемый принцип дискриминации капитала, в соответствии с которым декларировалось некоторое ограничение больших доходов в интересах «экономически слабых слоев».

На практике оказалось, что правительственные реформы не могли удовлетворить ни «экономически слабых», ни «экономически сильных». Летом — осенью 1925 г. давно накапливавшееся недовольство буржуазных кругов неудачами режима во внутренней и внешней политике приобрело открытые формы. В парламенте оппозиция единодушно выступила против правительства, проголосовав за недоверие ему. К этому времени обострились разногласия в кабинете министров между сторонниками Цанкова и сторонниками военного министра Вилкова, который одновременно был главой Военной лиги и так называемого Конвента. Царь, остававшийся на протяжении всего этого времени тайным дирижером событий, поддерживал Вилкова. Не имея возможности опереться на реальную военную силу, Цанков вынужден был уйти в отставку. 4 января 1926 г. А. Ляпчев сформировал новый кабинет, объявив курсом своей политики «умиротворение страны». Однако он не означал резких, кардинальных перемен. Реакционный потенциал, созданный в предыдущие годы в виде чрезвычайных законов, карательного аппарата, внеконституционных органов управления, сохранялся, но использоваться стал реже и не столь откровенно, как при Цанкове.

Однако сбрасывать со счетов вынужденного отступить Цанкова было рано. Он обладал большими связями в политических и военных кругах; Цанкова поддерживали и такие крупные предприниматели из числа «деятелей» 9 июня», как П. Петрович, К. Бояджиев²². Его люди сидели в государственном аппарате, который Ляпчев оставил почти без изменений, в органах полиции.

Период «унылого отдыха» и растерянности для Цанкова и его сторонников, по-видимому, не был долгим. Поставив перед собой в качестве главной задачу возвращения к власти, Цанков строил тактику на компрометации внутренней политики Ляпчева. Но переходить в открытую оппозицию Цанкову не пришлось: ему был предоставлен не иначе как для сохранения политического баланса весьма важный пост председателя Народного собрания.

На ранней стадии развития фашизма как международного явления сохранение парламента — скорее общее явление, чем исключение. Дело, однако, в том, что по мере укрепления фашистской власти парламент все более превращался в номинальный орган, пока вовсе не прекращал своего существования. В Болгарии после переворота 9 июня 1923 г. парламент как политический институт также был сохранен. И не в этом состоит особенность болгарской разновидности фашизма, как иногда еще пишут, а в том, что Цанкову и его сторонникам не удалось в 1923—1925 гг. превратить Народное собрание в послушного исполнителя их воли; ограниченной по результатам оказалась попытка изменить персональный состав депутатов, добиться преобладания в нем представителей «новой генерации» за счет вытеснения кадров прежних буржуазных политических деятелей. Лозунг «демократизации» управления, его «парламентаризации», демагогически выдвинутый военно-фашистским руководством в противовес «диктатуре земледельцев», был воспринят в буквальном смысле членами традиционных буржуазных партий.

Начало правления Ляпчева совпало с годами временной и частичной стабилизации капитализма, неблагоприятными для быстрого и откровенного развития фашистских тенденций²³. Несколько лет относительно спокойного существования (рабочее движение было обескровлено погромами 1923 и 1925 гг.), видимость внутреннего мира и неплохие прибыли, вероятно, притупили у болгарских буржуазных политиков вкус к крупным общественным переменам. Зато появилась возможность вплотную заняться внутрипартийными делами, в результате чего фракционная борьба стала едва ли не главным содержанием процессов, происходивших в партиях буржуазии. Партии раскалывались, двоились, троились. Подобное происходило и с детищем Цанкова — Демократическим сговором, сохранявшим положение правительственной партии. В сентябре 1928 г. Цанков так оценивал ситуацию: «Демократический сговор... ныне из-за воскрешения старых фракционных методов некоторыми его лидерами деморализован, расстроен, отдельные группы находятся в непрерывной борьбе, враждуют между собой»²⁴.

Итак, вместо сильной правительственной монопартии, вобравшей в себя весь политический актив буржуазии, — раздираемый фрак-

ционной борьбой Демократический сговор. Сам же Цанков — сторонник сильной власти — оказался на посту председателя Народного собрания, органа, критикуемого слева и справа за слабость и бессилие, называемого не иначе как «старый», «прогнивший», «бесславный». Впрочем это парадоксальное положение имеет свое объяснение. В 1927 г. Цанков констатировал, как явствует из его дневниковых записей, крах надежд на реорганизацию общественного устройства. Он отмечал наличие в народе сильных оппозиционных настроений и, более того, рост движения «земледельцев» и коммунистов. Причины этого Цанков видел в отсутствии «контридейного движения». «Чем мы можем затронуть народ, — записывал он, — нет единых действий... нет ни больших, ни малых социальных идей»²⁵. Это ли не признание неудачи и в идейном, и в организационном плане первого фашистского приступа!

Но, испытав однажды сладость власти, Цанков и теперь всеми правдами и неправдами стремился к ней. Пост же председателя Народного собрания давал возможность находиться близко к верхнему эшелону политического руководства страны, создавал определенные условия для участия в политических интригах. В походе за возвращение власти Цанков и блокировался, и размежевывался с Ляпчевым, заключал различные союзы, в том числе с министром иностранных дел Ат. Буровым, ставшим к тому же лидером еще одной самостоятельной группировки в Демократическом сговоре. Число сторонников Цанкова выросло в это время за счет группы гражданских депутатов Народного собрания, несогласных с некоторыми финансовыми реформами правительства Ляпчева. Но если приверженцы Цанкова, и в первую очередь военные, стремились прежде всего к тому, чтобы окончательно скомпрометировать правление Ляпчева и таким образом восстановить «обаяние 9 июня», то для их патрона главным оставалось возвращение к власти. На этой почве уже в 1928 г. возникли разногласия между Цанковым и большой группой его сторонников, возражавших против его участия в правительстве даже в случае отставки с поста министра их главного противника генерала Вылкова²⁶. Стремясь к власти, Цанков мог рассчитывать только на верхушечные сделки и политические интриги: массовой опоры у его группировки по-прежнему не было.

После правительственного кризиса 1928 г. внутренняя борьба в Демократическом сговоре обострилась. В начале 1929 г. сторонники Цанкова выделились в самостоятельную группу, начавшую издавать газету «Лыч». Этот орган стал выступать с позиции, враждебной политическому курсу Ляпчева, воспевая «идеалы 9 июня». На первом месте среди них был идеал сильной власти, противопоставлявшийся «керенщине Ляпчева». В газете печатались слезливые материалы о бедственном положении крестьян. Немалое внимание уделялось и рабочим, поддержке их «справедливых экономических требований»²⁷. Подъем стачечной борьбы пролетариата в 1929 г. использовался цанковцами для широкой агитации в пользу введения государственной регламентации отношений между трудом и капиталом. В этой связи на страницах газеты «Лыч» откровенно пропагандиро-

вался опыт итальянских фашистов, отвергших либеральную концепцию и «радикально разрешивших» вопрос о вмешательстве государства в социальную сферу. Печатались и множество материалов, нацеленных на пробуждение «болгарского национального духа». Имена деятелей болгарского Возрождения, идеи национально-освободительной борьбы использовались цанковцами как источник «нового национализма, приспособленного к задачам послевоенного времени»²⁸; самих же себя они называли не иначе как продолжателями великих революционных и национальных традиций Возрождения, «подвиг 9 июня» — продолжением подвигов национальных героев.

В газете «Лыч» вместе с Цанковым сотрудничали оба давних его сподвижника по идейному поприщу — Г. Т. Данаилов и Д. Мишайков, а также группа военных во главе с К. Георгиевым. «Лычисты» вели работу в армии, прибегали к массовой агитации, распространяя листовки, и т. п. В своих мемуарах современник событий тех лет Ст. Мошанов пишет об источниках средств на издание органа цанковской группировки: «Широкая публика не знала, что ежедневная газета с ограниченным тиражом содержится в значительной степени на средства группы наиболее беззастенчивых по своим методам промышленников и крупных экспортеров во главе с варненским магнатом Ас. Николовым»²⁹.

Выделение «лычистов» в столице привело к расколу ряда провинциальных организаций Демократического сговора. Официальная печать летом 1929 г. вынуждена была признать, что группа вокруг председателя Народного собрания функционирует как отдельная организационная единица и что ее деятельность наносит большой вред правящей партии³⁰.

Внутренняя нестабильность не случайно беспокоила правящие круги: в их глазах на горизонте вновь замаячил призрак «коммунистической опасности». К 1927 г. рабочее движение Болгарии оживилось. БКП, работавшая в подполье, выдвинула в качестве центральной задачу собирания сил пролетариата. Большим успехом явилось создание нелегальной и восстановление легальной рабочей печати, а также создание легальных рабочих организаций: Рабочей партии (в 1927 г.), Независимых рабочих профсоюзов — НРПС (в 1925 г.), Рабочего молодежного союза — РМС (в 1928 г.). Активизировалась и борьба рабочих за улучшение экономических условий их существования. Если, согласно официальной статистике, в 1925 и 1926 гг. было всего по три стачки, то в 1927 г. произошло уже 23 стачки: в них участвовали 2708 человек³¹. Особенно важную роль сыграла продолжавшаяся целый месяц крупная стачка табачников. Правда, выступления трудящихся носили еще эпизодический характер, но главной приметой времени являлось постепенное возрастание уверенности пролетариата в своих силах.

1 мая 1928 г. впервые за последние годы болгарские рабочие, несмотря на запрет властей, провели собрания и демонстрации. А с конца года рабочее движение вновь приобрело действительно массовый характер. Это выразилось в кампаниях протеста против белого террора, за всеобщую и полную амнистию политзаключенным, в празд-

новании 1 мая 1929 г., а также в экономической борьбе пролетариата. Всего в забастовочном движении 1929 г. участвовало около 40 тыс. рабочих; его кульминацией были всеобщая стачка табачников и стачка сливенских текстильщиков. Со стачечным движением такой силы болгарская буржуазия не сталкивалась за все время пребывания Демократического сговора у власти. По оценке Г. Димитрова, забастовочные бои лета 1929 г. явились показателем того, что «болгарский пролетариат под руководством компартии оправляется от тяжелых ударов и кровавых фашистских погромов, массовых избиений 1923—1925 гг., снова сплачивает свои главные силы, преодолевая в общем оппортунистические колебания и тенденции и приостанавливая свое временное отступление»³².

Боевое настроение трудящихся в условиях, когда лагерь буржуазии в целом и правящая партия, в частности, переживали полосу ожесточенной борьбы, не могло не вызвать определенной реакции в буржуазных кругах. Газета «Работническо дело» писала, что «в шестую годовщину переворота 9 июня буржуазия не отмечала своего «великого праздника». Негодование против положения в стране и в правящем лагере достигло таких размеров, что сама буржуазия хочет изменений»³³.

Обусловленный внутренней ситуацией в Болгарии этот процесс подстегивался факторами международного порядка. Германия в конце 20-х годов начала одно за другим сбрасывать с себя ограничения, наложенные мирным договором, что привело к бурному взрыву национализма в этой стране. В то же время в Италии завершалось строительство тоталитарного государства; фашистская пропаганда в ярких красках рисовала «невиданные успехи», достигнутые благодаря твердой власти дуче, расписывала его методы и приемы.

Подобные известия из-за границы не оставляли равнодушной болгарскую буржуазию. Именно в эти годы оживляется деятельность ряда профашистских организаций, которые теперь гораздо четче, чем прежде, определяют свое политическое кредо. Так, на созванном в ноябре 1929 г. съезде организации «Родна защита» «болгарские чернорубашечники публично и во всеуслышание провозгласили фашизм своей идеологией»³⁴. Весной 1930 г. Верховный совет Союза офицеров запаса обратился ко всем «патриотическим» организациям с предложением образовать «общий фронт» для борьбы против «большевистской опасности». Особый масштаб приобрела деятельность националистической организации «Отец Паисий». Осенью 1929 г. «Отец Паисий» выступил организатором кампании протеста против тяжелых условий мирного договора. Демагогически используя недовольство трудящихся, которым в первую голову приходилось расплачиваться за прежние военные авантюры болгарской буржуазии, организаторы кампании старались придать ей массовый характер и направить ее в националистическое русло.

Об атмосфере в стране, все более насыщавшейся фашистскими парами, говорит и издание литературы, воспевавшей фашизм, опыт Муссолини и Гитлера.

Прилив реакционной волны делал надежды Цанкова на возвращение к власти более реальными. Его группировка усилила фронду против правительства Ляпчева, особенно после частичных выборов в местные органы власти (февраль 1930 г.), показавших значительное снижение авторитета Демократического сговора. В этих условиях Ляпчев пошел на реконструкцию кабинета: в него были включены Цанков вместе с Г. Т. Данаиловым и Д. Мишайковым. Удовлетворившись второстепенным постом министра просвещения, Цанков объявил о прекращении борьбы против других группировок Демократического сговора; издание газеты «Лыч» было остановлено.

Этот шаг вызвал острую реакцию со стороны части приверженцев Цанкова. Ночью по всей стране были расклеены листовки, в которых Цанков назывался дезертиром и капитулянтом. Под ними стояла подпись: «деятели 9 июня»³⁵. А спустя несколько месяцев из среды бывших «лычистов» выделилась группа недовольных Цанковым во главе с К. Георгиевым. Раскол охватил и провинциальные организации, в Стара-Загоре, Пловдиве и других городах образовались новые бюро. Отколовшиеся от Демократического сговора «лычисты» вступили в тесную связь с политической группой «Звено», которая к лету 1931 г. оформилась в своеобразную политическую организацию*. Точкой соприкосновения для бывших «лычистов» и «звенарей» стала идея решительного отрицания политических партий, стремление установить беспартийный режим.

Новый министр просвещения провозгласил в качестве основных принципов просветительно-воспитательной политики обязательность занятий спортом для молодежи, религиозность, патриотизм, им был подготовлен закон о физическом воспитании болгарской молодежи, принятый в марте 1931 г.³⁶ Он также внес в Народное собрание законопроект, предусматривавший изъятие у школьных советов функций назначения учителей и передачу ее властям. В прогрессивной печати отмечалось, что осуществление этого законопроекта было бы шагом к ликвидации школьных советов как выборных институтов, к ликвидации буржуазной демократии и парламентаризма.³⁷

Публичные выступления Цанкова этого периода проникнуты стремлением вновь привлечь к себе интеллигенцию, отход которой он констатировал в 1927—1928 гг. Выступая перед студенческой молодежью, он не скупился на комплименты ей, объявлял, что задача нового поколения болгарской интеллигенции состоит в том, чтобы «реорганизовать государство, модернизировать его, приспособить к духу времени, примирить сословную и классовую борьбу»³⁸. Наряду с переполюсовкой старых мотивов в речах Цанкова зазвучали и новые. Утверждая, что «народ — ведомый», что «он форми-

* «Звено» было создано в 1927 г. по инициативе Д. Казасова, деятеля, часто менявшего политические взгляды. Из небольшой группы с неясной программой «Звено» вскоре превратилось в организацию, игравшую важную роль в политической жизни Болгарии. «Звенари» ратовали за «надпартийную власть», осуществляемую элитарной группой компетентных лиц, выступали против парламентарной политической системы за корпоративный строй.

руется вождями»³⁹, Цанков выступал пропагандистом принципа вождизма, уже прочно укрепившегося в идеологии итальянского фашизма и гитлеризма.

Он часто касался также проблемы движения масс, массовой опоры, но его высказывания в этом отношении носили по-прежнему общий и отвлеченный характер; в них не было ни конкретного подхода к вопросу, ни учета новой обстановки в стране в связи с начавшимся экономическим кризисом и массовым разорением мелкой буржуазии, ростом безработицы.

Между тем в связи с приближавшимися в июне 1931 г. выборами в Народное собрание вопрос этот приобрел необычайную остроту. Ситуация в стране характеризовалась складыванием коалиции буржуазных и мелкобуржуазных партий, образовавших так называемый Народный блок. Вовлечение в него действительно массового БЗНС заставляло руководство Демократического сговора серьезно задуматься о собственной судьбе. Стремясь удержаться у власти, правящие круги предприняли ряд шагов, в том числе попытались расколоть коалицию партий буржуазной оппозиции. Однако этот политический ход не удался.

14 июня 1931 г. Цанков подчеркнуто от имени всего Демократического сговора выступил с предвыборной речью. В ней не было ни слова о внутренней борьбе, о расколах в этой партии, зато похвалы в ее адрес шли бесконечной чередой. Наша партия, провозглашал оратор, имеет то преимущество, что является не буржуазной, а народной, в ней находят себе место все «добрые болгары», крестьяне и горожане, бедные и богатые⁴⁰, хотя всем было ясно, что идея создания подобной партии, одна из центральных в 1923 г., за прошедшие годы так и не приблизилась к осуществлению. Беззастенчиво жонглируя фразами о демократии, Цанков стремился помочь удержаться Демократическому сговору у власти, поскольку только с ним связывал в это время возможность для удовлетворения своих личных карьеристских амбиций.

Результаты выборов 21 июня 1931 г. оказались катастрофическими для Демократического сговора. За Народный блок проголосовало 590 тыс. человек из около 1,2 млн. использовавших свое право голоса, причем, как отмечалось в прессе, примерно 350 тыс. из них принадлежало БЗНС⁴¹. Кандидаты Демократического сговора, выступавшего в коалиции с группировкой национал-либералов, получили на 173 тыс. голосов меньше. Тем самым власть Демократического сговора пала.

Поражение Демократического сговора было для Цанкова тяжелым ударом. На протяжении четырех лет после потери им кресла премьер-министра пытался он вернуться к власти, фактически делая ставку только на правительственную партию. Наконец, в 1930 г. вошел в кабинет, чтобы пробыть в нем немногим больше года в роли отнюдь не первостепенной. И вот новый крах.

Естественно, перед Цанковым, как и перед другими деятелями Демократического сговора, вставал вопрос: что же дальше? При этом дело было не только в потере власти Демократическим сговором.

Третьей очень важной политической силой в результате выборов

заявил о себе Блок труда, стержнем которого была Рабочая партия, вошедшая в коалицию с левыми «земледельцами»; к ним присоединился ряд партийных и беспартийных демократических групп и организаций. За Блок труда отдали голоса 170 тыс. избирателей — в четыре с лишним раза больше, чем на выборах 1927 г. А участвовал Блок труда в выборах «вопреки бешеному террору, вопреки конфискации рабочей печати, вопреки арестам и разгону рабочих собраний полицией и фашистскими бандами»⁴².

Движение влево продолжалось и в последующие месяцы. В июле — августе 1931 г. по стране прокатилась мощная волна забастовок, не уступавшая по своим масштабам стачечным боям 1929 г. Новых больших успехов добилась Рабочая партия на выборах в городские и сельские общинные советы, проходивших в сентябре 1932 г. В Софии, например, победу одержали кандидаты Рабочей партии. Однако правительство не могло допустить перехода столичного муниципалитета в руки рабочих депутатов и аннулировало их мандаты.

Такое движение влево, сопровождавшееся ростом политического авторитета коммунистов, с одной стороны, и «земледельцев» — с другой, которые пусть в коалиции, но сумели вновь прийти к власти, представлялось болгарским буржуазным политикам чрезвычайно опасным. В условиях скачкообразно развивавшегося экономического кризиса смещение политической оси влево в глазах многих реакционеров ассоциировалось с временами послевоенного революционного подъема. Цанков же просто захлебывался от ярости, «бил тревогу» в парламенте: болгарский большевизм в наступлении⁴³.

В новой ситуации более отчетливо стало проявляться стремление Цанкова сгруппировать правые силы; средством служило запугивание, распространение психоза «левой опасности». В частности, оценивая приход к власти «Народного блока», Цанков утверждал, будто в результате «вернулось положение, имевшее место до 9 июня», произошло восстановление, хотя и частичное, режима Стамболийского⁴⁴.

Отстранение от власти Демократического стовора послужило толчком для дальнейшей поляризации политических сил. В кругах буржуазии отмечался в это время повышенный интерес к теории и практике итальянского и немецкого фашизма, активно обсуждалась проблема «диктатура — демократия» применительно к болгарским условиям. В 1932—1933 гг. появилось несколько организаций, откровенно копировавших приемы нацистов, повторявших их программу (Национал-социалистическая болгарская рабочая партия, Национальная фашистская задруга, Союз молодежных национальных легионов). Эти организации были слабы и немногочисленны, но каждая из них располагала своим печатным органом и другими средствами пропаганды.

Поражение на парламентских выборах привело к большим изменениям внутри Демократического стовора. Из него ушла в «Звено» часть военных, резко выражавшая недовольство случившимся. Поспешила выйти из него и вернуться в демократическую партию —

теперь участницу правящей коалиции — и часть бывших деятелей Демократического сговора. Среди остальных членов Демократического сговора началась ожесточенная борьба между сторонниками Цанкова и Ляпчева, перекладывавшими друг на друга вину за поражение на выборах. Борьба эта приняла особенно острые формы ввиду предстоящего съезда партии — первого после учредительного съезда 1924 г.

Открылся партийный форум в Софии 15 мая 1932 г. На нем в числе других с большой речью выступил Цанков. Если систематизировать беспорядочно изложенные оратором причины потери власти партией, то их можно разделить на конкретные, связанные с проведением данной избирательной кампании, и общие, вытекавшие из характера деятельности Демократического сговора в последние годы. Причины второго ряда, несомненно, более серьезные. По сравнению с его же констатациями 1927—1928 гг. в этой части речи Цанкова по существу не было ничего нового: те же сетования на отсутствие «убедительной программы», «идейного обновления» и т. п. Признавая, что «начертать программу» и «создать идеологию» еще предстоит, Цанков в той же речи выступил с «наметками пути», по которому должен идти Демократический сговор. Большинство положений этой части речи Цанкова было уже хорошо известно из опыта прошлых лет, хотя в ряде случаев они получили новое словесное выражение. Это, во-первых, тезис о том, что Демократический сговор — не классовая, а общенациональная партия. «Мы хотим координировать классовые интересы», — заявлял Цанков. Принцип социального мира он называл отправной точкой «всей нашей идеологии»⁴⁵. Это, во-вторых, положение о все возрастающей роли государства в экономической жизни страны. Этот старый тезис получил в речи на съезде некоторое развитие, что, на наш взгляд, было связано с усилением государственно-монополистического капитализма в годы кризиса.

Третье положение — капитал должен стать более социальным — также хорошо знакомо. «Не уничтожая капитализма, — демагогически вещал Цанков, — не мешая капиталистам наживаться, мы хотим принудить их больше служить социальным целям, быть более привязанными к народу и государству». Старыми, набившими оскомину были и высказывания Цанкова против коммунизма и большевизма, новой была, кажется, только более высокая степень озлобленности. И, наконец, он повторял известный тезис о жизнеспособности капиталистического строя, который нужно якобы лишь реформировать путем преодоления отжившего в нем и сохранения «здорового начала».

Были в этой речи и некоторые нюансы, связанные с учетом развития фашизма. Так, отметив, что повсюду в мире происходит «восторженное возрождение национализма», Цанков призывал «высоко держать знамя болгарского национализма». Последний становился основой тезиса о самобытном характере движения, которое Цанков собирался «создать и возглавить»⁴⁶.

При всей демагогичности этих построений подчеркнем, что и лозунг возрождения национализма, и тезисы об оригинальности «движения» и самобытности, а следовательно, в определенном смысле и

исключительности болгарского народа, несли в себе шовинистический заряд и в ловких руках могли превратиться в опасное оружие.

В остальном речь Цанкова на съезде концентрировалась на мыслях о том, что партии необходимо единство, хотя в это время он со своими сторонниками уже подготовил раскол. Затем последовало театрально разыгранное во время выступления Ляпчева недовольство части делегатов — сторонников Цанкова и уход цанковцев со съезда. Для пущей торжественности Цанкова на руках несли до дома. 16 мая 1932 г. раскол Демократического сговора стал фактом: заседания каждой группировки продолжались в разных помещениях.

На съезде цанковцев был изменен устав с целью организационного укрепления партии. Партия стала называться «Демократический сговор под председательством А. Цанкова» в отличие от Демократического сговора, во главе которого остались Ляпчев и Буров. Была принята также «Резолюция по ближайшим задачам партии». Афишируя свое внимание к мелкой буржуазии города и села, особенно к крестьянству, составители резолюции говорили о тяжелом положении крестьянства в связи с экономическим кризисом, о необходимости облегчить его задолженность, улучшить условия получения кредита; выдвигалось множество демагогических требований, а кроме того, формулировалась задача показать крестьянам «безумие пути, на который их склоняет широкая коммунистическая пропаганда»⁴⁷.

В документе ничего не говорилось о предпринимателях и рабочих, о чиновниках. Такая расстановка акцентов, сосредоточение внимания на крестьянстве свидетельствовала о преобладании в нем сиюминутного начала, о первоочередном стремлении его составителей попытаться подрубить основу Народного блока, перетянув являвшееся его базой крестьянство под свои знамена. Отсюда широкообещательные обещания поставить государство на службу селу. Обещание мер по улучшению экономического положения сельского населения сочеталось в резолюции с «настоятельным требованием создания в селах авторитетной и компетентной власти», т. е. требованием усиления государственного контроля за крестьянством. В документе, кроме того, делался шаг к формулированию триединого принципа воспитания «национального гражданина» Болгарии: школа — церковь — казарма, который получил окончательное оформление спустя некоторое время. В целом же эта резолюция содержала элементы обновления программы и тактики партии, причем они отличались новизной и по сравнению с тем, что предлагал в речи на съезде сам Цанков. Очевидно, в составлении документа отразилось участие его сподвижников. Позже они засвидетельствуют: идеология движения не является плодом откровений отдельной личности. В нее внесли свой вклад все «деятельные и творческие личности», входившие в состав его руководящих органов⁴⁸.

Среди них — полковник запаса Хр. Калфов, долгое время после падения правительства Цанкова находившийся в тени. На съезде 1932 г. Калфов был избран секретарем Центрального бюро партии и, по-видимому, сразу же стал претендовать на особую роль в ее руко-

водстве. Его поддерживала группа военных, в том числе в вопросах обновления идейной оснастки партии. С учетом этого обстоятельства следует рассматривать и речь Цанкова 12 июня 1932 г. Она имела значение программного документа (была издана отдельной брошюрой под названием «Наш путь»).

Возвращаясь к теме трансформации капиталистической системы, Цанков заявлял, что думать об этом «заставляют» средние слои, для обозначения которых он использовал удобное, на его взгляд, понятие: «хозяйственная демократия». Из такой постановки вопроса следовало, что предполагаемое преобразование капитализма будет принято в интересах средних слоев. В стремлении заручиться их поддержкой оратор прибегал к беззастенчивой демагогии, обещая поставить на службу средним слоям и государство, и «саму буржуазию». Капиталист, провозглашал он, должен поделиться своими доходами с государством, должен и рабочего сделать соучастником своих прибылей; если капиталист не будет отвечать потребностям общества, ему придется уступить свое место в экономической жизни. Кому? Государству, говорил Цанков, которое возьмет на себя роль капиталиста. Исчезновение капиталистов не означает, продолжал оратор, что капитализм погибнет, ибо, утверждал Цанков, «капиталистическая система может существовать и без буржуазии, без капиталистов»⁴⁹. Не стесняясь абсурдности этого тезиса, Цанков «развивал» его дальше, заявляя, что капиталистический строй может обойтись не только без буржуазии, но и без пролетариата⁵⁰. Кто же в таком случае остается? Очевидно, средние слои и государство.

Специфика программного выступления Цанкова состояла в неимоверном выпячивании «заботы» о средних слоях. Он прямо заявлял: «Средние слои были и всегда будут опорой любого общественного строя, а тем паче нынешнего. Поэтому мы являемся идеологами, защитниками, сторонниками интересов... этой общественной и хозяйственной демократии»⁵¹. Здесь уже не «забота» одновременно о всех классах и прослойках общества, как в программных положениях Народного сговора 1922 г., а упор на преимущественное удовлетворение интересов средних слоев. В антикапиталистической демагогии Цанков заходил так далеко, что на словах «оставлял» буржуазии лишь служебную, подчиненную роль; в то время как пункты предполагавшейся экономической помощи крестьянству и ремесленникам следовали один за другим, буржуазию «ожидали» только меры, ущемлявшие ее.

На дальнейшем плане оказались в программной речи и рабочие.

Важнейшим средством реализации всей этой экономической программы Цанков объявлял «демократизацию капитала», под которой понимал его «проникновение в недра творческих сил народа». Лозунг социального мира сохранял свою актуальность: одной из задач Демократического сговора Цанков в который уже раз провозглашал примирение рабочих и хозяев с помощью государства. Но в самой постановке вопроса менялся акцент; теперь, обращаясь к предпринимателям и рабочим, Цанков требовал: подайте друг дру-

гу руки, «иначе государство силой заставит вас сделать это, оно не позволит ни тем, ни другим сотрясать нынешний общественный строй»⁵².

Специальное внимание в речи было уделено цанковской партии, пошедшей после раскола Демократического сговора собственным путем. Определяя существующий общественный строй как «капитализм с зарождающимся национализмом», Цанков возглавляемую им партию называл народной, национальной и ее отличие от старых партий видел в том, что она может разрастись до «социального движения». Поэтому он приглашал в нее весь «болгарский народ без различия общественного положения».

В программном документе содержались также пункты относительно реформы государственного механизма. Парламент должен был стать меньшим численно, более гибким и более компетентным. В нем предполагалось представительство по роду занятий — рабочих, торговцев, промышленников, ремесленников. Эти наметки свидетельствовали о приближении цанковцев к представлениям о так называемом экономическом парламенте. Реформа должна была коснуться и органов местного самоуправления с целью усиления государственной власти на местах, ее централизации. Оратор требовал также военизации полиции. И, наконец, триада — школа, церковь, казарма — как основа для воспитания добпорядочных граждан, получила в рассматриваемой речи совершенно четкое выражение. Внешнеполитическая часть ее не содержала ничего нового. Повторялись заявления типа: «Мы не требуем ничего, кроме... культурного объединения болгарского народа, где бы он ни находился...», или: «От нашей внешней политики мы требуем только такта и благоразумия»⁵³.

Хотя речь Цанкова от 12 июня 1932 г. и названа программной, пожалуй, главной ее чертой была ее тактическая злободневность, нацеленность прежде всего на решение важнейшего в тех условиях вопроса — организационного роста партии, превращения ее в массовую. Именно на это были направлены усилия руководства партии в 1932—1933 гг. Для превращения партии в «движение» проводились специальные кампании в центре и на местах. Так, в Годечской околии местное бюро партии издало 1 декабря 1932 г. циркуляр, в котором предписывалось привлекать в «Демократический сговор — Ал. Цанков» всех присоединившихся к ляпчевско-буровской части партии, а также «всех честных и здравомыслящих крестьян». В селах, где еще не было организаций, следовало создать их⁵⁴.

Особенностью организационной кампании была работа не только среди «хозяйственной демократии», но и среди рабочих. К ним центральное бюро обратилось со специальным призывом, распечатав его отдельной брошюрой. В ней цанковцы признавались, что ратуют за освобождение рабочих от «опеки коммунистов» и взамен обещали им содействие «со стороны общества и государства». В предисловии, подписанном Цанковым, говорилось, что в государстве должны мирно сосуществовать «три крупных фактора», под которыми имелись в виду рабочие, крестьяне и ...организаторы произ-

водства⁵⁵; тем самым Цанков как бы освобождал капиталистическое общество от капиталистов. В препарированной таким образом структуре общества классовая борьба становилась как бы излишней. Для достижения столь высокого «идеала» рекомендовалось создавать «национальные» рабочие синдикаты: они будут «вне коммунистического влияния» и приобщат рабочих к «делу государственного строительства»⁵⁶.

Призыв был подхвачен, но не рабочими, а предпринимателями. Заинтересованность капиталистов в создании у себя на предприятиях организаций национальных синдикатов, субспдирование ими этой кампании способствовали тому, что такие организации возникли в ряде мест страны. Был создан и Союз национальных синдикатов, располагавший собственным печатным органом — газетой «Национален работник» и клубом.

С течением времени острота «рабочего вопроса» все более увеличивалась для цанковцев. В циркуляре «Демократического сговора — Ал. Цанков» от 2 марта 1934 г. в косвенной форме признавалось, что идейное и организационное влияние партии среди рабочих гораздо меньше, чем среди других групп населения, а потому обращалось особое внимание на необходимость «идейного и организационного укрепления» рабочих синдикалистских организаций. В циркуляре давались конкретные рекомендации, как достичь желаемых результатов. Нужно, говорилось в документе, «заботиться об устройстве безработных на работу... Наши друзья-работодатели могут принять на работу по крайней мере наиболее активных синдикалистских деятелей. Жертва, принесенная этими нашими друзьями, будет невелика по сравнению с той пользой, которую получит от этого общество»⁵⁷. Так вполне определенно выражалась связь между цанковской партией и капиталом, их взаимная заинтересованность друг в друге. Казалось бы Цанков в своих демагогических речах и места не оставил для буржуазии в обществе, иногда договаривался и до национализации капитала, а его друзья-капиталисты продолжали поддерживать его партию, субсидировали строительство национальных синдикатов и другие мероприятия «движения». Агенты полиции доносили, например, что под новый 1934 год люди Цанкова для сбора денег якобы на проведение праздников с раздачей подарков бедным детям нанесли визиты банкирам, взяв у каждого из них от 500 до 10 тыс. левов. Трое же выдали по большой сумме: Чапрашиков — 500 тыс. лев., Яблански — 200 тыс., Пипев — 100 тыс.⁵⁸ Цанков имел своих людей и в крупной государственно-монополистической организации «Храноизнос», созданной в годы экономического кризиса.

Как видно, буржуа не боялись антикапиталистических лозунгов цанковской партии, они просто не принимали их всерьез. В целом часть монополистов проявляла несомненную заинтересованность в поддержке цанковской партии, рассчитывая с ее помощью укрепить собственное положение, «обновить» традиционный парламентаризм, оказавшийся не в состоянии справиться с экономическими трудностями и политической нестабильностью. После раскола 1932 г. цан-

ковская партия стала центром притяжения для многих реакционных деятелей из других партий.

Свои результаты принесло и определенное обновление программы, ориентация на мелкую буржуазию и страдающих от безработицы рабочих, несравненно более широкая, чем прежде, организационная кампания. Общую численность цанковского «движения» в 1933 г. Калфов определял в 165 тыс. членов⁵⁹. Цанков же летом 1933 г. заявлял, что численность партии составила 123 724 члена, причем будто бы 15 тыс. из них были рабочими и 71 тыс. крестьянами. Проверить эти цифры сейчас не представляется возможным из-за отсутствия надежных данных. Несомненно, однако, что разорение масс крестьянства и ремесленников в годы кризиса, рост безработицы в городах и частичное деклассирование пролетариата — все это позволило цанковской партии значительно по сравнению с прежними годами расширить свою массовую базу.

Но внутренние процессы, развивавшиеся в болгарском обществе в обстановке кризиса, отнюдь не были однолинейными. Если на одном полюсе стягивалась реакция, то на другом росли мощь и авторитет рабочих революционных организаций. Так, численность Рабочей партии достигла в середине 1932 г. более 27 тыс. членов — в 4,5 раза больше, чем в начале 1931 г. В НРПС в конце 1932 г. входило уже 10 тыс. человек. Выросли и укрепились и другие массовые организации, руководимые нелегальными компартией и комсомолом. Они активно сопротивлялись наступлению реакции, организовывали трудящихся на отпор цанковской агитации. На местах посланцев «Демократического сговора — Ал. Цанков» встречали нередко так, что для их спасения от народного гнева нужно было вызывать полицию и войска.

Так на практике терпели крах все теории об отмене классовой борьбы и о надклассовом характере цанковского Демократического сговора. «В целях самообороны» от «земледельцев» и коммунистов Цанков и его сторонники принялись в 1933 г. за организацию охранной службы движения. В ее функции входила охрана политических собраний, организуемых «движением», шествий и т. п. Устанавливалось иерархическое подчинение, строгая дисциплина, специальная инструкция предусматривала действия на все возможные случаи. Однако, судя по полицейским донесениям, попытка создать при партии по существу боевые отряды из организационной стадии так и не вышла. Большого успеха цанковцы добились в создании при партии Молодежного народного союза. К началу 1934 г. в него входило около 35 тыс. человек.

Военным всегда принадлежало видное место в цанковском окружении. Годы активного участия в политической жизни способствовали выдвижению из их среды деятелей, начавших претендовать, особенно после откола от лячевско-буровской части Демократического сговора, на более или менее самостоятельную роль в партии. Среди них — отставной генерал И. Русев. В «Демократическом сговоре — Ал. Цанков» он, став членом ЦБ и председателем Софийской городской организации партии, присвоил себе право перестановки кадров,

назначал (вместо выборов) нужных ему лиц на ответственные посты. Вскоре организационный аппарат партии перешел в руки военных⁶⁰.

Русев блокировался с полковником запаса Хр. Калфовым, который стал соперничать с шефом партии на идеологическом поприще. По ряду вопросов Калфов выступал с более жестких позиций, нежели Цанков. Он проявлял и большую, чем Цанков, восприимчивость к опыту зарубежного фашизма и хотя также говорил о самобытности болгарского национального «движения», в своих публичных выступлениях занимался откровенной пропагандой итальянского фашизма и гитлеровского национал-социализма⁶¹.

Активная роль Калфова в выработке программных положений партии способствовала постепенному, но все более определенному обособлению группы военных в руководстве цанковского Демократического сговора. Начавшийся процесс размежевания, негласного еще раскола неоднократно фиксировался в донесениях полицейских агентов 1933 — начала 1934 г., главным идеологом «движения» в них назывался уже Калфов.

В целом группировку военных в цанковской партии следует характеризовать как наиболее правую, ударную. Ее руководители считали, что для взятия власти следует действовать как можно активнее и быстрее, пока в обществе не исчезло «благоприятное настроение в пользу движения»; они боялись, что партия скоро начнет разлагаться⁶². По-видимому, военные не полагались на твердость линии Цанкова.

Между тем Военный союз на тайном съезде в ноябре 1933 г. принял решение готовить государственный переворот. Неизвестно, находились ли тогда Русев и Калфов в курсе принятого решения, но весной 1934 г. и тот, и другой вели торги с руководством заговорщиков относительно возможных министерских постов.

Цанков пытался противопоставить военным свой авторитет вождя: массовость Демократического сговора позволяла называть его «движением», а во главе «движения» должен быть уже не шеф, а вождь. Руководство «движения» в целом приняло вождизм как принцип и даже пыталось распространить его на организационную структуру партии (вождями стали именовать председателей окружных и околийских организаций цанковского «Демократического сговора»). Правда, эти нововведения носили половинчатый характер: официально все партийные должности сохраняли прежние наименования; хотя «движение» называлось Цанковым «национально-социальным» или «народно-социальным» (НСД), его документы издавались по-прежнему от имени «Демократического сговора — Ал. Цанков». На этом фоне вождистские замашки Цанкова, его самомнение лишь ускорили развитие событий в направлении раскола.

Пытаясь укрепить свои расшатанные позиции в руководстве партий, Цанков пригласил в НСД против воли военной группировки группу гражданских деятелей из «Звена» во главе с Д. Казасовым. Акция носила довольно широкий характер: в цанковское «движение» перешло около 30 человек и не только из «Звена», но также из

БЗНС, Ремесленной партии, из Национальной задруги⁶³. В «движение» влились звенарские группы ряда провинциальных городов.

Цанков, видимо, полагал, что сделал очень удачный шаг к полному объединению всех патриотических и интеллектуальных сил⁶⁴, но добился обратного — раскола. Борьба внутри партии стала особенно острой ввиду назначенного на май 1934 г. ее съезда. В ходе подготовки к нему военной группировке удалось блокировать предоставление Д. Казасову места в руководстве партии. Была сорвана также попытка Цанкова обеспечить себе поддержку на съезде со стороны делегатов из провинции. Как жаловался позже Цанков, Калфов «стал самовольно издавать брошюры, порочившие вождя движения»⁶⁵.

Такая ситуация предполагала отчаянную борьбу на съезде. В документах полицейской слежки сообщалось, что Цанков рассчитывал на нем получить всю полноту власти, избавиться от Калфова как секретаря ЦБ. Он проектировал принятие нового устава с тем, чтобы самому получить право назначать людей на все партийные должности. Удар по Русеву предполагалось завершить проведением после съезда генеральной чистки партии⁶⁶.

В предсъездовский период Цанков стремился и количественно **увеличить стан своих сторонников** за счет представителей интеллигенции. Большое внимание уделялось также агитации среди молодежи. В январе 1934 г. была проведена I национальная конференция Молодежного народного союза. Речь Цанкова на ней полна лести молодым членам «движения», стремления поддержать их чествование, выгодно противопоставить старшему поколению в партии. Он выдвигал лозунг создания из болгарской молодежи культурной элиты и объявлял «воспитание достойных вождей» первой задачей партии⁶⁷. Подобными демагогическими обращениями была проникнута речь Цанкова и 30 марта 1934 г.

Но Цанков нуждался также в улучшении «качественных показателей» своей группировки. Вытесняемый с позиций главного идеолога партии и, видимо, ощущавший свою беспомощность в этом отношении, вождь «движения» увидел возможность заручиться помощью Д. Казасова — человека, обладавшего большой интеллектуальной энергией, склонного к политическому трансформизму. Впрочем проявления последнего качества и не понадобилось: оба деятеля давно уже отмечали, что различия между НСД и «Звеном» касаются лишь тактики. Переход Казасова в НСД способствовал определенному обновлению программных положений «движения», что сказалось и на содержании публичных выступлений Цанкова в январе — мае 1934 г.

Отметим, во-первых, заимствованное из идейного арсенала «Звена» резкое и полное отрицание других политических партий: «Мы готовы признать их исторические заслуги, — говорил Цанков, — но теперь говорим: уходите!»⁶⁸. Государством должны управлять не партии, а «новые социальные силы, сильные и компетентные личности». И заключал: «Партии отвергаются и замещаются новыми социальными силами. Это гитлеризм, это фашизм, это и наш национализм»⁶⁹. Последнее утверждение показательно еще и тем, что Цанков, столько раз отвергавший родство своей партии с гитлеровской и муссоли-

ниевской, теперь признавал обратное, ставя их все в один ряд. Во-вторых, большой упор стал делаться на идее нации. По своему значению она стала приравняться в рассматриваемых речах к идее государства, раньше всегда первенствовавшей в положениях, выдвигавшихся Цанковым. Теперь государство и нация провозглашались двумя главными китами идеологии цанковской партии. Взаимосвязь между ними подчеркивалась в следующих словах «вождя»: «Государство является надклассовым, надсословным, оно национально. Оно поднимает нацию над всем, народ — превыше всего»⁷⁰. В-третьих, знаменательным было выдвижение тезиса о корпорациях. Правда, сформулирован он был настолько бессвязно, что оставалось неясным, как именно понимал Цанков корпорации и чего хотел от них. Нечеткость представлений оратора свидетельствовала о недостаточном усвоении им «янового материала» из казасовского арсенала. Наконец, впервые Цанков заговорил о «всеславянской миссии» Болгарии, находящейся в центре Балканского полуострова, о вековом стремлении болгарского народа из центра на периферию⁷¹. Было ли это продуманной сменой прежних пассивных внешнеполитических лозунгов (и несомненно, под давлением славянофильских тенденций «звенарей», пополнивших цанковскую партию), трудно судить: до государственного переворота 19 мая 1934 г. оставались считанные дни. Переворот, произведенный силами Военного союза, смешал все карты Цанкова: съезд партии, намеченный на 20—21 мая, был сорван, сама же партия окончательно раскололась. Ее военная группировка поддержала новое правительство во главе с К. Георгиевым. Цанков же, перешедший в оппозицию, решением ЦБ «Демократического съезда — Ал. Цанков» от 11 июня 1934 г. был смещен с поста председателя бюро. Дальнейшей деятельностью ЦБ руководили Русев и Калфов⁷². Так закончился определенный этап в развитии «цанковщины» как одной из крупных ветвей болгарского фашизма.

Фашистское течение начало формироваться в Болгарии в начале 20-х годов в борьбе за устранение режима БЗНС и против продолжавшего нарастать влияния Болгарской коммунистической партии. Однако, направляя в 1923—1925 гг. острие диктатуры против БКП и БЗНС, против болгарского народа, настроенного в массе своей антифашистски, военно-фашистское руководство, как оказалось, не имело ни сил, ни средств, ни опыта, чтобы одновременно добиваться полного подчинения своему влиянию традиционных буржуазных партий. Вынужденные в условиях непрекращавшейся войны с народом пойти на компромисс с той частью буржуазии, которая настаивала на сохранении буржуазной демократии, Цанков и его сподвижники оказались в известной степени в плену у нее и ее традиций.

Но если в Болгарии буржуазная демократия в целом не была в эти годы побеждена фашизмом, то это объясняется в первую очередь слабостью самого фашизма здесь. В советской исторической литературе не раз подчеркивалась связь между фашизмом и развитием государственно-монополистического капитализма (ГМК). Исходя из положения, что фашизм — это специфическая форма ГМК, следует признать, что существовавшие в Болгарии в начале 20-х годов элемен-

ты ГМК еще не были настолько развиты, чтобы существенно повлиять на структуру базиса, а потому попытка Цанкова и его единомышленников утвердить в 1923—1925 гг. режим фашистского типа обуславливалась главным образом чрезвычайными политическими обстоятельствами. Смягчение же этих обстоятельств было основной причиной сравнительно скорого падения кабинета Цанкова.

С началом мирового экономического кризиса обострился кризис буржуазной политической системы в Болгарии и реакцией на его обострение стал подъем фашистской волны. На гребне этой волны испытала второе рождение цанковская группировка, превратившаяся в самую массовую из всех политических организаций крайней реакции в Болгарии. Кульминационными для цанковщины стали 1932—1933 гг. Именно в это время партия Цанкова выросла количественно, окрепла организационно; стали применяться новые формы работы: проводились массовые собрания и митинги, были созданы «Национальные синдикаты», Молодежный народный союз при партии, сделана попытка организовать боевые группы и т. п. На этот же период приходится и обновление программных положений цанковцев, выдвижение ряда новых лозунгов, что придало доктрине «Демократического сговора — Ал. Цанков» откровенно фашистский характер. Главными ее чертами были ярый антикоммунизм и антибольшевизм; апология централизованной государственной власти, «призванной» регулировать экономическую деятельность и социальную жизнь общества; доведенная до крайности антикапиталистическая демагогия, апология мелкой частной собственности и мелкого собственника; проповедь социального мира и гармонии классовых интересов, принцип вождизма; национализм; воспевание «простого болгарина» — патриота, воспитанного в соответствующем духе триадой: школа — религия — казарма.

Однако даже в период своего «расцвета» НСД не знало жесткой дисциплины фашистской партии, руководство им не было в достаточной степени централизовано, в самом Центральном бюро отсутствовало единство и шла ожесточенная борьба группировок. Не было и официальной, зафиксированной программы, т. е. обсужденной и принятой на съезде. Роль таковой играли речи и выступления ее лидеров. Укреплению авторитета вождя партии никак не способствовал и сам Цанков, которого никто из современников не считал крупной или сильной личностью и который отличался нервозностью, раздражительностью, непостоянством, неумением четко излагать свои мысли. Среди проповедовавшихся им идей не было ни одной, которая могла бы стать в условиях Болгарии универсальной. Поэтому вряд ли случайно, что даже в годы подъема НСД оно не стало объединительным центром для всех фашистских партий и группировок. Наиболее опасным соперником для Цанкова и его сторонников были Военный союз и «Звено», руководители которых рассчитывали прежде всего на заговор с целью государственного переворота, а не на массовость партии. Именно эти силы произвели 19 мая 1934 г. переворот, опередив Цанкова и его ближайших сторонников и разрушив тем самым их далеко идущие планы.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ НАЦИОНАЛЬНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ЧЕШСКОЕ ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (20-е годы)

В буржуазном политическом лагере с начала 20-х годов стало формироваться направление, исходившее из того, что стабилизация капитализма в Чехословакии может быть эффективно осуществлена лишь на основе концепций и методов правого радикализма и фашизма. Появление этого направления неразрывно связано с национально-демократической партией. В политической структуре эта партия играла существенную роль и в 20-е годы претендовала на ведущее место, всемерно используя политический капитал, приобретенный ее лидерами в период борьбы за независимое национальное государство.

Партия стремилась охватить своим влиянием представителей различных классов и социальных групп и на первых порах располагала относительно широкой массовой базой. Наряду с промышленниками и банкирами в ней были широко представлены городские мелкобуржуазные слои — торговцы, ремесленники, государственные служащие, лица свободных профессий, военнослужащие, студенты и др. По данным члена ЦК Ф. Сиса, в 1919 г. партия насчитывала 70 тыс. зарегистрированных членов¹. Но уже в первые послевоенные годы наблюдался переход части ее сторонников в сферу влияния других политических партий, зависимость которых от крупного капитала не была столь очевидной.

Национально-демократическая партия была создана в феврале 1918 г. путем слияния целого ряда буржуазных и мелкобуржуазных партий. Однако характер нового политического объединения определяла, безусловно, младочешская партия, которая выражала интересы прежде всего чешских предпринимателей. Решающее слово в руководстве партии было за представителями Живностенского банка и Союза промышленников. Даже партийные лидеры вынуждены были признавать, что невозможно утаить полную зависимость партии от крупного капитала². Ее политику определяли миллионные дотации представителей монополистических кругов: из анализа архивных документов следует, что отчисления промышленников в партийную кассу в 1924 г. составили 1400 тыс., а в 1925/1926 г. — уже 9355 тыс. крон³.

Партия выступала под флагом единственной представительницы интересов «всей нации». В ее программе содержалось положение о «национальной солидарности», подчинении классовых интересов «благу всей нации». В противовес тезису революционных сил о неизбежности гибели капитализма было выдвинуто положение о больших потенциальных жизненных силах и возможностях национальной буржуазии и существующего строя. В социально-экономической части программы содержались требования огосударствления монополий и предоставления больших возможностей для расширения частного пред-

принимательства. Они были зафиксированы под давлением либерального крыла партии, отражавшего взгляды средних и мелких предпринимателей, а также определенных кругов крупного капитала, выступавших в поддержку буржуазно-реформистского курса группировки «Града». Но антимонополистическое острие программы было обращено прежде всего против инонациональной, главным образом немецкой, буржуазии.

В практической деятельности тактика национальных демократов состояла в том, чтобы всячески помешать проведению ощутимых социальных реформ. Консерватизм, национальная нетерпимость, глубокая пропасть между декларациями о борьбе с засильем монополий, о благе «всей нации» и реальной деятельностью в интересах монополий способствовали неуклонному упадку влияния партии в массах⁴. Проходившие в июне 1919 г. выборы в местное самоуправление привели к крупному поражению национальных демократов, а затем и к отставке К. Крамаржа с поста премьер-министра. Результаты выборов в парламент 1920 г. были также для лидеров партии тревожным симптомом того, что ее программа не находит желаемого отклика, не оказывает эффективного воздействия на массы, несмотря на все усилия партии создать о себе представление, как о поборнице демократии и прогресса.

Укрепление классовых позиций буржуазии после подавления всеобщей декабрьской забастовки 1920 г. создало для нее возможности перехода к наступлению на социальные завоевания трудящихся. Этому содействовал и экономический кризис 1921—1923 гг. Он углубил поляризацию политических сил в стране. Наметившийся в связи с наступлением буржуазии на социальные завоевания масс процесс дискредитации буржуазно-парламентской политической системы, разочарование в ней определенных слоев общества находили свое выражение не только в активизации революционного движения, но и в усилении праворадикальных и фашистских тенденций. Наличие в политической системе национально-демократической партии с ее крайне националистической платформой и антидемократической практикой создавало живительную почву для распространения в стране фашистских идей, особенно после фашистского переворота в Италии. Меры, предпринятые итальянскими фашистами для достижения экономической и политической стабильности, национальные демократы считали актуальными и для решения проблем, стоявших перед Чехословакией.

В партии все чаще стали раздаваться голоса, ратовавшие за установление режима «сильной руки», который бы стал переходным к фашистской диктатуре. На земском партийном съезде Чехии в 1922 г. правые радикалы выступили с предложением, чтобы партия возглавила появившиеся в стране организации фашистского толка. В Моравии эти организации открыто именовали себя фашистскими. Созданные в то же время (осенью 1922 г.) в Чехии «Национальное движение» и «Красно-белые рубахи» были более осмотрительными в отношении названия. Они играли на национальных чувствах и патриотизме, обращались к цветам национального флага (отсюда «красно-

белые»), к национальным традициям. Фашистским «братьям» выдавались броские значки, на которых был изображен золотой меч и заглавная буква «Н» («нация») в венке на фоне государственного флага. В досье министерства внутренних дел «красно-белые» прямо характеризовались как «радикальная часть партии национальных демократов». В нем констатировалось, что фашистские организации «образованы с целью борьбы с коммунистами, немцами, евреями и другими подрывными элементами; они развернули деятельность на всей территории государства»⁵.

Одной из первых была создана организация в г. Голешове в Моравии. Предтечей фашистской в этом районе была сильная антисемитская группа, устроившая, в частности, еврейский погром в декабре 1918 г.⁶, а также нелегальные ударные организации «Народной защиты», которые стали создаваться в Моравии с 1921 г. из сторонников клерикальной народной партии с целью «защиты имущества, свободы и независимости нации в тревожный период», а также расправы с политическими противниками⁷. Значительную поддержку организациям фашистского типа с самого начала оказали предприниматели. В сообщении полиции об одном из заседаний ЦК «Национального движения» сообщалось, что большинство его членов — «люди с положением». Среди них назывались имена промышленников Паулуса, Волькнера, Ланга⁸.

Согласно уставу членами организаций могли быть все «патриоты» независимо от их партийной принадлежности, исключая коммунистов и евреев. Хотя национальная демократия с самого начала пыталась камуфлировать свою причастность к организации фашистского движения, она не запрещала никому из своих членов участвовать в нем. Из анализа обнаруженных членских учетных карточек (заполнены в 1922—1923 гг.) столичной организации «Национального движения» района Прага—Жижков следует, что члены этой партии и находившиеся под ее влиянием лица составляли около 40%, чехословацкие социалисты — около 8%, члены других партий — 2,2%. Остальные члены движения были ранее беспартийными. В эту организацию входило 116 служащих государственного сектора, 23 представителя свободных профессий и ИТР, 42 предпринимателя и ремесленника, 14 рабочих, 10 студентов, 6 военнослужащих, 6 работников сферы обслуживания, 2 крупных предпринимателя, 22 женщины, из них 13 домохозяек; занятие 6 человек не установлено⁹.

Имеющиеся данные (как приведенные выше, так и относящиеся к середине 20-х годов) позволяют говорить прежде всего о мелкобуржуазной социальной базе фашистских группировок, хотя в них были представлены и другие социальные группы. Послевоенный экономический кризис 1921—1923 гг. в стране пагубно отразился на положении всех категорий населения. Правительство даже было вынуждено признать всю остроту положения с трибуны парламента. В бедственном положении оказались мелкобуржуазные слои города (предприниматели, ремесленники, торговцы). В годы кризиса разорилась масса мелких предпринимателей, число банкротств в годы кризиса чрезвычайно возросло.

Бывшие legionеры-добровольцы чехословацких воинских формирований, сражавшиеся в годы войны на стороне Антанты и возвратившиеся на родину к 1920 г., далеко не все и не сразу нашли свое место в мирной жизни. Как отмечал З. Неедлы, о том, каким образом использовали legionеров, можно написать многие печальные тома¹⁰. Среди них ускорилась дифференциация, особенно симпатизировала фашистам «Дружина чехословацких legionеров», находившаяся в сфере влияния национально-демократической партии.

Программные заявления чешских фашистских группировок, в разработку которых внесла свой вклад партия национальных демократов, никогда не отличались цельностью и особой продуманностью. Программа, подготовленная специальной комиссией, была опубликована в 1925 г. На первых порах чешские фашисты не выступили против парламентской системы, предлагая лишь ее «улучшение», а также изменение конституции 1920 г. и избирательного закона с целью достижения в парламенте чешского «национального большинства» за счет ограничения прав национальных меньшинств. Для этого предлагалось провести административную реформу местного самоуправления (в духе требований национальных демократов), отменить голосование за избирательные списки и заменить его голосованием за отдельных кандидатов, установить практику выборов «сильного президента» не в парламенте, а всей нацией, а также решения вопросов особой государственной важности путем плебисцита¹¹.

Антипарламентские настроения усилились к середине 20-х годов в связи с наметившимся развалом так называемой национальной коалиции. Фашисты стали утверждать, что их движение «никогда не возлагало на парламент больших надежд, будучи способным обойтись и без него». От заверений в лояльности к существующему режиму они перешли к заявлениям, что со временем движение может стать антиправительственным. На тайных собраниях ставилась задача «взять политическую власть в свои руки»¹². После роспуска парламента (из-за углубившихся разногласий между партиями правящей коалиции) и объявления досрочных выборов на ноябрь 1925 г. фашистский центр опубликовал листовку, в которой скептически оценивались парламентские методы достижения стабильности в стране¹³.

Фашисты пытались представить себя классово незаинтересованными, скрыть наличие связей с национальными демократами и предстать неким прибежищем всех «истинных патриотов». Для привлечения масс на свою сторону они широко применяли демагогию, требовали устранения скомпрометировавших себя политических деятелей, оздоровления всех сфер государства, борьбы с «псевдodemократией», «злоупотреблениями» и коррупцией, защиты «слабых» социальных групп населения. Их печать заигрывала с мелкой буржуазией, всемерно подчеркивалась исключительная роль средних слоев и необходимость «вырвать их из когтей социализма»¹⁴. Пропагандировалась идея национального солидаризма и классового сотрудничества, а впоследствии и идея «надпартийного государства», авторитарно разрешающего все споры в национальном коллективе и регулирующего отношения между трудом и капиталом. Выдвигались

требования не допускать представителей немецкого меньшинства в правительство, введения процентной нормы для евреев и нацменьшинств в высших учебных заведениях, увольнения «чуждых национальных элементов» из учреждений и изъятия у них предприятий. В 1923 г. «Национальное движение» развернуло кампанию «Свой к своему» под лозунгом «никакой поддержки враждебному капиталу». В специальной листовке в этой связи содержался призыв стимулировать накопление национального капитала и развитие национальной экономики, бойкотировать еврейский капитал¹⁵. Требований новых территориальных захватов не было, подчеркивалась лишь необходимость «энергичной защиты государственных границ».

Анализ основных программных положений начального периода развития чешского фашизма показывает, что они не отличались новизной, вопреки утверждениям его «идеологов» об их оригинальности. Часть положений была заимствована у итальянских фашистов, о разработке других уже позаботилась национально-демократическая партия. Материалы, обнаруженные в архиве председателя партии К. Крамаржа, не только подтверждают пристальный интерес национальных демократов к группировкам фашистского типа, но и позволяют датировать связи будущего «вождя» чешских фашистов генерала Гайды с момента их появления, а не с 1926 г. (как это было принято считать в историографии). В 1923 г. им была предпринята попытка объединить все группировки. Из тактических соображений Р. Гайда советовал фашистам до поры до времени умерить антисемитские выпады и открытые нападки на группировку «Града» и заверил участвовавших в переговорах с ним вожakov «красно-белых» в том, что в ближайшее время «Пражский Град будет взят если не прямой атакой, так охватом»¹⁶.

Стремясь как можно скорее достичь объединения всех фашистских группировок, генерал Гайда советовал им вообще «отказаться на время от всяких принципов». Частичное объединение «красно-белых» и «Национального движения» было проведено в конце 1923 г. Член ЦК «Национального движения» промышленник Ф. Паулус в декабре 1923 г. писал одному из деятелей молодежной организации национальных демократов Л. Рашину: «Считаю своей обязанностью информировать Вас о том, какие изменения произошли со времени моего последнего визита к Вам. В первую очередь, что касается объединения с «красно-белыми», то в принципе оно уже осуществлено. Значительная часть «красно-белых» объединилась с нами, остальное — мякина, мы не можем принять их в свои ряды, ибо их связь с правящими кругами доказана как нельзя лучше. Объединение с моравскими фашистами проходит быстро и успешно, и я думаю, что окончательное соглашение с ними — дело нескольких дней. Объединение с этой группировкой — вопрос огромной важности, ибо речь идет о группировке дисциплинированной, имеющей свои организации и в Словакии...»¹⁷.

Из-за борьбы за руководящие посты в Директории, финансовых затруднений и разногласий по поводу названия (представители «Национального движения» были против открытой фашистской вывески)

объединение, однако, затянулось. До весны 1926 г. наряду с «Национальным движением» существовала другая значительная группировка под названием «Чехословацкие фашисты», в которую на автономных правах вошли «Моравские фашисты», некоторые организации «красно-белых», а также пльзеньская и братиславская жупные (областные) организации «Национального движения». «Чехословацкие фашисты» более активно воспринимали политический «опыт» и методы итальянских фашистов (причем непосредственно на месте — в Италии)¹⁸, шире пользовались социальной демагогией, выступали против «традиционных» методов политической борьбы. Более активно эта группировка действовала и среди рабочих. Чтобы привлечь их в свои ряды, фашистский центр практиковал даже снижение (в три раза) для них размера членского взноса¹⁹.

Ряд политических партий (социалисты, торгово-ремесленная партия среднего сословия) запретили своим членам одновременное участие в фашистском движении и постарались отмежеваться от него. Однако подобные меры не носили принципиального характера и были скорее формальными. В пользу этого утверждения свидетельствует запись в документах канцелярии президента, сделанная лишь несколько лет спустя (в апреле 1926 г.), в которой отмечалось, что «во всех политических партиях имеются компоненты чисто фашистские, которые начинают в настоящее время действовать»²⁰.

Профашистский курс правых лидеров национальной демократии находил значительный отклик среди «Молодого поколения», молодежной организации национальных демократов. Под нажимом влиятельной группировки в партии (с министром финансов А. Рашиным во главе) правым к началу 20-х годов удалось укрепить свои позиции в руководстве молодежной организации. Активной опорой правых стали многие члены ЦК «Молодого поколения», которые называли себя «интегральными националистами». По их мнению, воля нации должна безоговорочно подчиняться вождям, «исключительным личностям», подобно тем, которые возглавляли в свое время чехословацкие легионы в России. Они отвергали какие бы то ни было уступки в пользу живущих в Чехословакии национальных меньшинств и призывали обращаться лишь к тем страницам национальной истории, преклоняться лишь перед теми национальными героями, которые отвечали бы выдвинутым ими критериям воспитания «воинственных чехов». На состоявшемся в 1922 г. съезде «Молодого поколения» «интегральные националисты» добились принятия резолюции, согласно которой партия должна была оказывать поддержку появившимся в стране чешским фашистским группировкам и сплотить их вокруг себя²¹.

Пропаганда «опыта» итальянского фашизма на страницах партийной прессы особенно усилилась после покушения на министра финансов А. Рашина (5 января 1923 г.). Начиная с 1923 г. можно говорить об оформлении профашистской фракции в национально-демократической партии. К этому времени определилось стремление партии подчинить себе чешские фашистские группировки, взять фашистов «под свою руку». Как подчеркивала в 1923 г. К. Цеткин в докладе «Борьба против фашизма», буржуазия «ясно определила положение и

выгоды, которые можно извлечь из фашистов... Больше того, она сама питает фашизм, поддерживает его и способствует его развитию всеми имеющимися в ее распоряжении средствами — золотого мешка и политической власти»²².

Выработка тактики по отношению к фашистским группировкам была основным пунктом повестки дня заседания чешского земского комитета национально-демократической партии 5 февраля 1923 г. В прениях по этому вопросу многие выступавшие предлагали возглавить их, хотя были и выражавшие опасение, что фашисты могут еще более ослабить влияние партии в массах, поскольку в организации фашистского типа записывались и бывшие члены партии, недовольные ее политикой, покидавшие ее ряды. Некоторых не устраивали вожак фашистов — «изгой и аутсайдеры», выходцы из других соперничавших с национальными демократами политических партий (аграрной, социалистической и других партий. Сенатор В. Дык, однако, решительно заявил о необходимости взять движение «под надзор» партии и предложил укрепить его руководство своими «способными людьми». В. Дык поддержал сенатор Я. Брабец, считавший «Национальное движение» «идеальным», и др. Решающее слово, однако, было за председателем партии К. Крамаржем, который своим авторитетом повлиял на колеблющихся. Он без обиняков охарактеризовал движение как результат деятельности партии, результат недовольства политикой правящей группировки «Града» и обстановки, сложившейся в стране. Он отверг «политику страуса» и предложил центральным органам партии позаботиться о разработке и конкретизации программы движения, чтобы оно «не увязло в песке». Крамарж призвал включиться в движение и возглавить его, но предостерег, чтобы движение ни в коем случае не носило «марку» национально-демократической партии из опасений, как бы «не стать мишенью для нападок со стороны других партий»²³.

Это заявление лидера национальных демократов дает все основания не воспринимать всерьез неоднократные последующие заверения партийных деятелей о том, что партия якобы не имеет ничего общего с фашистскими группировками. Эти группировки, подобные «Национальному движению», расценивались национальными демократами прежде всего как действенная потенциальная сила в борьбе против рабочего движения, КПЧ и левой оппозиции, как средство реализации своих требований и давления на парламент. Речь, в частности, шла как о пересмотре закона о местном самоуправлении (с целью ограничения прав национальных меньшинств при выборах в местные органы власти), так и о принятии закона «Об охране республики», в разработке которого активно участвовали национальные демократы. Вместе с тем фашистское движение в 20-е годы использовалось партией также и против ее политических соперников из буржуазного лагеря и должно было стать средоточием оппозиции к буржуазно-реформистскому курсу правящей группировки «Града», орудием завоевания решающего влияния партии в политической жизни страны.

Видное место в кампании профашистской фракции этой партии стала занимать критика парламентской системы в журнале «Народни

мышленка» (его стали издавать в 1923 г. «интегральные националисты»). Объективно существовавший кризис парламентской системы фракция использовала для заявлений о «полном обветшании парламента», о превращении его депутатов в «стадо послушных овец», для усиления недоверия и дискредитации группировки «Града». Представители этой фракции считали, что партия должна отказаться от коалиционных компромиссов и уступок «на все стороны» и руководствоваться лишь одним стремлением — захватить в свои руки политическую власть²⁴. В отрицании «интегральными националистами» всяких политических компромиссов проявилось также их стремление добиться удовлетворения своих политических амбиций в собственной партии. «Нашей группировке, — писал Л. Рашину юрист Я. Эберт, — необходимо добиться представительства во всех органах партии... и заменить окостеневшие ее органы. Старшее поколение, связанное политическими обязательствами прошлого, готово в любой момент пойти на компромиссы; мы — молодые — не должны их делать...»²⁵.

Фракция стремилась обосновать тезис о том, что и в Чехословакии, подобно Италии, диктатура должна стать единственным выходом, когда прежняя власть «окончательно даст осечку» и все попытки выхода из трудностей кризиса провалятся. На страницах «Народни мышленки» подробно освещалась корпоративная система, находили отражение многие идеи и лозунги итальянского фашизма, комментировались выступления Муссолини, в которых речь шла о кризисе традиционных либеральных доктрин, европейского парламентаризма и необходимости «полного обновления».

В период собирания своих сил профашистская фракция предпочитала сохранять видимость монолитности рядов партии. «Не стоит выступать слишком открыто, — советовал Эберт Рашину, — чтобы другие не подумали, что мы добиваемся раскола партии... я искренне выступаю за то, чтобы молодежь, наконец, смогла бы принять активное участие в практической политике партии — уже настало время для того, чтобы в партии осуществить переливание крови. Полагаю, что наша группировка в идейном и организационном отношении уже достаточно сильна, чтобы добиться успеха... Нам не мешает разогнать кровь, даже если появятся осложнения»²⁶.

В отличие от деятелей старшего поколения, молодежь партии в большей мере пользовалась приемами социальной демагогии. Страницы «Народни мышленки» пестрили заявлениями о социальной справедливости, необходимости улучшения положения рабочего класса, что якобы националисты не являются «принципиальными врагами рабочего класса».

Предоставление равных избирательных прав независимо от национальной принадлежности расценивалось фракцией одной из причин парламентского кризиса, нестабильности положения в стране и упадка парламентаризма. В целях обеспечения перевеса в парламенте депутатов «чехословацкой нации» и сокращения до минимума представителей национальных меньшинств «интегральные националисты»

добивались пересмотра избирательного закона. Профашистская фракция была намерена добиться коренного пересмотра программы партии и развернула активную подготовку к III съезду партии. Судя по переписке «интегральных националистов» В. Климь и Л. Рашина, их «коррективы» программы касались прежде всего устранения положений о национализации ряда отраслей экономики и крупных монополий, увеличения максимума владения землей, пересмотра закона о 8-часовом рабочем дне²⁷, предлагались и другие меры, направленные на ограничение социальных завоеваний трудящихся.

В середине 20-х годов кризис влияния партии в массах стал особенно явным. Идейный вожак «интегральных националистов» Клима сетовал на положение своей партии, называя его «горестным»: «Служащие и чиновники бегут из рядов партии после провала законопроекта о социальном страховании, следуя примеру покидающих партию мелких собственников, которых переманила ремесленная партия»²⁸. Он констатировал, что национально-демократическая партия терпит поражение за поражением.

Открывшийся в мае 1925 г. III съезд партии продемонстрировал углубление разногласий между различными ее группировками. Однако профашистской фракции не удалось навязать съезду ни своих предложений по социально-экономическим вопросам, ни требование о превращении партии в наступательную организацию, «готовую пойти в атаку». Резолюции съезда и основные доклады были выдержаны в духе признания парламентских методов борьбы и лояльности партии к группировке «Града». Профашистской фракции удалось, однако, отклонить предложение о снижении возрастной границы для членов «Молодого поколения» с 30 до 26 лет (иначе лидерам «интегральных националистов» пришлось бы отойти от активной политики, поскольку многим из них уже перевалило за 26 лет).

Буржуазно-либеральная группировка Я. Странского выступила на съезде с проектом дополнений к резолюции, который предусматривал усиление контроля со стороны парламента над правительством и ответственности последнего перед парламентом. Проект содержал также ряд положений, которые должны были гарантировать законодательную инициативу депутатов, пресечь узурпацию полномочий парламента политическими партиями и их лидерами особенно²⁹. Под давлением центрального руководства эти предложения были отвергнуты, а представительство либеральной оппозиции в центральных органах партии было сведено до минимума. Зато во вновь избранный ЦК вошли многие деятели профашистской фракции (В. Дык, Ф. Мареш, А. Гайн, Б. Бакса, Б. Викова-Кунетицка и др.). Пост генерального секретаря занял ярый сторонник фашистской ориентации Ф. Главачек, а заместителем председателя партии стал его единомышленник Ф. Сис.

В знак протеста против авантюристической политики группировка Я. Странского в сентябре 1925 г. порвала с партией и оформилась в особую Национальную партию труда. В преддверии досрочных выборов в парламента выход этой группировки нанес партии ощутимый удар, в то же время были значительно ослаблены позиции нефашист-

ского, буржуазно-либерального направления в национально-демократической партии.

В середине 20-х годов Чехословакия переживала затяжной парламентский кризис. «Серьезный внутренний кризис и разногласия в коалиции привели к роспуску парламента... но новые выборы (в ноябре 1925 г. — *Е. Ф.*) не разрешили кризиса... Возможно, что Швегла болен, но больна и демократия»³⁰, — констатировала газета КПЧ. Коммунисты впервые участвовали в выборах в парламент и получили почти 1 млн. голосов, т. е. чуть меньше, чем занявшие первое место аграрии. У национальных демократов, напротив, наблюдалось наибольшее падение числа голосов из всех буржуазных партий (они получили лишь 284 тыс. голосов и всего 13 мандатов в палате депутатов парламента).

Оценивая положение, когда парламент в течение длительного времени (с ноября 1925 по май 1926 г.) практически полностью бездействовал, КПЧ обоснованно считала, что путем парламентских комбинаций внутриполитический кризис не разрешить. Назначенный президентом в марте 1926 г. чиновничий кабинет из «беспартийных специалистов» (кабинет зависел от президента и не опирался на парламентское большинство), был очевидным нарушением конституционно-парламентских принципов.

Затяжной парламентский кризис, частичный кризис в экономике в 1926 г., огромный успех КПЧ и поражение на выборах в парламент национально-демократической партии были импульсом для активизации ее профашистской фракции, усматривавшей выход из создавшегося положения в фашизации государственной жизни. «Мы не должны, — заявлял генеральный секретарь партии Ф. Главачек, — бояться ни насилия, ни крови, существующее положение необходимо изменить с помощью диктатуры»³¹.

Захватив прочные позиции в ЦК партии, правые стремились подчинить своему влиянию парламентскую фракцию (она играла существенную роль в партийном руководстве), считая, что последняя должна ограничиться деятельностью в комиссиях парламента и лишиться, по словам Ф. Сиса, положения «Олимпа в партии». Еще до выборов в парламент Ф. Сис предпринял поездку (в августе 1925 г.) в Италию для знакомства с деятельностью итальянских фашистов. Он был принят в секретариате фашистской партии, в министерстве иностранных дел, встречался с ведущими редакторами фашистских изданий («Пополо д'Италия», «Идея национале», «Империо»), установил тесные контакты с идеологами итальянского фашизма и даже привлек их (в частности, Ф. Маринетти) к написанию пропагандистских брошюр для Чехословакии³².

Ф. Сис изучал практику итальянских фашистов, их методы социальной демагогии и пропаганды, которые был намерен использовать для организационной перестройки собственной партии и ее деятельности. Анализируя причины упадка влияния национально-демократической партии, Ф. Сис считал, что главной из них является то, что партия «в политическом и организационном отношении идет путем либеральных партий». А поскольку либерализм в состоянии агонии,

то и выход из кризиса либерализма следовало искать, по его мнению, вовсе не в буржуазной демократии, которая «слишком осмотрительна и лишена боевитости и агрессивности»³³ фашистов. Партия должна была стать, писал Ф. Сис К. Крамаржу из Италии, более агрессивной, отвергающей всякие компромиссы, более активно воздействующей на массы. Политику по отношению к немецкому меньшинству должна была определять непримиримость «без боязни быть несправедливым, недемократичным и негуманным». Важную роль в своей концепции завоевания масс Ф. Сис отводил пропаганде социального примирения, классового солидаризма и корпоративного устройства³⁴.

Обстановка парламентского кризиса, усиления левых и революционных сил повлекли за собой активизацию чешского фашистского движения. Значительно ускорился процесс организационной консолидации фашистских группировок. К марту 1926 г. завершилось объединение «Чехословацких фашистов» с «Национальным движением» в Национальной фашистской общине (НФО), во главе которой вскоре открыто встал генерал Р. Гайда. В январе 1927 г. был принят устав НФО, выработанный специальной комиссией. В основных чертах организационная структура НФО повторяла организацию итальянских фашистов. Во главе НФО стоял Большой фашистский совет, в который входили члены Директории, а также руководящие органы областных (жупных) и земских организаций. Низовые звенья строились по территориальному принципу. Устав нацеливал фашистов на привлечение новых членов (особый упор делался на привлечение влиятельных работников госаппарата, регистрация которых в НФО по инструкции была необязательной)³⁵.

НФО умело использовала недовольство различных слоев населения, и в частности государственных служащих, существующим положением; было выдвинуто требование увеличить жалованье служащих вдвое и возместить эти расходы за счет увольнения всех служащих нечехов. При Директории НФО существовал особый секретариат по делам рабочих и служащих. Привлекательность лозунгов НФО в условиях нестабильности положения и экономических трудностей в 1926 г. способствовала росту числа ее сторонников «по всей округе, стоит фашизму пустить корни в каком-либо из учреждений»³⁶, как отмечалось в донесении в Министерство внутренних дел. При Директории была создана специальная рабочая комиссия. Выдвинутая НФО «программа социализации» сулила рабочим роль «совладельцев предприятий» путем скупки их акций на взносы членов НФО и профсоюзов национально-демократической партии. Директория объявила также кампанию по выявлению всех занятых в экономике рабочих и служащих чешской национальности и вытеснению их (по этому поводу распространялась особая инструкция)³⁷. Несмотря на интенсивность деятельности НФО среди рабочего класса, результаты ее были весьма скромными. Как указывалось в одном из полицейских донесений, «рабочие относятся к фашизму весьма сдержанно»³⁸. На таком крупном предприятии, каким была «Збройовка» в г. Брно, в НФО вступило всего 60 рабочих. И это несмотря на активную поддержку фашистского движения администрацией завода,

которая считала фашизм «опорой для преодоления коммунистического движения на предприятии»³⁹.

По оценкам полиции в НФО в этот период было 55 тыс. лишь зарегистрированных членов⁴⁰. По-видимому, действительная численность НФО была даже несколько большей, поскольку, как указывалось в одном из полицейских донесений, существовали еще «тайные» члены — к ним относились лица, входившие в ударные фашистские отряды, а также те, чье имя и положение в обществе не позволяло им быть занесенными в списки⁴¹. Кроме того, как гласило полицейское донесение, «многие представители чешских политических партий симпатизируют движению и в случае открытого выступления фашистов готовы к ним присоединиться»⁴².

На основе анализа сохранившихся списков ряда организаций НФО моравско-силезского региона⁴³ (в этих списках 3200 членов) вырисовывается следующий социальный состав фашистского движения: предприниматели, торговцы, ремесленники — 23,4%; служащие государственного и частного сектора, лица свободных профессий и ИТР, работники сферы обслуживания, студенты, военнослужащие и полицейские — 51; рабочие — 18,8; крестьяне — 3; лица с неустановленным занятием — 3,8%. Среди функционеров НФО (председателей и секретарей областных и районных фашистских организаций) преобладал также городской мелкобуржуазный элемент, деревенские слои были весьма немногочисленными⁴⁴.

В мае 1926 г. состоялся земский съезд фашистов Моравии, а затем и Чехии, на которых было выдвинуто, в частности, требование роспуска парламента⁴⁵. От парламента, заявляли лидеры НФО, нечего ожидать какой-либо позитивной деятельности, а выход из кризиса и пути достижения стабильности строя следует искать не в парламентаризме, а в фашизме⁴⁶. «Коалиция распалась, — писала газета НФО, — осталась лишь безнадежность теперешнего состояния, глубокая как море... Вместо министров необходима фашистская директория. В дееспособность правительства мы не верим. Куда же податься нации? Во имя спасения ее и государства — к фашизму!... Только бы наш народ не последовал примеру России»⁴⁷. В мае 1926 г. соотоялся и земский съезд национально-демократической партии в Чехии. Вопрос об отношении к фашистскому движению на нем оказался в центре внимания. Под давлением Главачека из списков кандидатов земского комитета были исключены все активно выступавшие против фашизма⁴⁸. Во вновь избранный комитет вошли многие сторонники правого радикализма и фашизма, что явилось значительным успехом профашистской фракции. Вскоре после этого съезда В. Дык заявил, что для стабилизации буржуазного государства недостаточно использовать только конституционные методы борьбы, и что не исключена возможность государственного переворота. Он призвал позаботиться о разработке программы и конкретизации целей фашистского движения и стремиться, чтобы «вместо копии (итальянского фашизма. — Е. Ф.) был оригинал»⁴⁹. Лидер партии К. Крамарж предпринял в июле 1926 г. поездку в Италию для знакомства с опытом итальянского фашизма. В одной из доверительных бесед в Равенне он заметил, что «изучает фа-

шизм и днем, и ночью»⁵⁰. Имеющиеся данные позволяют отметить хорошую осведомленность Крамаржа в вопросах фашистской корпоративной организации жизни Италии. Как представителя монополистических кругов его особенно привлекало в корпоративной системе то, что все трудовые конфликты подлежали принудительному разбору со стороны государства, а забастовки рабочих запрещались. Крамарж придерживался того мнения, что «фашизм — идеальное движение, которое должно принести прекрасные плоды каждой стране», и что Чехословакия особенно нуждается в фашизме, чтобы покончить с революционным движением, ибо, по его словам, «фашизм поистине является антисоциалистическим»⁵¹.

К лету 1926 г. в таких районах, как Моравская Острава, Пльзень, Лоуны, Млада Болеслав, Ческе Будейовице и в некоторых районах г. Праги фашистские организации почти целиком состояли из членов национальной демократии⁵², и зачастую ими же и возглавлялись. В Директорию НФО вошли и некоторые члены земского комитета национально-демократической партии Чехии. Интенсивно проходил процесс фашизации в ее профсоюзах. Генеральному секретарю Ф. Главачеку сообщалось, что большинство участников проходившего в Моравской Оставе совещания представителей профсоюзных организаций этой партии (апрель 1926 г.) являлись фашистами и выступали за «радикальную тактику»⁵³.

Когда к лету 1926 г. политическая обстановка в стране крайне обострилась, партия приложила все силы для консолидации оппозиции против группировки «Града». С этой целью она стремилась помешать выходу из парламентского кризиса путем привлечения в правительство представителей немецкого меньшинства. Группировке «Града», и прежде всего Э. Бенешу, писал Ф. Главачек К. Крамаржу в Италию, был объявлен бой не на жизнь, а на смерть⁵⁴.

Участие национальных демократов в фашистском движении облегчалось разрешением одновременного членства и в партии и в фашистских организациях, подтвержденном на сентябрьском заседании ЦК партии. Специальное постановление гласило, что национально-демократическая партия не может не приветствовать чешский фашизм. Из опасений своего ослабления в случае организационного обособления и выхода фашистов из-под влияния партии в постановлении подчеркивалось, что фашизм ни в коем случае не должен стать самостоятельной политической партией. «Общая ориентация должна быть жесткой, — писал Сис Крамаржу. — Не уступать ни социалистам, ни президенту, ни Бенешу... По отношению к фашизму придерживаться линии последнего заседания ЦК, установленной Вами (К. Крамажем. — Е. Ф.), т. е. благожелательного отношения к нему и последовательного усиления национально-демократической партии, и одновременного ее участия в фашизме, чтобы его руководством не завладели чужие лица»⁵⁵. Представители либерально-буржуазного крыла («Демократического центра») на сентябрьском заседании не смогли повлиять на окончательный характер той части постановления ЦК, в которой определялось отношение партии национальных демократов к фашизму. В сообщении президенту республики отмеча-

лось, что «центристы» подверглись резким нападкам со стороны откровенных сторонников фашизма»⁵⁶. Нападки партии и фашистов на группировку «Града» усилились после смещения в июле 1926 г. генерала Гайды с поста и. о. начальника Генштаба. Целью шумной кампании в защиту Р. Гайды, которую направлял особый комитет, была компрометация правящей группировки «Града».

Важным шагом на пути сплочения профашистского направления в чешской буржуазной политике вокруг партии национальных демократов явилось предварительное оформление летом 1926 г. тайного комитета «Движение возрождения», в который от национальных демократов вошел генеральный секретарь Главачек, от Дружины легионеров — ее председатель Р. Медек, от НФО — З. Застера и др. В донесении в Министерство внутренних дел «Движение возрождения» характеризовалось как фашизм на чехословацкий лад, готовое в случае надобности прибегнуть к террору⁵⁷. Во главе его должен был встать генерал Р. Гайда, если он не будет оправдан судом. В случае же возвращения генерала Гайды на свой прежний пост в армии предполагалось его тайное сотрудничество. «Движение возрождения» рассчитывало также на поддержку профашистской фракции аграриев и фракцию Й. Стршибрного в партии чехословацких социалистов.

Все более активной сторонницей фашизации своей партии становилась группировка «интегральных националистов». После мартовского съезда «Молодого поколения» в 1926 г. она стала издавать свой бюллетень «Млады националист». В начале 1927 г. правым удалось созвать чрезвычайный съезд «Молодого поколения» и всеми правдами и неправдами добиться перевеса над либералами. Либералы покинули съезд и в знак протеста создали так называемый Комитет действия и Академический клуб. В «Молодом поколении» произошел раскол. Вместе с либерально-буржуазным крылом национальных демократов эти молодежные организации были обеспокоены фашизацией рядов собственной партии⁵⁸.

Буржуазно-либеральное крыло в партии также признавало наличие кризиса буржуазной демократии, но считало, что «фашизм не может быть панацеей от больной демократии», и искало выход из кризиса с помощью социалистов и социал-демократов, которые, как констатировалось в одном из документов, полностью «отказались от классовой борьбы и научились мыслить по-хозяйски»⁵⁹. Такая позиция «либералов» объяснялась, как представляется, не столько их привязанностью к идеалам демократии, сколько опасениями чрезмерного усиления левых сил, боязнью, что произойдет «сближение реформистских партий с коммунистами для совместной борьбы и расчистится путь к созданию единого фронта»⁶⁰. Об отношении к фашизму буржуазно-либерального крыла в партии как нельзя лучше свидетельствует сообщение в августе 1926 г. президенту республики о том, что «демократическая часть партии, хотя и включает многих видных функционеров, не обладает достаточной решимостью начать борьбу с фашизмом открыто»⁶¹.

Поддержку буржуазно-либеральному направлению оказала часть банковско-промышленных кругов во главе с председателем Союза

промышленников, директором Живностенского банка Я. Прейсом. При посредничестве начальника канцелярии президента республики его удалось склонить на сторону группировки «Града» для обуздания профашистской фракции. В период самого острого накала борьбы Прейс обратился к К. Крамаржу с письмом, в котором он призвал председателя партии решительно вмешаться и пресечь нападки на «Град». Прейс выступил против того, чтобы «Сис и Главачек приносили национально-демократическую партию в жертву фашизму»⁶². Наиболее дальновидная часть чешских монополистических кругов обоснованно опасалась также, что если партия останется в оппозиции к правительственной чешско-немецкой буржуазной коалиции, то их влияние на экономику государства существенно ослабеет⁶³. Однако тогдашняя позиция Прейса вовсе не означала, что профашистское направление в политике и НФО вообще лишились поддержки чешских монополистических кругов. В донесении президенту республики сообщалось, что «денежные средства фашистам предоставили Бартонь и Ротт (из Малого Рынечка)»⁶⁴, крупные промышленники, входившие в Промышленный комитет при Союзе промышленников. Лидерам профашистской фракции в партии пожертвования поступали от ряда других магнатов тяжелой и текстильной промышленности⁶⁵.

Профашистская фракция национально-демократической партии продолжала поддерживать фашистское движение, однако ее отношения с фашистской Директорией значительно осложнились. Сторонники «радикального» направления в НФО, среди которых были и деятели, вышедшие когда-то из рядов национальных демократов, выступили за организационную самостоятельность, за разрыв с традиционными буржуазными партиями. Начиная с 1927 г. (после заседания Большого фашистского совета в январе) руководство НФО приступило к осуществлению постановления, согласно которому «братьям — функционерам» НФО запрещалось членство в других политических партиях. По словам одного из лидеров НФО, для членов фашистских организаций наступало время «сделать выбор между национальной демократией и фашизмом»⁶⁶. В секретной инструкции фашистским организациям Директория четко сформулировала задачи НФО: «Чешский фашизм должен сделать выбор: или быть только корректором в политической жизни, т. е. указывать на недостатки и требовать их исправления, или же превратиться в сильное национальное идейно-политическое течение, завладеть всей жизнью нации и государства и преобразовать последнее в духе фашистской программы»⁶⁷. Здесь же отмечалось, что отныне «фашизм должен встать над партиями и не отождествляться ни с одной из них», и выдвигалась задача прививать всем сторонникам фашизма из буржуазных партий, состоявшим в организациях НФО, фашистский образ мышления и добиваться того, чтобы последний возобладал над образом мышления, присущим традиционным партиям.

Наличие тесных контактов с национальной демократией в тех организациях, где ее местные лидеры одновременно являлись функционерами НФО, расценивалось теперь как тормоз развития фашистского движения. После издания Директорией НФО приказа о несов-

местимости одновременного выполнения функций в политических партиях и в фашистских формированиях в движении «все бурлило». Один из функционеров партии жаловался Ф. Главачеку на руководителей фашистского центра и с горечью писал, что «фашизм, которому мы сами дали возможность вырасти, вместо благодарности обьявляет бой национально-демократической партии»⁶⁸. Многие члены партии, в том числе и с большим стажем, воспитанные в фашистских организациях в «экстремистском духе», утверждал он, становились больше фашистами, чем национальными демократами.

Лидерам профашистской фракции национальной демократии не удалось предотвратить ослабление своих позиций в фашистском движении и приостановить отлив членов из партии и ее профсоюзов к фашистам, НФО становилась политическим конкурентом национальной демократии. Генеральный секретарь партии Ф. Главачек вынужден был констатировать: «Столько было переговоров и с функционерами фашистов, и с Гайдой, но все они провалились, и нам ничего не оставалось, как провести демаркационную линию»⁶⁹. После того как НФО вышла из-под контроля партии, последняя осенью 1927 г. вынуждена была пойти и на формальное отмежевание от фашистского движения.

Таким образом, становление профашистского направления в чешском буржуазном лагере проходило в условиях общего кризиса капитализма под влиянием экономического кризиса 1921—1923 гг. и нестабильности внутриполитического положения. На рубеже 1922—1923 гг. возникли первые группировки фашистского толка, ни одна из которых в первой половине 20-х годов не приобрела значительной политической силы. По сути дела это были полулегальные правоэкстремистские группы, находившиеся в тесной организационной и идейной связи прежде всего с профашистской фракцией, сформировавшейся в национально-демократической партии из сгустка буржуазно-консервативной реакции. Близость многих положений идейно-политической доктрины этой партии и раннего итальянского фашизма, в котором партия усматривала воплощение на практике собственной концепции «национального государства», подталкивали ее к заимствованию методов политической борьбы из арсенала итальянских фашистов, к отходу от традиционных либеральных доктрин.

Процесс перехода части национально-демократической партии на позиции фашизма следует датировать серединой 20-х годов. Анализ отношения национальных демократов, и прежде всего профашистской фракции, к группировкам фашистского толка показывает, что партия сознательно оказала им поддержку, чтобы пополнить свою крайне сузившуюся социальную базу, использовать эти группировки в борьбе против своего политического конкурента — «Града» и против революционного рабочего движения. Активной опорой профашистской фракции было течение «интегральных националистов» в молодежной организации партии «Молодом поколении».

Основные течения в национально-демократической партии разнились в выборе средств достижения стабильности капиталистического строя. Либерально-буржуазное, умеренное направление в партии

оказывало поддержку буржуазно-реформистскому курсу группировки «Града»; оно признавало наличие кризиса буржуазной парламентской демократии, однако считало, что кризисные явления, «недуги» парламентской системы могут быть преодолены в процессе ее дальнейшего совершенствования и развития. Профашистская фракция отрицала политические компромиссы, скептически относилась к парламентским методам борьбы и толкала партию к захвату политической власти в государстве по фашистскому образцу.

История формирования профашистского направления в чешской буржуазной политике показывает, что его появление отвечало интересам наиболее реакционных кругов чешского монополистического капитала (экономические привилегии которого партия неуклонно отстаивала в своей практической деятельности) и было одним из симптомов кризисного состояния буржуазно-парламентской системы. В рассматриваемый период четко обозначилось действительное классовое лицо партии, углубился кризис влияния партии в массах. К середине 20-х годов национальная демократия становилась консервативной партией буржуазной элиты, решающее слово в руководстве которой было за монополистическими кругами чешской буржуазии.

Профашистские и фашистские группировки сделали первую попытку выйти с политической периферии в условиях парламентского кризиса в середине 20-х годов, причем их активизация в значительной мере была реакцией на крупную победу Компартии Чехословакии, одержанную на парламентских выборах 1925 г. В начале 1926 г. разрозненные группировки фашистского типа объединились в Национальной фашистской общине. На складывание облика НФО определяющее влияние оказал итальянский фашизм. Однако ей так и не удалось развернуть массовое фашистское движение «на чехословацкий лад».

Группировка «Града», искусно комбинируя буржуазно-парламентские и закулисные методы правления, добилась расширения партийно-политической базы коалиции за счет буржуазных партий национальных меньшинств, не прибегая к «крайним средствам».

Рубежом в развитии фашистского движения явился 1927 г. Именно к этому периоду следует отнести окончательное выделение фашизма из общего потока правой реакции и оформление его в политическое движение. Лидерам профашистской фракции в национально-демократической партии не удалось удержать в своих руках руководство фашистским движением. Национально-демократической партии удалось сохранить влияние лишь на часть НФО, которая позднее оформилась в так называемый «Национальный лагерь». Усилился экстремистский характер НФО, которая стала выступать за разрыв с традиционными буржуазными партиями, против многопартийной системы, за применение «прямых действий» с целью установления в стране фашистской диктатуры по итальянскому образцу и подавления революционного движения. Эту политическую линию подтвердил съезд НФО в августе 1927 г.⁷⁰ НФО вышла из-под безраздельного контроля национально-демократической партии, однако это вовсе не означало, что она вышла из-под контроля политических сил, выражавших интересы наиболее реакционной части буржуазного лагеря.

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В БОЛГАРИИ (1934—1935 гг.)

Настоящий очерк не ставит своей целью освещение всех сторон сложной и до сих пор малоисследованной проблемы, сформулированной в заглавии.

В нем затрагиваются лишь некоторые, на наш взгляд, существенные вопросы кризиса буржуазной политической системы, связанные прежде всего с характеристикой социальных и политических сил, стоявших в 1934—1935 гг. за фашистскими переворотами в Болгарии.

Нам представляется, что как уже находящиеся в научном обороте, так и привлеченные нами архивные и другие материалы позволяют сделать некоторые достаточно обоснованные выводы или по крайней мере поставить ряд вопросов в дискуссионном порядке.

Сращивание банковского капитала с промышленным и формирование центров финансового капитала началось в Болгарии в предшествовавшие первой мировой войне годы. Одновременно происходило активное внедрение в экономику страны созданных в 1905—1906 гг. банков с иностранными капиталами — Болгарского генерального банка (французский капитал). Кредитного банка (германский капитал), Балканского банка (австрийский, французский и бельгийский капиталы) ¹. В результате поражения Германии в первой мировой войне, в условиях послевоенной разрухи германский финансовый капитал ощущал недостаток свободных средств, которые могли бы экспортироваться в другие страны, в том числе и в Болгарию. Так Кредитный банк, являвшийся креатурой германского империализма в Болгарии, в первые послевоенные годы увеличил свой капитал лишь на 7 млн. лв., тогда как банки стран-победительниц увеличили свои капиталовложения на 70 млн. лв. ² Львиная доля этих средств приходилась на французские и бельгийские банки. Только в основном в 1920 г. Франко-бельгийском банке их участие выражалось соответственно суммами в 12 млн. лв. и 7 млн. лв. из 20 млн. лв. зарегистрированного капитала ³. Инициативу в формировании центров финансового капитала в экономике Болгарии взяли в свои руки банки с национальным, а также французскими и бельгийскими капиталами. Уже на этой первоначальной стадии между центрами этих финансово-монополистических группировок устанавливались прямые связи. В 1921 г. около 40% акций Болгарского торгового банка (БТБ) приобрел французский Банк де Пари э де Пэи Ба ⁴. Непосредственное участие западноевропейских финансистов в деятельности банков с болгарскими капиталами являлось дополнительным фактором, способствовавшим усилению позиций финансово-монополистической группировки, которая формировалась вокруг этих банков.

Расстановка сил в верхушке господствующего класса, в рядах финансовой олигархии отразилась и на формировании политического руководства нового режима, установленного после свержения в

июне 1923 г. реакционной военщиной однопартийного правительства Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС).

Определяющее воздействие на формирование нового механизма власти и всей политической системы в период непосредственно после переворота оказывал страх всех слоев болгарской буржуазии перед недавно находившимися у власти «земледельцами» и реально претендовавшими на нее коммунистами, партия которых (БКП) являлась второй по величине после БЗНС политической партией страны. Этот страх толкал различные слои господствующего класса к организационно-политической консолидации. Так появляется в августе 1923 г. задуманная как государственная фашистская по духу монопартия Демократический сговор, вобравший в себя различные буржуазные партии страны — от ультрареакционных, черносотенных партий крупной буржуазии до заявлявших о своей приверженности конституции и демократии партий средней и мелкой буржуазии.

Как известно, руководящие позиции в Демократическом сговоре и новом правительстве занимала небольшая группа лиц, принимавших участие в создании и деятельности в годы первой мировой войны государственно-монополистической организации — Дирекции по снабжению и общественному планированию (ДСГОП), — А. Цанков, А. Буров, П. Петрович, Г. Т. Данаилов, Я. Моллов⁵. Примечательно, что крупнейшие банковские и промышленные магнаты А. Буров, П. Петрович, Г. Т. Данаилов, а также Г. Василев, Р. Маджаров, С. Молланов были прямо связаны с Болгарским торговым банком, Болгарским банком, Франко-бельгийским банком, Болгарским генеральным банком и с зависимыми от них акционерными обществами. В то же время финансово-монополистические круги болгарской буржуазии, связанные с германскими капиталами Кредитного банка, не получили доступа к власти. Во всяком случае явных представителей этой группировки господствующего класса в составе правительства не было. При создании Демократического сговора за бортом этой правящей партии оказалась и национал-либеральная партия, руководители которой были известны своими прогерманскими симпатиями. В обстановке наметившейся относительной стабилизации капитализма, когда непосредственная опасность господству буржуазии в Болгарии миновала, противоречия внутри господствующих классов вновь обострились. Проявлением протеста против политического и экономического засилья финансовой олигархии можно считать выход из Демократического сговора буржуазных кругов, в меньшей степени связанных или вовсе не связанных с монополистическим и прежде всего с государственно-монополистическим капиталом.

Преодолеть оппозиционные настроения и центробежные тенденции в Демократическом сговоре его руководству в условиях второй половины 20-х годов оказалось не по силам. На парламентских выборах 1931 г. Демократический сговор потерпел поражение и уступил власть оппозиционным буржуазным и мелкобуржуазным партиям. Так закончилась первая попытка монополистических кругов болгарской буржуазии установить режим диктатуры фашистского типа⁶.

В 30-е годы Болгария оставалась преимущественно аграрной

страной. 80% ее активного населения было занято в сельском хозяйстве. Характерным для болгарской деревни было мелкое и среднее землевладение: 58% хозяйств относились к категории бедняцких и полупролетарских, 30% — к середняцким. Поставщиком товарной продукции являлась в основном кулацкая прослойка, составлявшая 12% всех хозяйств, но владевшая половиной всей обрабатываемой земли, почти 70% всех сельскохозяйственных машин и 40% рабочего скота⁷.

В промышленности страны, включая и ремесленные предприятия, было занято чуть более 8% населения⁸. Доля промышленности в национальном доходе составляла около одной трети⁹. Экспорт страны на 90% составляла продукция сельскохозяйственного сектора. Легкая промышленность имела явный перевес над тяжелой, выражавшийся соотношением 3:1¹⁰. Среди отраслей легкой промышленности наибольшее развитие получили пищевкусовая (табачная, мукомольная, сахарная) и текстильная. Отсутствие необходимых местных капиталов и нежелание иностранных владельцев капиталов вкладывать свои средства в предприятия, получение дивидендов с которых требовало известного времени, обусловили низкий уровень развития тяжелой промышленности. По общему мнению буржуазных экономистов того времени, тяжелая промышленность, как впрочем и многие отрасли легкой, не могли бы существовать без усиленных и постоянно действовавших еще с конца XIX в. протекционистских мер государства. Наиболее развитыми среди отраслей тяжелой промышленности являлись горнодобывающая, производство стройматериалов и электроэнергии. Такие же отрасли, как химическая, машиностроение и металлообработка в 30-е годы еще находились в начальной стадии развития. В конце 30-х годов всего лишь 1,43% рабочих было занято в производстве машин и механизмов¹¹. Производство цемента, угля, электроэнергии, тканей и других промышленных изделий на душу населения по сравнению с развитыми государствами в Болгарии было ниже в 8—11 и более раз¹².

Несмотря на общую экономическую отсталость, степень концентрации и централизации капитала в Болгарии была весьма высокой. В 1935 г. в промышленности действовало 422 акционерных общества, из них всего лишь шесть, что составляло 1,4% их общего числа, контролировало 46% всего вложенного капитала. В сфере банковского кредита 40% капиталов осело в четырех банках, составлявших всего 3,8% их общего числа. Подобная картина наблюдалась и в торговле — 52% капитала сосредоточилось в 5,6% торговых фирм. В целом к 1935 г. 0,05% всех действовавших в стране акционерных компаний принадлежало 30% всего вложенного в экономику капитала¹³.

Монополии господствовали в ряде отраслей промышленности. В цементном производстве концерну «Гранитоид» принадлежало 750 млн. лв., на долю остальных трех компаний приходилось лишь 27,6 млн. лв. В производство сахара одна фирма вложила более 60% всего инвестированного капитала. Около половины капиталов, вложенных в химическую промышленность, также являлось собственностью одной фирмы. В мукомольной промышленности одному акционерному,

обществу принадлежало более половины капиталов, а другую половину делили между собой 15 мелких фирм¹⁴.

Мировой экономический кризис явился мощным катализатором процесса монополизации средств производства и банковского кредита. По мнению видного болгарского экономиста Л. Берова, волна массового образования монополистических объединений в экономике страны наступила именно в годы кризиса¹⁵. В Болгарии монопольные соглашения носили в основном характер картелей. Появились и расширили свою деятельность ранее созданные картели в таких отраслях промышленности, как химическая, хлопчатобумажная, текстильная, производство сахара, растительных масел, пивоваренная. Был образован синдикат в металлообрабатывающей промышленности. В табачной промышленности монопольное положение занимала фирма «Соединенные табачные фабрики — Картель». В годы экономического кризиса в промышленности страны действовало около двух десятков монополистических объединений¹⁶. Велика была их доля в общем объеме промышленного производства — в начале 30-х годов они давали не менее трети всей промышленной продукции¹⁷.

Ярко проявилось в годы экономического кризиса и стремление к концентрации в банковском деле. В 1929 г. в стране насчитывалось 159 банков, а в 1934 г. — лишь 107. Одну часть этих исчезнувших банков постигло банкротство. Это были прежде всего мелкие банки с болгарскими капиталами. Более крупные спасались от банкротства путем слияния. Банки с иностранными капиталами получали спасительные дотации из метрополий. В 1930 г. объединились Болгарский банк, Банк народного кредита и Франко-болгарский банк в Соединенные болгарские банки¹⁸. В том же году произошло слияние Франко-бельгийского банка с Балканским банком. Годом раньше в результате объединения Кредитного банка с Дойче банком осуществилась концентрация германских капиталов в Болгарии¹⁹.

Полным ходом шло сращивание государственного аппарата с монополиями. В правлениях крупнейших банков, промышленных и торговых монополистических объединений заседали премьер-министры (Н. Мушанов, С. Данаилов, Д. Станчев), министры (Г. Василев, А. Гиргинов), отставные генералы (А. Сирманов, М. Никифоров), депутаты парламента, дипломаты. И наоборот, финансисты, промышленники, торговцы получали министерские портфели, занимали другие важные посты в государственном аппарате (А. Буров из Болгарского торгового банка и «текстильный король» С. Стефанов являлись министрами, К. Бояджиев из Итало-болгарского банка был министром и управляющим государственным эмиссионным Болгарским народным банком).

Наконец, в 1930 г. была создана государственно-монополистическая организация «Храноизнос» («Хлебоэкспорт»). В законодательном порядке «Храноизносу» было предоставлено монопольное право закупки зерна и продажи его на внутреннем и внешнем рынках. Закупочные цены на зерно устанавливались на уровне, значительно превышавшем международный. В обстановке мирового аграрного перепроизводства пользу от этой разницы цен извлекала прежде всего

крупная сельская буржуазия — поставщик товарной продукции. Наряду с ней баснословные прибыли от деятельности «Храноизноса» извлекали и привилегированные торговые фирмы. При заключении контрактов дирекция «Храноизноса», которая, кстати сказать, всегда возглавлялась крупнейшими торговцами, прямо или через подставных лиц участвовавших в операциях по закупке зерна, гарантировала им высокий процент прибыли²⁰. Это дорого обходилось трудовому населению страны — оно было вынуждено покупать хлеб по искусственно завышенным государством ценам.

Меньшую известность имела другая государственно-монополистическая организация — «Болгарское пароходное общество». Оно было основано еще в конце XIX в. с помощью государственных субсидий, и в 30-х годах государству принадлежала третья часть его основного капитала. Однако государство не только не получало дивидендов, но и вносило ежегодно в кассу общества миллионные дотации, которые распределялись как прибыль среди частных акционеров²¹.

Дополнительным источником роста мощи болгарской буржуазии, прежде всего ее монополистических кругов, была государственная собственность. Государственными были все железные дороги страны вместе с обслуживающими их предприятиями, самые богатые угольные шахты Перника, военные заводы. В конце 30-х годов в государственно-капиталистический сектор экономики входило 169 предприятий, дававших 8—9% всей промышленной продукции²². За 50 лет, прошедших с момента перехода железных дорог в руки государства в 1885 г., они на протяжении 42 лет приносили государству убытки, выражавшиеся суммой в 198 млн. зол. лв.²³ Это явилось результатом занижения тарифов при транспортировке промышленной и сельскохозяйственной продукции частных компаний, «сэкономивших» за счет государственной казны эту огромную сумму.

Уже в течение первого межвоенного десятилетия банки с иностранным капиталом превратились в ведущие монополистические центры. В конце 20-х — начале 30-х годов под их контролем оказались целые отрасли промышленности — табачная, сахарная, горнодобывающая и некоторые другие, а также экспорт табака, зерна и другой сельскохозяйственной продукции²⁴. В середине 30-х годов доля иностранного капитала в промышленности составляла около половины всех инвестиций, в торговле — около 40%, в сфере банковского кредита — около четверти, в транспорте — более 63%. В целом в 1935 г. 41% всего вложенного в экономику страны капитала составлял иностранный²⁵.

В конце 20-х годов французский и бельгийский капиталы по степени внедрения в экономику страны значительно опережали германский. Этому способствовала деятельность правительства А. Ляпчева, отдававшего предпочтение капиталу стран-победителей²⁶. В 1926 и 1928 гг. крупнейшие банки Парижа, Брюсселя, других западноевропейских столиц предоставили Болгарии государственные займы. Результатом было дальнейшее закабаление страны ведущими империалистическими державами.

К этому времени в целом оформилась монополистическая группи-

ровка и вокруг банков с национальными капиталами. Болгарский торговый банк создавал свои дочерние предприятия в таких отраслях промышленности, как текстильная, производство стройматериалов, горнодобывающая, металлообрабатывающая, машиностроение, мукомольная, табачная и др. За ним шел Болгарский банк, внедрившийся особенно сильно в текстильную промышленность²⁷.

Однако даже в благоприятной обстановке, существовавшей в годы относительной стабилизации капитализма, ярко проявилась слабость болгарской буржуазии. В 1926 г. обанкротился один из крупнейших центров финансово-монополистической группировки с национальными капиталами — банк «Гирдап»²⁸. Незавидная участь этого банка усилила у других банков и монополистических объединений заинтересованность в поддержке со стороны иностранного капитала. Обладателям иностранных капиталов продавались крупнейшие пакеты акций, промышленные и торговые фирмы охотно переходили под финансовый контроль банков с иностранными капиталами. Многозначительным представляется выбор, сделанный руководителями двух крупнейших монополистических объединений. Владельцы многочисленных предприятий в горнодобывающей, целлюлозно-бумажной, машиностроительной, мукомольной и других отраслях промышленности, в страховом деле, фактически собственники Болгарского торгового банка семейства Буровых и Губиделниковых в начале 20-х годов привлекли в свой банк французский капитал. В следующие годы связи руководителей этого монополистического объединения с западноевропейским капиталом получили дальнейшее развитие.

Другое мощное монополистическое объединение сложилось вокруг концерна «Гранитоид», являвшегося крупнейшим болгарским акционерным обществом. Немногочисленные, но крупные, почти все занявшие монопольное положение в своей отрасли промышленные предприятия, основанные «Гранитоидом», производили цемент, электроэнергию, бетон, асфальт, добывали каменный уголь, цветные металлы и т. д. В отличие от Буровых и Губиделниковых владельцы «Гранитоида» Г. Атанасов и Э. Наудашер взяли курс на сближение с германским капиталом. Крупный пакет акций концерна был продан швейцарскому банкиру К. Брупбахеру, тесно связанному с германским капиталом. К управлению «Гранитоидом» и родственными ему предприятиями были привлечены руководители Кредитного банка²⁹.

Многие банки, промышленные и торговые предприятия с национальными капиталами, не сумевшие или не успевшие обрести иностранных покровителей, оказались в годы экономического кризиса в плачевном состоянии. На грани банкротства оказался один из крупнейших кредитных институтов — Соединенные болгарские банки.

Таким образом, к концу 20-х началу 30-х годов болгарская финансовая олигархия в целом окрепла. Но усилением своей мощи в значительной степени она была обязана иностранному капиталу, от которого находилась в прямой зависимости.

В начале 30-х годов группировка, сложившаяся вокруг банков с

французским и бельгийским капиталами, еще превосходила по своей силе соперничавшую — германскую. В подчинении одного только Франко-бельгийского банка находилось 36 крупных промышленных, торговых и прочих компаний³⁰. Однако дефицит иностранной валюты и как следствие этого трудности с уплатой иностранных займов, расстройство платежного баланса страны вынудили болгарское правительство принять в 1931—1932 гг. ряд законодательных мер, направленных на ограничение вывоза валюты и установление контроля над валютными операциями³¹. Ответной реакцией банков с французским и бельгийским капиталами явился отказ от вложения новых средств в экономику Болгарии, ограничение кредитного обслуживания связанных с ними предприятий и даже ликвидация связей с некоторыми из них. В 1931 г. эти банки почти в два раза уменьшили кредитные операции по сравнению с 1929 г. — с 3271 млн. лв. до 1797 млн. лв.³² Самые мощные банки этой группировки — Франко-бельгийский, Генеральный — закрыли свои отделения в провинции, распродали акции многих промышленных предприятий, выпустили из сферы своего влияния ряд ведущих промышленных и торговых фирм.

Сокращение деятельности этих банков вело к ослаблению тех слоев болгарской буржуазии, которые первоначально сплотились вокруг них.

Оставляемые французскими и бельгийскими банками позиции в экономике страны занимал германский капитал. В зависимость к нему попали, в частности, крупнейшие табачные фирмы страны «Т. Такворян» и «Ж. Асеов»³³.

В конце 20-х годов во влиятельных кругах германского монополистического капитала появляется идея более активного и целенаправленного экономического овладения европейским Юго-Востоком. Экспансионистское рвение проявляли такие отрасли германской промышленности, как горнодобывающая, химическая, энергетическая. Для этого было решено создать специальный координационный центр. Было признано целесообразным в целях маскировки с тем, чтобы не вызвать протестов общественности этих стран, использовать созданный в Вене еще в 1924 г. Среднеевропейский хозяйственный союз. В результате переговоров, проводившихся в Берлине в 1930—1931 гг., он полностью перешел в руки заинтересованных германских фирм. После коренной реконструкции эта организация стала именоваться Среднеевропейским хозяйственным конгрессом (СХК). По словам фон Вилмовски, видного представителя концерна Круппа, ставшего председателем Среднеевропейского хозяйственного конгресса, СХК превратился в эффективный инструмент «создания новых хозяйственных связей в постоянном контакте с местными предпринимателями и властями»³⁴.

В Болгарии желанными партнерами для германской монополистической буржуазии стали те предприниматели, которые вкладывали свои капиталы в горнодобывающую промышленность и производство стройматериалов, важная с военной точки зрения продукция которых была необходима бедной сырьем Германии. Как упоминалось,

еще в 20-е годы Кредитный банк занимал решающие позиции в одном из самых крупных промышленных предприятий страны — концерне «Гранитоид». В 30-х годах германский капитал подчинил себе крупную акционерную фирму «Пирин», являвшуюся дочерним предприятием «Гранитоида» и занимавшуюся добычей свинцово-цинковых и медных руд³⁵.

Доля германских капиталов в экономике страны составляла в 1932 г. 3,4% всего вложенного иностранного капитала, в 1935 г. — 5,3%, а в 1939 г. — уже 16%. Однако усиление позиций германской буржуазии в экономике страны характеризовалось не только увеличением экспорта капитала. В 1932 г. между двумя странами были подписаны соглашения, ориентировавшие внешнюю торговлю Болгарии на Германию. Прельстившись более высокими ценами на сельскохозяйственную продукцию, которые предложила Германия по сравнению с крупнейшими колониальными державами, Болгария согласилась поставить товарообмен с Германией на клиринговую основу. Уже в 1933 г. доля Германии в болгарском импорте, составлявшая годом ранее 25,9%, возросла до 38,2%, а в экспорте страны — с 26% до 36%³⁶.

Неразвитость экономической структуры Болгарии, многоукладный характер экономики, ее зависимость от иностранных рынков, сильное влияние иностранного капитала на хозяйственную жизнь страны обусловили значительную роль в болгарском господствующем классе посреднической, торговой буржуазии. Даже монополизированные отрасли промышленности не могли обойтись без ее услуг. Поскольку в Болгарии отсутствовали аграрные монополии, то снабжение промышленных предприятий и городского населения сельскохозяйственной продукцией также являлось прерогативой торгового капитала. Наконец, вся экспортная продукция страны шла через руки торговой буржуазии, наиболее могущественных ее представителей. Вот почему прослойка торговой буржуазии в господствующем классе была наиболее многочисленной — 70 тыс. человек, а вместе с семьями — около 300 тыс. (в стране с населением в 6 млн. человек). Однако из этого числа около 86% относились к категории мелких торговцев и являлись обыкновенными лавочниками, мелкими комиссионерами, получавшими доход, едва хватавший для собственного обеспечения. Истинно торговой буржуазией являлось около 10 тыс. человек, или 14%³⁷, хозяйничавших на внутреннем рынке, и буквально считанные единицы из них фактически монополизировали внешнюю торговлю.

Среди торговой буржуазии наиболее могущественной была кучка экспортеров сельскохозяйственной продукции. Поскольку в начале 30-х годов на роль ведущего внешнеторгового партнера Болгарии выдвинулась Германия, то они попали в орбиту влияния, а вскоре и под прямой контроль Кредитного банка — финансовой креатуры Германии.

Связанная с германским капиталом болгарская крупная торговая и промышленная буржуазия в середине 30-х годов представляла собой экономически влиятельную группировку господствующего класса страны. Наличие в господствующем классе двух сильных соперни-

чающих группировок предопределило острый характер последующей политической борьбы: к середине 30-х годов группировка, связанная с французским и бельгийским капиталами, еще не потеряла былого могущества, а группировка, связанная с германским, еще только обретала силу. Каждая из этих группировок имела собственное политическое лобби, состоявшее из видных болгарских буржуазных общественно-политических деятелей, являвшихся акционерами их банков и предприятий, или просто находившихся у них на содержании. Вместе с тем, однако, еще на рубеже 20—30-х годов относительная слабость тех болгарских буржуазных кругов, которые были преимущественно связаны с германским капиталом, проявлялась и в отсутствии у них влиятельных политических организаций.

Что же касается болгарской финансовой олигархии и тех связанных с ней кругов промышленной и торговой буржуазии, которые ориентировались на поддержку прежде всего французского и бельгийского капиталов, то политическое представительство их интересов в 20-х — начале 30-х годов осуществлял, как указывалось выше, Демократический сговор. Правда, в годы кризиса влияние его оказалось серьезно подорванным даже в реакционно настроенных буржуазных слоях населения. Созданное А. Цанковым после раскола Демократического сговора в 1932 г. Национальное социальное движение (с 1933 г. — Народное социальное движение — НСД) быстро превращалось в сильную партию фашистского типа. Однако Цанков в этот начальный период существования НСД не имел еще ни сколько-нибудь убедительных идеологических концепций, ни четких представлений о болгарском фашистском государственном устройстве; загадкой для многих еще оставались и его представления о способе функционирования экономического механизма и вопрос о том, на стороне каких кругов господствующего класса будет выступать его организация.

Еще в 1927 г., когда правивший страной Демократический сговор уже сотрясали внутренние распри, по инициативе группы буржуазных интеллигентов и общественно-политических деятелей, принимавших участие в военно-фашистском перевороте 1923 г., был создан так называемый политический круг «Звено». Руководители этой организации прокламировали идеи создания «надпартийного», «надклассового», «национального» государства с сословным парламентом и управлявшегося «компетентной интеллектуальной элитой нации»³⁸. Внешнеполитические симпатии лидеров «Звена» были совершенно определенно обращены к западноевропейским странам, прежде всего к Франции. В руководстве этой организации были лица, связанные преимущественно с финансовой олигархией франко-бельгийской ориентации. К. Бояджиев занимал пост директора Интернационального (Экспортно-импортного) банка³⁹. Глава масонской ложи Болгарии П. Мидилев являлся членом правления текстильных фабрик «Мусала», примыкавшего к Болгарскому банку⁴⁰. К. Георгиев, председательствовавший в правлении фирмы «Каучук», имел связи с Софийским банком. К. Баталов заседал в правлении фирмы «Юнион-текстиль», был членом правления Болгарского банка.

Так же как и НСД, «Звено» выступало против «экономического либерализма», за активное вмешательство государства в экономику, за всемерное развитие государственно-монополистического капитализма. Однако лидеры «Звена» не делали тайны из того, что ради «оздоровления» экономики они собираются принести в жертву и интересы определенных слоев господствующего класса и прежде всего крупной торговой буржуазии⁴¹. По их мнению, не связанная с материальным производством монополистическая торговая буржуазия занималась «паразитической» деятельностью. Беззастенчиво спекулируя промышленными товарами и сырьевыми материалами, она тем самым сужала и без того ограниченный рынок, создавая дополнительные трудности для болгарской промышленности. «Звено» выступало за введение монополии государства на торговлю продуктами первой необходимости — солью, сахаром, табаком, спиртом, нефтепродуктами и др., за передачу функций торговой буржуазии кооперации. Таким образом, концепции лидеров «Звена» представляли потенциальную угрозу монополистическим кругам торговой буржуазии, которые в массе своей входили в группировку, связанную с германским капиталом.

Малочисленный по сравнению с НСД политический круг «Звено» не имел бы серьезных перспектив, если бы не опирался на созданный в 1928 г. в армии тайный Военный союз. Под лозунгом «внутреннего укрепления государства», создания «сильной» «благодетствующей» Болгарии⁴² руководителям «Военного союза» — реакционной армейской верхушке — удалось привлечь к 1934 г. в его ряды более 800 из 3 тыс. офицеров⁴³. Основную массу Военного союза составляли младшие и средние офицеры, преимущественно капитаны. Поэтому иногда его называют «Капитанской лигой». Специфической чертой болгарской армии являлось то, что ее офицерский корпус комплектовался не из элиты господствующего класса, а из так называемых средних классов. Поэтому широкие слои болгарского офицерства не оставались равнодушными к бедственному положению большинства населения страны и совершенно искренне желали его улучшения. Политически незрелые, они надеялись осуществить это с помощью и под руководством буржуазных политических деятелей.

Осуществлению планов фашистской реакции благоприятствовала внутривнутриполитическая обстановка. Оппозиционные фашизму силы были разобщены. БКП, в руководстве которой оказались левые сектанты, вообще не предвидела резких изменений в высших эшелонах власти, считая, что в стране уже установлена фашистская диктатура. Ее опору компартия видела в БЗНС и социал-демократической партии и против них сосредоточила свой огонь. Находившийся у власти в 1931 г. буржуазно-демократический «Народный блок» — коалиция демократической партии, БЗНС «Врабча I», национал-либеральной и радикальной партий — раздирали междоусобные распри из-за дележа министерских портфелей.

К 1934 г. от «Народного блока» отошли те силы, которые привели его к власти. Положение трудящихся слоев населения в годы

кризиса резко ухудшилось. Недовольство политикой правительства проявляла и буржуазия. Выражая ее отношение к деятельности правительства в годы кризиса, видный буржуазный экономист К. Бобчев утверждал, что социально-экономическая политика в целом характеризуется «бессистемностью», «несогласованностью», «дилетантизмом». Из этого К. Бобчев делал вывод, что правительство «не в состоянии справиться с большими задачами, поставленными все углубляющимся экономическим кризисом»⁴⁴.

В ночь на 19 мая 1934 г. Военный союз и «Звено», на сутки опередив НСД, совершили государственный переворот и воспрепятствовали «походу на Софию» цанковских сил.

Первыми декретами новых властей было приостановлено действие конституции, распущены парламент и органы местного самоуправления, введена цензура печати, запрещена всякая политическая деятельность, не санкционированная правительственными органами. В стране была установлена военно-фашистская диктатура.

В новое правительство, сформированное Военным союзом, вошли в основном члены «Звена». Пост премьер-министра занял руководитель «Звена» К. Георгиев, участвовавший еще в военно-фашистском перевороте 1923 г. Министром внутренних дел стал П. Мидилев, глава болгарской франко-масонской ложи, тесно связанный деловыми отношениями с Соединенными болгарскими банками. Портфель министра народного хозяйства получил К. Бояджиев — директор Интернационального банка и член распорядительного совета Итало-болгарского банка. Известный франкофил К. Баталов, занявший пост министра иностранных дел, олицетворял собой внешнеполитическую ориентацию нового режима на Францию.

Наряду с усилиями создать, в основном по итальянскому образцу, фашистский механизм власти, новую политическую организацию общества правительство К. Георгиева активно действовало и в социально-экономической области. Важную роль в преодолении экономического кризиса теоретики «Звена» отводили финансово-кредитным учреждениям. Этим объясняется исключительное внимание, которое правительство уделяло укреплению расстроенных в годы кризиса частных банков. В июне 1934 г. правительство издает декрет о создании государством на паях с частным капиталом нового банка — «Болгарский кредит»⁴⁵. Правительство не делало тайны из своих замыслов — слить воедино все без исключения частные банки «с национальным капиталом» и с помощью государственных средств превратить «Болгарский кредит» в мощный государственно-монополистический финансово-кредитный центр. Претворение в жизнь этого решения явилось убедительным подтверждением того, что свою волю правительству диктовала финансовая олигархия.

Вопросами приема частных банков в «Болгарский кредит» ведала специально учрежденная правительством для этой цели комиссия. Ее непосредственной задачей являлась оценка активов этих банков, определение их фактического капитала, который представлял бы собой долю их участия в «Болгарском кредите». Комиссия была составлена из чиновников государственного эмиссионного Болгарского на-

родного банка (БНБ), являвшихся ставленниками финансовой олигархии.

Первыми банками, чьи просьбы о вступлении в «Болгарский кредит» удовлетворила комиссия, были Соединенные болгарские банки — один из двух ведущих центров болгарского финансового капитала, а также крупные Интернациональный банк и Софийский банк. В 1934 г. в кассе Соединенных болгарских банков, по оценке комиссии, имелось лишь около 18 млн. лв. при зарегистрированном капитале в 100 млн. лв., т. е. было растеряно более четырех пятых капитала акционеров. А согласно действовавшему с 1933 г. «закону о защите вкладов в частные банки» в случае, когда капитал частного банка уменьшится наполовину, так называемый Банкирский совет обязан объявлять о банкротстве банка и требовать его ликвидации. Тем не менее, несмотря на то что Соединенные болгарские банки не просто находились в «затруднительном положении», а оказались в состоянии банкротства, экспертная комиссия включила их первыми в «Болгарский кредит» для «оздоровления» за казенный счет. Это станет понятно, если учесть, что министр внутренних дел П. Мидилев был связан с Соединенными болгарскими банками через фирму «Мусала». По этой же причине одним из первых пайщиков «Болгарского кредита» стал Интернациональный банк. Заслуга создания «Болгарского кредита» принадлежала министру народного хозяйства К. Бояджиеву⁴⁶, ранее являвшемуся директором Интернационального банка. Вступление в «Болгарский кредит» Софийского банка не в последнюю очередь следует объяснять тем, что премьер К. Георгиев в свое время был тесно связан с этим банком через фирму «Каучук».

После включения в «Болгарский кредит» этих трех банков управляющий БНБ Н. Момчилов, заседавший, кстати, вместе с К. Бояджиевым в руководстве Итало-болгарского банка, объявил о прекращении приема. У рассчитывавших поправить свои дела с помощью государственных средств мелких банков это решение вызвало смещение. Еще 7 июня 1934 г., т. е. за неделю до выхода декрета, осведомленные о проектах правительства и предвидя «саботаж» финансовой олигархии, мелкие банки, объединенные в «Провинцбанк», направили председателя его правления Д. Недялкова к Георгиеву. Премьер-министр благосклонно отнесся к просьбам о вступлении этих банков в «Болгарский кредит». На последовавших затем встречах 20 июня и 28 июля с делегациями «Провинцбанка» К. Георгиев и министр финансов К. Тодоров вновь обещали содействие, но руководство БНБ отказывалось выполнять распоряжения правительства. Наконец, осенью 1934 г. под председательством К. Георгиева была созвана конференция, которая приняла решение, что до 1 января 1935 г. экспертная комиссия определит наличный капитал частных банков, желающих войти в «Болгарский кредит». Однако только в начале 1935 г. комиссия приступила к работе. При этом она неизменно занижала размер наличного капитала этих банков, сознательно создавая для них кабальные условия вхождения в «Болгарский кредит» или же вовсе рассчитывая на их отказ. Так, капитал Шуменского банка был

оценен ею в 350 тыс. лв., в то время как он составлял 4 млн. 800 тыс. лв. Подобным же образом были оценены активы Свиштовского, Врачанского и Плевенского банков. Находясь перед угрозой банкротства, многие банки согласились на грабительские условия. Тогда руководство БНБ потребовало от них новых уступок. Под предлогом того, что активы провинциальных банков не прибыльны, оно настаивало на добровольном занижении установленных комиссией размеров их капиталов. Ряд банков был вынужден капитулировать и перед этими требованиями. Так, Айтосский банк, кроме того, что был обшчитан экспертами, согласился безвозмездно передать «Болгарскому кредиту» 1 млн. 220 тыс. лв. То же пришлось сделать Врачанскому, Свиштовскому и Поморийскому банкам. Фактически эти «добровольные» пожертвования добавлялись к капиталам основателей «Болгарского кредита» — Соединенным болгарским банкам и Интернациональному банку, и усиливали позиции финансовой олигархии в государственно-монополистическом банке⁴⁷.

Установленный в законодательном порядке капитал «Болгарского кредита» составлял 125 млн. лв., из которых 80 млн. лв. внесло государство, а 45 млн. лв. — частные банки. Участие государства в «Болгарском кредите» не только не ущемляло интересов частного капитала, но и гарантировало получение возраставших из года в год прибылей. В 1937 г. при капитале в 125 млн. лв. он собрал вкладов на сумму 1 млрд. лв. О его благополучии пеклись государственные ведомства. В тех населенных пунктах, где «Болгарский кредит» не имел своих агентов, сбором вкладов занимались чиновники Болгарского народного банка.

Так финансовая олигархия прокорректировала замыслы теоретиков «Звена», включив в круг приобщавшихся к государственным средствам прежде всего крупные банки. Мелким банкам оставалось лишь сокрушаться, «как же может государственная власть быть для одних заботливой матерью, а для других — злой мачехой»⁴⁸.

Одной из причин тяжелого положения, в котором оказались в период экономического кризиса болгарские банки, была хроническая задолженность им широких слоев населения. Только крестьянское население к 1935 г. задолжало 12 млрд. лв. (отметим, что национальный доход страны в 1935 г. составил 25 млрд. лв.)⁴⁹. Несмотря на судебные меры, банки и ростовщики потеряли надежду получить обратно свои ссуды с обнищавшего населения.

Банкам-кредиторам и ростовщикам Погасительная касса выдала облигации на полную сумму предоставленных ими должникам ссуд с обязательством погасить их в течение 20 лет. Кроме того, эти облигации приносили их владельцам ежегодную прибыль в размере 3%.

Предусмотренная законом процедура получения кредиторами облигаций Погасительной кассы предоставляла им широкие возможности для махинаций и злоупотреблений. Достаточно было, чтобы в специальной комиссии кредитор заявил о ссуде, а должник это подтвердил и Погасительная касса предоставляла кредитору на соответствующую сумму облигации⁵⁰.

Не оказались в накладе и крупные должники — предпринимате-

ли, получившие 20-процентную скидку. Согласно закону, им наряду с должниками из первых двух категорий была предоставлена возможность ликвидировать свою задолженность облигациями Погасительной кассы. На рынке ценных бумаг облигации котировались по курсу, доходившему до 50% ниже их номинальной стоимости. Таким образом, располагавшие средствами капиталистические предприниматели на практике получали уменьшение своей задолженности на 70% ⁵¹.

Сильный удар нанес этот закон по так называемым народным банкам. Так назывались в Болгарии мелкие, но многочисленные, имевшиеся во всех более или менее крупных населенных пунктах кредитные общества (в 1935 г. их насчитывалось 2080) ⁵², действовавшие на кооперативных началах и объединявшие главным образом проживавших в данной местности мелких производителей и торговцев, которым был закрыт доступ в крупные акционерные банки. От своих членов они принимали вклады на условиях предоставления им годового дохода в размере 6—7%, а отпускали 10-процентные займы. Закон же определял им доход с облигаций Погасительной кассы в размере всего лишь 3%. В результате многие народные банки оказались в катастрофическом положении (Лясковец, Бела Слатина, Странджа) ⁵³.

Что касается трудовых слоев населения, ради которых якобы был принят этот закон, то их положение никоим образом не улучшалось. У них не было средств для погашения и уменьшенного долга, и, следовательно, за несколько лет набегавшие проценты съедали предоставленную законом 30—40-процентную скидку. Предпринятая властями мера создавала лишь видимость решения вопроса о задолженности. Больше того, путем перераспределения государственного бюджета в пользу финансово-монополистического капитала правительство переложило все затраты, связанные с реализацией этого закона, именно на трудящихся. Те 200 млн. лв., которые ежегодно требовались Погасительной кассе для оплаты кредиторам выданных ею облигаций, выделялись властями из государственного бюджета ⁵⁴.

Таким образом, разрекламированный правительством как средство, которое раз и навсегда покончит с тяжелым бременем задолженности широких слоев населения, этот закон являлся лишь очередным в серии мероприятий, направленных на упрочение позиций финансового капитала. Вот почему общественность страны сразу же окрестила его «банкирским законом», а один из деятелей буржуазно-демократической оппозиции охарактеризовал его так: «Должники стонут, государство платит, банкиры богатеют» ⁵⁵.

Острая борьба развернулась в господствующем классе страны вокруг намерения правительства предоставить государству монопольные права в некоторых отраслях промышленности и торговли. По заявлениям официальных лиц, основанием для введения ряда государственных монополий являлось стремление правительства увеличить доходы государственной казны, а также решить «некоторые экономические и социальные задачи». Действительно, государственная казна была пуста — правительство «Народного блока» в тече-

ние нескольких месяцев не могло даже выплатить жалования чиновникам. К середине 1934 г. государственный долг составил огромную сумму в 26 млрд. лв.⁵⁶, что в пересчете на душу населения равнялось 4,5 тыс. лв., т. е. трехмесячной зарплате болгарского рабочего того времени. В 1934 г. по сравнению с 1929 г. общее потребление населением сахара снизилось на 32%, табака — на 36%⁵⁷. Необходимые финансовые средства для выполнения намеченных социально-экономических программ, формирования нового фашистского механизма власти, единой государственной партии и профсоюзов правительство К. Георгиева рассчитывало получить за счет некоторой части болгарской буржуазии и прежде всего торговой. Начиная с сентября 1934 г. правительство издавало декреты о введении государственной монополии на производство и торговлю табачными изделиями, спиртом, солью и нефтепродуктами⁵⁸. При министерстве финансов, которым руководил один из видных деятелей «Звена» П. Тодоров, были созданы соответствующие Дирекции, и им было предоставлено исключительное право закупок у населения табака и спирта, промышленной переработки всех этих продуктов и определения цен на них.

Возделыванием табака в Болгарии занимались мелкие крестьянские хозяйства. Слабые экономически, они были не в состоянии оказывать действенного отпора находившимся в картельных соглашениях табачным коммерсантам и становились их легкой добычей. Табак являлся важнейшей экспортной статьёй Болгарии, и значительная его часть направлялась прежде всего в Германию. Закупкой у крестьян табака для экспорта занимались более десяти торговых фирм, среди них такие крупнейшие экспортеры табака, как Ж. Асеов и Т. Такворян. Все они финансировались Кредитным банком⁵⁹. Поэтому объявление государственной монополии на табак представляло собой сильный удар именно по той группировке болгарской буржуазии, которая была связана с германским капиталом. Ярм противником этой монополии был директор Кредитного банка М. Рясков⁶⁰, который являлся членом правления торговой фирмы «Болгария», созданной в 1933 г. крупнейшим германским табачным концерном «Реестма». А возглавляемый им банк 40% всех средств вкладывал в торговлю табаком⁶¹.

Для многих болгарских крестьян важным подспорьем в домашнем хозяйстве являлась перегонка винограда на спирт. Так же, как и производители табака, эти крестьяне безжалостно обирались торговцами. Вот почему декрет о государственной монополии на спирт был встречен в штыки этими представителями торговой буржуазии. И так же, как табачные коммерсанты, они встали в ряды решительных противников нового режима.

Наступление на позиции торгового капитала, однако, этим не ограничилось. Декретом властей торговцам было запрещено заниматься закупкой у крестьян хлопка. Были резко ограничены и поставлены под контроль властей их операции по закупке риса. Торговцам было запрещено заниматься экспортом ореховой древесины. Исключительное право вывоза этого ценного сырья получил Болгарский земледельческо-кооперативный банк (БЗКБ)⁶².

Именно для кооперативных организаций (потребительских, производственных и др.) расчищало место в экономике правительство К. Георгиева. Отстранив торговцев от закупок у крестьян хлопка, риса и другой сельскохозяйственной продукции, правительство возложило выполнявшиеся ими ранее функции на кооперативные объединения. Кооперативное движение насчитывало в своих рядах более 800 тыс. человек и представляло собой внушительную силу в шестимиллионной по численности населения Болгарии. В программе действий, разработанной для кооперативных организаций И. Харизановым — одним из идеологов «Звена», являвшимся в то же время руководителем кооперативного движения, особо выделялась задача борьбы со «спекулятивным капиталом»⁶³. Для ее решения правительство К. Георгиева произвело реорганизацию системы кооперативного кредита, объединив Болгарский земледельческий банк и Болгарский центральный кооперативный банк в Болгарский земледельческо-кооперативный банк⁶⁴. В то же время этот декрет узаконил вмешательство государственных органов и руководителей этого банка, назначаемых правительством, во внутренние дела кооперативных организаций. Последние были лишены автономии, их руководящие органы могли быть распущены властями.

Характерно при этом, что, несмотря на симпатии правительства К. Георгиева к кооперативному движению, в конфликтных ситуациях, когда приходили в столкновение интересы коопераций и финансового капитала, особенно связанного с западноевропейскими банками, предпочтение отдавалось последним. Это проявилось в предоставлении народным банкам и кредитным кооперативам по декрету «об уменьшении задолженности и оздоровления кредита» облигаций Погасительной кассы, которые приносили доход лишь в размере 3%. В результате, к великому удовольствию финансовой олигархии, многие из них оказались на грани краха. Так было и в случае с розофабрикантами, которые в ущерб кооперации получили монопольное право на экспорт розового масла⁶⁵. Покупая у лишенного возможности экспортировать эту продукцию БЗКБ по 16—17 тыс. лв. за 1 кг, они сбывали его на внешних рынках по 30—32 тыс. лв. за 1 кг и после выплаты предусмотренного законом вознаграждения банку за его «услуги» клали себе в карман от продажи каждого килограмма по 8 тыс. лв.⁶⁶

Однако введение государственных монополий рикошетом ударило и по некоторым представителям промышленной буржуазии, входившим, в частности, и в группировку, связанную с западноевропейскими банками. Сопrotивление правительству попыталось оказать Общество табачных фабрикантов Болгарии, руководителем которого был Б. Авджиев — глава табачного консорциума «Соединенные табачные фабрики — Картель», производящего 33% всей продукции отрасли и связанного с французским капиталом^{66а}.

Добыча соли в стране по договору о концессии, подписанному государством в 1923 г. сроком на 25 лет, на 90% принадлежала швейцарской компании «Гларус»⁶⁷. А снабжением Болгарии нефтепродуктами занималась компания «Петроль», в которой участвовали

американские, английские и голландские капиталы. В защиту компании «Петроль» выступил финансовый комитет Лиги Наций, потребовавший от правительства К. Георгиева отказаться от введения государственной монополии на нефтепродукты⁶⁸.

Мощные рычаги давления на правительство имели и спиртозаводчики. В руководство их картеля входил один из крупнейших финансовых магнатов страны Ив. Балабанов, являвшийся председателем Общего союза болгарских промышленников⁶⁹ и по линии Итало-болгарского банка как член его совета управляющих⁷⁰ связанный с министром К. Бояджиевым.

По сути дела практическое осуществление получили в конце концов лишь те постановления декретов о спирте и табаке, которые ущемляли интересы главным образом крупной торговой буржуазии, связанной с германским капиталом. Государственные органы активно включились в закупку у крестьян спирта и табака и существенно потеснили крупных торговцев, ранее безраздельно господствовавших на этом рынке.

В результате упорной борьбы, разгоревшейся внутри господствующего класса вокруг государственных монополий, группировка, связанная с западноевропейскими капиталами, сумела воспрепятствовать реализации тех постановлений, которые задевали входивших в нее промышленников. Вновь, как и в случае с «Болгарским кредитом», она прокорректировала деятельность правительства К. Георгиева. Следует подчеркнуть, что интересы промышленной буржуазии, и прежде всего крупной, несмотря на отдельные конфликты с некоторыми ее представителями, являлись предметом самого благожелательного внимания правительства К. Георгиева. Министерство народного хозяйства предоставляло иностранную валюту для новых инвестиций исключительно крупным капиталистам, предприятия которых, с его точки зрения, были «экономически оправданы»⁷¹. Правительство обязало все государственные и муниципальные учреждения и предприятия закупать необходимые им промышленные товары и оборудование только болгарского производства, — даже в том случае, если они на 5% дороже импортных⁷².

Власти запретили беспошлинный ввоз в страну некоторых цветных металлов, красок, джутовой пряжи, каолина и др.⁷³, что отвечало интересам местных промышленников. Благоклонно отнеслось правительство и к просьбе фабрикантов фруктовых консервов снять с потребляемого их предприятиями сахара все косвенные налоги⁷⁴. Большой куш сорвали и весьма влиятельные в Болгарии владельцы крупных мукомольных фирм. По правительственному указу мелкие предприниматели были вычеркнуты из списка клиентов государственно-монополистической организации «Храноизнос». Только крупные мукомольные фирмы, у которых имелись средства на приобретение у нее не менее полумиллиона килограмм зерна, получали право его переработки и продажи⁷⁵.

Были приняты меры, направленные на обеспечение текстильной, пищевкусовой и ряда других отраслей промышленности более дешевым сельскохозяйственным сырьем — хлопком, пенькой, подсолнеч-

ником, рисом. Особенно наглядно симпатии правительства проявились в изменении режима производства и торговли розовым маслом. Это ценное сырье почти полностью шло на экспорт, и за него Болгария получала твердую валюту. В начале 30-х годов около 10 фирм занимались закупкой у крестьян лепестков роз, получением из них масла и поставками его в основном французским парфюмерным фирмам. Произвол их по отношению к крестьянам принял такие масштабы, что под давлением общественного мнения в 1932 г. правительство «Народного блока» приняло закон, отстранивший частных предпринимателей от производства и торговли розовым маслом. Кабинет К. Георгиева отменил этот закон и предоставил розофабрикантам широкие привилегии. Крупнейшие из них получили монопольное право на экспорт розового масла⁷⁶.

Правительство К. Георгиева восстановило против себя прежде всего влиятельные круги торговой буржуазии, которые входили в группировку, связанную с германским капиталом. Больно ударили по ее интересам крутые меры властей, направленные на ограничение и вытеснение крупного торгового капитала из сельского хозяйства — одной из двух сфер болгарской экономики, являвшихся объектом пристального внимания германского империализма. Принятое правительством К. Георгиева решение передать в руки государства и возложить на государственные шахты Перника разработку 26 концессий антрацитного, каменного, бурого и лигнитного угля, цветных металлов (свинца и цинка), марганцевых руд, каменной соли, талька лишало германский капитал возможности вкладывать средства и в горнодобывающую промышленность⁷⁷. Вместе с тем правительство К. Георгиева далеко не всегда в полной мере учитывало и интересы той группировки финансовой олигархии, которая была связана с западноевропейским капиталом. Представителям этой группировки в правительстве, прежде всего министру народного хозяйства К. Бояджиеву, приходилось постоянно быть настороже и, как в случае с созданием банка «Болгарский кредит», существенно корректировать действия руководителей «Звена» — премьера К. Георгиева и министра финансов П. Тодорова. Включением в государственную монополию не только закупок табака и спирта, но и производства табачных изделий и алкогольных напитков правительство, ущемив интересы этой группировки, и вовсе вступило в «запретную» для себя зону.

Обе группировки господствующего класса, признавая целесообразность и необходимость вмешательства государства в экономические отношения, сводили его, однако, лишь к «определению общих направлений и контролю над экономическим развитием», к урегулированию возникающих социальных конфликтов «на основе социально-экономической солидарности» труда и капитала⁷⁸. Вместе с тем их представители категорически утверждали: «Когда государство, засучив рукава, начинает хозяйствовать, оно переходит те границы, когда есть польза от его вмешательства в экономику... Государственное вмешательство не может иметь своей задачей убить дух свободного предпринимательства»⁷⁹. Тревогу и даже панику в различных

кругах господствующего класса вызвало намерение распространить практику государственных монополий дальше, на другие отрасли экономики. Атмосфера накалилась до такой степени, что один из руководителей и идеологов «Звена», директор «Общественной обновы» П. Попзлатев 21 октября 1934 г. был вынужден публично заявить: «Владельцы капитала не должны нас опасаться... мы не выступаем против них»⁸⁰. Правительство К. Георгиева явно теряло доверие у господствующего класса как целого. Внимательно следившие за развитием событий руководители НСД в начале августа 1934 г. с удовлетворением констатировали шаткость позиций «Звена» и утверждали, что «в случае, если дело пойдет так и дальше, через каких-нибудь 2—3 месяца режим окончательно себя дискредитирует»⁸¹.

И действительно, уже в конце 1934—начале 1935 г. военно-фашистский режим оказался в остром политическом кризисе. Его выражением явились раскол Военного союза и ожесточившаяся борьба между фракцией Д. Велчева, поддерживавшей «Звено», и двумя другими фракциями Военного союза. Последние избрали поводом для атаки робкие шаги правительственных органов, направленные на ограничение роли царя в государственных делах. Это послужило основанием для выдвижения против «Звена» и Д. Велчева обвинений в «республиканизме»⁸². Однако тот факт, что эти обвинения поддерживали такие деятели Военного союза, которые в мае 1934 г., а затем в апреле 1935 г. были готовы в случае сопротивления царя планам Военного союза упразднить монархию и даже к физическому устранению монарха, свидетельствовал, что суть конфликта между фракциями лежала глубже и состояла в том, что режим лишился своей социальной опоры.

В противовес этому происходила консолидация сил лагеря, оппозиционного режиму. Своим возникновением он обязан прежде всего оказавшейся в опале группировке, связанной с германским капиталом. Ликвидация парламента, роспуск политических партий, запрещение политической деятельности и другие меры властей лишили эту группировку многих возможностей вести открытые контрдействия. Вот почему она сделала ставку на царский двор — единственный из конституционных институтов, который пощадило правительство К. Георгиева. В царской камарилье имелось немало лиц, давно и прочно связанных с этой группировкой и Германией, в том числе и такие, как брат царя принц Кирилл. Вскоре царский двор стал центром тяготения всех оппозиционных военно-фашистскому режиму буржуазных сил. Полагаясь на клятву хранить верность конституции, данную Борисом III в 1918 г. при восшествии на престол, к царю примкнули также и лидеры буржуазно-демократических партий. Каждый из участников этого оппозиционного лагеря надеялся с помощью царя реализовать свои замыслы.

Подогревая распри в Военном союзе, царь способствовал победе промонархических элементов над фракцией Д. Велчева и изгнанию из правительства всех членов «Звена» в январе 1935 г. Сформированный 22 января 1935 г. кабинет министров возглавил новый лидер Военного союза генерал Златев.

Весной 1935 г. царь сделал следующий шаг на пути к овладению всей властью в стране. 22 апреля 1935 г. Борис III впервые единолично назвал состав нового кабинета министров. Вынужденный считаться с хотя и обессленным Военным союзом, царь ввел в правительство трех его членов. Но все они, генералы по званию, являлись убежденными монархистами.

На пост премьер-министра царем был назначен А. Тошев. Крупный капиталист, он в 20-е годы являлся председателем правления концерна «Соединенные табачные фабрики — Картель», контролировавшегося французским капиталом. Даже тогда, когда он стал премьер-министром, его имя фигурировало в списках должников этого концерна⁸³. А. Тошев был членом совета управляющих Франко-болгарского банка⁸⁴ и поддерживал тесные деловые отношения с крупным финансистом А. Куюмджийским, являвшимся доверенным лицом французских банков в Болгарии. Вместе с тем через некоторые фирмы (страховая компания «Витоша»⁸⁵) А. Тошев был связан с Кредитным банком. Таким образом, личность нового премьера была приемлема для обеих основных группировок монополистической буржуазии. Министром народного хозяйства стал С. Мошанов. Активно сотрудничавший с правительством К. Георгиева, этот политический деятель был видным представителем группировки, связанной с французским и бельгийским капиталами, но в то же время являлся откровенным монархистом. Портфель министра финансов получил М. Рясков, директор Кредитного банка, фактический руководитель группировки, связанной с германским капиталом.

Таким образом, при формировании кабинета А. Тошева был соблюден принцип участия в правительстве представителей обеих соперничавших монополистических группировок. Этот относительный паритет сил проявился в том, что правительство А. Тошева было создано на коалиционных началах — между царской камарильей и Военным союзом.

Отсутствие парламентского контроля, закулисное решение всех важных вопросов, сведенная цензурой до минимума критика прессы действий правительства позволили ему осуществлять такие махинации, которые в иных условиях были бы трудно выполнимыми. Особенное усердие проявлял С. Мошанов, извлекавший на посту министра для себя и своей группировки максимально возможные выгоды. Творимый им произвол вызвал такое негодование, что в циркулировавшей в то время нелегальной литературе выдвигалось требование предать его «народному суду»⁸⁶. Наибольшую огласку получила его афера с сахарозаводчиками. В Болгарии имелось шесть сахарных фабрик. Пять находилось в руках частного капитала, а одна, небольшая, была кооперативной. В целях установления монопольно высоких цен еще в середине 20-х годов частные фабрики заключили картельное соглашение. С каждого килограмма сахара сахарозаводчики получали прибыль порядка 10 лв. Ввозимый в страну сахар обкладывался пошлиной в размере 11 лв. на каждый килограмм. Так что на внутреннем рынке картель чувствовал себя полным хо-

зином. Доминирующее положение в картеле занимали французский и бельгийский капиталы⁸⁷.

Производственная мощность пяти картелированных фабрик составляла 63 млн. кг сахара в год, а кооперативной — лишь 5 млн. кг. Годовое потребление страной сахара исчислялось 22 млн. кг. Каждый год правительство распределяло квоты производства сахара между картелем и кооперативной фабрикой. В 1930 г. картель произвел рекордное количество сахара — 52 млн. кг. Около 17 млн. кг из них он реализовал на внутреннем рынке, а остальное намеревался экспортировать. Однако ввиду падения мировых цен на сахар отказался от этого, и излишек порядка 35 млн. кг осел на его складах. Из-за неблагоприятной конъюнктуры на международных рынках к этому количеству добавились в 1932 г. около 10 млн. кг, в 1933 г. еще 20 млн. кг. К 1934 г. на складах картеля скопилось не менее 65 млн. кг сахара. В 1934 г. правительство определило квоту картеля в производстве сахара в 17,2 млн. кг, а кооперативной фабрики — в 4,8 млн. кг. Сопоставив цены на внутреннем и международном рынках, картель решил более прибыльным распродать внутри страны предназначенный на экспорт и заскладрованный в прошлые годы сахар. Поэтому в 1934 г. он не произвел ни одного килограмма сахара. Эта махинация принесла ему прибыль около 180 млн. лв. Но за нее сахарозаводчикам полагалось понести наказание. В договоре о распределении квот ясно говорилось, что в случае его несоблюдения, они должны были уплатить государству неустойку в размере 8,8 лв. за каждый непроизведенный килограмм сахара, т. е. 151 млн. лв.⁸⁸ Но им даже не был предъявлен иск. Больше того, С. Мошанов взял под личную опеку сахарозаводчиков. В 1935 г. при его активном содействии была проведена новая афера. Весной наступило время заключения нового договора и распределения квот с тем, чтобы крестьяне могли начать сев сахарной свеклы. Сахарозаводчики же еще далеко не расставарили свои склады и приняли решение повторить прошлогоднюю махинацию. Однако крестьяне, лишенные в 1934 г. возможности заняться возделыванием сахарной свеклы, требовали от правительства, чтобы оно заставило фабрикантов в этом году приступить к производству сахара. Переговоры о заключении договора вел министр народного хозяйства С. Мошанов. Действуя по указке картеля, он под всякими предложениями затягивал переговоры. И лишь тогда, когда благоприятные условия для посева свеклы уже прошли, договор был подписан. Крестьяне поздно приступили к посевной, и в результате урожай свеклы оказался чрезвычайно плохим. Это как раз и было нужно сахарозаводчикам. Опять же в угоду последним С. Мошанов сумел добиться от производителей свеклы внесения в текст договора пункта, предусматривавшего снижение закупочных цен на их продукцию.

Все действия С. Мошанова и сахарозаводчиков проходили с ведома министра финансов М. Ряскова⁸⁹. Его терпимое или даже поощрительное отношение к их махинациям объяснялось тем, что он потребовал от них своего рода откупного и для своей группировки.

Можно привести и другие факты взаимопонимания между пред-

ставителями соперничавших группировок монополистического капитала. По предложению М. Ряскова правительство великодушно простило долги Болгарского торгового банка государству, выражавшиеся огромной суммой в 63 млн. лв.⁹⁰ В свою очередь С. Мопанов не препятствовал М. Ряскову в отмене декретов правительства К. Георгиева, ущемлявших интересы его группировки⁹¹.

Выполняя ее пожелания, М. Рясков провел через правительство декреты, отменявшие государственные монополии⁹². Эти меры министр финансов мотивировал тем, что монополии были введены без должной подготовки, что народному хозяйству несли лишь убытки⁹³. Истинные причины, хотя и несколько в завуалированной форме, приводились на собрании акционеров в годовом отчете за 1935 г. правления Кредитного банка. Эти монополии, говорилось в нем, поставили банк в «затруднительное положение» и вредно отразились на его деятельности⁹⁴.

Отмена этих монополий лишила государственный бюджет важных статей дохода. В качестве компенсации М. Рясков изыскал иные возможности пополнить казну. В конце августа 1935 г. был обнародован разработанный им декрет, согласно которому многие промышленники были платителю государству определенный налог, так называемый патент за право производить ту или иную продукцию. Так, владельцам фабрик по производству хлопчатобумажных тканей установленный в 1933 г. потолок обложения повысили с 75 тыс. лв. до 150 тыс. лв., фабрикантам пряжи — с 90 тыс. лв. до 225 тыс. лв., фабриканты шерстяных тканей ранее ничего не платили, а теперь были обязаны вносить в государственную казну до 75 тыс. лв. Повышено или впервые введено было обложение многих промышленников в обувной, пищевкусовой, целлюлозно-бумажной и других отраслях⁹⁵. На практике эти патенты представляли собой косвенное обложение, поскольку фабриканты минимум на сумму уплачиваемых налогов поднимали цены на свою продукцию. А как это видно из перечня отраслей промышленности, санкции закона касались тех из них, которые производили товары первой необходимости. Иными словами, расплачиваться за фабрикантов приходилось широким слоям населения. Однако удорожание товаров при чрезвычайно низкой покупательной способности населения влекло за собой уменьшение спроса и, как следствие этого, уменьшение объема прибылей капиталистов. Таким образом, этот декрет косвенным путем бил и по карману многих промышленников, прежде всего связанных с соперничавшей группировкой.

Заботе министра финансов о благополучии крупной торговой буржуазии — основного клиента Кредитного банка — не было границ. Правительство лишило БЗКБ и передало «Храноизносу» монопольное право производить закупки у крестьян риса, пеньки и подсолнечника⁹⁶. Изменение режима закупок объяснялось тем, что БЗКБ действовал через сеть кооперативных объединений, что крайне не устраивало ведущие торговые фирмы. А дирекция государственно-монополистической организации «Храноизнос» находилась в руках представителей крупного торгового капитала. Вразрез с задачами, стоявшими перед БЗКБ, правительство обязало этот банк предостав-

лять торговцам кредиты на закупку сельскохозяйственной продукции у крестьян.

Как и следовало ожидать, наибольшими милостями правительство А. Тошева осыпало крупных торговцев-экспортеров сельскохозяйственной продукции. Весной — летом 1935 г. вышли правительственные указы о введении контроля над экспортом скота, яиц, фруктов и овощей⁹⁷. Созданные на основе этих указов контрольные комиссии под предлогом обеспечения высокого качества экспортной продукции устранили мелких предпринимателей от внешнеторговых операций. Открытое стремление властей закрепить монополию на экспортную торговлю за небольшой кучкой крупных капиталистов проявилось и в том, что эти комиссии ввели своеобразный ценз, установив минимум продукции, ниже которого экспортировать товар не разрешалось. По декрету «о поощрении экспорта мяса» крупным капиталистам — экспортерам этого вида сельскохозяйственной продукции был сокращен на 75% налог за убой скота, на 50% — транспортные расходы. Они были полностью освобождены от уплаты таможенных пошлин и т. д.⁹⁸

В самом конце своего пребывания у власти правительство А. Тошева осуществило давнюю мечту этой прослойки господствующего класса. В октябре 1935 г. вышел декрет о создании при министерстве народного хозяйства Экспортного института⁹⁹. Ему было поручено «определять внешнеторговую политику страны». Руководящим органом Экспортного института являлся «общий совет», который состоял из государственных чиновников и крупных экспортеров¹⁰⁰. Расходы по содержанию института несли государство, выделявшее средства из своего бюджета, и капиталисты, уплачивавшие одну сотую процента от стоимости экспортируемой продукции. Среди задач Экспортного института, сформулированных общим советом и одобренных правительством, были организация и осуществление контроля над экспортными операциями («качественный подбор экспортных фирм»), изучение конъюнктуры на международных рынках и информирование экспортеров, предоставление им выгодного кредита, обеспечение их продукции быстрым и дешевым транспортом¹⁰¹. Таким образом, Экспортный институт представлял собой государственно-монополистическую организацию, созданную исключительно в интересах малочисленной, но могущественной кучки капиталистов, занимавшихся экспортом в основном сельскохозяйственной продукции.

Под предлогом минимально допустимого объема экспортного товара, улучшения качества продукции и стандартизации тары лишлись права вести внешнюю торговлю мелкие фирмы. Существенно ущемлялись и интересы кооперативных организаций. В проекте декрета о создании Экспортного института имелось упоминание о кооперации, но по требованию экспортеров оно было вычеркнуто¹⁰². В результате представителям кооперативного движения было вообще отказано в праве участвовать в работе руководящего органа этого института¹⁰³. Создание Экспортного института означало законодательное закрепление государством монополии на внешнюю торговлю

за кучкой капиталистов-экспортеров. По свидетельству осведомленных лиц, распределением между собой экспортных сделок занимались в 1935 г. всего лишь 155 человек¹⁰⁴. Именно эти люди, сосредоточившие в своих руках внешнюю торговлю страны, диктовали свою волю Экспортному институту. Их коммерческие интересы были связаны прежде всего с германским рынком. В 1935 г. уже более половины экспорта Болгарии направлялось в Германию¹⁰⁵. Внешнеторговая политика страны, ее экономика все более и более крепко привязывалась ими к третьему рейху. Не случайно один из деятелей буржуазно-демократической оппозиции Н. Сакаров указывал, что руководство Экспортного института сознательно взяло курс на подчинение экономики страны нуждам Германии¹⁰⁶.

Осенью 1935 г. царская камарилья окончательно разделалась со своим недавно грозным соперником — Военным союзом. Д. Велчев и другие руководители этой организации были приговорены к смертной казни, замененной Борисом III пожизненным заключением. Как политический противник Военный союз был ликвидирован.

Произшедшие изменения в соотношении сил в пользу царской клики и поддерживавших ее кругов болгарской буржуазии позволили Борису III в ноябре 1935 г. впервые сформировать правительство из лично зависимых от него чиновников-царедворцев. Пост министра торговли, промышленности и труда в нем занял один из руководителей Союза торговцев, крупнейший экспортер сельскохозяйственной продукции Д. Вылев. Руководителем министерства общественных зданий, дорог и благоустройства стал тесно связанный с промышленными предприятиями, производящими стройматериалы, находившимися под контролем германского капитала, С. Ганев.

В болгарской и советской историографии принято считать, что с мая 1934 г. по январь 1935 г. в Болгарии существовал военно-фашистский режим. Правительства П. Златева (январь—апрель 1935 г.) и А. Тошева (апрель—ноябрь 1935 г.) являлись переходными от военно-фашистской к монархо-фашистской диктатуре. И наконец, первое правительство Г. Кьосеиванова (с ноября 1935 г.) открыло период монархо-фашистской диктатуры в Болгарии.

Нам представляется, что есть основание эти характеристики раскрыть и углубить. В первой половине 30-х годов в господствующем классе Болгарии происходила острая борьба за власть между двумя ведущими монополистическими группировками. С помощью Военного союза в мае 1934 г. группировка, связанная с французским и бельгийским финансовым капиталом, силой захватила власть в стране. Мандат на управление она вручила стоявшей на фашистских позициях политической организации «Звено». Правительство К. Георгиева в рамках военно-фашистской диктатуры пыталось осуществить комплекс социально-экономических, внутри- и внешнеполитических мероприятий, существенно ущемлявших интересы монополистической группировки, сложившейся вокруг германского капитала в Болгарии. Вместе с тем руководители «Звена» своей политикой этатизации ряда отраслей экономики, намерением расширять и далее практику государственных монополий вызвали недовольство, возбудили недовольство всего господствующего класса, обеих

наиболее влиятельных его группировок. В январе 1935 г. правительство К. Георгиева пало. Замена его промонархически настроенным правительством Военного союза во главе с П. Златевым означала, что царская камарилья, поддержанная прогерманской монополистической группировкой, сделала первый шаг на пути к овладению властью в Болгарии. После трех месяцев ушло в отставку и это правительство. Сформированное лично царем в апреле 1935 г. на коалиционной основе — между дворцовой кликой и Военным союзом, а если смотреть глубже — на паритетных началах между представителями двух монополистических группировок, правительство А. Тошева и предшествовавшее ему правительство генерала Златева являлись переходными не только с точки зрения смены военно-фашистской диктатуры монархо-фашистской. Они являлись промежуточными и в смысле перехода государственной власти в руки тех слоев болгарской буржуазии, которые были связаны с германским капиталом. Осенью 1935 г. Борис III окончательно разгромил Военный союз. В ноябре 1935 г. было создано первое монархо-фашистское правительство. Это означало победу той части болгарской буржуазии, которая опиралась на германский капитал и ориентировалась на фашистскую Германию.

Во второй половине 30-х годов соперничество этих двух группировок в экономике и борьба их в политической области, в том числе и по вопросу об определении внешнеполитического курса, не прекращались. Группировка, ориентированная на Германию, усилила шумную кампанию за всемерное развитие тех отраслей сельского хозяйства и промышленности, в которых Германия была заинтересована. Однако противостоящей группировке все же удалось отстоять протекционистские меры государства (высокие таможенные барьеры на импорт иностранных товаров и др.). Это объяснялось тем, что Борис III в целях укрепления своей диктатуры внутри страны, с одной стороны, и желая сохранить возможности для внешнеполитического маневрирования, с другой, — не порывал с группировкой, связанной с западноевропейскими капиталами. Тем не менее монополистические круги болгарской буржуазии, ориентировавшиеся на Германию, постепенно, но упорно добивались от царя проведения такого курса, который в целом отвечал их интересам.

Раздел третий

НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В БОРЬБЕ ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ

Исторический опыт показал, что сотрудничество революционных и демократических, в том числе антифашистских сил, — это не только стратегия защиты от наступления фашизма и других форм реакции. При определенных условиях оно становится ступенью того процесса, который В. И. Ленин в свое время назвал подходом к социалистической революции. По такому пути шло политическое развитие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где в обстановке военного разгрома германского фашизма и его сателлитов социалистические революции выросли из руководимого коммунистами антифашистского освободительного движения.

Исследование проблем сплочения антифашистских, демократических сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы против наступления сил внутренней реакции и фашизма, против агрессивных планов фашистских держав Германии и Италии накануне второй мировой войны заняло важное место в работах советских специалистов и историков других социалистических стран. Наиболее обширную часть марксистской историографии составляют исследования по названным вопросам в отдельных странах. Вместе с тем в политическом, социальном и экономическом развитии народов этой части Европы в новейшее время проявляется существенная общность, создающая широкое поле для изучения по региональному признаку. Это приносит марксистской историографии несомненные результаты¹.

Задача данного очерка выявить характерные для этой части континента черты общественно-политического развития и международного положения, позволяющие говорить об общности исторического процесса в расположенных здесь странах и показать регионально обусловленные особенности рабочего движения и борьбы народов этих стран накануне второй мировой войны в защиту демократии, против фашизма и угрозы империалистической агрессии.

Фашистская опасность в странах Центральной и Юго-Восточной Европы исходила из нескольких источников. Особенностью внутриполитического развития большинства из расположенных в этом регионе стран было то, что буржуазно-демократическая тенденция, выраженная в становлении представительных форм государственной власти, проявила себя здесь относительно поздно. Только после первой мировой войны восстановленные или утвердившиеся в новых границах независимые государства Центральной и Юго-Восточной Европы про-

возглашали себя республиками. В учрежденных ранее монархиях расширялись парламентарные и конституционные начала. Это не только хронологически, но и по фазе развития капиталистической формации не совпадало с процессом формирования буржуазно-демократических систем в ведущих капиталистических странах, где он проходил в период становления капитализма и был связан обычно с победой буржуазных революций. Здесь же капитализм, уже проделав известный путь, имел за собой традицию и опыт медленного, без радикальной ломки старых социально-экономических и политических устоев развития в унаследованных от феодализма и незначительно модернизированных государственных формах. Обращение к буржуазно-демократическим институтам происходило в обстановке революционного подъема, развернувшегося под непосредственным влиянием социалистической революции в России, что угрожало самому существованию эксплуататорского строя во многих странах этой части Европы. Поэтому введение представительного правления виделось имущим классам приемлемой мерой уступок демократическим чаяниям народов, способной ослабить социальную и политическую напряженность, не затрагивая основ буржуазного господства. В этом стремлении буржуазии использовать буржуазно-демократическую организацию общества как тормоз исторического прогресса был заложен один из важных элементов ущербности демократии в складывавшихся или подновлявшихся после первой мировой войны политических системах в Центральной Европе и на Балканах. Имел, по-видимому, значение и внешнеполитический фактор: как в свое время преобладание в Европе монархических систем повлияло на установление в Болгарии, Греции, Сербии и Румынии при освобождении от турецкой зависимости монархий, так теперь предполагалось, что конституирование государственности, подобной по форме существующей в странах-победительницах, облегчит правящим кругам государств Центральной и Юго-Восточной Европы адаптацию в рамках Версальской системы.

Естественно, что столь позднее обращение буржуазии и ее союзников к формам представительного правления или некоторое расширение либерально-демократических начал, к тому же вызванные главным образом тактическими причинами, протекали в этой части континента при ином, чем в период расцвета буржуазной демократии на Западе, политическом облике основных классов и общественных слоев и другом соотношении сил между ними, что, по-видимому, в немалой степени определило своеобразие социальной опоры парламентаризма и непрочность здесь государственных структур буржуазно-демократического типа. Существенным в этом плане, очевидно, следует считать то обстоятельство, что система буржуазной демократии и представительного правления, развернутая в период общего кризиса капитализма, оказалась недостаточно эффективной с точки зрения имущих классов большинства из рассматриваемых стран.

Местная буржуазия не знала победоносных буржуазных революций. Она выросла на почве, далеко не полностью расчищенной от пережитков предшествовавших социально-экономических формаций, утверждала свое влияние в рамках унаследованных отсюда монархи-

ческих государственных форм, как правило, путем компромисса с сохранившим свои позиции феодальным эксплуататорским классом. в значительной мере приспособляясь к авторитарным порядкам докапиталистического типа. Известные здесь политические системы² отличались ограниченностью и верхушечным характером легальной политической деятельности, стремлением осуществлявших власть сил сохранить политическую пассивность и неорганизованность основных масс населения, применением прямого насилия в отношении классовых противников и политических соперников. Такая атмосфера не способствовала формированию в буржуазной среде прочных демократических традиций и навыков политической активности.

В области материальных интересов слабая экономически буржуазия даже на собственных национальных территориях не выдерживала конкуренции могущественных западных фирм, нуждаясь в покровительстве государства развитию промышленности, т. е. в политике, которую в свое время Ф. Энгельс характеризовал как «средство искусственной фабрикации фабрикантов»³.

Вся предшествовавшая практика буржуазии данного региона, как в пределах собственных национальных государств (Болгария, Сербия, Румыния), так и в составе властвовавших над значительной частью Центральной и Юго-Восточной Европы до первой мировой войны реакционных многонациональных империй, приучила ее к активной роли политической власти в хозяйственной деятельности еще на ранней, домонополистической стадии.

При парламентарной модели правления, сформированной в период так называемой свободной конкуренции, не предполагалось сколько-нибудь широкой хозяйственной активности государства. Свою функциональную гибкость и приспособляемость к экономическим условиям монополистической стадии после первой мировой войны парламентские системы проявили только в странах развитого капитализма. Пример Чехословакии, единственного среди рассматриваемых стран промышленно развитого государства, где в то же время вплоть до гитлеровской агрессии не произошло радикальной перестройки структуры власти, по-видимому, также подтверждает это наблюдение. В других странах региона, отличавшихся незавершенностью капиталистических преобразований, возможности парламентской системы в сфере регулирования экономики представлялись буржуазии малоэффективными.

Во время первой мировой войны, а также после нее хозяйственные функции государства в этой части континента значительно возросли. Некоторые меры были продиктованы потребностью мобилизации экономики в экстремальных условиях войны и с окончанием ее по большей части отменены. Другие оказались связанными с переходом в ряде случаев под государственное управление собственности, ранее принадлежавшей владельцам из распавшихся империй, с созданием покровительственных отечественному производству таможенных систем, с изменениями в финансовых механизмах, в известной мере — с принятием законов об аграрной реформе и т. д. Но, как считают исследователи экономической истории региона, в течение

20-х годов экономическая роль государства здесь не стала еще качественно новой по сравнению с практикой предвоенных правительств. Государственное вмешательство по-прежнему вызывалось не столько действием экономических потребностей монополистического капитализма, сколько постановкой политических целей, в данном случае — стремлением к успеху в войне или затем необходимости укрепления независимой национальной государственности путем форсирования капиталистической индустриализации⁴, т. е. приближения в экономическом плане к уровню, достигнутому ведущими капиталистическими странами в домонополистической стадии.

Конечно, такие из возраставших в то время экономических функций государства, как управление государственной собственностью, увеличившееся в результате изъятия производственных и других объектов у известных категорий иностранных владельцев, а также за счет государственных инвестиций в некоторые новые отрасли промышленности или в военное производство, закладывали фундамент для формирования государственно-монополистического капитализма. Однако правы, по-видимому, те исследователи, которые, опираясь на факт раннего (еще в XIX в.) появления в Центральной и Юго-Восточной Европе, а также в России государственного капитализма, практикуемого как средство преодоления экономической отсталости, обращают внимание на своеобразие — по сравнению с государственно-монополистическим капитализмом в высокоразвитых капиталистических странах — его проявлений в рассматриваемом регионе. В связи с этим некоторые из них задаются резонным вопросом, были ли государственно-монополистический капитализм здесь, как и на Западе, объективно обусловленным этапом экономического развития или он стал следствием определенной экономической политики?⁵

Расширение в послевоенных условиях экономических функций государства (первоначально это, как и прежде, было продиктовано преимущественно политическими причинами), по-видимому, стимулировало стремление экономических кругов вернуться к государственной системе авторитарного типа, ибо с такой властью уже имелся опыт взаимоотношений в условиях государственного вмешательства в экономику. Отсюда, как представляется, устойчивость монархического института, сохранившегося в Болгарии, Югославии и Румынии, и прогрессирующая тенденция к расширению реальной власти монархов, которые и без того были в данных странах отнюдь не декоративными фигурами, обращение к монархической форме контрреволюционных сил, одержавших победу над Венгерской Советской республикой, неоднократные попытки реставрации монархии в Греции, а в Польше, где монархическая традиция недавнего прошлого негативно ассоциировалась в национальном сознании с чужеземным господством, — утверждение личной, антидемократической и антипарламентарной диктатуры.

Буржуазная демократия, послужившая эксплуататорским классам этого региона в период революционного подъема как бы чрезвычайной мерой, способной нейтрализовать революционную активность трудящихся и тем самым предотвратить социальный переворот, в ка-

честве утвердившегося строя представляла здесь для буржуазии немалые политические трудности, в частности в том отношении, что требовала выхода ее партий из узких рамок верхушечных комбинаций и установления основательных контактов с массами. «Если демократизирован строй государства, то капиталистам *приходится*, — подчеркивал В. И. Ленин, — искать опоры в массах, а для этого надо организовать их под лозунгами клерикализма (черносотенства и религии), национализма-шовинизма и т. д.»⁶.

Возможности имущих классов стран Центральной и Юго-Восточной Европы наверстать то, что в области политической организации масс и в умении манипулировать ими было достигнуто в государствах «классического» парламентаризма на другом, более раннем историческом этапе — в пору буржуазных революций, при слабой дифференцированности так называемого третьего сословия — в рассматриваемый период представлялись существенно ограниченными.

Дело в том, что, несмотря на автократические порядки предвоенных монархий, тормозившие приобщение к политике основных масс населения, последние к тому времени политически уже вышли из-под безраздельного идейно-политического влияния эксплуататорских классов. И хотя в связи с отсутствием элементарных гражданских прав и свобод, запретом или ограничениями открытой деятельности прогрессивных организаций массовая политическая активность на данных территориях была затруднена, направления идейно-политического и организационного самоопределения трудящихся обозначились еще до первой мировой войны. К моменту восстановления или утверждения в новых границах независимой государственности и расширения парламентарно-демократических начал здесь существовало организованное рабочее движение, как и на всем Европейском континенте, действовали политические партии рабочего класса.

Победа эксплуатируемых масс во главе с пролетариатом и его революционной партией в России была зримым доказательством масштабов роста политической роли рабочего класса. События мировой войны и последовавшего за ней революционного подъема усилили идейную и политическую поляризацию в рабочем движении капиталистических стран, приведшую к организационному размежеванию с социал-реформизмом и образованию революционных партий пролетариата. Вопреки точке зрения революционного марксизма о том, что со времени социалистической революции в России капитализм вступил в период общего кризиса, ведущего в перспективе к его полному распаду, в социал-реформистском движении верх одержало представление о прочности послевоенной стабилизации капитализма, о том, что буржуазное государство благодаря переходу к так называемому организованному капитализму постепенно изменит свой характер, обеспечив рабочему классу надлежащую роль в управлении⁷.

Наряду с повышением удельного веса рабочего движения в политической структуре рассматриваемых стран проявил себя, заняв в последующем заметное место, компонент, совершенно не свойственный или не получивший сколько-нибудь широкого развития в других буржуазных системах, — партии, которые объединяли значительные

массы сельского населения и выступали от его имени, подчеркивая свой сугубо крестьянский характер и специфику экономических, социальных и политических интересов этого остававшегося здесь самым многочисленным общественным слоем. Происходившее таким образом на партийной основе политическое самоопределение крестьянства, как и не утихавшее в рассматриваемых странах крестьянское движение, были, как представляется, связаны с незавершенностью капиталистических преобразований в целом и аграрного строя, в частности, надолго затянувшей превращение крестьянства из феодального класса-сословия в социальную группу капиталистического общества.

Буржуазно-демократическая тенденция, первоначально одержавшая верх благодаря подъему после первой мировой войны рабочего, крестьянского и национально-освободительного движений, почти повсеместно способствовала в то время превращению крестьянских партий в крупную политическую силу.

Перспектива приобщения к политике основных слоев трудящихся через рабочие и крестьянские партии даже в рамках буржуазного парламентаризма суживала массовую опору традиционных политических организаций буржуазии, тем более что недостаток капитала и отсутствие соответствующего опыта мешали буржуазии широко прибегать к социальным маневрам. В рассматриваемых странах с самого начала делались попытки ликвидировать влияние революционных организаций путем насильственного исключения их из политической структуры: революционные партии даже в рамках представительных систем почти повсеместно были запрещены законом или лишены административным путем возможности действовать легально, что существенно ущемляло демократические начала буржуазной государственности. Подобным же образом проявляла себя, расшатывая парламентскую систему, политика гегемонии одной нации в государствах многонационального состава.

Но это оказалось недостаточно для того, чтобы имущие классы обеспечили надежность своей власти в рамках представительного правления. Парламентарно-демократическая альтернатива, которой в большинстве рассматриваемых стран разрешился послевоенный революционный кризис, создала в известном смысле парадоксальное положение: при реакционной ориентации основных сил буржуазии и отсутствии или слабости у нее партий прогрессивного направления в качестве основной опоры буржуазной демократии выдвинулись социал-реформистские * и крестьянские партии, т. е. как раз те опиравшиеся на рабочее или крестьянское движения политические организации, чьи программные цели имели в виду либо отрицание капитализма, либо существенное его видоизменение.

Наличие наряду с основными классами капиталистического обще-

* В современной литературе отмечается, что именно в связи со слабостью либеральных и демократических течений традиционного типа прогрессивные элементы из среды буржуазии нередко вливались в реформистские рабочие партии, что делало здесь социал-демократию выразительницей не только пролетарской, хотя и реформистски понятой программы, но и идей буржуазной демократии ⁸.

ства классов и слоев докапиталистического типа и сохранившаяся за ними немалая общественная роль вели к политической раздробленности, превращавшей молодые парламенты в арену острейших противоречий, многие из которых были характерны именно для данных стран, не имея для себя почвы в устоявшихся парламентских системах. Обилие политических группировок, отражавшее сложность общественного строения, затрудняло нормальное с точки зрения интересов буржуазии функционирование парламентского механизма, смоделированного на иной, более очищенной от наслоений других общественных формаций, основе. Многоукладность и политическая раздробленность представляли факторы структурного характера, осложнявшие укоренение системы представительного правления в данной части континента.

Только в Чехословацкой республике парламентская система опиралась на более адекватную социально-экономическую платформу. Расстановка политических сил здесь в основном соответствовала традиционной схеме буржуазно-демократического устройства. Иными, в частности по сравнению с большинством крестьянских партий данного региона, были роль и характер аграрной партии.

О том, как необычны в большинстве рассматриваемых стран были условия становления и функционирования буржуазного парламентаризма, свидетельствуют такие факты, как оформление демократической конституцией в первые годы независимости Польши ее государственной системы, несмотря на реакционный облик и антидемократические устремления основных группировок польских имущих классов, или своеобразие исхода революционного кризиса в Болгарии, в результате чего главные политические силы буржуазии конституционным путем оказались оттесненными от власти крестьянской партией Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), сформировавшей на основании парламентского большинства однопартийное правительство, а с другой стороны — пример Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии), где неспособность централистской монархии удовлетворить требования Хорватской крестьянской партии по национальному вопросу стала стержнем кризиса всей парламентской системы.

Снижению престижа парламентарной государственности в глазах господствующих классов способствовала малая в сравнении с масштабами хозяйственных задач эффективность экономической политики. На почве экономических трудностей послевоенных лет не ослабевала социальная напряженность, что вскоре после оформления парламентских систем актуализировало в ряде стран региона проблему изменения государственного строя и всей политической организации общества.

Частичная стабилизация капитализма протекала здесь уже под знаком подавления либеральных и демократических начал. Это выражалось не только в терроре против революционных сил, но и в законодательном ограничении — сразу или постепенно — реальной власти высших представительных органов. При этом разнообразие конкретных обстоятельств смены государственных форм мало влияло на су-

щество происходившего процесса. Установление в январе 1929 г. монархической диктатуры в Югославии сопровождалось отменой конституции, роспуском Народной скупщины, переходом к королю всей полноты власти и запретом политических партий, «имевших религиозные и племенные особенности»⁹. Наоборот, свержение в 1923 г. однопартийного правительства БЗНС осуществлялось болгарской реакцией под лозунгом восстановления парламентского плюрализма¹⁰, служившим традиционной политической элите демагогическим оправданием расправы над плебейской крестьянской демократией. Неконституционная смена правительства Польши в результате майского переворота 1926 г. была задним числом формально узаконена сеймом. Но «это не означало, — как справедливо подчеркивал один из ранних исследователей истории межвоенной Польши, — что конституционные органы власти, вновь получив после переворота право голоса, могли пользоваться полной свободой решений»¹¹.

Действительно, нажим на законодательный аппарат и конституционную систему, пусть внешне даже ограниченный сравнительно короткими сроками переворотов, повсеместно привел к необратимым изменениям в содержании власти. Названные перевороты были одними из первых актов трансформации неокрепших конституционных парламентских систем стран Центральной и Юго-Восточной Европы в своеобразные личные или монархические диктатуры.

Этот процесс развернулся одновременно с обращением имущих классов некоторых западноевропейских государств к фашизму. В 1922 г. фашизм одержал победу в Италии. Пример итальянских фашистов во многом инспирировал действия рвавшихся к власти в Болгарии, Польше¹² и других странах реакционных сил. В те годы можно было наблюдать пристальный интерес всех реакционных буржуазных группировок к опыту итальянского фашизма и других фашистских течений на Западе. Их сближали антима르크сизм, абсолютизация национального начала, стремление к твердой, неконтролируемой власти и применение внепарламентских действий в борьбе за нее. Но это не означало еще способности правых сил в рассматриваемых странах немедленно овладеть специфически фашистскими методами политики.

Фашизм породил особый тип авторитарной диктатуры, возникший на социально-политической основе развитого монополистического капитализма. Этим он существенно отличался от ранее известных вариантов автократического строя, связанных происхождением с докапиталистическими государственными формами.

Поскольку, с одной стороны, в политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы до рассматриваемого времени преобладала традиция старой автократической власти, питаемая остатками феодализма в экономическом и социальном строе, а, с другой — в самом этом строе появились признаки монополистического капитализма, вопрос о характере утверждавшихся здесь антидемократических режимов не представляется простым и однозначным.

В марксистских исследованиях все более прочно утверждается точка зрения о том, что диктаторские режимы периода между первой

и второй мировыми войнами в этой части континента представляли собой особую по сравнению с западноевропейскими фашистскими диктатурами разновидность автократического строя. Подчеркивается, в частности, что они пользовались в основном типичными для данного региона в прошлом методами бюрократического администрирования, рассчитанными на пассивное повиновение традиционно неразвитых в политическом отношении «низов», в то время как фашистские системы создавались при политической и организационной мобилизации широких масс населения для осуществления изменений, отвечавших интересам правящего класса¹³.

Важным с точки зрения нашей темы проявлением этого отнюдь не формального различия (о других различиях более подробно см. сн. 14) был тот факт, что ни один из реакционных террористических режимов в рассматриваемых странах в течение 20-х годов да и позже не опирался на массовые партии и другие организации именно фашистского типа, а попытки их создания уже находившимися у власти группировками нигде не принесли ощутимых результатов.

Стоит напомнить, что коммунистическое движение с самого начала связывало антидемократическую эволюцию в Центральной и Юго-Восточной Европе, как и феномен фашизма на Западе, с развитием монополистического капитализма. Но вместе с тем подчеркивалась узость и архаичность социальных сил, осуществлявших здесь террористическую власть, как существенное отличие этих реакционных группировок от фашистских отрядов буржуазной реакции. В июне 1923 г. на расширенном пленуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала видная деятельница международного коммунистического движения К. Цеткин в речи о фашистской угрозе, обратившись к примеру хортистской Венгрии и фашистской Италии, говорила: «Террор Хорти был местью за революцию. Носителем мщения была незначительная каста феодального офицерства. Иначе обстоит дело с фашизмом. Это отнюдь не месть буржуазии пролетариату за одержанные им в борьбе успехи... Фашизм послан скорее в наказание пролетариату за то, что он не развернул шире начатой в России революции. Да и носителем фашизма является не маленькая каста, но широкие социальные слои, широкие массы вплоть до самого пролетариата»¹⁵.

Однако уже переворот 1926 г., совершенный Ю. Пилсудским в Польше, был определен в коммунистическом движении как фашистский¹⁶. Решающим при утверждении этой оценки, по-видимому, оказался факт основанной на недоразумении, но первоначально широкой поддержки военных заговорщиков со стороны значительной части трудовых слоев и их партий*. Со временем эти партии перешли в оппозицию, вступили в конфликт с режимом, зарекомендовав себя противниками антидемократической диктатуры. К тому же Ю. Пилсудский в процессе оформления диктаторского режима не обнаружил

* «В Италии и Польше,— читаем в материалах VI конгресса Коминтерна (1928 г.),— в начальной стадии фашизм был движением массовым. В Италии это были мелкобуржуазные массы, в Польше — мелкая буржуазия плюс довольно широкие пролетарские слои»¹⁷.

намерения превратить эти слои путем специальной организации и соответствующей идеологической обработки в опору своей власти. Но все это стало очевидным значительно позже. Пока же эпизод поддержки диктаторского переворота со стороны реформистской рабочей партии, профсоюзов и левых крестьянских партий, ошибочно принявших Ю. Пилсудского за защитника буржуазной демократии, по-видимому, послужил одним из слагаемых распространенного в коммунистическом движении на рубеже 20-х и 30-х годов представления о фашистском перерождении социал-демократии и политических организаций крестьянства.

Отсутствие достаточной общественной опоры мешало автократическим режимам в Центральной Европе и на Балканах ликвидировать все элементы политической системы парламентаризма. Бесспорно, что парламенты были лишены присущей им в условиях буржуазной демократии силы, оппозиция не имела шансов прийти к власти парламентским путем, но практически здесь почти нигде не удалось ликвидировать многопартийной системы, ибо даже там, где вводились законы, запрещавшие деятельность оппозиционных партий (например, в Югославии в 1929 г. или в Болгарии в 1934 г.), последние не прекращали своего существования и оставались не только реально действующей, но в конечном счете и признаваемой властями силой. А это означало, что формирование так называемого массового общества, характерное для социально-политического развития после первой мировой войны (в Германии и Италии фашистским силам удалось сыграть весьма существенную роль в этом процессе), затронув и рассматриваемую часть Европы, происходило здесь главным образом вне сферы реакционного официального влияния и подвергалось идейно-политическому и организационному воздействию оппозиционных сил, в том числе классовых партий пролетариата и их профессиональных союзов, а также демократических организаций крестьянского движения.

В то же время происхождение реакционных автократических режимов Центральной и Юго-Восточной Европы и собственно фашистских диктатур из одного источника — из общего кризиса капитализма, — а также эффективность применяемого фашизмом на Западе метода классового господства питали тенденцию преобразования первых в фашистском стиле, что стало особенно заметно в 30-е годы. Решающим для ее развития как в плане подготовки внутренних социально-экономических предпосылок, так и воздействия внешних политических и экономических факторов, стал мировой экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов.

В экономически бедных, сильно зависимых от иностранного капитала и преимущественно аграрных странах Центральной и Юго-Восточной Европы кризис имел свои особенности. При известной остроте в промышленности и других хозяйственных сферах он оказался особенно болезненным и разрушительным для существующего здесь типа экономической структуры — в сельском хозяйстве. Именно аграрный кризис, вызванный катастрофическим падением цен на сельскохозяйственную продукцию на внутренних и международных рынках,

привел к такому сокращению доходов стран с высоким удельным весом сельскохозяйственного производства, которое подорвало или расшатало их финансовую систему, нарушило равновесие аграрного и промышленного секторов хозяйства, резко усилило напряженность социальных отношений¹⁸.

Тогда перед имущими классами вновь встал вопрос о чрезвычайных мерах, которые разрешили бы поставленные кризисом проблемы в их пользу. Монополистическая буржуазия ряда стран увидела в фашистской политической системе и в осуществлении наиболее сильными из фашистских государств агрессии одно из действенных, с ее точки зрения, средств укрепления капитализма. Фашизм победил в Германии. Как в свое время успех итальянских фашистов повлиял в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на крупную буржуазию и ее союзников в смысле выбора неконституционных и надпарламентских форм правления, подтолкнул отдельные группировки имущих классов к установлению режимов, основанных на прямом насилии, так теперь победа нацистов дала повсеместно импульс к преобразованию таких режимов в фашистском духе. Ускорился процесс инфильтрации осуществлявших здесь власть группировок фашистскими идеями и накопленным в Германии и Италии фашистским государственно-административным опытом.

Действовавшие системы, особенно в сфере политической, социальной, экономической практики, дополнялись новыми тоталитарными компонентами, заимствованными в главных очагах фашизма. При этом не имело особого значения, проводилась ли такого рода фашизация прежними правительствами, наступала ли она вследствие перестановок внутри правящей элиты и выдвижения на первый план ее экстремистских фракций, или являлась результатом новых государственных переворотов. Хотя, разумеется, насаждение фашизма сверху, только административно-бюрократическими методами, не могло обеспечить полной фашизации, в частности создания качественно нового, как бы пронизывавшего через многообразные фашистские организации все общество аппарата принуждения¹⁹. Но это особый вопрос. Нам же важно отметить, что преобладание в межвоенный период авторитарных государственных форм в рассматриваемой части Европы стало одним из источников возросшей здесь в 30-е годы фашистской опасности.

Новая волна фашизма в Европе, нахлынувшая вслед за экономическим кризисом, существенно пополнила и другой источник фашизации внутри рассматриваемых стран. Отличительной чертой их политического развития оставалась разнородность и раздробленность сил реакции. Наряду с находившимися у государственного руля антидемократическими кругами здесь, как правило, действовали и не допущенные к власти крайне правые группировки. Они отличались друг от друга происхождением: одни были вновь образованными и с самого начала несли на себе печать реакционного радикализма нового типа (например, «Железная гвардия» в Румынии), другие выросли внутри традиционно правых партий, таких, как Национальная партия в Польше, Словацкая народная партия Глинки и т. д. Окрыленные успехом

нацизма, а также итальянского фашизма и вооруженные их опытом, они в течение 30-х годов оформились в партии и «движения» определенно фашистского типа, независимо от степени схожести с первыми во внешних проявлениях или связанного с национальными и историческими особенностями своеобразия. Несмотря на то что эти партии находились в оппозиции, они своими специфическими, зачастую недоступными государственной власти методами и средствами объективно выполняли определенные функции в интересах существующего строя: прежде всего терроризировали коммунистов, обрушивались на легальные левые партии, классовые профсоюзы и другие демократические организации, не считаясь даже с теми минимальными нормами права, которые ограничивали в этом плане государственную администрацию. Оппозиционное же положение партий фашистского типа с его возможностью применять антиправительственную и антикапиталистическую демагогию помогало им в организации политически неразвитых «низов» буржуазного общества и обработке их в духе антимарксизма, антилиберализма, шовинизма и экстремизма. Все это полностью или в значительной мере совпадало с целями реакционных правительств, так что правая оппозиция, если она не была связана с центробежными силами национальных «меньшинств», как бы вписывалась составной частью в реакционные государственно-политические системы и фактом своего существования, а также идейным воздействием на эволюцию государственной власти усиливала в них черты фашизации.

Претензии правой оппозиции на власть представляли собой стремление утвердить радикализированный в фашистском духе вариант авторитарного строя. Ее отношения с правящими группировками колебались от ожесточенной конкурентной борьбы с применением кровавого насилия до попыток примирения и эпизодического участия правых экстремистов в государственном управлении на правых младших партнеров. Однако интеграции разнородных политических сил, представлявших интересы имущих классов, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не произошло. При этом ни одной из оппозиционных группировок фашистского толка не удалось здесь до начала второй мировой войны обеспечить себе такие позиции, которые позволили бы сколько-нибудь широко реализовать их тоталитарные устремления в государственном управлении и, что особенно важно, в сфере влияния на общественную жизнь и в ее реорганизации по фашистскому образцу.

Наконец, фашистская опасность в этой части Европы проявилась в экспансии итальянского и особенно германского фашистских государств, чьи захватнические намерения в данном направлении не вызвали серьезного сопротивления на Западе. В стратегическом арсенале фашистских держав здесь были разнообразные средства от экономического проникновения и политического давления с последующим включением в орбиту германской или итальянской политики (Венгрия, Болгария, Румыния), до полной или частичной оккупации и ликвидации самостоятельных государств (Албания, Греция, Польша, Чехословакия, Югославия).

Общность региональных интересов, возросшая в связи с этой опасностью, ослаблялась недальновидной внешней политикой реакционных режимов, которые с националистических и эгоистических классовых позиций, как правило, исключали перспективу взаимодействия с таким мощным потенциальным союзником в борьбе против фашистской агрессии, как СССР. Важной причиной региональной разобщенности были противоречия между отдельными из рассматриваемых стран, связанные с территориальными потерями одних и территориальными претензиями к соседям на почве захватнических устремлений — других. Положение побежденных в рамках Версальской системы усиливало тенденцию правящих кругов некоторых из них к сближению с Германией.

* * *

Послевоенный революционный подъем дал мощный импульс рабочему движению в странах Центральной и Юго-Восточной Европы как в смысле кристаллизации революционного авангарда, так и в количественном росте рядов организованного пролетариата, что при традиционно малой политической активности основной части населения было здесь важным фактором общественного и политического прогресса. Но в дальнейшем возврат к авторитаризму, причем обращение к той его разновидности, которая была рассчитана на пассивное повиновение политически индифферентных трудовых слоев, стал существенным тормозом активного приобщения к политике все новых слоев пролетариата, мешая тем самым распространению рабочего движения вширь.

На первых порах автократическая власть такого типа, как правило, не выдвигала альтернативы классовому движению, продолжая наметившуюся в большинстве рассматриваемых стран еще при конституционном правлении линию на прямое подавление революционного крыла рабочего движения. В одних случаях такая политика выливалась в разнузданный физический террор, например в Венгрии после поражения Советской республики, в Болгарии при подавлении Сентябрьского восстания 1923 г.; в других — находила свое выражение в антикоммунистическом законодательстве (законы 1924 г. о запрете деятельности компартии, молодежной коммунистической организации и революционных профсоюзов в Румынии, в Югославии — запрет работы коммунистов в массах, так называемая Обзнана 1920 г. и Закон о защите безопасности и порядка в государстве 1921 г.) или воплощалась в административной практике, которая делала невозможной открытую работу коммунистов (Польша). Дольше других, до 1936 г. на легальном положении находилась Коммунистическая партия Греции, хотя и здесь антикоммунистическое законодательство, введенное в 1929 г., осложняло ее деятельность. К тому же, как отмечалось в изданиях международных революционных организаций, исторически обусловленная неразвитость традиций политической организованности общества не позволила греческой компартии сразу обрести массовость²⁰.

Контрреволюционный террор нанес тяжелый ущерб коммунистическому движению. Карательные меры венгерской контрреволюции приняли характер массовых расправ над коммунистами и другими сторонниками Советской республики²¹. В результате наладить регулярную работу партийных организаций удалось только к 1925 г. Число членов, зарегистрированных в подпольных организациях Коммунистической партии Венгрии (КПВ) в различные периоды, составляло несколько сот человек²². Огромные потери понесла в первые же годы межвоенного двадцатилетия Болгарская коммунистическая партия (БКП). До переворота 9 июня 1923 г. в ее рядах насчитывалось 38 тыс. человек. После поражения Сентябрьского восстания, в начале 1924 г. она могла опереться не более чем на 3 тыс. членов²³. Антикоммунистические законы 1920—1921 гг. в Югославии нанесли тяжелейшие удары по численно быстро выросшей, но не окрепшей еще тогда в идейном и организационном отношении²⁴ Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов)*. На протяжении первых двух лет после образования она насчитывала свыше 60 тыс. В течение же нескольких месяцев после оглашения «Обзаны» ее ряды сократились до нескольких тысяч человек. К концу 20-х годов, уже под прессом жесточайшего антикоммунистического законодательства, компартии удалось достичь определенной консолидации: она создала сеть своих организаций во всех областях и главных городах страны. Но диктатура, установленная 6 января 1929 г., вновь нанесла удар по рядам компартии, сократив их численность до 200—300 человек²⁵.

Сам факт раннего в большинстве рассматриваемых стран перехода молодых коммунистических партий в подполье затруднил количественный рост партийных организаций. Компартия Польши, например, в первые месяцы после образования насчитывала до 10 тыс. членов. С переходом же на нелегальное положение численный состав ее сократился и в течение 20-х годов не превышал 7 тыс. человек²⁶. Систематические судебные расправы обрекали на тюремную изоляцию значительную часть партийных активистов. Так, в Польше число заключенных-революционеров в течение 30-х годов колебалось от 8 до 10 тыс. человек, в Югославии — до 3 тыс. человек²⁷.

Условия конспирации нарушали прямые связи с массами и делали невозможным нормальный приток новых членов в партийные ячейки и в революционные профсоюзы, что определило кадровый характер партии, а в профессиональном движении обеспечило численный перевес социал-реформизму и другим легально действовавшим течениям. Тем не менее коммунистические партии, опираясь на богатые в данном регионе традиции подпольной деятельности прогрессивных сил, смогли остаться реальным политическим фактором, и их численный состав нельзя считать показателем, адекватным действительному идейному влиянию и грядущей политической роли.

Не могут также отразить точного соотношения влияния подпольных коммунистических и открыто действовавших партий других

* В 1920 г. переименована в Коммунистическую партию Югославии (КПЮ)

направлений размеры их представительств в выборных институтах управления, ибо результаты голосования применительно к тем легальным революционным организациям, через которые коммунистические партии участвовали в выборах, были как правило, наиболее фальсифицированы администрацией, ведавшей их проведением. Но уже то обстоятельство, что терроризируемые властями коммунисты, отражая конкуренцию антикоммунистически настроенных легальных социал-реформистских и буржуазных партий, все-таки проникали в ту сферу политической жизни, куда официально доступ им был закрыт, показывало, что революционное направление марксизма пустило прочные корни в общественной жизни рассматриваемых стран. Более того, бывали случаи, когда компартии участием в выборах не просто фиксировали свое присутствие в политической структуре, но, невзирая на чинимые препятствия, одерживали реальные избирательные успехи. Так, на муниципальных выборах 1927 г. в Польше революционные списки, накануне аннулированные властями, получили в Варшаве и Лодзи соответственно 19% и 23% голосов. На парламентских выборах в следующем году за коммунистов было подано 900 тыс. голосов (для сравнения — на выборах 1922 г. еще при конституционном правлении компартия получила 132 тыс. голосов), что позволило Коммунистической партии Польши (КПП) в ряде промышленных центров опередить Польскую социалистическую партию (ППС) и другие легальные политические группировки²⁸.

Крупную победу одержали в 1931 г. болгарские коммунисты, получив через свою легальную организацию — Рабочую партию (РП) 12,7% голосов и 31 депутатский мандат. На муниципальных же выборах 1932 г. в Софии и некоторых других городах за них было подано наибольшее по сравнению с другими партиями количество голосов²⁹.

Обращение имущих классов стран Центральной и Юго-Восточной Европы к авторитарным формам власти ущемляло и реформистское крыло рабочего движения, хотя его партии и профсоюзы не подвергались таким преследованиям, как революционные организации, и действовали, как правило, легально. Лишь в отдельных случаях (в Югославии с 1929 г., в Болгарии с 1934 г. — на время, в Румынии с 1938 г.) была запрещена наряду с другими оппозиционными партиями политическая деятельность социал-демократии.

Тем не менее утверждение личных или монархических диктатур в принципе меняло положение социал-демократии, нарушало политический механизм парламентаризма, лишая ее шансов реализации своей программной цели — прихода к власти парламентским путем. В связи с этим реформистское течение, руководимое Социалистическим рабочим интернационалом, на словах довольно рано стало разграничивать государства буржуазной демократии и диктаторские режимы, отмечая контрреволюционный характер последних и предупреждая об опасности фашистской волны в Центральной и Юго-Восточной Европе: как фашистские квалифицировал Исполком Социалистического интернационала диктатуру Хорти в Венгрии и ре-

жим, установленный после переворота 1923 г. в Болгарии, а также подчеркивал надвигавшуюся опасность фашизма в Польше, Румынии и других странах. Он призывал реформистские партии в союзе с либерально-буржуазными силами добиваться восстановления парламентарной демократии, но имел в виду при этом использование политических средств, пригодных только при развитой парламентарно-демократической системе³⁰.

Выводы об изменении имущими классами стран Центральной и Юго-Восточной Европы форм и методов власти не мешали некоторым реформистским партиям этого региона принимать за чистую монету тот суррогат парламентского строя, который иногда служил прикрытием диктатур, и вопреки провозглашенным ими идеалам демократии, а также очевидным интересам рабочего класса идти на неоправданные компромиссы с антидемократической государственной властью.

Так, Болгарская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП) в 1923 г., рассчитывая, что свержение правительства Земледельческого союза и расправа над коммунистами помогут ей увеличить собственный политический вес (по массовости и политическому влиянию в начале 20-х годов она была далеко позади БЗНС и БКП)³¹, санкционировала самовольное вступление своего представителя в сформированный правыми заговорщиками кабинет и, вернувшись в печати неистовую травлю «земледельцев» и коммунистов, по существу превратилась в рупор правительственной демагогии, оправдывавшей реставрацию власти крупной буржуазии фарисейским аргументом о восстановлении будто бы поправленных крестьянской властью гражданских прав и свобод. При подавлении организованного БКП в сентябре 1923 г. восстания БРСДП оказалась на стороне террористического правительства, призывая его только не переступать порога «законности» в преследовании повстанцев. Курс на расширение участия в управлении привел БРСДП к избирательному блоку с одержавшей верх реакционной военно-политической группировкой, которой на первых порах важно было для утверждения внутри страны и на международной арене замаскировать диктатуру ширмой широкой парламентской коалиции³².

Порой сама возможность легального существования социал-реформистских организаций в автократической структуре покупалась ценой таких уступок, которые были несовместимы с идеей классовой борьбы, вели к забвению провозглашавшихся социал-демократией конечных целей и наносили ущерб рабочему движению.

Так, Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ) своей сильно ограниченной, но все-таки легальностью при хортизме в значительной мере была обязана тому, что после подавления революции партию возглавили деятели, которые отмежевались от Советской республики и участвовали в ее подавлении. В дальнейшем аргумент об опасности запрета служил им оправданием уступок режиму в принципиальных вопросах и в конечном счете стал рычагом сдерживания классовой борьбы. В 1921 г. правое руководство СДПВ заключило с правительством пакт, согласно которому взамен за раз-

решение участвовать в выборах и некоторое смягчение полицейского надзора обязалось не допускать забастовок и воздерживаться от организационной работы среди сельскохозяйственных рабочих, железнодорожников, государственных служащих и др., согласившись тем самым отдать эти категории трудящихся под безраздельное влияние хортизма³³.

Утрата в связи со свертыванием парламентаризма стратегических перспектив и политика соглашательства в отношении реакционных режимов роняли авторитет социал-реформизма в рабочем движении, не дав ему преодолеть традиционную в этом регионе узость массовой базы и завоевать позиции, какими это направление обладало на Западе. Удельный вес и влияние отдельных социал-реформистских партий в рабочем движении и на политической арене своих стран выглядели неодинаково. О количественном составе социал-демократических партий и месте, которое им удалось обеспечить себе в кулуарных представительных органах авторитарных систем, можно составить некоторое представление по следующим данным Социалистического рабочего интернационала, относящимся к 1931 г., когда был проведен IV, последний в межвоенный период его конгресс.

Только в Чехословакии, где сохранилось представительное правление, социал-реформистские партии, объединившие 224 192 члена, располагали 61 парламентским мандатом, что составляло 20% от общего состава парламента. Социал-демократическая партия Венгрии насчитывала тогда 150 156 членов (при населении в 8,52 млн.), но располагала лишь 14 местами в парламенте, что представляло 6% его состава, и издавала один ежедневный печатный орган. Польская социалистическая партия и родственные ей партии национальных меньшинств объединяли 95 339 членов (население — 29,59 млн.), имели 28 депутатских мандатов — 7% состава сейма*, издавали восемь ежедневных газет. Болгарская рабочая социал-демократическая партия насчитывала 28 164 члена (население — 5,48 млн.), имела 10 парламентских мандатов (4%) и один печатный орган. Наряду с такими партиями действовали и совсем малочисленные. В Румынии при 17,22 млн. населения социал-демократическая партия (СДП) состояла из 13 тыс. членов, не была тогда представлена в парламенте, издавала одну газету. Югославская социалистическая партия в 1929 г. перешла на нелегальное положение; в 1928 г. насчитывала 4 тыс. членов (при населении 12,8 млн.), имела один парламентский мандат (0,3%). В Греции социал-реформистские партии объединяли 3 800 членов (при 7 млн. населения) и не были в тот период представлены в парламенте³⁵.

Невысоким был уровень организованности рабочего класса в целом**. По данным Социалистического рабочего интернационала за

* Заметим, что до расправы «санации» над блоком оппозиционных партий, в который входила и ППС, только эта партия получила по итогам выборов 1928 г. 52 места для своих представителей, т. е. 11,6% состава палаты³⁴.

** Причины этого характерного для многих из рассматриваемых стран явления проанализированы, к примеру, на материале состояния рабочего движения в югославской области Босния и Герцеговина³⁶.

1925 г. профессиональные союзы различных политических направлений объединяли в Польше 0,77 млн. человек, что составляло 2,8% населения; в Венгрии — 0,19% млн. человек, 2,4% населения; в Болгарии — 0,06 млн. человек, или 1% населения; в Югославии — 0,06 млн. рабочих, или 0,5% жителей страны; в Румынии — 0,08 млн., 0,4% населения. Исключение в этом плане представляла лишь Чехословакия, где весьма многочисленный рабочий класс по своей организованности находился на уровне пролетариата наиболее развитых капиталистических государств: к профессиональным организациям разной политической ориентации принадлежало 1,5 млн. человек, что составляло около половины всех рабочих и 11,1% от общего количества населения³⁷. Рабочие партии действовали легально, были массовыми и занимали значительное место в политическом спектре Чехословакии, хотя и здесь неоднократно предпринимались попытки административно и законодательно ограничить деятельность коммунистов, что свидетельствовало о развитии антидемократических тенденций и в этой сохранившей буржуазно-парламентский облик политической структуре.

В католических странах часть рабочих принадлежала к организациям христианско-социального толка. Их идейно-политическая доктрина формулировала противоречивые цели: с одной стороны, смягчить материальную нужду трудящихся и сгладить социальное неравенство, с другой — не допустить распространения марксизма. Политическая же ориентация была неоднородной. В Венгрии, например, христианско-социальная партия вошла составной частью в контрреволюционный правительственный блок, а ее, правда, малочисленные профсоюзы стали агентурой хортизма среди рабочих. В Польше партия христианской демократии и следовавшие за ней профсоюзы были в оппозиции к неконституционной диктаторской власти.

В Польше и Югославии, кроме того, определенным влиянием обладали оппозиционные режимам, но противопоставлявшие себя классовому движению профсоюзы националистической ориентации, идейно и организационно связанные с соответствующими буржуазными и мелкобуржуазными партиями. Так, в 20-е годы созданное Национальной рабочей партией (НРП) Польское профсоюзное объединение вело за собой более половины профессионально организованных рабочих. В следующем десятилетии его влияние заметно пошло на убыль, уступая место классовым организациям. В Югославии проводником националистически окрашенного солидаризма стал Хорватский рабочий союз (ХРС), патронируемый Хорватской крестьянской партией. Вследствие остроты национального вопроса его влияние распространилось на значительные массы хорватских рабочих. В конце 1938 г. Хорватский рабочий союз насчитывал около 80 тыс. членов (для сравнения: классовый профцентр — Объединенный рабочий профессиональный союз насчитывал в 1940 г. свыше 100 тыс. членов)³⁸.

Таким образом, христианские, националистические и другие профсоюзы ни в одной из рассматриваемых стран не смогли вытес-

нить классовых организаций и, как правило, не обладали доминирующим влиянием среди рабочих, хотя их антимарксизм усугублял раздробленность рабочего движения.

Позиции революционного марксизма и социал-реформизма в вопросах борьбы против наступления реакции, торжества авторитарных государственных форм, проникновения в них элементов фашизма резко различались.

Коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы противопоставляли такому развитию революционную борьбу трудящихся. Исходя из положения революционного марксизма о том, что капитализм вступил в период общего кризиса, ведущего в перспективе к его полному распаду, они в течение 20-х годов считали победу социалистической революции задачей текущего дня и нацеливали рабочий класс на быструю замену буржуазного государства, в какой бы форме оно ни выступало, диктатурой пролетариата. В программе Коммунистического Интернационала, принятой на его VI конгрессе в 1928 г., уровень развития капитализма почти во всех рассматриваемых странах определялся как средний. Для них предполагался «тип пролетарских революций с большим объемом задач буржуазно-демократического характера», а для некоторых — перерастание буржуазно-демократических революций в социалистические³⁹. Предполагалось, что характер грядущих революционных действий будет зависеть от наличия или отсутствия в социально-экономическом строе пережитков докапиталистических отношений⁴⁰. Степень созревания революционного кризиса переоценивалась.

Но уже в 30-е годы на смену упрощенному представлению о революционном процессе пришло понимание, что дилемма «диктатура пролетариата или буржуазная демократия», так остро поставленная во многих странах в период революционного подъема, переросла в иную — «демократия или реакция».

Против наступления реакции и фашизма коммунистическое движение выдвинуло идею народного фронта — широкого союза антифашистских и демократических сил во главе с рабочим классом для защиты и развития демократии.

Важным условием его осуществления стал отказ от многих прежних, оказавшихся ошибочными представлений и установок, следование которым изолировало революционный авангард от его потенциальных союзников и затрудняло тем самым отпор реакции и фашизму.

При анализе перспектив революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы коммунистическое движение стало исходить из того, что внутреннее развитие протекает здесь на реакционной, чреватой фашизмом основе и что именно этот факт, а также стремление крупных империалистических держав разрешить свои противоречия за счет СССР и близлежащих малых и средних государств чрезвычайно расширяют объем общедемократических и общенациональных задач, многим из которых ранее не придавалось необходимого значения.

Новая стратегия предполагала дифференцированное отношение

к формам буржуазной власти. Если раньше компартии региона в сущности не делали различия между представительным правлением, где оно еще сохранилось, и террористическими диктатурами, считая в любом случае свержение эксплуататорского строя своей ближайшей целью, то теперь, противопоставляя авторитаризму принципы демократии, они выступали в случае угрозы справа в защиту всех элементов парламентарно-демократической системы. Борьба за углубление демократического содержания республиканских институтов и сохранение самого республиканского строя стала в центре внимания компартий Чехословакии и Греции.

Компартия Чехословакии провозгласила главным стратегическим лозунгом и главной политической целью защиту республики от фашизма. «Мы хотим,— говорил на VII конгрессе Коминтерна представитель КПЧ,— чтобы эта республика, где сейчас господствует буржуазия, стала советской республикой, социалистической республикой... Но если этой буржуазно-демократической республике будет угрожать кровавый фашизм, то мы будем защищать эту республику от фашизма»⁴¹. Поэтому, когда во время президентских выборов в декабре 1935 г. разгорелась борьба между правым блоком, включавшим профашистские силы, и группировкой выступавших с позиций буржуазной демократии мелкобуржуазных и социал-реформистских партий, Компартия Чехословакии, чтобы не распылять антифашистские силы, поддерживала буржуазно-демократического кандидата, не допустив тем самым, чтобы реакция использовала республиканские институты для овладения политической гегемонией⁴².

В Греции в обстановке, когда политическая нестабильность, реакционные государственные перевороты, следовавшие один за другим при вмешательстве империалистических кругов Англии, создали угрозу монархической диктатуры, компартия проявила наибольшую активность и последовательность в защите республиканского строя. В октябре 1935 г. она предложила демократическим партиям вести совместную борьбу против клики монархистов, за создание правительства левых сил⁴³.

В странах, где к тому времени антидемократическая эволюция уже привела к свертыванию представительного правления, коммунисты называли ближайшей задачей общедемократической стадии революционной борьбы ликвидацию террористических диктатур и широкую демократизацию государственной и общественно-политической жизни, выдвигая, где это было необходимо, промежуточные цели. В документах коммунистического движения того периода господствовавшие здесь режимы продолжали именоваться фашистскими, но в то же время стали подчеркиваться заметные отличия от фашистских диктатур в собственном смысле⁴⁴.

Идея антифашистского единства рабочего класса и народного фронта, рожденная из опыта борьбы некоторых компартий Европы, получила широкое обоснование на VII конгрессе Коминтерна (1935 г.). Одновременно она стала находить признание в коммунистическом движении ряда рассматриваемых стран. Одной из первых развернула такую работу Компартия Чехословакии. На своем X пле-

нуме в ноябре 1934 г. она выдвинула лозунг социалистической солидарности рабочих партий с опорой на массовое движение⁴⁵. С этой целью руководство партии, считая, что при республиканско-парламентской системе осуществление блока коммунистов и социалистов в общегосударственном масштабе создаст новую, благоприятную обстановку прогрессу расстановку сил, не раз направляло лидерам социал-демократической и национально-социалистической партий конкретные предложения о сотрудничестве. Депутаты-коммунисты с трибуны парламента призывали к социалистической солидарности.

Компартия Польши уже в ноябре 1934 г. сформулировала принцип народного фронта, а к середине следующего года разработала и предложила социалистическим и крестьянским партиям его политическую платформу, предусматривая свержение «санационной» клики, восстановление сильно урезанных за годы диктатуры гражданских прав и свобод, отмену антидемократической конституции 1935 г., по существу лишившей парламент его высших законодательных функций, и аннулирование нового избирательного закона, который практически поставил оппозиционные партии вне парламента. Накануне VII конгресса Коминтерна КПП заявила, что готова поддерживать лозунг учредительного собрания, в задачу которого войдет осуществление платформы народного фронта⁴⁶.

Однако специфические условия региона — неразвитость демократических традиций, узаконенный антикоммунистический террор, недостаточная практика легальной работы коммунистов, а порой и элементы догматизма по отношению к собственному революционному опыту способствовали в некоторых случаях столь серьезному укоренению сектанства, что переход к стратегии единого рабочего и народного фронта потребовал более продолжительного времени, а иногда и принятия организационных мер.

Длительным и драматичным оказался процесс преодоления сектанства и определения антифашистских целей в компартиях Венгрии, Болгарии и некоторых других стран. В руководстве венгерской компартии и среди рядовых членов было немало людей, которые считали, будто курс VII конгресса Коминтерна на решение общедемократических задач может привести к оппортунизму и как бы перечеркнуть опыт Венгерской Советской республики. Ими долгое время отвергался лозунг борьбы за демократическую республику, а завоевание диктатуры пролетариата выдвигалось в качестве непосредственной цели. Только после неоднократной критики со стороны Исполкома Коминтерна и роспуска прежнего Центрального комитета партия пришла к формулировке демократических требований как стратегической цели переживаемого этапа.

В решении о генеральной политической линии, принятом временным руководством партии в июне 1936 г., подчеркивалась необходимость движения народного фронта с участием «всех партий, организаций, групп и отдельных элементов, которые могут быть мобилизованы для борьбы против реакции и фашизма, за венгерскую демократическую республику». Этот документ включал также лозунги защиты мира, борьбы в поддержку легальности социал-демо-

кратической партии и профсоюзов, в нем было подчеркнуто требование новой аграрной реформы⁴⁷.

В некоторых случаях намечались промежуточные цели демократического этапа, способные уже в ближайшее время мобилизовать широкие слои населения. Так, компартии Болгарии и Югославии в перспективе намечали свержение монархии, но для текущего момента не форсировали лозунга провозглашения республики. Югославские коммунисты выдвигали на первый план претворение идеи федерации даже при существующей форме государства. Это открыло бы путь к последовательному разрешению национального вопроса, ибо острота его в Югославии питала правый экстремизм и действовавшую в стране агентуру фашистских держав⁴⁸.

В воззвании, с которым руководство партии в январе 1937 г. обратилось к демократическим, антифашистским силам, говорилось, что КПЮ является противником монархии, но поскольку значительная часть антифашистски настроенных слоев еще не готова принять лозунг демократической федеративной республики, компартия не настаивает на включении его в общую программу⁴⁹.

Болгарская коммунистическая партия в борьбе с режимом, сформировавшимся после переворота 19 мая 1934 г., выработала к началу 1936 г. платформу движения за демократизацию в рамках монархического строя. Основными ее требованиями были восстановление фактически не действовавшей Тырновской конституции, выборы в Народное собрание по старому избирательному закону, отмена всех антиконституционных актов, изданных после переворота⁵⁰.

Компартия Румынии (КПР), имея в виду большой удельный вес докапиталистических элементов в социально-экономической структуре страны, в 1931 г. приняла концепцию завершения первоначально буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую⁵¹. В дальнейшем в связи с активизацией фашистского движения и усилением реакционности имущих классов идея борьбы за демократию наполнилась антифашистским содержанием. После установления в 1938 г. режима королевской диктатуры КПР наряду с формулировкой жгучих задач текущего момента (защиты независимости Румынии, восстановления демократических прав и свобод, улучшения условий жизни трудящихся и т. д.) обозначила цель антифашистского демократического этапа борьбы — народную демократическую республику⁵².

Первые практические шаги народного фронта в Западной Европе показали, что фундаментом сотрудничества антифашистских сил является единство действий всех отрядов рабочего класса. Обобщая этот опыт, коммунистическое движение стало предлагать объектом совместных действий такие проблемы, которые были близки и понятны рабочим различных политических направлений и потому не могли быть легко отклонены лидерами реформистских и других неревolutionных организаций рабочего класса. «Защита непосредственных экономических и политических интересов рабочего класса, защита его против фашизма,— говорилось в резолюциях VII конгресса Комму-

нистического Интернационала,— должна быть исходным пунктом и составлять главное содержание единого фронта»⁵³. Благодаря этому идея рабочего фронта, выдвинутая коммунистами еще в начале 20-х годов, но позже получившая сектантское истолкование — как «стратегический маневр коммунистического авангарда, окруженного врагами со всех сторон, в борьбе его прежде всего против предательских вождей контрреволюционной социал-демократии»⁵⁴, — теперь обрела черты реальной политической программы с конструктивными целями. Важным условием ее осуществления стал отказ коммунистического движения от прежних, оказавшихся ошибочными представлений и установок: о направленности главного революционного удара против промежуточных слоев, о якобы фашистском перерождении социал-демократии и политических организаций крестьянства и др.

Процесс создания единого рабочего и народного фронта — основных форм революционно-демократического антифашистского движения — в странах Центральной и Юго-Восточной Европы имел свои особенности. Успех политики единого рабочего и народного фронта в любой стране зависел прежде всего от массовости действий в защиту демократии и против фашизма. Но если в странах с высокой политической организованностью пролетариата и общества в целом решающим условием образования антифашистского фронта было соглашение между рабочими партиями и другими организованными антифашистскими силами (пример чему показал опыт образования единого рабочего и народного фронта во Франции), то в рассматриваемом регионе подобное соглашение могло стать главным элементом единого фронта, пожалуй, только в Чехословакии, где рабочие партии и профсоюзы, действуя легально, объединяли в своих рядах значительную часть пролетариата. Пропагандируемая чехословацкими коммунистами политика антифашистского фронта действительно находила отклик в пролетарских массах. Рабочие различных политических убеждений на совместных митингах и собраниях в главных промышленных и административных центрах выражали свою поддержку идее рабочего единства. На предприятиях и во многих районах были созданы комитеты единого фронта.

Настроения единства распространялись в следовавших за социал-реформистами отрядах рабочего класса и даже среди части партийного актива. Но в верхах реформистских партий опасались, что политика единого фронта приведет к росту коммунистического влияния и ослабит позиции реформизма в рабочем движении.

Лидеры Чехословацкой социал-демократической партии (они даже в Социалистическом рабочем интернационале составляли правое крыло), на словах признавая необходимость единства, считали, что для его осуществления достаточно сотрудничества с национально-социалистической и социал-демократическими партиями национальных меньшинств. Они по-прежнему обвиняли коммунистов в расколе рабочего класса и доказывали, что к его единству необходимо стремиться путем разложения и ликвидации коммунистического движения. Поэтому все предложения руководства КПЧ о сотрудничестве

с социал-демократической и национально-социалистической партиями в национальном масштабе неизменно встречались с отказом.

Аналогичную позицию заняла реформистская профсоюзная верхушка, отклонив предложение VI съезда Красных профсоюзов о вступлении в социал-демократическое Профсоюзное объединение Чехословакии, которое, по мысли коммунистов, должно было стать центром сплочения всех нефашистских профсоюзных организаций. Но эта идея, несмотря на то что руководство Красных профсоюзов в случае договоренности готово было признать программу и устав Профсоюзного объединения Чехословакии, не повлияла на позицию руководства последнего. Оно не допустило преодоления раскола профдвижения, соглашаясь только на индивидуальный прием членов Красных профсоюзов, и отказалось от переговоров с профцентром национально-социалистической партии и с Центральной комиссией немецких социал-демократических профсоюзов⁵⁵.

Правые лидеры реформистов не желали менять имевшегося соотношения политических сил, при котором им принадлежало место в правящей буржуазной коалиции. Определенную роль в позиции руководства социал-демократии и национальных социалистов играла недооценка фашистской опасности, которая при относительной слабости внутренних фашистских сил в Чехословакии проявлялась главным образом в виде угрозы со стороны соседней фашистской Германии. Антифашистские и революционные настроения трудящихся не получили тогда достаточного выражения в массовом движении, способном оказать влияние на позицию социалистических партий⁵⁶.

Острее признаки фашизации ощущались в странах с авторитарной властью. Если в 20-е годы эти режимы были еще далеки от характерной для собственно фашистских систем унификации общественно-политической жизни и построения ее на началах всеобъемлющего государственного руководства — при всем своем антидемократизме, они, как правило, оставили в силе такие важные компоненты буржуазно-демократической организации общества, как не связанные с диктатурами политические партии и профсоюзные организации трудящихся, а также формально не затронули значительную часть гражданских прав и свобод, — то в следующем десятилетии насаждение тоталитарной модели стало целью большинства из них. В связи с этим наряду с преследованием революционного крыла рабочего движения перспектива утраты легальности обозначилась и для партий реформистского направления. Правда, реализовалась она в законодательной форме только в некоторых странах, где социал-демократические партии, как и партийно-парламентские системы в целом, имели особенно суженную общественную опору. Следствием реакционных переворотов в Югославии (1929 г.), Болгарии (1934 г.), Греции (1936 г.) и Румынии (1938 г.) был запрет деятельности оппозиции, что поставило социал-реформистские партии здесь в нелегальное или полулегальное положение.

Ужесточился курс и в отношении тех более массовых реформистских партий, чье влияние правящие группировки первоначально хотели использовать в своих интересах: в Польше избирательный закон

1935 г. практически лишил социалистов, как и всю легальную оппозицию, парламентской трибуны; в Венгрии в результате произвольных манипуляций хортистов избирательным механизмом с каждым новыми выборами представительство социал-демократии сокращалось безотносительно к количеству получаемых ею голосов.

Одним из наиболее настораживающих с точки зрения рабочего класса проявлений фашизации авторитарных режимов стало все более настойчивое стремление к интеграции в государственную структуру всей сети рабочих организаций.

Правда, в некоторых из рассматриваемых стран и раньше делались попытки создать опору антидемократическим диктатурам в виде верных правительствам профессиональных организаций. Так, в Венгрии на стороне хортистского режима с самого начала выступали профсоюзы христианско-социального направления. Но из-за своей малочисленности они не приобрели в рабочем движении сколько-нибудь заметного влияния⁵⁷.

Довольно рано начали делать попытки проникновения в рабочую среду деятели «санационного» режима в Польше. В конце 20-х годов одни из них стали создавать псевдосиндикалистские союзы, другие — так называемые экономические федерации, декларировавшие аполитичность. На первых порах они оставались малочисленными и враждовали между собой. Просанационное направление выросло и окрепло только после объединения в 1931 г. этих федераций и конфедераций с просанационными фракциями, отклонившимися от классовых и националистических союзов, но все равно оно не стало ведущим в профессиональном движении Польши⁵⁸.

В 20-е годы проправительственные профессиональные организации в рассматриваемом регионе не превратились в альтернативу независимого рабочего движения: они не вошли в систему государственных органов диктатур, действуя параллельно с находившимися на легальном положении оппозиционными режимам профцентрами, оказались не в силах разрушить массовую базу последних и обеспечить себе монопольное положение в рабочем движении.

Все это позволяет полагать, что в отличие от фашистских диктатур, опиравшихся на массовые фашистские движения и с самого начала нацеленных на политическую мобилизацию рабочего класса и других трудовых слоев под эгидой реакционного государства, в рассматриваемых странах такая задача, особенно на ранних стадиях формирования диктаторских режимов, не составляла магистрального направления их деятельности. Их линия в отношении рабочего движения представляла тогда своеобразный симбиоз традиционных, применявшихся авторитарной властью старого типа против неугодных ей организаций методов прямого подавления, служивших сохранению политической аморфности и неорганизованности эксплуатируемых масс, с необходимостью допустить, как в системах буржуазно-демократического типа, открытую деятельность организационных структур независимого от государственной власти рабочего движения. На таких же юридических основаниях действовали и проправительственные профсоюзы, пользуясь только неофициальной поддержкой администрации.

В 30-е годы диктаторские режимы в Центральной и Юго-Восточной Европе, опираясь на опыт фашистских держав, попытались создать особый, типично фашистский механизм воздействия на рабочий класс и другие социальные силы путем введения прямого государственного руководства профессиональным движением или создания непосредственным государством профсоюзных центров.

В Венгрии пришедшее к власти в 1932 г. правительство Д. Гёмбёша намеревалось провести радикальную перестройку организационной структуры общества. В течение нескольких лет оно вынашивало проект «реформы представительства интересов» по типу фашистской корпоративной системы. Реформа предусматривала запрет забастовок, замену независимых в правовом отношении союзов палатами по профессиям, которые управлялись бы лицами, назначенными государственными органами, с обязательным членством в них всех занятых в данной профессии. Последующие правительства, чтобы создать себе массовую опору в рабочей среде, стали обращаться к социальной деятельности, которая, правда, ограничилась введением норм, давно действовавших в большинстве европейских стран (учреждение законодательного минимума заработной платы, ограничение рабочего времени, оплачиваемые отпуска), но тем не менее дала определенную пищу официальной пропаганде. При этом не последнюю роль, по-видимому, играло стремление правительственных кругов ослабить воздействие антикапиталистической демагогии, которую в целях привлечения масс широко практиковала оппозиционная хортизму фашистская группировка нилашистов⁵⁹.

Глава «санационного» правительства Польши в парламентском выступлении летом 1934 г. высказал идею «унификации» профсоюзного движения, что должно было способствовать более широкому влиянию «санации» на рабочих.

Однако следует сразу сказать, что в странах со сравнительно массовым профессиональным движением такие планы не были реализованы. Более того, именно в профсоюзах политика единого фронта принесла здесь самые ощутимые и долговременные результаты. Так, в Польше, по свидетельству члена руководства КПП Г. Генриковского (С. Амстердам), ведавшего работой в профсоюзах, угроза «унификации» послужила решающим толчком для начала кампании в пользу объединения левых профсоюзов с профцентром, связанным с ППС, что вскоре позволило достичь единства классового профсоюзного движения⁶⁰.

Далее продвинулись проекты унификации профсоюзного движения под эгидой государства в странах, где рабочий класс до тех пор был наименее организован и не имел достаточного опыта защиты своих интересов через классовые союзы. В частности, монархические диктатуры в Болгарии и Румынии после запрещения классовых профсоюзов образовали государственные организации, куда в обязательном порядке входили все занятые на производстве рабочие. Югославскому режиму после неоднократных попыток только в 1936 г. удалось создать сравнительно устойчивый государственный профцентр — так называемый Югорас. Благодаря нажиму властей, а также при-

вилегиям для членов государственного союза он превратился в одно из крупных по тем условиям профсоюзное объединение (в 1940 г. — 70 тыс. членов). Но основная цель — разрушение других, особенно классовых организаций путем соперничества с ними — при юридически равном положении — не была достигнута. Официальный запрет классового профдвижения в 1940 г. также не принес режиму желаемых результатов: рабочие по-прежнему не питали доверия к навязанным им сверху государственным союзам и зачастую подходили формально к своему участию в них⁶¹.

В целом можно констатировать, что государственные профсоюзы стран Центральной и Юго-Восточной Европы не стали тем всеобъемлющим инструментом регулирования социальных отношений и грозным антиподом классовым организациям, какими были фашистские профсоюзы в Германии и Италии. Существенно при этом, что последние отвоевывали себе массы, разрушая классовые рабочие организации. В рассматриваемых же странах государственные профсоюзы создавались не столько за счет массовой базы преследуемых, но отнюдь не ликвидированных классовых организаций, сколько путем привлечения новых членов из ранее неорганизованных рабочих. Отсутствие сложившейся политической ориентации у этой основной категории членов государственных профобъединений при умелой тактике революционных организаций в отношении такого контингента делало в немалой степени реальной перспективу восстановления путем революционной пропаганды в государственных союзах классового характера профдвижения.

Политика единого фронта открывала новые перспективы для развития профессионального движения, что в рассматриваемых странах было особенно актуально как в общем плане расширения массовой базы рабочего движения, так и в связи с усилением тенденции создать особый, типично фашистский механизм воздействия на рабочий класс путем подчинения профессионального движения реакционному государству.

Борьба против замыслов правительств по перестройке рабочих организаций и всей государственно-политической системы на фашистский лад, отпор фашистам из активизировавшихся группировок правой оппозиции, обращавшим свой главный удар против организованного пролетариата, делали настоятельной необходимостью единство действий главных направлений рабочего движения.

Антифашистская стратегия, разработанная коммунистическим движением, свидетельствовала о готовности революционного авангарда рабочего класса к такому сотрудничеству. В случае его осуществления в тех странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где революционные партии были вне закона, а социал-реформизм располагал массовой опорой, подпольные компартии значительно расширили бы возможности влияния на массы через легальные социал-демократические организации. В то же время неодинаковое положение революционных и реформистских партий в системе фашизированных диктатур требовало особого подхода к организационным формам массовой антифашистской работы и межпартийного

сотрудничества. Чтобы не поставить под угрозу легальную деятельность потенциальных союзников, наряду с принятой практикой официально оформленных соглашений было признано целесообразным и сотрудничество с легальными партиями и организациями без оглашения факта достигнутой договоренности.

Компартия Польши следуя такой тактике, в 1934 г. вступила в переговоры с ЦК еврейского социалистического союза «Бунд», а в 1935 г. — с центральным руководством ППС, которое испытывало тогда сильное давление партийных «низов» и левых активистов, требовавших единого фронта с коммунистами. Переговоры с ППС завершились так называемым пактом о ненападении, предусматривавшим ряд совместно организуемых выступлений общедемократического характера. Соглашение действовало в период наибольшего подъема стачечных боев и антиправительственных выступлений пролетариата. Опыт КПП в переговорах с легальными реформистскими партиями и в установлении фактического сотрудничества на разных уровнях получил высокую оценку Исполкома Коминтерна⁶².

Свои плоды политика единства действий приносила на местах. Самым ощутимым был прогресс единого фронта в Лодзи. Умелая тактика местной организации КПП и левых профсоюзов во время назревания классового конфликта в текстильной промышленности (март 1936 г.) позволила им добиться согласования позиций с руководством реформистов, организовать всеобщую стачку и придать ей наступательный характер. Это помогло сломить сопротивление предпринимателей, преодолеть колебания примкнувших к стачке просанационных профсоюзов и обеспечить удовлетворение основных требований бастующих. Следующим внушительным успехом сторонников единого фронта в Лодзи было большинство, полученное КПП и ППС по единому списку на выборах городского самоуправления в сентябре 1936 г., что позволило коммунистам и социалистам — сторонникам единого фронта возглавить муниципалитет.

Решающим стало влияние коммунистов и сторонников единого фронта из ППС в руководстве борьбой краковского и львовского пролетариата весной 1936 г., которая началась как разрозненные выступления с экономическими требованиями, но после кровавой расправы полиции с краковскими забастовщиками и львовскими безработными переросла в мощные взрывы негодования и протеста против всей системы террористической диктатуры⁶³.

Наиболее долговременные результаты принесла политика единого фронта в области профсоюзного движения Польши. Прекращение в 1935 г. организационно обособленной деятельности Профсоюзной левой⁶⁴ позволило коммунистам сосредоточить внимание на работе в связанном с ППС профсоюзном объединении, усилив в нем классовую ориентацию и тягу к единому фронту. Одновременно были начаты переговоры между КПП и ППС о единстве профсоюзного движения. Они завершились договоренностью о создании совместной комиссии по приему новых членов, о введении левых профсоюзных активистов в руководящие органы классовых союзов. Вопросы объединения профсоюзных организаций революционного и реформистского направле-

ний должны были решаться в каждом конкретном случае. Кампания агитации за вступление в классовые профсоюзы, проведенная совместными силами коммунистов и социалистов, позволила в 1936 г. увеличить их ряды на 72,1 тыс. членов (33,3% по отношению к 1935 г.)⁶⁵, тем самым укрепив позиции классового рабочего движения как общественной силы, противостоящей реакционной государственной власти.

В Венгрии, где в руководстве социал-демократии особенно сильным было правое влияние, а процесс преодоления компартией сектантства и формального отношения к политике единого фронта оказался более длительным, условия борьбы за единство рабочего класса складывались еще сложнее. Хотя компартия обладала уже известным опытом массовой работы через организации социал-демократии на периферии, ее попытки установить контакт с руководящими инстанциями СДПВ в центре не принесли даже временных положительных результатов. Из-за этого основной сферой осуществления политики рабочего единства стали массовые профсоюзные организации. «Нужно покончить с обособленностью профсоюзной оппозиции,— говорилось в «Товарищеском письме» Центрального комитета, направленном в январе 1936 г. организациям и всем членам КПВ,— она вместе с рабочими массами, которые солидаризируются с ее политикой, должна стать левым крылом профсоюзного движения... Путем ликвидации самостоятельной и обособленной оппозиционной организации внутри профсоюзов необходимо искоренить один из главных источников сектантских перегибов, приведших ко многим ошибкам и трениям в профсоюзной работе». Укрепление классовых профсоюзов было признано в решении нового руководства КПВ о генеральной линии партии одной из главных задач⁶⁶. Антикоммунизм правых лидеров социал-демократии и Совета профсоюзов сделал невозможным слияние революционного и реформистского профцентров, но прекращение в 1936 г. деятельности Объединенной профсоюзной оппозиции как организационно обособленного центра обеспечило приток революционно настроенных рабочих в профсоюзные организации, ранее находившиеся под безраздельным контролем реформистов, способствовало популяризации там идеи антифашистского единства и упрочению позиций сторонников КПВ в выборных профсоюзных органах. Именно благодаря мобилизирующим действиям КПВ венгерский пролетариат не позволил профсоюзной верхушке достигнуть соглашения с правительством по поводу реформы «представительства интересов» и тем самым отстоял независимый от государства профцентр. Через организации Совета профсоюзов, члены которых автоматически входили в СДПВ, коммунисты нередко стали избираться в руководящие органы местных социал-демократических ячеек. Особенно заметным коммунистическое влияние было в молодежном социал-демократическом движении, которое по существу заняло независимую от правого руководства СДПВ позицию⁶⁷.

В целях преодоления раздробленности рабочего движения компартия Румынии в течение 1935—1937 гг. не раз предлагала Социал-демократической и Унитарной социалистической партиям установить

антифашистское единство. Эти обращения, встреченные с пониманием в местных организациях социалистов, заставили реформистских лидеров вступить в переговоры с КПП. Но практически соглашение стало возможно только с отколовшимися группами левых социалистов. Для консолидации профсоюзного движения коммунисты развернули работу внутри реформистских организаций: члены революционных и независимых профсоюзов стали вступать в союзы Всеобщей конфедерации труда⁶⁸. После установления королевской диктатуры, обнажившего тот факт, что наступление реакции направлено не только на подавление революционного движения, но и обращено против основ буржуазной демократии, компартия возобновила свои предложения руководству СДП, подчеркивая необходимость прекращения межпартийной борьбы и конструктивного подхода к сотрудничеству. Высшие инстанции СДП отклонили и это обращение, но оно стимулировало контакты революционных и реформистских организаций на местах⁶⁹.

Реальный ход событий на рубеже 20—30-х годов опроверг оценки и прогнозы Социалистического рабочего интернационала, провозгласившего на своем III конгрессе в 1928 г. вступление в эпоху «организованного капитализма», когда вследствие монополизации экономики будто бы складываются «предпосылки» или даже «элементы» социализма, способного, по мнению социал-демократических теоретиков, утвердиться без революции, путем постепенного вытеснения монополий профсоюзами, кооперативами и другими национальными и международными организациями⁷⁰.

Глубина и размах экономических потрясений, прогрессирующая напряженность международных отношений, наступление фашизма, трагические уроки рабочего движения в Германии, Австрии стали свидетельством ошибочности теоретических построений и несостоятельности реформистской стратегии борьбы за интересы рабочего класса и других трудовых слоев, вызвали, как отмечается в специальной литературе⁷¹, кризис Социалистического рабочего интернационала, и не могли не оказать влияния на положение внутри входивших в него партий.

Для социал-демократических партий первая половина 30-х годов была отмечена оформлением или активизацией левых групп, которые, отражая процесс радикализации партийных «низов», критиковали оппортунизм правых лидеров и требовали более решительной борьбы против реакции и фашизма⁷². Левые в этот период сыграли заметную роль в формировании идеологической линии Польской социалистической партии: по их инициативе вопреки воле правого руководства съезд партии в 1934 г. включил в свои резолюции требование глубоких структурных реформ и лозунг диктатуры трудящихся масс⁷³. Немалым в те годы было влияние левых и на практическую деятельность ППС в духе единого фронта в стачечной борьбе, в политических выступлениях и в антифашистской пропаганде. Именно благодаря их настояниям в 1935—1936 гг. ППС соблюдала неформальный «пакт о ненападении» с КПП.

Левые социал-демократы в Болгарии критиковали оппортунисти-

ческую пассивность руководства и, приветствуя решения VII конгресса Коминтерна, высказались за единый фронт с революционным крылом рабочего движения. Под их воздействием руководство БРСДП подписало с коммунистами соглашение о сплочении «всех общественно-политических сил, которые хотят вести борьбу против фашизма»⁷⁴.

Одной из получивших распространение во многих странах форм сотрудничества стало издание совместными силами коммунистов и левых социалистов легальных печатных органов, пропагандировавших политику единого рабочего и народного фронтов.

Особенно восприимчивым к идеям единого фронта и активной классовой политики было молодое поколение социал-демократов. Благодаря этому, как правило, наиболее тесно сотрудничали молодежные организации коммунистического и социал-демократического направлений; в ряде случаев это сотрудничество было оформлено соглашениями о единстве действий на уровне центральных руководств.

Однако в целом в рассматриваемый период правые сохранили за собой ключевые позиции в реформистских партиях, поэтому социал-демократия даже в условиях прогрессирующей фашистской опасности оказалась неспособной отрешиться от предубеждения антикоммунизма и предложить верные пути к союзу всех антифашистов и поборников демократии.

Логика присущего реформистскому течению оппортунизма вела к тому, что, невзирая на антидемократический характер утвердившихся в Центральной и Юго-Восточной Европе государственных систем, социал-демократы в этих странах по-прежнему добивались участия в управлении путем компромисса с буржуазией, не исключая в некоторых случаях и соглашений с группировками, осуществлявшими реакционную, автократическую власть. Этому способствовала раздробленность сил реакции и фашизма в рассматриваемых странах, дававшая оппортунистическим лидерам повод произвольно ограничивать круг политических противников.

Так, руководство Польской социалистической партии на первое место выдвигало борьбу с враждебной режиму «санации» правой группировкой Национальной партии и отколовшимися от нее экстремистскими формированиями. Что касается правящей группировки, то на словах критикуя ее, особенно за проявление тоталитарных тенденций (попыток создания единой партии фашистского типа, стремления сотрудничать с крайними экстремистскими элементами из лагеря националистов и т. д.), и призывая к восстановлению парламентской демократии, руководство ППС, однако, не ставило вопроса о ликвидации «санационной» системы, а связывало свои политические расчеты с расколом внутри правящего лагеря, начавшимся после смерти Ю. Пилсудского. В этом плане примечательно, что переговоры с представителями КПП состоялись как раз в тот период, когда ППС больше всего опасалась сосредоточения полноты власти в руках одной из фракций «санации», так называемой группировки полковников. Когда же «полковники» были оттеснены на задний план, правые лидеры социалистов пошли на отмену уже действовавшей договоренности с КПП, надеясь на соглашение с правящей группировкой,

в том числе с теми отнюдь не либеральными кругами, которые одержали верх в междоусобной борьбе за власть⁷⁵.

Поражение немецкого и австрийского пролетариата усилило капитулантские настроения в руководстве венгерской социал-демократии. Ее лидеры своими делами старались убедить возглавлявших правительство сторонников фашизма, что ради сохранения легальности, по существу превратившейся в формально понимаемую цель, они готовы согласиться на любые меры, направленные на ограничение рабочего движения. Одновременно они искали себе союзников среди консервативных в традиционном стиле кругов господствующих классов, возражавших против политики правого экстремизма. При такой ориентации руководство СДПВ считало народный фронт неприемлемым для Венгрии. С одной стороны, оно исключало возможность сотрудничества с революционной частью рабочего движения. «О едином фронте у нас не может быть и речи, ибо это означало бы признание права большевистской партии на существование», — писал генеральный секретарь и главный идеолог СДПВ И. Монуш. С другой — отрицало перспективу более широких межклассовых союзов. «В Венгрии мало городов, следовательно, немногочисленна и городская буржуазия, которая является важнейшей составной частью народного фронта... Стало быть в Венгрии... в настоящее время нет предпосылок для осуществления политики народного фронта: у нас нет необходимых для этого партий и политических деятелей», — утверждал И. Монуш в 1936 г.⁷⁶

Подобным образом бюрократизированная верхушка румынской социал-демократии не только не осудила начатую монархией ликвидацию конституционного правления, запрет оппозиционных партий и роспуск классовых профсоюзов, но фактически согласилась на сотрудничество с королевской диктатурой, именуя ее приход «эпохой процветания и справедливости». Король в свою очередь называл этих деятелей «законными представителями» рабочего класса и предоставлял некоторым из них высокие административные посты⁷⁷.

В Греции социал-демократические лидеры после монархического путча 1935 г. в ответ на призыв компартии к единству против монархической и фашистской угрозы заявили, что «в вопросе о форме управления страной они нейтральны»⁷⁸.

Правые в руководстве Болгарской рабочей социал-демократической партии толковали идею народного фронта как широкую коалицию политических сил вплоть до включения оппозиционной режиму фашистской партии Национально-социальное движение, притупляя тем самым антифашистское острое народного фронта. Подписав соглашение с коммунистами, они надеялись таким путем получить поддержку масс и обеспечить себе тем самым лидирующее положение в блоке буржуазных оппозиционных партий⁷⁹.

На пути к единому фронту стоял антикоммунизм социал-демократии, имевший в этой части Европы специфические черты. Дело в том, что приобщение основных масс населения к политике, только что начавшееся в данном регионе, происходило в условиях, неблагоприятных для реформистского течения, не пустившего раньше глубоких

корней во многих из рассматриваемых стран. Оба направления — и революционное, и реформистское — черпали свои массовые резервы в классовом движении пролетариата. Его раскол ограничил возможности общественного влияния социал-демократии, а следовательно, и перспективу роста ее политического потенциала. К тому же деформированный антидемократической эволюцией парламентский механизм не позволял реформистским партиям развернуться в этой главной, с их точки зрения, сфере политической активности, что лишало их стратегию динамизма и исторической перспективы.

Методы же прямого насилия со стороны эксплуататоров, напряженность классовых и социальных отношений, резкая политическая поляризация, характерные для государств этой части европейского континента, делали в глазах политически активной части трудящихся более перспективным не реформистский путь, а предлагаемую коммунистами революционную альтернативу. Это в свою очередь обеспечивало компартиям, невзирая на трудности политической и организационной работы в подполье, большую эффективность идейного воздействия на массы.

В 20-е годы, чтобы ограничить коммунистическое влияние, социал-демократические партии под руководством правых вели систематическую борьбу против революционных организаций, не стесняясь в выборе средств: от прямой пропаганды антикоммунизма, а также применения во время рабочих собраний и манифестаций физической силы и оружия против коммунистов до косвенного и даже прямого пособничества в полицейских преследованиях.

В дальнейшем, несмотря на то что программа единого фронта, сформулированная коммунистическим движением в 30-е годы, ставила во главу угла защиту и восстановление демократии, т. е. одну из самых существенных целей в системе политических ценностей социал-демократии, приобретающую первоочередное практическое значение при авторитарных системах, единство на такой платформе было отклонено или извращено оппортунистическим руководством реформистских партий. Отказ сопровождался возобновлением пропагандистских нападков на революционное движение. «Коммунисты — не демократы», — утверждали, например, лидеры социал-реформизма в Румынии, отклоняя накануне установления монархической диктатуры очередные предложения КПП о сотрудничестве⁸⁰.

Представляется, что не последнюю роль в выборе социал-демократией такой позиции сыграли соображения межпартийной конкуренции и стремление помешать расширению влияния революционных политических организаций. Массовое же движение в большинстве стран этого региона не достигло тогда такого уровня, при котором соглашатели, чтобы не быть устраненными, вынуждены были бы принять последовательную программу борьбы за демократизацию. Элементы подобной ситуации в локальных масштабах наблюдались, например, в Польше, занимавшей по размаху стачечных боев в те годы одно из первых мест в мире. Там организации ППС в антиправительственных выступлениях весной 1936 г. в ряде случаев утратили контроль над массами и вынуждены были подчиниться руко-

водству коммунистов и сторонников единого фронта, а движение же солидарности с забастовщиками и жертвами правительственного террора приблизилось по широте к общенациональному⁸¹.

Хотя антифашистское единство рабочего класса в рассматриваемых странах до второй мировой войны не было организационно достигнуто в национальных масштабах, осуществление его в повседневной практике классовой борьбы продвинулось далеко вперед: единый фронт реально складывался в стачечных боях и движении солидарности, в антифашистских политических кампаниях и в совместных мерах защиты рабочих и демократических организаций от фашистских налетчиков из правой оппозиции. Характерным стало образование органов руководства стачками и другими выступлениями по принципу единого фронта на предприятиях, в целых отраслях производства и даже в масштабе крупных административных единиц. Обогатились и приобрели необходимую гибкость организационные формы работы коммунистов. Но провозглашенная коммунистическим движением политика антифашистского рабочего фронта в рассматриваемом регионе не исчерпывалась формальными соглашениями и даже реальным сотрудничеством с социал-реформистскими партиями. При их малочисленности и слабости в ряде стран, повсеместно невысоком уровне организованности пролетариата и кадровом характере компартий на первое место выдвигалась необходимость политической активизации масс, приобщение к классовым организациям все новых слоев рабочих и расширения легальных форм деятельности среди них.

Среди стран, эволюционировавших к авторитарной государственности, только в Греции компартия до 1936 г. находилась на легальном положении и коммунисты выступали непосредственно организаторами массовой работы. В этом случае динамика роста партийных рядов может учитываться как показатель эффективности антифашистской стратегии. Если в течение первого десятилетия численный состав греческой компартии колебался в пределах 1,5—3 тыс. человек, то в 1934 г. она насчитывала 4 тыс., а в 1936 г. — 12 тыс. членов⁸², что по масштабам организованности общества в Греции того периода представляло немалую политическую силу.

Социалистическая и социал-демократическая партии были здесь малочисленны и состояли в основном из кадровых профсоюзных работников. Более массовыми объединениями пролетариата были профсоюзные центры: реформистские Всеобщая конфедерация труда и Независимые профсоюзы, а также революционная Унитарная всеобщая конфедерация труда. Поэтому компартия придавала особое значение восстановлению профсоюзного единства на основе классовой борьбы и внутрипрофсоюзной демократии. В ходе стачечной борьбы было подготовлено слияние революционных и реформистских профсоюзов в единую конфедерацию, чему однако помешало установление в августе 1936 г. диктатуры И. Метаксаса⁸³.

Там же, где компартии были официально запрещены, коммунисты видели один из путей утверждения на политической арене и расширения связей с массами в создании под своим руководством

параллельно с подпольными открыто работавших партий революционного направления. В Югославии, например, первая попытка такого рода была предпринята в 1923 г. в связи с образованием Независимой рабочей партии (НРП), пропагандировавшей рабоче-крестьянский союз и сотрудничество оппозиционных сил, готовых к борьбе против реакционной государственной власти. Полиция уже во время учредительной конференции арестовала руководство новой партии. Правда, вскоре решением суда, отменившим полицейский запрет, НРП удалось легализовать, но в следующем году она все-таки была запрещена терявшим общественную опору правительством⁸⁴.

В период активизации антифашистских и демократических партий руководство КПЮ в середине 1935 г. выдвинуло идею создания легальной Единой рабочей партии (ЕРП), которая объединила бы рабочих разных политических убеждений, готовых с другими оппозиционными силами к борьбе против реакции и фашизма, за национальное равноправие и демократические свободы. И хотя реформистские лидеры прервали переговоры с представителями КПЮ об образовании ЕРП, это начинание коммунистов, приведшее к образованию инициативных комитетов ЕРП, было шагом к расширению контактов компартии с массами, а также обогащению легальных форм ее деятельности. В конце 1937 г. руководство КПЮ поставило вопрос о создании легальной политической организации — Партии трудового народа, включившей в свою политическую платформу все основные требования народного фронта и опиравшейся на более широкие, чем ЕРП, социальные круги. Важной мерой по расширению влияния КПЮ в национальных областях было образование в ее составе компартий Хорватии и Словении (1937 г.)⁸⁵.

В Болгарии с 1927 г. вела легальную работу под руководством коммунистов Рабочая партия (РП). Накануне переворота 1934 г. она объединяла около 35 тыс. человек и вела за собой до 30 тыс. членов революционных профсоюзов. О популярности РП свидетельствовали ее победы на парламентских выборах 1931 г. и на муниципальных выборах в следующем году. Официально запрещенная после переворота 1934 г. РП практически бездействовала до тех пор, пока в руководстве БКП имели влияние сектантские элементы. Преодоление сектантства и восстановление РП в 1936 г. продвинуло вперед сплочение антифашистских сил. Именно через Рабочую партию в июле того же года коммунистами было достигнуто соглашение о сотрудничестве с социал-демократами, а затем установлен контакт с оппозиционным блоком буржуазных и мелкобуржуазных партий. В дальнейшем, когда РП выросла численно и укрепила свои связи с массами, оказалось целесообразным сосредоточить революционные силы в одной партии. В результате слияния БКП и РП коммунистическое движение стала представлять единая Болгарская рабочая партия⁸⁶.

Действовавшие в подполье болгарские классовые профсоюзы не смогли помешать созданию правительственной организации Болгарский рабочий союз (БРС), массовость которого обеспечивалась не только мерами принуждения со стороны властей, но и системой льгот, предоставляемых его членам. В таких условиях наиболее эф-

фективной с точки зрения восстановления классового характера профдвижения и осуществления единства пролетариата оказалась работа в самом государственном профобъединении. После VI пленума ЦК БКП в 1936 г. члены нелегальных Независимых революционных профсоюзов стали массово вступать в БРС, внутри которого работали совместно с социал-демократами, «земледельцами» и беспартийными. Все это способствовало распространению их идейно-политического влияния на тех членов государственного союза, которые через него впервые приобщились к организации. О масштабах этого влияния свидетельствовал тот факт, что вскоре после образования БРС в руководство его низовыми организациями почти повсеместно были избраны коммунисты или сторонники единого фронта, отстаивавшие классовые интересы трудящихся⁸⁷, а правительство утратило неограниченный контроль над БРС.

В Албании численность рабочих к концу 30-х годов не превышала 15 тыс. Политическая организованность рабочего класса ограничивалась существованием отдельных коммунистических групп, зачастую незрелых в идейном и организационном отношении и не стремившихся к объединению. По инициативе этих групп или при их поддержке в середине 30-х годов стали создаваться первые профсоюзные организации, которые в стачечной борьбе отстаивали не только материальные интересы рабочих, но и выдвигали политические требования защиты национальных прав албанского народа, соблюдения конституции, боролись против насаждения фашизма. Оформление первых организаций пролетариата происходило в обстановке преследований со стороны реакционной диктатуры А. Зогу, запрета коммунизма и растущей зависимости от фашистской Италии⁸⁸.

Своеобразие антифашистской стратегии рабочего движения в странах Центральной Европы и на Балканах определялось и такой важной особенностью их социальной структуры и политического развития, как политическая организованность крестьянства, выраженная почти повсеместно в наличии и деятельности партий, ведущих за собой широкие массы сельского населения.

В вопросах политического строя и характера власти крестьянские партии выступали, как правило, с позиций буржуазной демократии. В силу своей буржуазно-реформаторской направленности они в рамках парламентских систем намеревались добиваться осуществления намеченных ими ближайших практических целей. Кроме того, всеобщее равное избирательное право открывало, как представлялось крестьянским деятелям, возможность не просто приобщиться к государственному управлению, но получить в нем в соответствии с численным преобладанием крестьянства в общей массе населения решающие позиции, что, как им казалось, позволяло вплотную подойти к реализации в действительности утопической идеи «крестьянской» власти. Переход к авторитарным государственным формам заслонил такую перспективу. Отсюда — противоречия между крестьянскими партиями и диктаторскими режимами, достигавшие, правда, в разных странах неодинаковой остроты.

Поворот к широкому союзу с непролетарскими массами, провоз-

глашенный VII конгрессом Коминтерна как общая линия коммунистического движения, в рассматриваемых странах, где крестьянство составляло большинство населения и было организовано на базе своих социальных интересов и требований, означал прежде всего налаживание сотрудничества пролетариата с крестьянским движением и его партиями. Вместе с преодолением неправильных представлений предшествующего периода о крестьянских партиях как носителях особой формы фашизма и якобы главных врагах коммунистов в деревне коммунистическое движение стало выделять в их далеко не свободном от противоречий идейно-политическом облике и те положительные черты, в которых отражались прогрессивные и демократические чаяния крестьянства. «Такие массовые крестьянские организации как Польская народная партия (Стронництво людове.— *И. М.*), Чешская аграрная партия, партия румынских царанистов, Хорватская крестьянская партия Радича, Болгарский земледельческий союз и др.,— говорил в своей речи на VII конгрессе видный деятель международного коммунистического движения, директор Международного аграрного института В. Коларов,—не могут именоваться фашистскими. Исторически в большинстве случаев они формировались в результате продолжительной борьбы крестьянства против помещиков и национального гнета; многие из них имеют революционные традиции и все они тесно связаны с широкими слоями в деревне... Без правильного отношения к этим союзам немыслима ни серьезная борьба против фашизма, ни работа по завоеванию крестьян на сторону пролетариата»⁸⁹.

В русле подобных оценок формировались выводы конгресса о перспективах антифашистских союзов в рассматриваемой части Европы. «В таких странах, как Польша, где наряду с рабочим движением разворачивается сильное крестьянское движение, где крестьянские массы имеют свои организации, радикализирующиеся под влиянием аграрного кризиса, где национальный гнет вызывает возмущение среди национальных меньшинств,— говорил Г. Димитров в своем заключительном слове на конгрессе,— развитие общенародного фронта борьбы будет идти параллельно с развитием единого пролетарского фронта, а порой в такого типа странах движение общенародного фронта может даже обгонять движение рабочего фронта»⁹⁰.

Значение политических организаций крестьянства в демократическом и антифашистском движении различных стран было далеко не одинаковым и зависело от многих конкретных обстоятельств, в том числе от степени демократизма и глубины традиций борьбы за специфические социальные интересы крестьянства, от массовости партий и уровня активности крестьянских «низов», от характера тактических принципов, от особенностей положения крестьянских или аграрных партий в политической системе каждой из стран.

В Болгарии и Польше крестьянские партии, игравшие важную, в первом случае даже решающую, роль при конституционном правлении, в период наступления реакции и перехода имущих классов к авторитарным формам правления проявили приверженность принципам парламентаризма и буржуазной демократии, что предопреде-

лило резкую конфронтацию их с силами, представлявшими антидемократическое и профашистское направление, и исключило для последних возможность в крупных масштабах использовать крестьянство в качестве социальной опоры реакционной власти. В Болгарии, где переворот 1923 г. был прямо обращен против правительства БЗНС и сопровождался массовым террором против «земледельцев», эта линия раздела обозначалась резко и сразу. Преследования со стороны террористического режима первоначально ослабили партию. Поражение привело к ряду расколов, к стремлению правых деятелей найти общий язык с режимом, со всеми буржуазными партиями и не восстанавливать союз в его прежнем виде и составе. Однако сторонники такой ориентации не приобрели заметного влияния в крестьянских массах. Дробление союза и разногласия в верхах партии лишь в малой степени затронули его массовую базу. Рядовые «земледельцы» по-прежнему ощущали себя единым движением, наследовавшим прогрессивные и демократические традиции БЗНС⁹¹. Очевидно, именно приверженность масс «земледельческому» движению помогла организациям БЗНС уже в конце 20-х годов вновь выдвинуться на передовую линию политической борьбы. Самая крупная из них, БЗНС — «Врабча—I» в 1930 г. насчитывала в своих рядах 60 тыс. членов и располагала в итоге выборов 1927 г. немалым представительством — 47 депутатов в Народном собрании⁹². На протяжении последующих лет она выступала против развития политической системы в сторону реакционных, диктаторских форм, за конституционное правление.

Компартия Болгарии в период борьбы за народный фронт, учитывая слабость болгарской социал-демократии и массовый характер крестьянской партии, полагала, что решающим для антифашистского единства будет сотрудничество с БЗНС⁹³.

Однако внутри «Врабча—I» не было политического единства. Если левые группы выступали за сотрудничество «земледельческого» движения с коммунистическим, то занимавшие командные позиции правые и центристы не признавали иных форм борьбы, кроме парламентской деятельности, и соглашались на контакты только с буржуазными оппозиционными партиями, в том числе и правой ориентации. Недовольство подобной политикой «Врабча—I» стало причиной оформления в 1932 г. новой организации БЗНС — «Александр Стамболийский», занявшей в течение последующих лет заметное место в оппозиционном режиму «земледельческом» движении. Левое крыло этой организации разделяло выдвинутую коммунистами идею народного фронта. Именно с левыми группировками из БЗНС — «Александр Стамболийский» и «Врабча—I», хотя и не без колебаний с их стороны, болгарские коммунисты с 1935 г. поддерживали контакт и в дальнейшем имели соглашения о сотрудничестве в духе народного фронта⁹⁴.

Наличие в политической структуре болгарского общества столь массовой организации, как БЗНС даже при его раздробленности и умеренной оппозиционности, обусловило верхушечный характер диктатуры, а питаемое настроениями масс «земледельцев» стремление сохранить себя как сугубо крестьянскую партию расстроило намере-

ния фашиствующих политиков путем соединения БЗНС с немногочисленными рядами своих последователей создать действительно массовое фашистское движение⁹⁵.

Переворот Ю. Пилсудского лишил власти правительство, в котором участвовала одна из крестьянских партий — Польская народная партия (Польске стронництво людове — ПСЛ) — «Пяст». Другие — ПСЛ — «Вывольнене» и Крестьянская партия (Стронництво хлопске) — наоборот, первоначально поддерживали свержение конституционного правительства, ошибочно видя в смене власти акт демократизации. Однако новый режим, утверждая себя под знаком наступления на существующую партийную систему, стал вытеснять с политической арены и партии, опиравшиеся на крестьянство. Были не только терроризированы и запрещены быстро набиравшая тогда силы Независимая крестьянская партия и Левое крестьянское объединение «Самопомощь» — революционные, связанные с коммунистическим движением сельские организации, но подверглись дискриминации и реформистские крестьянские партии. Это стимулировало их переход в оппозицию к «санационному» режиму и участие уже всех крупных крестьянских партий в левоцентристском антиправительственном блоке, образованном в конце 20-х годов. Оппозиционный блок, опиравшийся на традиционные парламентские методы, в отрыве от революционных сил и массового движения, не достигшего тогда необходимого размаха, был разгромлен правительством. Антипарламентарный курс и террористические методы «санации» в борьбе против массовых демократических организаций усилили внутри крестьянских партий стремление к единству, что привело в 1931 г. к их слиянию в единую Народную партию (Стронництво людове — СЛ), насчитывавшую в своих рядах от 120 тыс. членов в 1933 г. до более чем 150 тыс. — в 1937—1938 гг.⁹⁶ Вместе с тем поражение оппозиционного демократического блока с его парламентскими методами, ужесточение диктатуры и практически устранение в 1935 г. оппозиционных партий из парламента в полный рост поставили вопрос о новых формах борьбы политических организаций крестьянства. Радикализация же разоренной экономическим кризисом деревни, вылившаяся в новый подъем крестьянского движения, способствовала утверждению в 30-е годы некоторых левых идейно-политических установок СЛ и обращению партии к массовым внепарламентским антиправительственным действиям.

Серия организованных СЛ во второй половине 30-х годов многотысячных политических манифестаций против «санационной» диктатуры завершилась мощной крестьянской стачкой 1937 г., охватившей важнейшие сельскохозяйственные районы⁹⁷. Целью стачки, как подчеркивалось в обращении СЛ к крестьянам, было «продемонстрировать необходимость ликвидации санационной системы в Польше и восстановления насущных гражданских прав»⁹⁸.

Таким образом, по своим целям и формам борьбы политические организации польского крестьянского движения в 30-е годы приближались к концепции широкого фронта демократических сил. Но антикоммунизм лидеров СЛ и их стремление к «самостоятельным

крестьянским действиям» помешали тогда соглашению о сотрудничестве с КПП, о чем велись предварительные переговоры⁹⁹. Тем не менее коммунисты, учитывая подлинно массовый характер СЛ, энергично включались в организуемые им крестьянские выступления и становились инициаторами поддержки их пролетариатом¹⁰⁰.

Позже болгарские и польские коммунисты как раз через сотрудничество с левыми силами крестьянских партий осуществили союз рабочего класса и крестьянства в борьбе за революционные преобразования.

В других случаях под воздействием различных факторов в деятельности выступавших от имени крестьянства партий преобладали элементы традиционной буржуазной политики.

Так, в сербском Союзе земледельцев, образованном в 1919 г. в период становления конституционной системы и выдвигавшем на первый план социально-экономические требования, верх все-таки принадлежал политикам буржуазного толка. Им удавалось оттеснять от руководства сторонников радикальных методов борьбы и ограничиваться парламентской деятельностью, что в условиях свертывания демократических начал не обеспечивало партии той роли, на которую она претендовала, выступая от имени сербского крестьянства. Что касается Хорватской крестьянской партии (ХКП), то энергичная борьба за автономию Хорватии, почти непрерывное сопротивление репрессивному централистскому режиму обеспечили ей обширное влияние не только среди хорватских крестьян, но и в широких городских слоях, недовольных антидемократическим развитием буржуазной Югославии. Обе партии в разные моменты ставили проблему «единой крестьянской партии», но национальный партикуляризм, различия в вопросе о государственном устройстве, а также сугубо тактический подход к идее политического единства крестьянского движения помешали ее осуществлению¹⁰¹.

Компартия Югославии прилагала немало усилий, чтобы преодолеть традиционный для социал-демократии нигилизм по отношению к крестьянству и привлечь его политические организации в народный фронт. Однако земледельческая партия, хотя и находилась в оппозиции к монархической диктатуре и последующим реакционным правительствам, тем не менее ее лидеры искали союзников исключительно среди буржуазных политических группировок. Только левые «земледельцы» восприняли идею народного фронта и участвовали в совместных акциях с КПЮ.

Если, как это было в Хорватии, социалисты активно выступали против сотрудничества с крестьянским движением, то коммунисты в 1935—1937 гг. считали желательным соглашение с ХКП и вели переговоры с ее руководством. Лидеры же ХКП не отклоняли предложений компартии, если речь шла, например, о поддержке ХКП на выборах голосами сторонников КПЮ, но отказывались от всякого легального соглашения с коммунистами¹⁰². В целом смена руководства, происшедшая в 1928 г. после гибели от руки великохорватского террориста основателя и лидера ХКП С. Радича, способствовала забвению многих демократических и прогрессивных традиций партии.

Сосредоточение на национальной проблематике ослабило социальные и гражданские аспекты ее деятельности и способствовало превращению в партию преимущественно буржуазно-националистическую. Накануне второй мировой войны стремление лидеров ХКП любым путем добиться решения хорватского вопроса привело партию к бесплодному компромиссу с реакционной государственной властью¹⁰³.

В Венгрии Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ), созданная еще до первой мировой войны, в результате революционных событий 1918—1919 гг. превратилась в партию общевенгерского значения. В силу предельной классовой поляризации при Советской республике и после ее подавления произошло свертывание политических позиций Партии мелких сельских хозяев, отражавшей интересы той части крестьянства, которая становилась на путь капиталистического хозяйствования и стремилась устранить все преграды на этом пути. Хортистский режим не страдал недооценкой крестьянского движения. Реакции удалось прибрать к рукам возглавлявшую его влиятельную ПМСХ. Враждебность в отношении революционных сил и стремление лидеров ПМСХ во что бы то ни стало приобщиться пусть даже к самой реакционной власти, творимой крупной буржуазией и земельной аристократией, привели к организационному и политическому растворению партии в правительственном лагере и к значительному ущемлению политических позиций тех социальных сил, которые партия ранее представляла¹⁰⁴.

Однако в годы мирового экономического кризиса, затронувшего, как отмечается в венгерской литературе, все слои сельского населения, в венгерской деревне проявилось стремление освободиться от политической гегемонии крупной буржуазии и земельной аристократии. Политическое движение крестьян, охватившее в начале 30-х годов многие провинции страны, способствовало реактивации и преобразованию в Независимую партию мелких сельских хозяев, сельскохозяйственных рабочих и гражданских аграриев (НПМСХ), отражившую в своей программе буржуазно-демократические политические требования и экономические интересы мелкотоварного крестьянского хозяйства. Правда, и на этот раз деятелям из хортистской среды удалось занять определенное место в руководстве партии, чем объясняется молчаливая поддержка, которую НПМСХ оказала правительству Д. Гёмбёша.

Но во второй половине 30-х годов, разочаровавшись в перспективе расширения своего политического влияния под эгидой хортизма, а также убедившись в непопулярности его прогерманской ориентации, НПМСХ выступила против дальнейшей фашизации Венгрии и гибельной для независимости страны внешней политики режима. Она выдвинула широкую по форме, хотя и умеренную по содержанию, программу аграрных реформ, а также оказала противодействие распространению в массах влияния фрондировавшего с правительством правого экстремизма. Все это обеспечило НПМСХ заметное место среди оппозиционных режиму нефашистских сил¹⁰⁵.

Венгерские коммунисты считали, что при всей неоднородности НПМСХ и колебаниях в ее политической линии переход ее в оппо-

зицию, требование аграрной реформы, содержавшееся в принятой в 1937 г. новой программе, а также антигерманская ориентация в вопросах внешней политики могут сыграть положительную роль в антифашистской мобилизации деревни¹⁰⁶. Однако по традиции НПСХ пользовалась популярностью среди зажиточной части крестьянства. Для сплочения более широких слоев сельского населения левое крыло демократической группы интеллигенции — так называемых исследователей деревни — по рекомендации коммунистов в 1939 г. создало национальную крестьянскую партию, которая пропагандировала программу, близкую к идее народного фронта¹⁰⁷.

Целый ряд причин — и образование крестьянской партии в Румынии в период революционного подъема (1918 г.), когда это не только служило организации стихийного крестьянского движения, но должно было помешать распространению марксизма и революционного влияния в крестьянских массах, и объединение ее в дальнейшем с буржуазно-помещичьей Национальной партией, и вытеснение в руководстве крестьянских деятелей буржуазными политиками традиционного типа и, наконец, особенности расстановки политических сил, при которой Национал-царанистская партия (НЦП) выдвинулась на роль одного из партнеров в двухпартийной системе — все это обусловило преимущественно буржуазный характер Национал-царанистской партии и отступление ее лидеров от тех принципиальных целей и лозунгов, которые в свое время привлекли на сторону партии крестьянство¹⁰⁸. Румынские коммунисты, разоблачая реакционные стороны политики НЦП, в то же время отмечали демократические устремления крестьян, составлявших ее массовую базу, и подчеркивали необходимость показать массам и кадровым работникам партии их подлинную роль и возможности в антифашистской борьбе¹⁰⁹. Но эволюция руководства НЦП вправо зашла так далеко, что, отклонив все предложения коммунистов о совместном отпоре реакции, оно в 1937 г. пошло на предвыборный компромисс с оголтелыми фашистами из «Железной гвардии», что в свою очередь подтолкнуло группировку короля к установлению диктаторского режима¹¹⁰. В период королевской диктатуры правые лидеры обрекли НЦП на пассивность и повиновение запрету легальной партийной деятельности. Организацией крестьян, которая, следуя принципу антифашистского единства, поддерживала связь с КПР, был Фронт земледельцев.

Если в факте существования вышеназванных партий находила выражение такая существенная особенность социально-экономического развития соответствующих стран, как незавершенность капиталистического преобразования аграрного строя, то аграрная партия в Чехословакии поднялась на иной, капиталистически развитой экономической платформе. Здесь, как и в Германии, аграрная партия была образована собственниками крупных хозяйств для защиты капиталистического земледелия от политики одностороннего покровительства промышленному, торговому и банковскому капиталу. От других буржуазных партий ее отличало то, что, образовавшись как партия узкого слоя аграрных «верхов», она вскоре взяла курс на объединение под своим началом всего сельского населения

и достигла этой цели с помощью пропаганды солидаристских лозунгов, выдвижения в пору борьбы за независимость национально-освободительных и демократических требований, а также создания густой сети экономических и профессиональных организаций, материально подчинивших мелких производителей¹¹¹.

В рассматриваемое время эта партия, не без умысла переименовавшая себя в Чехословацкую республиканскую партию земледельцев и мелких крестьян, представляла интересы аграрного монополистического капитала и занимала место на правом фланге политического фронта буржуазии. Но поскольку в ее составе или в родственных ей организациях продолжали оставаться основные массы сельского населения, КПЧ ориентировалась на демократические элементы в низовых звеньях аграрной партии и в многочисленных руководимых ею экономических, просветительных и других организациях, стараясь использовать ширившееся там недовольство политикой верхушки аграриев¹¹².

В Греции политическая организованность крестьянства не имела продолжительной традиции и не достигла необходимого для консолидации в едином центре уровня. К середине 30-х годов существовало несколько аграрных партий, а некоторая часть крестьян следовала за буржуазными партиями. Поэтому компартия в 1935 г. выдвинула лозунг создания массовой крестьянской партии и слияния с ней коммунистических ячеек в деревне. В начале 1936 г. КПГ удалось вместе с аграрной партией Воядзиса и другими демократическими группами создать в парламенте фракцию народного фронта. Затем на основе слияния сельских ячеек компартии с аграрной партией Софианоупулоса — Гаврилидиса образовалась Объединенная аграрная партия, которая откликнулась на обращение КПГ организовать борьбу за свержение диктатуры Метаксаса, за возвращение народу свободы и конституции, парламентского режима, за проведение свободных выборов¹¹³.

Свои особенности в рассматриваемых странах имела политика народного фронта в целом. Господство в большинстве из них антидемократических, приобретавших фашистские черты диктатур, повсеместная эволюция вправо ведущих кругов буржуазии, неспособность правящих группировок оказать эффективное противодействие экспансии фашистских держав в Центральную Европу и на Балканы дифференцировали имущие классы этих стран, делая сторонников парламентаризма и буржуазной демократии, а также патристически настроенные общественные круги заинтересованными в изменении существующего положения, и создавали объективные предпосылки для включения этих сил в антифашистскую борьбу. Но ограничение свободы политической деятельности в целом, вынужденное нахождение в подполье революционных партий и жестокость обращенных против них административных репрессий наряду с идейными и политическими различиями внутри антифашистских сил воздвигали трудный для преодоления на практике барьер между коммунистами и сторонниками других партий оппозиции, мешавший установлению прямого и широкого сотрудничества между ними.

Тем не менее и в этих условиях коммунистические партии сумели стать ведущим фактором антифашистской борьбы. Эффективность отпора фашизму там, где предложенная коммунистами политика антифашистского единства была претворена в жизнь, конструктивный характер программ народного фронта, предлагаемых компартиями в соответствии с условиями каждой страны, сделали лозунг народного фронта чрезвычайно популярным среди самых широких прогрессивно и демократически настроенных слоев населения рассматриваемой части Европы, оставшихся вне сферы идейно-политического воздействия реакционной государственной власти. Поэтому оппозиционные режимам нефашистские буржуазные партии, как и социал-реформисты, на деле весьма далекие от осуществления действительного союза прогрессивных и демократических сил во главе с рабочим классом и его революционным авангардом, чтобы не разочаровать увлеченные этими идеями массы, как правило, избегали прямых нападок и принципиальных возражений против предложений коммунистов о народном фронте. Наоборот, учитывая популярность этой идеи, нефашистская оппозиция и особенно социал-реформисты не исключали термина «народный фронт» из своего политического лексикона. Но при этом старались лишить его революционного содержания, пропагандируя некий «народный фронт без коммунистов», который по существу сводился к обычной при развитом парламентаризме межпартийной блокировке, определенно недостаточной для отпора фашизму в условиях антидемократических диктатур.

И все же концепция народного фронта стимулировала (это отмечено современной историографией¹⁴) центристские тенденции демократических и нефашистских группировок. В одних случаях, как правило, там, где наблюдалась особая дробность политических сил и оппозиционные партии или некоторые из них не имели достаточной опоры в обществе, эта тенденция привела к образованию оппозиционных блоков с участием буржуазных, мелкобуржуазных и социал-реформистских партий — так называемая «пятерка» в Болгарии, «Блок народного согласия» в Югославии или инициативный комитет по координации борьбы против диктатуры И. Метаксаса в Греции. В других случаях, например, в Польше, где отдельные оппозиционные течения были представлены достаточно крупными партиями, каждая из которых в той или иной мере претендовала на лидерство в предполагаемом союзе и не желала делить с потенциальными партнерами сферы своего политического влияния, проблема коалиции демократических и нефашистских партий осталась в стадии переговоров, заключены были соглашения только по некоторым вопросам, предусматривалась ограниченная поддержка друг друга в отдельных политических акциях. Но сам факт обсуждения в ППС, Бунде или крестьянской партии Стронництво людове, в том числе на уровне высших партийных инстанций, возможностей и условий сотрудничества с коммунистами был новым явлением в деятельности этих партий.

При всей непоследовательности буржуазных и социал-реформистских партий, боязни использовать массовые внепарламентские

действия, нежелании их лидеров в большинстве случаев сотрудничать с коммунистами, компартии сумели выработать правильное отношение к объединениям этих партий, считая, что в условиях насаждения правительствами тоталитарных государственных форм блокировка оппозиционных сил на платформе требований восстановления буржуазной демократии может стать ступенью к созданию народного фронта. Поэтому компартии поддерживали такие группировки, устанавливали, где это было возможно, контакты, стремясь путем мобилизации масс не допустить отступления нефашистских партий на позиции компромисса с режимами или с силами правой оппозиции.

Компартия Греции после установления диктатуры И. Метаксаса не только вошла в созданный буржуазными деятелями инициативный комитет по координации борьбы с режимом, но и в обстановке, когда ряды буржуазных партий из-за непривычных для них репрессий оказались расстроенными, превратилась в самую активную силу и признанного лидера сопротивления диктатуре¹¹⁵.

Болгарские коммунисты поддерживали все начинания «пятерки» по восстановлению буржуазно-демократического строя. И хотя буржуазные партии не допустили официального присоединения Рабочей партии к оппозиционному блоку, под давлением левых социал-демократов и левых «земледельцев», чьи партии вступили в соглашение о сотрудничестве с РП, они вынуждены были согласиться на участие представителей коммунистов в работе «пятерки»¹¹⁶.

Компартия Польши, когда идея народного фронта в форме межпартийного соглашения о сотрудничестве коммунистов, социалистов и крестьянского движения была отклонена предполагавшимися партнерами, понимая всю важность консолидации оппозиционных сил, предложила концепцию широкого демократического фронта — союза ППС и СЛ, в котором участие революционного крыла рабочего движения осуществлялось бы через объединенные классовые профсоюзы¹¹⁷.

Переговоры, соглашения и сотрудничество компартий с партиями и блоками демократической и нефашистской оппозиции были новым явлением в общественной жизни большинства из рассматриваемых стран, свидетельствовавшим о том, что революционные партии расширяли свои политические позиции, становясь не только авангардом рабочего класса, но и центром притяжения всех прогрессивных сил.

Что касается позиции социал-реформистских партий рассматриваемого региона, то факт отказа их центральных руководств от организационного оформления и фактической реализации единого рабочего фронта лишил их политику в вопросах консолидации антифашистских сил, а также тактику борьбы против антидемократических режимов классового содержания и ставил социал-демократию в один ряд с партиями буржуазной оппозиции, не проявлявшими необходимой последовательности в борьбе за восстановление и защиту демократии¹¹⁸.

Движение за народный фронт, ставившее во главу угла решение жизненно важных национальных задач, переплеталось с развитием

антивоенной и антифашистской борьбы на интернациональной основе. Международные кампании против подготовки империалистической войны, за прекращение фашистской агрессии в Эфиопии и Испании, международные акции в защиту жертв фашизма в Италии и Германии, меры помощи антифашистской эмиграции, протесты против политического террора в собственных странах и борьба за освобождение политических заключенных объединяли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы людей различной социальной и классовой принадлежности, политических взглядов и убеждений, разных религиозных верований и оттенков мысли, давая пример широкого межклассового сотрудничества во имя демократических целей и гуманистических идеалов.

Расширение в результате победы нацистов в Германии очага фашизма на Европейском континенте привело к тому, что во второй половине 30-х годов агрессивный германский и итальянский фашизм представлял для народов Центральной и Юго-Восточной Европы еще более разрушительную силу, чем внутренняя реакция.

По мере обострения международной обстановки к концу 30-х годов проблема предотвращения фашистской агрессии против расположенных в Центральной и Юго-Восточной Европе стран, защита их независимости и национального суверенитета оказались в фокусе борьбы рабочего класса и его революционного авангарда, выступавшего как наиболее последовательная антифашистская сила. Но это особый вопрос ¹¹⁹.

В целом же рабочее движение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенное двадцатилетие развивалось по восходящей линии. Вначале это проявилось в небывалом по силе и размаху революционном подъеме, наступившем после первой мировой войны и социалистической революции в России. В те годы революционные настроения трудящихся находили выражение как в конкретных антикапиталистических, антиэксплуататорских действиях, так и в стремительном росте политической и профессиональной организованности рабочего класса, в кристаллизации революционного авангарда и формировании идейно-политических основ революционных партий.

В дальнейшем частичная стабилизация капитализма, требовавшая в большинстве рассматриваемых стран перехода к авторитарным государственным формам, хотя затормозила развитие рабочего движения вширь, но не смогла оказать решающего влияния на его идейно-политическую ориентацию или подорвать его организационные основы. Классовый облик основных направлений рабочего движения, сохранившего независимость от реакционного государства, а также оппозиционность крестьянского движения и связанных с ним партий не позволили утвердившимся тогда антидемократическим режимам даже в случае копирования ими фашистских административных методов настолько расширить социальную опору своей власти, чтобы сколько-нибудь полно реализовать прогрессирующую в 30-е годы тенденцию фашизации и претворить в жизнь тоталитарную государственную модель.

Вторая половина этого десятилетия принесла рабочему классу стран Центральной и Юго-Восточной Европы ценный политический опыт. Был найден верный путь противодействия силам реакции и фашизма. Коммунистические партии предложили народам конкретные программы борьбы против фашистской опасности во всех ее проявлениях. Стратегия антифашистского единства стимулировала различные формы массового движения, вовлекая в него в определенные периоды большие отряды рабочих, крестьян, всех антифашистов и патриотов. В свою очередь компартии, в том числе и те, которые раньше вели в условиях подполья преимущественно пропагандистскую работу, благодаря своей авангардной роли в проведении политики единства всех демократических течений расширили и укрепили связи с массами.

Вместе с тем представляется, что стратегические цели антифашистской борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не могли быть исчерпаны в рассмотренный период. По мере обострения международной обстановки главной в этом регионе стала внешняя фашистская опасность, обернувшаяся для одних народов агрессией гитлеровской Германии и фашистской Италии с последующей ликвидацией самостоятельной государственности, для других — вассальной зависимостью от фашистских держав. В таких условиях политика единства демократических сил слилась с задачей национального освобождения, ряды антифашистского фронта пополнились борцами Сопротивления.

При этом заслуживает быть особо отмеченным, что уже на VII конгрессе Коминтерна было подчеркнуто, что именно перспектива отражения фашистской агрессии включает в себе «максимальные возможности для создания широчайшего единого фронта»¹²⁰. Эта формулировка, как представляется, достаточно свидетельствует о том, что в теоретической мысли коммунистического движения концепция антифашистского народного фронта с самого начала несла в себе зерно перерастания при необходимости в более широкие межклассовые союзы. Благодаря ее реализации в годы второй мировой войны компартии стран Центральной и Юго-Восточной Европы стали превращаться из авангарда пролетариата в ведущую силу своих народов.

Разгром гитлеровской военной машины Советской Армией-освободительницей, политика сплочения всех антифашистских сил в широких рамках народных и национальных фронтов создали благоприятные условия для коренных революционных перемен, которые под руководством коммунистических и рабочих партий были осуществлены народами Центральной и Юго-Восточной Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Из работ советских авторов последнего десятилетия, в которых рассматриваются вопросы теории политических систем, и в частности политической системы капиталистического общества и ее кризиса, методология и методы их исследования, см.: *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974; Политический механизм диктатуры монополий. М., 1974; Углубление общего кризиса капитализма. М., 1976; *Шахназаров Г. Х.* Неустойчивость политической системы империализма.— В кн.: Вопросы теории и жизнь. М., 1976, вып. 3; Политические системы современности: Очерки. М., 1978; *Шубин В. А.* Политическая система государственно - монополистического капитализма и ее кризис: Методологические проблемы. Л., 1978; *Галкин А. А.* Октябрьская революция и кризис политической системы капитализма.— В кн.: Великий Октябрь и современная эпоха: Международная научно-теоретическая конференция. М., 1977; *Он же.* Кризис политической системы капитализма.— Общественные науки, 1978, № 4; *Шахназаров Г. Х., Бурлацкий Ф. М.* О развитии марксистско-ленинской политической науки.— Вопросы философии, 1980, № 12; *Афанасьев В. Г.* О целостных системах.— Вопросы философии, 1980, № 6; *Он же.* Динамика социальных систем.— Коммунист, 1980, № 5; *Он же.* Системность и общество. М., 1980; *Марченко М. Н.* Политическая система современного буржуазного общества. М., 1981.
- ² *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Социология. Политика..., с. 177.
- ³ Там же, с. 217; *Афанасьев В. Г.* Системность и общество, с. 194.
- ⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.
- ⁵ См.: *Шубин В. А.* Политическая система государственно-монополистического капитализма..., с. 74.
- ⁶ См.: *Галкин А. А.* Октябрьская революция и кризис политической системы капитализма..., с. 213; *Тимофеев Т. Т.* Изменения в мире и кризис капитализма.— Рабочий класс и современный мир, 1980, № 2, с. 15.
- ⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 23.
- ⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 422.
- ⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 208.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
- ¹¹ Там же, с. 71.
- ¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 314.

КРИЗИС БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В БОЛГАРИИ: И РЕЖИМ БЗНС

- ¹ См. подробнее: *Маковецкая Т. Ф.* Особенности буржуазной парламентской системы Болгарии и начало ее кризиса в 1918—1919 гг.— В кн.: Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М., 1982, с. 162—167.
- ² *Стамболийски А.* Избрани произведения. София, 1979, с. 217—238; Земедельско знаме, 1919, 8.VI.
- ³ Статистически годишник на Българското царство. Години V—XIV (1913—1922). София, 1924, с. 59.
- ⁴ См. подробнее: *Маковецкая Т. Ф.* Буржуазный парламентаризм в Болгарии: становление и развитие (от освобождения страны от османского ига до ее вступления в первую мировую войну).— В кн.: История и культура Болгарии. М., 1981, с. 217.
- ⁵ Стенографски дневници на XVII

- Обикновено народно събрание (далее — СД ОНС), I извънредна сесия (далее — ИС). София, 1919, кн. 1, с. 6—7.
- ⁸ Христов Х. Революционната криза в България през 1918—1919 г. София, 1957, с. 498—499, 501—508 и след.
- ⁹ Бирман М. А. Революционна ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957, с. 373.
- ¹⁰ Коджейков Д., Христов Х., Ламбрев К., Георгиев А. Организации и борби на транспортните работници в България 1878—1944. София, 1962, с. 147—152.
- ¹¹ Христов Х. Революционната криза..., с. 514—515.
- ¹² См. подробнее: Бирман М. А. Конгрессионална революционна роля Антанты и США в Болгарии в 1918—1919 гг.— Вопросы истории, 1951, № 5; Бирман М. А. Революционна ситуация..., с. 335, 359, 378; Христов Х. Революционната криза..., с. 495—496, 508—509, 518—519, 557—558.
- ¹³ Георгиев В. Буржоазната и транспортната стачка 1919—1920 г.— Известия на Института по история на БКП. София, 1979, т. 41, с. 67—88.
- ¹⁴ Бирман М. А. Революционна ситуация..., с. 370, 379.
- ¹⁵ На выборах XIX ОНС проголосовали 82,2% из числа внесенных в списки избирателей, в то время как на выборах в XVIII ОНС — 57,5% (см.: Беров Л. Социална основа на режима на БЗНС. 1918—1923.— Исторически преглед, 1972, № 4, с. 46). На наш взгляд, одна из причин такой активности избирателей состояла в том, что XVIII ОНС по инициативе БЗНС, набравшего темп на пути к власти, 2 декабря 1919 г. приняло весьма существенные поправки и дополнения к избирательному закону. Вводилась обязательная подача голосов для всех лиц, имевших избирательные права, а также устанавливалась система репрессивных мер за невыполнение этого положения. (СД на XVIII ОНС, I редовна сесия (далее — РС). София, 1920, кн. 1, с. 510).
- ¹⁶ Статистически годишник на Българското царство. Години V—XIV (1913—1922), с. С 60.
- ¹⁷ Централен партийен архив на ЦК на БКП (далее — ЦПА), ф. 205, оп. 2, а. е. 48.
- ¹⁸ Икономиката на България до социалистическата революция. София, 1969, т. 1, с. 479—482.
- ¹⁹ Там же, с. 485—486; История на България. София, 1964, т. 3, с. 68.
- ²⁰ Икономиката на България..., т. 1, с. 486—488.
- ²¹ Натан Ж., Беров Л. Монополистическият капитализъм в България. София, 1958, с. 133.
- ²² История на България, т. 3, с. 68.
- ²³ Икономиката на България..., т. 1, с. 491.
- ²⁴ Натан Ж., Беров Л. Монополистическият капитализъм..., с. 188—193; Икономиката на България..., т. 1, с. 492—498.
- ²⁵ Цонев С., Близнаков П. Икономически предпоставки на социалистическата революция в България. Варна, 1964, с. 17.
- ²⁶ Натан Ж., Беров Л. Монополистическият капитализъм..., с. 133—157, 167—181, 263—269.
- ²⁷ Там же, с. 264.
- ²⁸ Цонев С., Близнаков П. Икономически предпоставки..., с. 22.
- ²⁹ Икономиката на България..., т. 1, с. 504—505.
- ³⁰ Натан Ж., Беров Л. Монополистическият капитализъм..., с. 133, 277.
- ³¹ Икономиката на България..., т. 1, с. 510.
- ³² СД на XIX ОНС, I ИС София, 1920, кн. 1, с. 702.
- ³³ Стамболийски А. Земеделско управление. Първа година (петнадесет часова реч на министър-председателя А. Стамболийски, произнесена на XVII редовен земеделски конгрес). София, 1921, с. 89.
- ³⁴ СД на XIX ОНС, I ИС, кн. 1, с. 676.
- ³⁵ СД на XIX ОНС, II ИС. София, 1924, кн. 3, с. 1278.
- ³⁶ СД на XIX ОНС, I ИС. София, 1921, кн. 2, с. 1317—1318.
- ³⁷ СД на XIX ОНС, I РС. София, 1923, кн. 4, с. 2974—2978.
- ³⁸ Стамболийски А. Избрани произведения, с. 228—232, 235—236.
- ³⁹ СД на XIX ОНС, I р. с., кн. 4, с. 2974—2975, 2977—2978.
- ⁴⁰ История на България, т. 3, с. 74.
- ⁴¹ Държавен вестник, 1922, 13.I.
- ⁴² Държавен вестник, 1920, 22.X.
- ⁴³ Държавен вестник, 1922, 26.VIII.
- ⁴⁴ Стамболийски А. Избрани произведения..., с. 232.

- ⁴³ Икономиката на България..., т. 1, с. 483; *Матеев Б.* Движението за кооперативно земеделие в България при условията на капитализма. София, 1967, с. 32—34.
- ⁴⁴ Уже в 1922 г. в стране было 1731 кредитных, потребительских и другого вида коопераций (Икономиката на България..., т. 1, с. 495). К началу 1923 г. кооперативное движение объединяло 250 тыс. человек. См.: *Матеев Б.* Движението за кооперативно земеделие..., с. 34.
- ⁴⁵ Накануне установления режима БЗНС в Болгарии возникли два крупных монополистических объединения «Табачный консорциум» (1919 г.) и «Объединение экспортеров и фабрикантов табака» (рубеж 1919—1920 гг.). В процессе своей деятельности они стремились диктовать низкие закупочные цены на табак и монополизировать его экспорт (см.: *Натан Ж., Беров Л.* Монополистический капитализм..., с. 188; Икономиката на България..., т. 1, с. 493).
- ⁴⁶ Икономиката на България..., т. 1, с. 483.
- ⁴⁷ Там же, с. 497—498.
- ⁴⁸ *Стамболийски А.* Политически партии или съсловни организации? София, 1909, с. 19—20, 170—172, 236—243; *Стамболийски А.* Избрани произведения, с. 224—225, 234, 237.
- ⁴⁹ СД на XIX ОНС, I ИС, кн. 2, с. 809, 1280.
- ⁵⁰ Там же, с. 1513—1514.
- ⁵¹ *Иванов Р.* Финансовата политика и реформи на правителство на Александър Стамболийски (1920—1923).— *Финанси и кредит*, 1972, № 9, с. 65—66.
- ⁵² Там же, с. 69.
- ⁵³ *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии 1919—1925. София, 1976, с. 51.
- ⁵⁴ *Стамболийски А.* Избрани произведения..., с. 230, 236.
- ⁵⁵ *Цонев С., Близнаков П.* Икономическите предпоставки..., с. 26.
- ⁵⁶ *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма..., с. 132.
- ⁵⁷ *Стамболийски А.* Избрани произведения..., с. 236.
- ⁵⁸ СД на XIX ОНС, I ИС, кн. 2, с. 1057.
- ⁵⁹ Икономиката на България..., с. 484.
- ⁶⁰ К таким выводам приходит болгарский исследователь Л. Беров,

- проанализировавший результаты выборов в XVII—XIX ОНС при сопоставлении их с результатами переписи населения за те же годы, с учетом размеров земельных владений сельского населения (см.: *Беров Л.* Социалини основи..., с. 46—58). При известной относительности выводов, которые можно сделать, исследуя подобного рода источники, общая тенденция представляется несомненной.
- ⁶¹ *Земеделско знаме*, 1919, 8.VI; 1922, 9.VI.
- ⁶² В соответствии с данными XV, XVI и XVII съездов БЗНС в эти годы в нем состояло: безземельных крестьян — 1919 г.—1%, 1921 г.—2,9%, 1922 г.—2,5%; мало-земельных (с наделами до 50 дек.) в 1919 г.—51%, 1921 г.—61%, 1922 г.—74,1%; владельцев участков площадью от 50 до 100 дек.: 1919 г.—32%, 1921 г.—28%, 1922 г.—20,5%; владельцев участков свыше 100 дек. (зажиточных крестьян): 1919 г.—16%, 1921 г.—8,1%, 1922 г.—2,9% (см.: *Земеделско знаме*, 1919, 8.VI; 1921, 24.II; 1922, 9.VI).
- ⁶³ *Иванов Р.* Финансовата политика и реформи..., с. 69.
- ⁶⁴ *Стамболийски А.* Избрани произведения..., с. 223; Програма за дейността на Българския земеделски народен съюз. София, 1920, с. 23.
- ⁶⁵ *Стамболийски А.* Избрани произведения..., с. 221—222.
- ⁶⁶ Там же, с. 218, 222.
- ⁶⁷ До установления «земледельческого» режима такая постановка вопроса о монархическом институте в документах БЗНС имела достаточно выраженный характер. Она содержалась в требованиях двух направлений: 1. Наделить Народное собрание широкими полномочиями в области военной и финансовой (см.: Програма за дейността..., с. 24, 32—33), что означало ущемление прав монарха по линии сужения формально закрепленных за ним полномочий и возможностей; 2. Ограничить фактические полномочия исполнительной власти в целом посредством децентрализации всей системы власти, демократизации избирательной системы, обеспечения

политических свобод (Програма за дейността..., с. 23—24, 26).

⁶⁸ *Дерменджиев И.* Организация на трудовата повинност в България 1920—1934.— Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. Година 1961. София, 1961, кн. 1, с. 382, 391, 399—417; *Он же.* Развитие на държавния апарат в България по време на управление то на БЗНС.— Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. Година 1964. София, 1964, т. 55, кн. 2, с. 291—292, 307—308, 314—318, 324—326, 340.

⁶⁹ Програма за дейността..., с. 23.

⁷⁰ На общинных выборах 7 декабря 1919 г. БКП (т. с.) имела большой успех, она получила 140 тыс. голосов, из них — 55 тыс. в городе, 85 тыс. — в селе. Это обеспечило ей большинство в 22 городских и 65 сельских общинных советах (см.: Българската комунистическа партия (тесни социалисти) в Народното събрание и общините. Декларации, предложения, искания. София, 1922, ч. II, с. 10). Важным было то, что победа была одержана в муниципальных советах целого ряда крупнейших городов страны (см.: Общинската политика на БКП 1891—1944. София, 1974, с. 133). Значительным был успех коммунистов и на частных выборах в городские муниципалитеты в октябре 1921 г., когда за них было подано уже 65 тыс. голосов. См.: Българската комунистическа партия (тесни социалисти) в Народното събрание..., с. 10.

⁷¹ БКП в резолюции и решения..., т. II, с. 14—15, 23, 65—69, 101—107.

⁷² Там же, с. 94—100, 216.

⁷³ Там же, с. 135—142.

⁷⁴ Там же, с. 136—137, 142.

⁷⁵ Там же, с. 129—133, 137—138.

⁷⁶ *Вълчев С.* Програмата и тактиката на БКП (т. с.) в окръжните и общинските съвети и училищните настоятелства и директивата за тяхното прилагане.— Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизм при висшите учебни заведения. Година втора. София, 1962, кн. 1—2, с. 207—208.

⁷⁷ Общинската политика на БКП..., с. 155—158, 160—169, 169—172,

175—194, 196—205, 206—224, 227—229, 233—240, 242, 245—273.

⁷⁸ Българската комунистическа партия (тесни социалисти) в Народното събрание и общините..., с. 10.

⁷⁹ В соответствии с решениями Верховного союзного совета дружбы имели право подбирать местную администрацию, осуществлять контроль за ее деятельностью, следить за претворением в жизнь законодательных мер. См.: *Радулов С.* Идеините основи на Земеделския режим.— Академия за обществени науки и социално управление на ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «История». София, 1979, № 105, с. 46; *Он же.* Управлението на БЗНС и българската буржоазия. София, 1981, с. 139.

⁸⁰ *Стамболийски А.* Избрани произведения..., с. 219, 221.

⁸¹ История на Българската комунистическа партия. София, 1981, с. 222, 224—225, 227—228.

⁸² БКП в резолюции..., т. 2, с. 195.

⁸³ По данным V съезда БКП (т. с.) (4—7 июня 1922 г.) в ней насчитывалось к тому времени 38 036 членов. См.: БКП в резолюции..., т. 2, с. 201.

⁸⁴ История на Българската комунистическа партия..., с. 215.

⁸⁵ В соответствии с данными отчета ЦК ВРСДП(о), сделанного на ее XXV съезде (22—24 октября 1922 г.), в 1920/21 отчетном году в партии состояло 20 485 членов, а в 1921/22 г.— по неполным данным — 24 566 членов. ЦПА, ф. 267, оп. 1, а. е. 42, л. 89 (с. 23).

⁸⁶ ЦПА, ф. 267, оп. 1, а. е. 42, л. 89 (с. 22).

⁸⁷ ЦПА, ф. 267, оп. 1, а. е. 42, л. 47, 89 (с. 22); ф. 267, оп. 1, а. е. 68, л. 1.

⁸⁸ См.: История на Българската комунистическа партия, с. 211, 214.

⁸⁹ *Димитрова С.* БКП против десния опортюнизм за единство на работническата класа (1917—1923). София, 1977, с. 140—146.

⁹⁰ ЦПА, ф. 267, оп. 1, а. е. 42, л. 170.

⁹¹ *Радулов С.* Кризата в общественно-политическите възгледи на буржоазната демокрация в България (1919—1923 гг.).— Академия за обществени науки и социално управление на ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «История», 1972, № 52, с. 70—71.

⁹² *Йоцов Я.* За социално-икономи-

- ческата основа на фашистската диктатура у нас в нейния начален етап. 1923—1925.— Исторически преглед, 1958, № 5, с. 23—24.
- ⁹³ Радулков С. Кризата в общественно-политическите възгледи..., с. 31—32.
- ⁹⁴ Централен държавен исторически архив, ф. 401, оп. 1, а. е. 103, л. 1; Независимост, 1922, 11.VIII.
- ⁹⁵ Радикал, 1920, 14.X.

- ⁹⁶ Гришина Р. П. Возникновение фашизма..., с. 94.
- ⁹⁷ Там же, с. 94, 136—137.
- ⁹⁸ Радикал, 1922, 15.VII; Мир, 1922, 15.VII.
- ⁹⁹ Слово, 1922, 10.VII.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Статистически годишник на Българското царство. Години XV—XVI (1923—1924). София, 1925, с. С 50.

ТРАНСФОРМАЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 20-х ГОДАХ

- ¹ Capek K. Hovory s T. G. Masarykem. Praha, 1969, s. 263.
- ² Masaryk T. G. Světová revoluce. Praha, 1930, s. 409.
- ³ Masaryk T. G. Cesta demokracie. Praha, 1934, d. II, s. 209—210; Beneš E. Demokracie dnes a zítra. Londýn, (s. a.), sv. I, s. 54; sv. II, s. 210—220.
- ⁴ Capek K. Hovory s T. G. Masarykem, s. 263.
- ⁵ Beneš E. Demokracie..., sv. II, s. 230.
- ⁶ Capek K. Hovory s T. G. Masarykem, s. 263.
- ⁷ Beneš E. Demokracie..., sv. II, s. 215.
- ⁸ Beneš E. Demokracie..., sv. I, s. 54.
- ⁹ Lidové noviny, 1928, 8.IV.
- ¹⁰ См., в частности: Komunistická revue, 1926, č. 9, 17, 22; 1927, č. 5, 10.
- ¹¹ Komunistická revue, 1926, č. 4, s. 147.
- ¹² Rudé právo, 1927, 4.III.
- ¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67; т. 25, с. 321—322.
- ¹⁴ История Чехословакии. М., 1960, т. 3, с. 202—204; Za chleba, práci, pudů a svobodu: Sb. dokumentů. Praha, 1954, s. 469.
- ¹⁵ Příruční slovník k dějinám KSC. Praha, 1964, sv. II, s. 964—965.
- ¹⁶ Unliř D. Republikánská strana venkovského a maloroľnického lidu. 1918—1938. Praha, 1972, s. 61.
- ¹⁷ Harna J. Kritika ideologie a program českého národního socialismu. Praha, 1978, s. 112; Idem. Českoslovenští národní socialisté po první světové válce.— In: Sborník k dějinám 19 a 20 století. Praha, 1979, č. 6, s. 377—378.
- ¹⁸ Příruční slovník k dějinám KSC, sv. II, s. 964—965.
- ¹⁹ Šmeral B. Historické práce. Praha, 1961, s. 144—145.
- ²⁰ Archiv Ústavu marxismu-leninismu UV KSC (далее — AUML), f. 39, sl. I, 11. 104, 105, 106.
- ²¹ Prager Presse, 1926, 1.I.
- ²² Archiv Národního muzea (далее — ANM), f. K. Kramář, krab. 32/II, inv. jedn. 42.
- ²³ Protokol XVI sjezdu Čs. sociálně demokratické strany dělnické. Praha, 1930, s. 184.
- ²⁴ Venkov, 1925, 4.XII.
- ²⁵ ANM, f. L. Rašin, krab. 3, sl. 81.
- ²⁶ Beneš E. Demokracie..., sv. II, s. 235—236.
- ²⁷ AUML, f. 48, sl. 6, l. 239.
- ²⁸ Лацко К. Конституция домюнхенской Чехословацкой республики. М., 1972, с. 279.
- ²⁹ AUML, f. 39, sl. 1.
- ³⁰ ANM, f. K. Kramář, krab. 32/II, inv. jedn. 626.
- ³¹ Nejedlý Z. O lidovou republiku. Praha, 1949, d. III, s. 267.
- ³² Národní osvobození, 1926, 27.VI.
- ³³ Prager Tagblatt, 1926, 7.XI.
- ³⁴ Lidové noviny, 1928, 8.IV.
- ³⁵ Kubka F. Mezi Váčkami. Praha. 1969, s. 66.
- ³⁶ Obzina J. K leninskému pojetí politiky. Praha, 1971, s. 71.
- ³⁷ AUML, f. 39, sl. II, l. 284.
- ³⁸ Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика / Пер. с чешск. М., 1954, с. 87.
- ³⁹ Peroutka F. Budování státu. Praha, 1936, d. III, s. 2008.
- ⁴⁰ Коммунистический Интернационал, 1921, № 17, с. 4195.
- ⁴¹ Archiv Kanceláře prezidenta republiky (далее — AKPR), T. 805/26.

- ⁴² АКРР, Т 944/21, Т 344/25, Т 109/26, Т 287/27, Т 990/28, Т 809/29, Т 928/28 и др. Некоторые опубликованы в сб.: Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика, с. 201, 247, 265.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Masaryk T. G. Cesta demokracie. Praha, 1934, d. I, s. 120.
- ⁴⁵ Peroutka F. Budování státu. Praha, 1936, d. IV, s. 2173.
- ⁴⁶ Masaryk T. G. Cesta demokracie, d. I, s. 390.
- ⁴⁷ Obzina J. K leninskému pojetí politiky, s. 69.
- ⁴⁸ Die «Burg»: Einflußreiche politische Kräfte am Masaryk und Benes. München — Wien, 1973—1974, Bd. 1/2.
- ⁴⁹ Известный интерес, безотносительно к тому, насколько правомерно зачисление того или иного конкретного лица в эту группировку, представляют данные об их политической принадлежности (национальные социалисты — 17%, чехословацкие и немецкие социал-демократы — 18%, аграрии — чехословацкие и немецкие — 12%, национальные демократы — 9%, члены народной партии — 3%, немецкой христианско-социальной — 2%, отсутствуют сведения о 38% лиц). По роду деятельности 45% их было государственными служащими, издателями, журналистами, адвокатами, преподавателями высших и средних учебных заведений, священниками, врачами — 37%; 12% — торговцами, банкирами, промышленниками, средними и крупными землевладельцами (Die «Burg», Bd 1, S. 64—68).
- ⁵⁰ Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика, с. 104.
- ⁵¹ Peroutka F. Budování státu. Praha, 1934, d. II, s. 891.
- ⁵² Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика, с. 193—195.
- ⁵³ Там же, с. 203.
- ⁵⁴ Michel B. Milieux dirigeants et franc-maçonnerie en Europe Centrale: L'exemple de la Tchécoslova-
- que.— Bulletin de la société d'histoire moderne, 1977, N 19, p. 6.
- ⁵⁵ AUML, f. 39, sl. I, l. 103.
- ⁵⁶ Bianchi L. Politický systém buržoaznej ČSR s osobitým zreteľom na Slovensko.— Historický časopis, 1979, č. 2, s. 197.
- ⁵⁷ Masaryk T. G. Cesta demokracie, d. II, s. 120.
- ⁵⁸ 12 сентября на тайном совещании Масарика с Тусаром и Шверлой была достигнута договоренность, что коалиционное правительство уходит в отставку. Затем Масарик собственноручно зафиксировал достигнутое соглашение: «Эта коалиция распадается, но коалиционная программа остается неприкосновенной. Ее центр тяжести будет перенесен в парламент». (Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика, с. 88). Таким образом, сотрудничество буржуазных и реформистских партий продолжалось, но скрытно, за спиной «беспартийного кабинета «специалистов» (Narodní shromáždění RCS v prvním desetiletí. Praha, 1928, s. 239).
- ⁵⁹ Narodní politika, 1922, 1.I.
- ⁶⁰ ANM, f. Pf. Samal, krab. 2.
- ⁶¹ Harna J. Československá strana socialistická ve vládě a v parlamentě.— Československý časopis historický, 1972, č. 3, s. 305.
- ⁶² AUML, f. 48, sl. 13, l. 157.
- ⁶³ Tribuna, 1922, 1.I.
- ⁶⁴ 28 Riien, 1922, 6. X.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Peroutka F. Budování státu, d. IV, s. 2356.
- ⁶⁷ Přítomnost, 1925, č. 10, s. 147.
- ⁶⁸ Peroutka F. Budování státu, d. IV, s. 2156.
- ⁶⁹ Lidové noviny, 1925. 17.I.
- ⁷⁰ АКРР, Т 635/21; Т 192/24; Т 606/26.
- ⁷¹ Lidové noviny, 1925, 17; 20.I.
- ⁷² Narodní osvobození, 1925, 20.I.; Přítomnost, 1925, č. 15, s. 225—227; Tribuna, 1925, 8.II.
- ⁷³ České slovo, 1925, 7.II.
- ⁷⁴ Komunistická revue, 1926, č. 18, 22.
- ⁷⁵ AUML, f. 39, sl. 8, 1205/29, l. 521.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И КРИЗИСА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ

- ¹ См.: История Югославии. М., 1963, т. 1.
- ² *Culinović F.* Jugoslavija između dva rata. Zagreb, 1961, knj. 1.
- ³ Цвијићева књига. Београд, 1927, с. 56—65.
- ⁴ *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914—1919. Zagreb, 1920, s. 24.
- ⁵ *Ibid.*, s. 24—35.
- ⁶ *Culinović F.* Pravnopolitičko značenje Krfske deklaracije, Zagreb, 1966, s. 166—171.
- ⁷ *Ibid.*, s. 176 et passim.
- ⁸ *Ibid.*, s. 211.
- ⁹ *Зеленин В. В.* Под красным знаменем Октября: Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921. М., 1977, с. 93—94.
- ¹⁰ *Culinović F.* Jugoslavija..., knj. 1, s. 76.
- ¹¹ См. подробно: *Чулинович Ф.* Отклики Октября в югославянских землях. М., 1967.
- ¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 437, 459.
- ¹³ *Culinović F.* Jugoslavija..., knj. 1, s. 126—128.
- ¹⁴ *Šišić F.* Dokumenti..., s. 189—210.
- ¹⁵ *Culinović F.* Jugoslavija..., knj. 1, s. 71—72.
- ¹⁶ *Ibid.*, s. 102—104; *Šišić F.* Dokumenti..., s. 228—229.
- ¹⁷ *Culinović F.* Jugoslavija..., knj. 1, s. 75—79.
- ¹⁸ *Ibid.*, s. 79—80.
- ¹⁹ *Ibid.*, s. 80—83.
- ²⁰ *Ibid.*, s. 99—104.
- ²¹ *Šišić F.* Dokumenti..., s. 255—256.
- ²² *Culinović F.* Jugoslavija..., knj. 1, s. 143—144.
- ²³ *Ibid.*, s. 147.
- ²⁴ Подробнее см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971.
- ²⁵ *Glorigorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919—1920). Beograd, 1979, s. 22—23.
- ²⁶ *Culinović F.* Jugoslavija..., knj. 1, s. 172—174.
- ²⁷ *Ibid.*, s. 177—178.
- ²⁸ *Ibid.*, s. 147.
- ²⁹ *Ibid.*, s. 219.
- ³⁰ *Glorigorijević B.* Nastanak zakona o zaštiti javne bezbednosti i poretka u državi.— Istorija XX veka. Beograd, 1969, Zbornik X. s. 247—282.
- ³¹ *Ibid.*, s. 255.
- ³² *Ibid.*, s. 257—258.
- ³³ *Ibid.*, s. 259 et passim.
- ³⁴ *Culinović F.* Jugoslavija..., knj. 1, s. 441—443.
- ³⁵ *Glorigorijević B.* Nastanak..., s. 261.
- ³⁶ Конституции буржуазных стран. М.; Л., 1935, т. II, с. 46 и след.
- ³⁷ *Iz istorije Jugoslavije.* Beograd, 1958, s. 187.
- ³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 75.
- ³⁹ *Culinović F.* Jugoslavija..., knj. 1, s. 474.
- ⁴⁰ *Ibid.*, s. 474—477.
- ⁴¹ *Ibid.*, s. 471—474, 477.

ОТ БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА — К РЕЖИМУ «САНАЦИИ»

- ¹ *Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1964.* Warszawa, 1967, т. 1, s. 111.
- ² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963, т. 1, с. 467.
- ³ KPP: Uchwały i rezolucje. Warszawa, 1953, т. 1, s. 34—35.
- ⁴ *Historia polskiego ruchu robotniczego...*, т. 1, s. 288.
- ⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964, т. 2, с. 129.
- ⁶ *Baranowski W.* Rozmowy z Piłsudskim 1916—1931. Warszawa, 1938, s. 114.
- ⁷ Выборы на Познанщине состоялись 1 июня 1919 г. и принесли полную победу эндеции — за блок правых партий голосовало 37% избирателей (см.: *Historia Polski.* Warszawa, 1966, т. IV, s. 184).
- ⁸ *Archiwum Akt Nowych, Biuro Sejmu RP*, sygn. 16.
- ⁹ *Ibid.*

- ¹⁰ Baranowski W. Rozmowy z Piłsudskim..., s. 105, 107.
¹¹ Droga, 1922, N 5.
¹² Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Warszawa, 1937, t. V, s. 264.
¹³ Droga, 1922, N 3.
¹⁴ Dembski J. Jak doszło do zamachu majowego: Wspomnienia weteranów ruchu ludowego. Warszawa, 1968, s. 159—160.

- ¹⁵ Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Warszawa, 1937, t. VI, s. 99.
¹⁶ Ibid., s. 81, 82.
¹⁷ Centralne Archiwum Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, W — W/I, k. 349.
¹⁸ Kurier Poranny, 1926, 10.V.
¹⁹ Czerwony Sztandar, 1926, 16.V.

МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РУМЫНИИ (1923—1938 гг.)

- ¹ Мадиевский С. А. Политическая система Румынии: Последняя треть XIX — начало XX в. М., 1980, с. 310—311.
² Desbaterile Adunării deputaților. Sesiunea ordinară. 1917—1918. București, 1918, p. 80.
³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 314.
⁴ См.: Постановление ЦК РКП о 50-летию объединения Трансильвании с Румынией. — Румыния: Документы, статьи, информация. Бухарест, 1968, 15.XI.
⁵ История Румынии. 1918—1970. М., 1971, с. 35.
⁶ Alianța clasei muncitoare cu țărănimea muncitoare în România. București, 1969, p. 116.
⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 21.
⁸ Hamangiu C. Codul general al României. 1922—1926. București, 1926, v. 11—12, titl. III, art. 33—107.
⁹ Dogan M. Analiza statistică a democrației parlamentare din România. București, 1946, p. 57—58; Manolescu M. România stat național-corporativ. București, 1934, p. 18—19.
¹⁰ Dogan M. Analiza statistică..., p. 65.
¹¹ Ibid., s. 102, 104.
¹² Iunian Gr. Protest contra legalizării regimului de abuz opresiune. București, 1928, p. 14.
¹³ Hamangiu C. Codul general..., p. 1054—1081.
¹⁴ Dogan M. Analiza statistică..., p. 26.
¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 189.
¹⁶ Enescu C. Semnificația alegerilor din decembrie 1937. București, 1938, p. 16—17.
¹⁷ Dogan M. Analiza statistică..., p. 54.
¹⁸ Petrașcu N. N. Evoluția politică a României în ultimii douăzeci de

- ani. 1918—1938. București, 1939, p. 138—139; Enescu C. Semnificația alegerilor..., p. 6.
¹⁹ Viitorul, 1927, 5.VII.
²⁰ Costian M. I. Regele Carol II și partidele politice. București, 1933, p. 175.
²¹ Adevărul, 1928, 29.II.
²² Petrașcu N. N. Evoluția politică..., p. 138—139.
²³ Savu Al. Sistemul partidelor politice din România. 1919—1940. București, 1976, p. 57—59.
²⁴ Цит. по: История Румынии. 1918—1970, с. 165—166.
²⁵ Hamangiu C. Codul general al României. București, 1936, v. 24, part. II.
²⁶ Petrescu-Ercea C. Criza parlamentarismului. București, 1934, p. 7—8.
²⁷ Dulca G. N. Reforma electorală și politicianism. București, 1932, p. 10.
²⁸ Dobrescu Dem. Păcatele dictaturii și păcatele democrației. București, 1935, p. 18, 20.
²⁹ Monitorul oficial, 1936, 16.VI.
³⁰ Universul, 1934, 1.VI; 1932, 20.IV.
³¹ Pienescu M. Curentul 1928—1938. București, 1938, p. 283.
³² Brătianu Gh. Problema noilor elite și a liberalismului în România. București, 1933, p. 15.
³³ Curentul, 1928, 25.II.
³⁴ Șoimaru T. Istoria vieții publice din România: Vremea 1928—1938. București, f. a., p. 51.
³⁵ Rădulescu I. Politica păcii și rezultat: Reforme sistemului reprezentativ: Legiurile unei noi așezări. București, 1935, p. 25, 27.
³⁶ Universul, 1935, 27.X; 1940, 14.VII.
³⁷ Știința, 1938, 28.II.
³⁸ Hamangiu C. Codul general al României. București, 1938, v. 26, part. I.

ЗАРОЖДЕНИЕ ФАШИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ
В ЛАГЕРЕ ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ
(1919—1926 гг.)

- ¹ *Dmowski R.* Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1925, s. 248.
- ² *Матвеев Г. Ф.* Буржуазные политики Польши о стабилизации государства.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. М., МГУ, 1974.
- ³ Так, в 1928 г. в распоряжении эмиграции было 44 печатных органа, в том числе 27 ежедневных газет. См.: *Dziesięciolecie Polski Odrodzonej.* Kraków—Warszawa, 1928, s. 677.
- ⁴ *Gazeta Warszawska*, 1921, 5.VII; *Zakład Narodowy im. Ossolińskich* (далее — ZNiO), 14023/II.— *Zdanowski J.* Dziennik, t. 4, s. 66.
- ⁵ *Zeszyty Historyczne Uniwersytetu Warszawskiego*, 1961, t. 2, s. 90.
- ⁶ ZNiO, 14023/II.— *Zdanowski J.* Dziennik, t. 3, s. 302.
- ⁷ *Ibid.*, s. 118.
- ⁸ Львовский областной государственный архив (далее — ЛОГА), ф. 1, оп. 58, д. 660, л. 95, 95 об.
- ⁹ ZNiO, 14026/III.— *Zdanowski J.* Korespondencja, k. 89.
- ¹⁰ ZNiO, 14023/II.— *Zdanowski J.* Dziennik, t. 4, s. 243—244.
- ¹¹ ZNiO, 13201/I.— *Kozicki S.* Pamiętnik, s. 678.
- ¹² Cztery dokumenty dotyczące wyborów w Polsce w 1922 r.— *Kwartalnik Historyczny*, 1958, N 4, s. 1156.
- ¹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 188.
- ¹⁴ *Grabski S.* Z codziennych walk i rozważań. Poznań, 1923, s. 15; *Idem.* Uwagi o bieżącej historycznej chwili Polski. Warszawa, 1922, s. 27—28, 32.
- ¹⁵ *Kurier Poznański*, 1923, 13.XII.
- ¹⁶ ЛОГА, ф. 1, оп. 52, д. 829, л. 6 об.
- ¹⁷ Program Związku Ludowo-Narodowego.— In: *Betcikowska A.* Stronictwa i związki polityczne w Polsce. Warszawa, 1925, s. 82—88; *Baroszewicz J.* Podręczny słownik polityczny. Warszawa, (s. a.), s. 186.
- ¹⁸ *Grabski S.* Uwagi o bieżącej historycznej chwili..., s. 118—120; *Wasutyński B.* Samorząd terytorialny.— *Przegląd Wszechpolski*, 1923, N 7, s. 497; *Sejm Ustawodawczy Rzeczypospolitej Polskiej* (далее — SURP), Stenogram z 264 posiedzenia, 1921, 25.XI, l. 25.
- ¹⁹ SURP, 282, 1922, 31.I, l. 42; SURP, 252, 1921, 11.X, l. 16—17.
- ²⁰ SURP, 201, 1921, 20.I, l. 193; SURP, 275, 1921, 17.XII, l. 52—55; SURP, 213, 1921, 25.I, l. 69.
- ²¹ ZNiO, 13201/I.— *Kozicki S.* Pamiętnik, s. 697; *Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego. 1918—1939.* Warszawa, 1967, t. II, s. 85—91.
- ²² *Pamiętnik I Walnego zjazdu zrzeszonego ziemiaństwa polskiego.* Warszawa, 1925, s. 155.
- ²³ *Ibid.*, s. 92.
- ²⁴ *Warszawianka*, 1925, 1.I.
- ²⁵ *Słowo Polskie*, 1925, 14.I; *Głębiniński S.* Zagadnienie reformy podatkowej w Polsce.— *Przegląd Wszechpolski*, 1925, N 1, s. 25; *Gazeta Warszawska*, 1925, 25.I.
- ²⁶ *Sejm RP* (далее — SRP). Sprawozdanie stenograficzne z 257 posiedzenia 10.XII 1925, l. 18—19.
- ²⁷ *Prawda*, 1926, 24.II; *Kurier Poznański*, 1926, 4.III; *Warszawianka*, 1926, 8.IV; 1926, 19.IV.
- ²⁸ *Zeszyty Historyczne Uniwersytetu Warszawskiego*, 1961, t. 2.
- ²⁹ *Biblioteka PAN w Krakowie*, 7785, t. 4, s. 19.
- ³⁰ *Ibid.*, s. 2; *CA KC PZPR*, 7887.— *Grabski S.* Teczka osobowa, s. 6—7; *Skrzypek J.* Zamach stanu płk. Januszajtisa i ks. Sapiehy 4—5 stycznia 1919 r. Warszawa, 1948.
- ³¹ *Kwartalnik Historyczny*, 1972, N 1, s. 64—66.
- ³² См. например: *Drewnowski S.* Rząd i przemysł. Warszawa, 1921; *Pękosławski J.* Dlaczego nie możemy budować. Warszawa, 1924.
- ³³ *Kulakowski M. R.* Dmowski w świetle listów i wspomnień. Londyn, 1973, t. 2, s. 201—202.
- ³⁴ *Biblioteka Jagiellońska*, dział rękopisów, 31/62.— *Papiery S. Kozickiego*, k. 19.
- ³⁵ *Biblioteka PAN w Krakowie*, 7810.— *Niklewiczówna M.* Wspomnienia o R. Dmowski, s. 64.
- ³⁶ См. например: *Dmowski R.* Schyłek imperializmu.— *Przegląd Wszechpolski*, 1922, N 2.
- ³⁷ *Kulakowski M. R.* Dmowski w

- świecie..., t. 2, s. 215; ZNiO, 14023/II — Zdanowski J. Dziennik, t. 3, s. 308, t. 4, s. 233—234.
- ³⁸ ZNiO, 14023/II. — Zdanowski J. Dziennik, t. 4, s. 28.
- ³⁹ *Kozicki S.* O reformie konstytucji. — Przegląd Wszechpolski, 1922, N 12, s. 922; Kurier Poznański, 1921, 16.X; *Makowski J.* Stanowisko konstytucyjne prezydenta Rzeczypospolitej. — Przegląd Wszechpolski, 1923, N 8, s. 588; *Perettiattkowicz A.* Luka w konstytucji Polskiej. — Przegląd Wszechpolski, 1923, N 7, s. 498—505; *Wasiutyński B.* Dobro państwa a partie klasowe. — Przegląd Wszechpolski, 1922, N 10, s. 735.
- ⁴⁰ Głos Akademicki, [1921], N 2, s. 1.
- ⁴¹ Gazeta Warszawska, 1922, 11. IV; Kurier Poznański, 1922, 8.VIII; Przegląd Wszechpolski, 1922, N 8, s. 617.
- ⁴² Gazeta Warszawska, 1922, 25.I; 1922, 11.VI.
- ⁴³ Myśl Narodowa, 1923, 6.I, s. 9.
- ⁴⁴ Słowo Polskie, 1922, 3.XII.
- ⁴⁵ *Kozicki S.* Reakcja narodowa w Włoszech. — Przegląd Wszechpolski, 1922, N 11, s. 811—813; Słowo Polskie, 1922, 25.II.
- ⁴⁶ *Tommasini F.* Odrodzenie Polski. Warszawa, 1926, s. 56.
- ⁴⁷ *Pękosławski J.* Dla potomności: Z okresu zarania naszej niepodległości. 1919—1926. Warszawa, 1929, s. 61, 121, 153.
- ⁴⁸ Przegląd Wszechpolski, 1923, N 9, s. 671.
- ⁴⁹ ЛОГА, ф. 271, оп. 1, д. 426, л. 49.
- ⁵⁰ Głos Akademicki, 1922, N 3.
- ⁵¹ Głos Akademicki, 1922, N 4.
- ⁵² Myśl Narodowa, 1921, 14.II; Kurier Warszawski, 1922, 2.V.
- ⁵³ ABC, 1939, 15.I.
- ⁵⁴ Akademik, 1923, 31.V.
- ⁵⁵ *Dmowski R.* Przyczynki — przemówienia. Poznań, [1934], s. 95—97.
- ⁵⁶ Akademik, 1922, 22.II; 1922, 19.VI.
- ⁵⁷ Głos Akademicki, 1922, N 3, s. 4—9; Akademik, 1923, 20.IV; 1923, 30.VI.
- ⁵⁸ Akademik, 1922, 22.II; 1923, 20.III.
- ⁵⁹ Akademik, 1923, 15.XII.
- ⁶⁰ Kurier Poznański, 1924, 28.X.
- ⁶¹ См. например: Gazeta Warszawska, 1925, 27.III; 1925, 1.VII.
- ⁶² Kurier Poznański, 1924, 10.XI.
- ⁶³ *Jabłonowski W.* Rewolucja faszystowska. — Przegląd Wszechpolski, 1925, N 9, s. 653.
- ⁶⁴ Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego, 1978, N 3.
- ⁶⁵ ЛОГА, ф. 1, оп. 52, д. 139, л. 14—15.
- ⁶⁶ Kurier Poznański, 1925, 11.VII.
- ⁶⁷ Słowo Polskie, 1925, 29.X; Kurier Poznański, 1925, 22.IX; Praca Polska, 1925, 8.XI; Gazeta Warszawska, 1925, 28.IX.
- ⁶⁸ Słowo Polskie, 1925, 13.VII.
- ⁶⁹ *Dmowski R.* Kwestia robotnicza wczoraj i dziś. Warszawa, 1926.
- ⁷⁰ Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego, 1978, N 2, s. 22.
- ⁷¹ *Dmowski R.* Kwestia robotnicza..., s. 34.
- ⁷² Ibid., s. 32—33.
- ⁷³ Ibid., s. 35—36.
- ⁷⁴ См. например: O potrzebie zgodnego współdziałania pracy z kapitałem. Poznań, 1926, s. 14—15.
- ⁷⁵ *Тольягги П.* Лекции о фашизме. М., 1974, с. 169.
- ⁷⁶ *Judex.* Walka z demagogią. — Przegląd Wszechpolski, 1925, N 9, s. 644.
- ⁷⁷ Nasz program. Warszawa, 1925, s. 5—10.
- ⁷⁸ Kurier Poznański, 1925, 24.XII.
- ⁷⁹ *Dmowski R.* Kwestia robotnicza..., s. 36.
- ⁸⁰ ZNiO, 14023/II. — Zdanowski J. Dziennik, t. 5, s. 328—329.
- ⁸¹ Uchwały Rady Naczelnej ZLN. Warszawa, 1926; Gazeta Warszawska Poranna, 1926, 27.II.
- ⁸² Akademik, 1926, 10.V; 1926, 5.II; N 1—2; Głos Narodu, 1925, 3.XII; ZNiO, 137/70. — Hrabek K. Po drugiej stronie barykady: Spowiedź z klęski. Cz. 2, s. 418—420; Słowo Polskie, 1925, 5.XII; Kurier Poznański, 1926, 12.II.
- ⁸³ Przegląd Wszechpolski, 1926, 14.I.
- ⁸⁴ Słowo Polskie, 1926, 14.I.
- ⁸⁵ Warszawianka, 1926, 30.IV; Głos Akademicki, 1926, 1.V.
- ⁸⁶ Akademik, 1926, 10.V.
- ⁸⁷ ZNiO, 137/70. — Hrabek K. Po drugiej stronie..., cz. 2, s. 450; Kronika (Londyn), 1970, 6.VI.
- ⁸⁸ *Jabłonowski W.* Z biegiem lat Wspomnienia o R. Dmowskim. Częstochowa, 1939, s. 42; Gazeta Warszawska Poranna, 1926, 12.VI.
- ⁸⁹ Dzieje Najnowsze, 1979, N 2, s. 67
- ⁹⁰ Kurier Poznański, 1926, 31.V.
- ⁹¹ Gazeta Warszawska Poranna, 1926, 12.VI.
- ⁹² Słowo Polskie, 1926, 24.VI.
- ⁹³ Kurier Poznański, 1926, 1.VII.

- ⁹⁴ Kurier Poznański, 1926, 21.VII.
⁹⁵ Kurier Poznański, 1926, 23.VII.
⁹⁶ *Bielecki T.* W szkole Dmowskiego: Szkice i wspomnienia. Londyn, 1968, s. 300.
⁹⁷ ZNiO, 14023/II.—Zdanowski J. Dziennik, t. 6, s. 35.
⁹⁸ Kurier Poznański, 1926, 21.VIII.
⁹⁹ Kurier Poznański, 1926, 28.XI.
¹⁰⁰ ZNiO, 14023/II.—Zdanowski J. Dziennik, t. 6, s. 56—58.

- ¹⁰¹ *Dmowski R.* Pisma. Częstochowa, 1939, t. 10, s. 95—97.
¹⁰² Czem jest OWP? Deklaracja ideowa odczytana na zjeździe w Poznaniu dnia 4 grudnia 1926 r. i przemówienie, wygłoszone na zabranii OWP w Warszawie w styczniu 1927 r. Warszawa, 1927.
¹⁰³ Ibid., s. 11.
¹⁰⁴ *Rybarski R.* Polityka i gospodarstwo: Wskazania programowe OWP. Warszawa, 1927.

ФАШИСТСКИЕ ПАРТИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ХОРТИСТСКОЙ ВЕНГРИИ

- ¹ См.: *Horthy Miklós.* Emlékirataim. Buenos Aires, 1953; *Horthy Miklós* titkos iratai. Budapest, 1963; *Vas Zoltán.* Horthy. Budapest, 1975.
² *Немеш Деже.* Венгрия в годы контрреволюции. 1919—1921. М., 1964, с. 131.
³ *Pintér István.* Ki volt Horthy Miklós? Budapest, 1968, 46. old.
⁴ *Немеш Деже.* Венгрия в годы контрреволюции, с. 207.
⁵ *Iratok az ellenforradalom történetéhez.* 1919—1945 (далее — IET). 1. к. Az ellenforradalom hatalomrajutása és rémuralma Magyarországon 1919—1921. Budapest, 1956, 263. old.
⁶ Magyar Gyáripár, 1919, 1.XII.
⁷ *Pintér István.* Ki volt Horthy Miklós? 65. old.
⁸ *Horthy Miklós.* Emlékirataim, 125. old.
⁹ Историко-дипломатический архив МИД СССР (далее — ИДА), ф. 323, оп. 1, д. 37, л. 9; *Horthy Miklós* titkos iratai, 15. old.
¹⁰ Magyar Törvénytár (Corpus Juris). Budapest, 1937, 169. old.
¹¹ *Beszélő Számok.* Szerk.: Zentay Dezső. II. Megcsonkitott Magyarország küzdelmes évei. Budapest, 1934, 10, 17, 42—43. old.
¹² Új Nemzedék, 1921, 27.XI; 1922, 22.I.
¹³ Országos Levéltár (далее — OL), K — 608. Politikai pártok és társaságok. 329/439, 5, Pártkérdés; Pesti Hírlap, 1921, 29.XI.
¹⁴ Bethlen István gróf beszédei és irásai 1. k. Budapest, 1933, 224. old.
¹⁵ Szózat, 1922, 12.III.
¹⁶ Bethlen István gróf beszédei és irásai, 1. k., 230. old.
¹⁷ Ibid., s. 259, 288.
¹⁸ Ibid., s. 367.

- ¹⁹ Magyarország története. 8. k. Budapest, 1976, 452. old.
²⁰ Ibid., s. 453.
²¹ Ibid., s. 454.
²² A határban a Halál kacsál... Fejezetek Prónay Pál feljegyzéseiből. Budapest, 1963.
²³ Páter Zadravecz titkos naplója. Budapest, 1967.
²⁴ Ibid., s. 132, 136.
²⁵ Ibid., s. 130, 136.
²⁶ *Komlós János.* Elárult ország. Budapest, 1961, 226. old.
²⁷ Páter Zadravecz titkos naplója, 133. old.
²⁸ *Сакач Калман.* Крайне правые движения в венгерской деревне в тридцатые годы. — Acta Historica, 1966, v. 12, N 3—4, 354. old.
²⁹ Párttörténeti Intézet Archivuma (далее — PIA), XXII, 3, 49/1932; OL, Belügyminisztérium (далее — BM), VII. res., 1934—7—2004, 8256.
³⁰ Nemzetszocialisták könyve. A Böszörmény-mozgalom lényege. Budapest, é. n.; *Lackó Miklós.* Nyilasok, nemzetszocialisták, 1935—1944. Budapest, 1966, 18—19. old.
³¹ Ibid.
³² Új Magyar Központi Levéltár (далее — UMKL), Külügyminisztérium (далее — KÜM), Be, III, 10. I.
³³ Ibid., 8. old.
³⁴ *Némethy Béla.* Hol vagy magyar Hitler? Budapest, 1932.
³⁵ *Lackó Miklós.* Nyilasok, nemzetszocialisták, 19—20. old.
³⁶ OL, BM, VII. res., 1933—7—6295.
³⁷ BM, NB, I, 287, 1945/7.
³⁸ UMKL, KÜM, Be, III, 8. I.
³⁹ *Сакач Калман.* Крайне правые движения..., с. 360—361; UMKL, KÜM, Be, III, 9. I.
⁴⁰ OL, BM, VII. res., 1935—7—3078.

- ⁴¹ Az Egyesült nemzeti szocialista párt programja. Budapest, 1933.
- ⁴² *Borbácsi Simon Ferenc*. Az enyingi «nyilasház» (Festetics nyilaskeresztes vezér vallomásai). Budapest, é. n.
- ⁴³ UMKL, KÜM, Be, III, 11. l.
- ⁴⁴ Ibid., s. 5.
- ⁴⁵ *Szálasy Ferenc*. A magyar állam felépítésének terve. Budapest, 1933, 7—11, 39. old.
- ⁴⁶ *Lackó Miklós*. Nyilasok, nemzetsocialisták, 46—51. old.
- ⁴⁷ *Szirmai Rezső*. Fasiszta lelkel. Budapest, 1946, 279. old.
- ⁴⁸ Új Magyar Munkás, 1937, 15.III.
- ⁴⁹ UMKL, KÜM, Be, III, 12—13. l.
- ⁵⁰ BMI, V — 81671, 1. l.
- ⁵¹ BMI, V — 19430, III, 54. l.
- ⁵² UMKL, KÜM, Be, III, 14. l.
- ⁵³ Ibid., s. 19.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Ibid., 20. l.
- ⁵⁶ Ibid., 22. l.
- ⁵⁷ BMI, V — 19430, X, 216. l.

- ⁵⁸ BMI, V — 19430, III, 57. l.
- ⁵⁹ UMKL, KÜM, Be, III, 25. l.
- ⁶⁰ BMI, V — 79802/3, 2—3. l.; V — 19430, III, 101—103. l.
- ⁶¹ BMI, V — 19430, X, 114—115. l.
- ⁶² UMKL, KÜM, Be, III, 24. l.
- ⁶³ Ibid., 35. old.
- ⁶⁴ BMI, V — 19430, VII, 35—37. l.
- ⁶⁵ *Dénes István*. Gyors földreform nélkül nincs magyar feltámadás. Budapest, 1941, 20. old.
- ⁶⁶ *L. Roosz József*. Földreform vagy parasztpolitika? Budapest, é. n.
- ⁶⁷ *Kovács I.* A nyilasok agrárprogramja.— Magyar Szemle, 1941, 1. sz., 11. old.
- ⁶⁸ BMI, V — 79602, III, 11. l.
- ⁶⁹ BMI, V — 81671, 2—3. l.
- ⁷⁰ *Horthy Miklós* titkos iratai, 189. old.
- ⁷¹ Ibid., s. 190.
- ⁷² UMKL, KÜM, Be, III, 39—41. l.
- ⁷³ Beszélő Számok. VIII. Budapest, 1940, 24. old.
- ⁷⁴ PIA, 685. f., 1. öe., 13. d., 1. l.

ОТ «НАРОДНОГО СГОВОРА» К «ЦАНКОВЩИНЕ» В БОЛГАРИИ, 1922—1934 гг.

- ¹ *Радулов С.* Кризата в общественно-политическите възгледи на буржоазната демокрация в България. 1919—1923 гг.— Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «История». София, 1972, т. 52.
- ² *Георгиев В.* Народният сговор.— Годишник на Софийския университет. Исторически факултет, 1979, т. 68 (1974), с. 191.
- ³ *Цанков А.* Последствия от войната. София, 1919.
- ⁴ *Георгиев В.* Народният сговор, с. 204.
- ⁵ *Радулов С.* Народният сговор и генезисът на българския фашизъм. 1921—1923.— Известия на Института по история на БКП. София, 1975, т. 33, с. 377.
- ⁶ Цит. по: *Георгиев В.* Народният сговор, с. 206—207.
- ⁷ *Георгиев В.* Народният сговор, с. 207.
- ⁸ *Радулов С.* Народният сговор и генезисът, с. 392.
- ⁹ Там же, с. 393.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 гг. София, 1976, с. 96—99.

- ¹¹ *Георгиев В.* Народният сговор, с. 211.
- ¹² Слово (София), 1922, 4.VIII.
- ¹³ Архив на Министерството на вътрешните работи (далее — АМВР), II съд., д. 1556, т. VI, л. 119; т. II, л. 250. Из показаний бывшего шефа Военной лиги генерала И. Вълкова.
- ¹⁴ *Калфов Х.* Девети юни и българското национално-социално движение. София, 1934, с. 55—56.
- ¹⁵ Речь, произнесенна от министър-председателя проф. А. Цанков пред публичното събрание в гр. София на 8 юли 1923 г. София, 1923, с. 24—25.
- ¹⁶ Свободна речь, 1924, 29.X.
- ¹⁷ Демократически сговор, 1924, 27.X.
- ¹⁸ Свободна речь, 1924, 30.X.
- ¹⁹ Свободна речь, 1924, 24.X.
- ²⁰ Свободна речь, 1924, 27.X.
- ²¹ Свободна речь, 1924, 28.X.
- ²² Архив на Българската Академия на науките (далее — АБАН), сб. IV, д. 127, л. 71.— Спомени на Ст. Мошанов.
- ²³ *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967, с. 395—396.
- ²⁴ АМВР, VO — 42929.— Брошюра: Развоя на министерска и полити-

- ческа криза в Демократическия сговор през последните дни.
- ²⁵ АМВР, VO — 42929.
- ²⁶ АБАН, сб. IV, д. 127, л. 71.
- ²⁷ Лъч, 1929, 29.V, 31.V, 1.VI.
- ²⁸ Лъч, 1929, 11.V, 13.V, 16.V.
- ²⁹ АБАН, сб. IV, д. 130, л. 388.
- ³⁰ Слово, 1929, 1.VII.
- ³¹ Статистически годишник на царство България. Год. XXI—XXII. София, 1930, с. 185.
- ³² Димитров Г. Съчинения. София, 1953, т. 8, с. 403.
- ³³ Работническо дело, 1929, 10.VI.
- ³⁴ Слово, 1929, 26.XI.
- ³⁵ АБАН, сб. IV, д. 130, л. 402.
- ³⁶ Приложения към Стенографските дневници на XXII ОНС, IV редовна сесия (р. с.). София, 1931, т. II, с. 62—64.
- ³⁷ Ехо, 1930, 26.VIII; 18.XI.
- ³⁸ АМВР, VO — 42929.— Цанков А. Ролята на интелигенцията в творение на културата на страната.
- ³⁹ Цанков А. Демократизъм и либерализъм в обществения живот. Реч, произнесена от министъра на народното просвещение г. проф. Ал. Цанков на 8.И 1931 г. в Военния клуб. София, 1931, с. 23.
- ⁴⁰ АМВР, VO — 42929.— Цанков А. Социална и стопанска криза и задачите на една нова власт.
- ⁴¹ Bulletin du Bureau International Agraire. Prague, 1933, N 3, p. 235.
- ⁴² Работнически вестник, 1931, № 3.
- ⁴³ Стенографски дневници на XXIII ОНС, II р. с. София, 1933, кн. 1, с. 90.
- ⁴⁴ I редовен конгрес на Демократическия сговор. Речите на Ал. Цанков. Решенията на конгреса. Май, 1932. София, с. 20—21.
- ⁴⁵ Там же, с. 7.
- ⁴⁶ Там же, с. 23—24.
- ⁴⁷ Там же, с. 42.
- ⁴⁸ АМВР, VO — 42929.— Брошюра: Истината върху преживеното в

- бившето народно-социално движение, с. 8.
- ⁴⁹ Цанков А. Нашият път. Програмна реч, произнесена на 12 юни 1932 г. в София в театър «Ренесанс». София, 1932, с. 18.
- ⁵⁰ Там же, с. 42.
- ⁵¹ Там же, с. 27.
- ⁵² Там же, с. 42.
- ⁵³ Там же, с. 56, 57.
- ⁵⁴ Централен държавен исторически архив, ф. 375, оп. 1, д. 10, л. 2.
- ⁵⁵ См.: Звезда (София), 1932, № 6, с. 284.
- ⁵⁶ Там же. См. также: Цанков А. Капитализъм и комунизъм, работодатели и работници. Реч, произнесена на 9 април 1933 г. в градското казино. София, 1933, с. 66.
- ⁵⁷ Градски окръжен държавен архив — Пловдив, ф. 10, оп. 1, д. 84, л. 56.
- ⁵⁸ АМВР, VO — 42929.
- ⁵⁹ Калфов Х. Новите социални движения. Фашизъм, хитлеризъм, девотоунство. София, 1934, с. 27.
- ⁶⁰ АМВР, VO — 42929.
- ⁶¹ Калфов Х. Новите социални движения..., с. 19.
- ⁶² АМВР, VO — 42929. Донесения полицейских агентов.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. Циркуляр от 1.VIII 1934 г.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ АМВР, VO — 42929.
- ⁶⁷ Цанков А. Младежта в нашето движение. Реч, произнесена пред I обща конференция на Младежкия народен съюз «Проф. Ал. Цанков» на 19 януари 1934 г. София, 1934, с. 13.
- ⁶⁸ Там же, с. 24.
- ⁶⁹ Цанков А. Проблемите на епохата и младите поколения. Реч, произнесена на 30 март 1934 г. София, 1934, с. 28.
- ⁷⁰ Там же, с. 50.
- ⁷¹ Там же, с. 53.
- ⁷² АМВР, VO — 42929.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ЧЕШСКОЕ ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (20-е ГОДЫ)

- ¹ Archiv Národního muzea, Kramářův archiv (далее — ANM KA) 2/3 9230.
- ² ANM KA, k. 32/11, sl. 36; Archiv Ústavu marxismu-leninismu ÚV KSČ (далее — AUML), Masarykův archiv, národně-demokratická stra-

na, sl. 12, č. T 142/31.

³ ANM KA, k. 32.11, sl. 36.

⁴ Vojtěch T. Politické názory Viktora Dyka. — Československý časopis historický, 1973, č. 2, s. 210—211.

⁵ AUML, 1924/27; Státní archiv-Brno, f. 1F, Seznam jednot NOF.

- ⁶ AÜML, f. 48 (K. Kramář), sign. 1077, 1918, 6.XII.
- ⁷ Slovensko, 1921, 24.III.
- ⁸ AÜML, 1924/27.
- ⁹ Ibid., 1923/136.
- ¹⁰ Var, 1920, č. 16—17, s. 490. О положении легионеров и других слоев населения см. подробнее: *Фурсов Е. Ф.* Партия национальных демократов и чешский фашизм (первая половина 20-х годов).— *Sborník k problematice dějin imperialismu*. Praha, 1978, sv. 5, díl 2, s. 318—320.
- ¹¹ Ideový program čsl. fašistů. Praha, 1925, s. 9.
- ¹² Státní Ústřední archiv (далее — SÚA) — Praha, PMR-s 745—292 č. j. 6253, 1.X 1925; č. j. 6907, 1925.
- ¹³ AÜML, 1925/309.
- ¹⁴ Фашизм в Чехословакии.— В кн.: *Мировой фашизм*. М.; Пр., 1923, с. 222—223.
- ¹⁵ AÜML, 1923/164; ANM, f. L. Rašín, k. 4, sl. 104, 1923, 16.VI.
- ¹⁶ ANM KA, k. 32.11, sl. 36. Schůze Velké rady (Ústř. výk. výb.) Červenobílých. 1923, 15.IX.
- ¹⁷ ANM, f. L. Rašín, k. 4, sl. 143.
- ¹⁸ AÜML, 1924/27.
- ¹⁹ SA — Brno, f. 1F, k. 447, 1/46, č. j. 5190/pres.
- ²⁰ ANM, f. Př. Sámal, VII.35. 15.IV.26.
- ²¹ ANM, f. L. Rašín, k. 4, j. 107; *Mladý národ*, 1934, 27.I, 1934, 10.II.
- ²² Распиренный пленум исполнительного комитета Коммунистического Интернационала: Отчет. М., 1923, с. 212—213.
- ²³ ANM, f. Př. Sámal, *zapis o schůzi výk. výb.*, 1923, 5.II.
- ²⁴ *Národní myšlenka*, roč. II, č. 9, s. 262.
- ²⁵ ANM, k. L. Rašín, k. 4, sb. 91.
- ²⁶ Ibid., 1923, 1.IV.
- ²⁷ Ibid., sl. 107.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ *Skutečnost*, 1925, 8.V.
- ³⁰ *Rudé právo*, 1926, 19.III.
- ³¹ ANM, f. A. Hajn, b. 468.
- ³² ANM KA, 2/3 9361—9372.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ SA — Brno, f. 1F, k. 447, 1/46, s. 53.
- ³⁶ SÚA — Praha PMR-s 745—292 č. j. 3652.
- ³⁷ Государственный архив Закарпатской обл. УССР, ф. 29, оп. 3, д. 531.
- ³⁸ SA — Brno, f. 1F, k. 447, sl. 1/46, č. j. 1101/pres. 2.
- ³⁹ SA — Brno, f. 1F, k. 447, sl. 1/14, č. j. 949/pres. 2.
- ⁴⁰ SA — Brno, f. 1F, k. 447, sl. 1/46, č. j. 1101/pres. 2.
- ⁴¹ SA — Brno, f. 1F, k. 448, sl. 2/39, č. j. 2052.
- ⁴² SA — Brno, f. 1F, k. 447, sl. 1/46, č. j. 1101/pres. 2.
- ⁴³ SA — Brno, f. 1F, k. 449, č. j. 2248/pres. 2. NOF — jednoty na Moravě. Seznam členů jednot NOF; *Peša V.* K otázce počátků fašistického hnutí v českých zemích.— *Časopis Matice Moravské*, Brno, 1953, N 3—4.
- ⁴⁴ Госархив Закарпатской обл., ф. 29, оп. 3, д. 679, л. 156—168.
- ⁴⁵ SÚA — Praha PMR-s 381—10—4 č. j. 3177.
- ⁴⁶ SA — Brno, f. 1F, k. 448, č. j. 371.
- ⁴⁷ *Národní republika*, 1926, 26.III.
- ⁴⁸ ANM, f. A. Hajn, b. 468.
- ⁴⁹ *Samostatnost*, 1926, 13.V.
- ⁵⁰ AÜML, Masarykův archiv, národně-demokratická, strana, sl. 11, č. 2023/26.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² ANM, f. F. Hlaváček, 1926.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ ANM KA 2/3 2714; 2/3 2722.
- ⁵⁵ ANM KA 2/3 9386.
- ⁵⁶ AÜML, Masarykův archiv, národně-demokratická strana, č. T. 950/26; ANM, f. A. Hajn, k 19, b. 424.
- ⁵⁷ AÜML, f. 1926/23.
- ⁵⁸ ANM, f. F. Hlaváček, č. j. 9096; f. A. Hajn, b. 468. Подробнее об этом см.: *Фурсов Е. Ф.* Чехословацкая национально-демократическая партия в период политического кризиса 1925—1926 гг.— *Вестник Московского университета. История*, 1979, № 3, с. 38—39.
- ⁵⁹ ANM, f. A. Hajn, b. 468.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ AÜML, Masarykův archiv, národně-demokratická strana, sl. 11, 1926, 30.VIII. Об антифашистском движении в рассматриваемый период см.: *Фурсов Е. Ф.* КПЧ и демократические силы против фашистской опасности в Чехословакии (20-е годы).— *Вестник Московского университета. История*, 1983, № 3, с. 36—45.
- ⁶² ANM KA 2/3 8247.
- ⁶³ *Sládek Zd.* Czechosłowacka partia narodowo-demokratyczna. 1918—1938.— *Przegląd Historyczny*, 1977, t. LXVIII, zesz. 3, s. 526.
- ⁶⁴ AÜML, Masarykův archiv, národ-

- нѣ-демократичка страна, сл. 11, с. 61.
⁶⁵ ANM KA 2/3 2768, 2802, 2811.
⁶⁶ Archiv Kanceláře presidenta republiky D. 4277, č. j. 542/27.
⁶⁷ SA — Brno, f. 1F, k. 449, sl. 35.

- ⁶⁸ ANM, f. F. Hlaváček, 1927.
⁶⁹ Ibid.
⁷⁰ SÚA — Praha, PMR-s 745—298 č. j. 4943.

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В БОЛГАРИИ (1934—1935 гг.)

- ¹ *Георгиев Л.* Финансов капитал в България.— Ново време, 1957, № 8, с. 51.
² *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм в България. София, 1958, с. 133—166.
³ Там же, с. 172—181.
⁴ *Георгиев Л.* Финансов капитал..., с. 59.
⁵ *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии (1919—1925 гг.). София, 1976, с. 130—131.
⁶ Стенографски дневници на XXIV Обикновено народно събрание (далее — СД на XXIV ОНС), I извънредна сесия (далее — ИС). София, 1938, с. 368.
⁷ Стопански проблеми, 1936, № 4, с. 153—156.
⁸ География на България. София, 1959, т. 2, с. 50.
⁹ *Никифоров В.* Измененията в структурата на нашето народно стопанство като фактор за неговото ускорено развитие.— Икономическа мисъл, 1959, № 1, с. 18.
¹⁰ География на България, т. 2, с. 49.
¹¹ Статистически годишник на царство България. София, 1940, 414—419.
¹² *Хаджиниколов В., Цонев Ст., Беров Л., Горанов П.* Стопанска история на новото и най-ново време. София, 1968, с. 352.
¹³ См.: *К(иранов) П.* Едрият акционерен капитал у нас.— Стопански проблеми, 1937, № 1, с. 21.
¹⁴ Там же.
¹⁵ *Беров Л.* Картелите в българската индустрия.— Планово стопанство, 1961, № 5, с. 37.
¹⁶ *Натан Ж.* Стопанска история на България. София, 1957, с. 479; *Беров Л.* Картелите в българската индустрия, с. 44—46; Икономиката на България. София, 1972, т. 1, с. 549—551.
¹⁷ *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм..., с. 266—267.
¹⁸ Там же, с. 220.
¹⁹ Икономиката на България, т. 1, с. 551.
²⁰ *Беров Л.* Дирекция «Храноизнос» (1930—1944 г.) — Трудове на Висшия Икономически институт «К. Маркс». София, 1960, кн. 1, с. 278—284.
²¹ СД на XXIV ОНС, I редовна сесия (далее — РС). София, 1940, кн. 2, с. 678.
²² *Хаджиниколов В., Цонев Ст., Беров Л., Горанов П.* Стопанска история..., с. 351.
²³ *Станишев Х.* История на строежите и съобщенията от освободението до края на 1939 г. София, 1947, с. 125.
²⁴ *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм..., с. 194—217.
²⁵ Статистически годишник на царство България. София, 1938, с. 605.
²⁶ *Натан Ж.* Избрани трудове. София, 1979, т. II, с. 538.
²⁷ *Натан Ж., Беров Л.* Монополитическият капитализъм..., с. 209, 240—241.
²⁸ Там же, с. 221; *Цонев С.* Държавно-монополистическият капитализъм в България. Варна, 1968, с. 63.
²⁹ *Георгиев Л.* Финансов капитал..., с. 59—61.
³⁰ *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм..., с. 153, 204.
³¹ Икономиката на България, т. 1, с. 542—543.
³² *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм..., с. 232—233.
³³ Там же, с. 234—235.
³⁴ *Людеман Е.* За икономическата експанзия на германския империализъм в Румъния, България и Югославия преди 1945 г.— Исторически преглед, 1970, № 5, с. 140—141.
³⁵ *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм..., с. 209, 240—241.
³⁶ *Беров Л.* Към въпроса за външнотърговската ориентация на бъл-

- гарския фашизъм (1929—1944 г.).— Трудове на Висшия икономически институт «К. Маркс». София, 1954, кн. 1, с. 129, 165, 176, 180—184.
- ³⁷ Мир (София), 1939, 15.IV.
- ³⁸ Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. София, 1971, с. 53—54.
- ³⁹ Характер на 19-то майския преврат през 1934 г. Изказване на Д. Казасов.— Известия на Института по история на БКП. София, 1969, т. 21, с. 244.
- ⁴⁰ Гришина Р. П. Возникновение фашизма..., с. 136.
- ⁴¹ Казасов Д. Бурни години. София, 1949, с. 459.
- ⁴² Недев Н. Поглед върху дейността на Военния союз (Офицерската лига) от основането му до 9.IX.1944.— Исторически преглед, 1963, № 2, с. 57.
- ⁴³ Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии..., с. 58.
- ⁴⁴ Бобчев К. Стопанската политика в България през 1933 година.— Списание на Българското икономическо дружество, 1934, № 1, с. 59.
- ⁴⁵ Държавен вестник, 1934, 14.VI.
- ⁴⁶ СД на XXIV ОНС, I ИС, с. 627.
- ⁴⁷ Централен държавен исторически архив (далее — ЦДИА), ф. 297, оп. 1, д. 18, л. 30—32.
- ⁴⁸ ЦДИА, ф. 297, оп. 1, д. 18, л. 32.
- ⁴⁹ Нова литература, 1936, 25.X.
- ⁵⁰ СД на XXIV ОНС, II РС. София, 1940, с. 2135.
- ⁵¹ СД на XXIV ОНС, I РС, с. 223.
- ⁵² Сакаров Н., Киранов П. За кооперативното дело у нас.— Стопански проблеми, 1937, № 2, с. 67.
- ⁵³ ЦДИА, ф. 11, оп. 1, д. 1350, л. 1—6; Час, 1937, 24.II.
- ⁵⁴ Чакалов А. Задълженията на българското стопанство.— Трудове на Статистическия институт при Софийския университет, 1936, № 2/3, с. 143.
- ⁵⁵ СД на XXIV ОНС, I ИС, с. 632.
- ⁵⁶ Чакалов А. Задълженията..., с. 138.
- ⁵⁷ Икономиката на България, т. 1, с. 544.
- ⁵⁸ Държавен вестник, 1934, 8.IX; 1934, 7.XI; 1934, 6.XII.
- ⁵⁹ Чакалов А. Форми, размер и дейност на чуждия капитал в България (1878—1944 г.). София, 1962, с. 97—98.
- ⁶⁰ Кънчев Д. Държавната интервенция в тютюнопроизводството.— Стопански проблеми, 1938, № 1, с. 19.
- ⁶¹ Чакалов А. Форми, размер и дейност на чуждия капитал..., с. 67, 68, 84.
- ⁶² Държавен вестник, 1934, 17.XII.
- ⁶³ Георгиев А. Кооперативното движение у нас.— Нова литература, 1936, № 25, с. 397.
- ⁶⁴ Държавен вестник, 1934, 14.X.
- ⁶⁵ СД на XXIV ОНС, II РС, с. 2224.
- ⁶⁶ Бойков Б. Стопанските министерства. Министерство на земеделието и държавните имоти. Българската земеделска и кооперативна банка.— Стопански проблеми, 1937, № 6, с. 247.
- ^{66a} ЦДИА, ф. 235, оп. 1, д. 3, л. 1—3.
- ⁶⁷ Христов Д. Защо не успяват у нас фискалните монополи.— Списание на Българското икономическо дружество, 1936, № 4, с. 197—198.
- ⁶⁸ Чакалов А. Форми, размер и дейност на чуждия капитал..., с. 80.
- ⁶⁹ Там же, с. 79.
- ⁷⁰ ЦДИА, ф. 293, оп. 1, д. 6, л. 17—18.
- ⁷¹ Чакалов А. Стопанската политика на България.— Списание на Българското икономическото дружество, 1935, № 1, с. 34.
- ⁷² Държавен вестник, 1934, 7.XII.
- ⁷³ Държавен вестник, 1934, 17.VII; 1934, 6.X; 1934, 6.XII.
- ⁷⁴ ЦДИА, ф. 511, оп. 1, д. 2, л. 5.
- ⁷⁵ Държавен вестник, 1934, 18.VIII.
- ⁷⁶ СД на XXIV ОНС, II РС, с. 2223—2224.
- ⁷⁷ СД на XXV ОНС, I РС, кн. 2, с. 1097.
- ⁷⁸ СД на XXIV ОНС, I ИС, с. 467.
- ⁷⁹ Там же, с. 396.
- ⁸⁰ Архив на Министерството на вътрешните работи (далее — АМВР), об. 1186, л. 3.
- ⁸¹ ЦДИА, ф. 27, оп. 2, д. 66, л. 1—2.
- ⁸² Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България, с. 77—78, 87.
- ⁸³ ЦДИА, ф. 236, оп. 2, д. 1, л. 43.
- ⁸⁴ Чакалов А. Форми, размер и дейност на чуждия капитал..., с. 88.
- ⁸⁵ АМВР, об. 5927, л. 4; Наган Ж., Беров Л. Монополистическият капитализъм..., с. 177.
- ⁸⁶ АМВР, об. 294, л. 68.
- ⁸⁷ Чакалов А. Форми, размер и дейност на чуждия капитал..., с. 74.
- ⁸⁸ См.: Митрев А. Поглед към захарното стопанство.— Стопански проблеми, 1939, № 3, с. 107—113;

- П. Георгиев. За кооперативните захарни фабрики.— Стопански проблеми, 1938, № 10, с. 424—427.
- ⁸⁹ ЦДИА, ф. 135, оп. 2, д. 210, л. 2.
- ⁹⁰ АМВР, об. 294, л. 68.
- ⁹¹ Последна поща, 1935, 3.VI.
- ⁹² Държавен вестник, 1935, 1.VIII; 1935, 9.IX.
- ⁹³ ЦДИА, ф. 238, оп. 1, д. 4, л. 1—2; д. 67, л. 1—6.
- ⁹⁴ ЦДИА, ф. 533, оп. 1, д. 2, л. 69—70.
- ⁹⁵ Държавен вестник, 1935, 30.VIII.
- ⁹⁶ Държавен вестник, 1935, 4.VI; 1935, 9.VII; 1935, 18.IX.
- ⁹⁷ Държавен вестник, 1935, 24.IV; 1935, 9.V; 1935, 21.VI.

НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В БОРЬБЕ ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ

- ¹ См., например: Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов — 1945 г. М., 1981, с. 70—100; *Михутина И. В.* О месте крестьянских партий в политической эволюции стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами.— Сов. славяновед., 1982, № 2; *Она же.* Рабочее движение стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами.— Сов. славяновед., 1983, № 2; *Berend I. T., Ranki G.* Economic Development in East-Central Europe in the 19-th and 20-th Centuries. New York; London, 1974; *Dyktatury w Europie Srodkowo-Wschodniej 1918—1939.* Wrocław, 1971; *Лацко М. К.* К вопросу о фашизме в Юго-Восточной Европе.— In: *Etudes Historiques.* Budapest, 1970.
- ² Обобщающую характеристику одного из вариантов таких систем см., например: *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. М., 1980.
- ³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 377.
- ⁴ *Тимов С.* Экономика Восточной Европы: Аграризация или индустриализация? Балканские страны. М.; Л., 1931, т. 1, с. 45—49, 67, 92—93, 217—232; *Berend I. T., Ranki G.* Economic Development..., p. 201—241.
- ⁵ *Ранки Д.* Капиталистическое госу-

- ⁹⁸ Държавен вестник, 1935, 30.IX.
- ⁹⁹ Държавен вестник, 1935, 2.X.
- ¹⁰⁰ СД на XXIV ОНС, II РС. София, 1940, кн. 2, с. 1313—1314.
- ¹⁰¹ ЦДИА, ф. 11, оп. 1, д. 1428, л. 5.
- ¹⁰² ЦДИА, ф. 135, оп. 2, д. 23, л. 18.
- ¹⁰³ СД на XXIV ОНС II РС. София, 1940, кн. 3, с. 1538.
- ¹⁰⁴ СД на XXIV ОНС, I РС, кн. 2, с. 951.
- ¹⁰⁵ Статистически годишник на царство България. София, 1938, с. 486—487.
- ¹⁰⁶ СД на XXIV ОНС, II РС, кн. 2, с. 1320.

дарство и экономика в период между двумя мировыми войнами.— В кн.: Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982, с. 20—30; *Гиндин И. Ф.* Государственный капитализм в России домонополистического периода.— ВИ, 1964, № 8; *Лавричев В. Я.* Государственный капитализм в пореформенной России.— История СССР, 1982, № 1; *Uprzemyslowienie ziem polskich w XIX i XX wieku.* Wrocław, 1970.

- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 188.
- ⁷ *Dankelmann O.* Aspekte der Theorie des «Organisierten Kapitalismus» in der Programmatik und Praxis der Sozialistischen Arbeiter Internationale.— In: *Hallesche Studien zur Geschichte der Sozialdemokratie.* Halle (Saale), 1978, T. 1, S. 53—72.
- ⁸ *Nie wykorzystane szanse II Rzeczypospolitej.* Warszawa, 1978, s. 157; *Остоич П.* За някои особености на социалдемократизма в България.— Научни трудове на Академия за обществени науки и социално управление на ЦК на БКП. София, 1977, № 89, с. 67—140.
- ⁹ Преглед историје Савеза комуниста Југославије. Београд. 1963, с. 163.
- ¹⁰ *Георгиев В.* Буржоазият политически фронт в България в навечерието на Септемврийското въстание 1923.— Годишник на Софий-

- ския университет, 1975, т. LXVI, с. 245—289.
- ¹¹ *Próchnik A.* Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Warszawa, 1957, s. 239.
- ¹² См.: *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 г. София, 1976, с. 81; *Nowe Drogi*, 1978, N 9, s. 67—85; *Polityka*, 1973, N 2 (828), s. 15.
- ¹³ *Галкин А. А.* Социально-политическая структура капиталистического общества и фашизм.— *Вопросы философии*, 1977, № 2, с. 88; *Немеш Д.* Венгрия в годы контрреволюции 1919—1921. М., 1964, с. 476; Фашизм и антидемократические режимы..., с. 89—90; *Faszyzm — teoria i praktyka w Europie* (1922—1945). Wrocław, 1977, s. 213—222, 271—278.
- ¹⁴ *Михутин И. В.* О месте крестьянских партий..., с. 32—34.
- ¹⁵ Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 г.): Отчет. М., 1923, с. 207—208.
- ¹⁶ Фашистский переворот в Польше и КПП.— *Коммунистический Интернационал*, 1926, № 8, с. 5—18; *KPP: Uchwały i rezolucje*. Warszawa, 1955, t. II, s. 387.
- ¹⁷ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. М.; Л., 1929, вып. 3, с. 144.
- ¹⁸ *Ранки Д.* Капиталистическое государство..., с. 23—24.
- ¹⁹ Фашизм и антидемократические режимы..., с. 26—27, 44—47; *Faszyzm — teoria i praktyka*..., s. 272—273.
- ²⁰ *Коммунистический Интернационал*, 1934, № 6, с. 61; *Красный Интернационал профсоюзов*, 1921, № 9, с. 392—394.
- ²¹ *Немеш Д.* Венгрия в годы контрреволюции...
- ²² *Боршани Д.* Социалистические движения в Венгрии в период между двумя мировыми войнами.— In: *Etudes Historiques*. Budapest, 1970, с. 491.
- ²³ БКП в резолюции и решения. София, 1951, т. II, с. 92; История на Българската комунистическа партия. София, 1981, с. 269.
- ²⁴ *Cvetković S.* Idejne borbe u KPJ dvadesetih godina.— In: *Politički život Jugoslavije 1914—1945*. Beograd, 1973, s. 329—345.
- ²⁵ *Damjanović P.* Borba za revolucionarnu marksističku partiju — uslov pobeде u revoluciji.— In: *Politički život Jugoslavije*..., s. 499.
- ²⁶ *Z pola walki*, 1970, N 2, s. 183—184.
- ²⁷ *Ibidem*; *Damjanović P.* Borba za revolucionarnu marksističku partiju..., s. 450.
- ²⁸ *Nowy Przegląd*, 1928, N 25, s. 117.
- ²⁹ *Василев В.* За политическата обстановка непосредствено след парламентарните избори от 21 юни 1931 г.— *Известия на Института за история при БАН*. София, 1967, т. 19, с. 45; *Наумов Г.* Работническата партия в България (1927—1939). София, 1980, с. 148—158, 205—214.
- ³⁰ *Z pola walki*, 1979, N 3, s. 74—75; *Кривогуз И. М.* Рабочий социалистический Интернационал (1923—1940). М., 1979, с. 66—70.
- ³¹ *Остоич П.* За някои особености на социалдемократизма в България, с. 105.
- ³² *Григоров Б.* От съглашателство към залез. Социалдемократическата партия в България 9 юни 1923—19 май 1934. София, 1980, с. 23—108.
- ³³ История венгерского революционного рабочего движения. М., 1973, т. 2, с. 40; *Немеш Д.* Венгрия в годы контрреволюции..., с. 64—65, 129—130, 191—198, 250, 435.
- ³⁴ *Próchnik A.* Pierwsze piętnastolecie..., s. 290.
- ³⁵ *Vierter Kongress der Sozialistischen Arbeiterinternationale*. Zürich, 1932, S. 393.
- ³⁶ *Karabegović J.* Reformistički pravac u radničkom pokretu Bosne i Hercegovine 1919—1941. godine. Sarajevo, 1979, s. 186—206.
- ³⁷ *Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiterinternationale in Marseille*. Berlin, 1925, S. 231.
- ³⁸ *Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964*. Warszawa, 1967, т. I, s. 333; *Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego*, 1978, N 2, s. 26; *Hadžirović A.* Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini 1935—1941. godine. Sarajevo, 1972, s. 416, 420.
- ³⁹ Программа и устав Коммунистического Интернационала. М.; Л., 1928, с. 57—58.
- ⁴⁰ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. 3, с. 47, 106—108, 150.

- ⁴¹ Готвальд К. Избранные произведения. М., 1957, т. 1, с. 413.
- ⁴² Přešled dějin KSČ. Praha, 1976, s. 169; Dejiny socialistického Československa. Studie a materiály. Praha, Sv. 5, 1982, s. 79—80.
- ⁴³ Громов В. Борьба народных масс Греции против монархо-фашистской диктатуры.— Коммунистический Интернационал, 1938, № 11, с. 54.
- ⁴⁴ См.: Ориентировочный план доклада по 2-му пункту порядка дня VII конгресса Коминтерна.— Вопросы истории КПСС, 1969, № 4, с. 80; Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма.— В кн.: VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 121—122.
- ⁴⁵ Na obranu republiky proti fašismu a válce. Praha, 1955, s. 17.
- ⁴⁶ Dokumenty Komunistycznej Partii Polski 1935—1938. Warszawa, 1968, s. 43—47; Leński J. O front ludowy w Polsce 1934—1937. Warszawa, 1956, s. 112—113, 141—142.
- ⁴⁷ Erényi T., Szábo B. Historyczna droga węgierskiego ruchu robotniczego (1918—1944)— Z pola walki, 1980, N 2, s. 38, 39; Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение. М., 1976, с. 147—148. История венгерского революционного рабочего движения, т. 2, с. 211; Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 448.
- ⁴⁸ Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Београд, 1950, т. 2, с. 395—403.
- ⁴⁹ Komunistička partija Jugoslavije 1919—1941. Zagreb, 1959, s. 144—154.
- ⁵⁰ БКП в резолюции и решениях на конгрессе, конференциях, пленуме и Политбюро на ЦКР. София, 1957, т. III, с. 330—331.
- ⁵¹ Documente din istoria Partidului Comunist din România 1929—1933. București, 1956, v. III, p. 275—276; История Румынии. 1918—1970 гг. М., 1971, с. 158.
- ⁵² Карпенченко Е. Д., Спиваковский Е. И. Традиция революционной солидарности.— Новая и новейшая история, 1974, № 4, с. 95; Savu A. Dictatura regală (1938—1940). București, 1970, p. 245—246.
- ⁵³ Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма.— В кн.: VII конгресс Коммунистического Интернационала..., с. 396.
- ⁵⁴ V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. М.; Л., 1925, ч. 1, с. 44.
- ⁵⁵ История Чехословакии. М., 1960, т. 3, с. 284—285; Dejiny socialistického Československa, s. 104—105.
- ⁵⁶ Cihák M. Prosazení leninského pojetí masovosti KSČ v letech 1921—1938. Praha, 1978, s. 109—126.
- ⁵⁷ Боршани Д. Социалистические движения в Венгрии..., с. 491.
- ⁵⁸ Мизутина И. В. Режим «санации» в Польше и рабочий класс.— В кн.: Кризис политической системы капитализма..., с. 215—218.
- ⁵⁹ История венгерского революционного рабочего движения, т. 2, с. 183; Боршани Д. Социалистические движения в Венгрии..., с. 507; Ranki G. Problémy fašizmu v Maďarsku.— In: Príspevky k dejinám fašizmu v Československu a v Maďarsku. Bratislava, 1969, s. 96—98.
- ⁶⁰ Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego, 1978, N 2, s. 29.
- ⁶¹ Hadžirović A. Sindikalni pokret..., s. 424—430; Konjević M. Radnički pokret u Slavoniji 1929—1941. Slavonski Brod, 1981, s. 184—190.
- ⁶² Najnowsze dzieje Polski. Warszawa, 1959, t. II, s. 247—253; Z pola walki, 1957, N 2, s. 157.
- ⁶³ VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 266—268.
- ⁶⁴ Henrikowski G. O silny ruch związkowy.— Nowy Przegląd, 1935, N 7, s. 690.
- ⁶⁵ Polska klasa robotnicza, Warszawa, 1973, t. IV, s. 173—174.
- ⁶⁶ Цит. по: Каллаи Д. Движение за независимость Венгрии 1936—1945. М., 1968, с. 33—34; История венгерского революционного рабочего движения, т. 2, с. 154, 187, 212.
- ⁶⁷ Studies on the History of the Hungarian Trade—Union Movement. Budapest, 1977, p. 47—53; История венгерского революционного рабочего движения, т. 2, с. 233.

- ⁶⁸ Internationale Presse-Korrespondenz, 1935, N 65, S. 1612.
- ⁶⁹ *Ерещенко М. Д.* Королевская диктатура в Румынии 1938—1940 гг. М.: Наука, 1979, с. 124—128; *Milosavljević P.* Radnički pokret u Rumuniji (1917—1941). Beograd, 1981, s. 182.
- ⁷⁰ Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter — Internationale. Brüssel & 5 bis 11 august 1928. Zürich, 1928, S. 31.
- ⁷¹ *Кривогуз И. М.* Рабочий социалистический интернационал, с. 105—195.
- ⁷² Dzieje Najnowsze, 1980, N 2, s. 36—39.
- ⁷³ Historia polskiego ruchu robotniczego, t. 1, s. 476.
- ⁷⁴ *Радев Г.* БРСДП и народният фронт (1936—1939). — Известия на Института по история на БКП. София, 1978, т. 39, с. 186.
- ⁷⁵ Najnowsze dzieje Polski. Warszawa, 1960, t. 3, s. 156—160.
- ⁷⁶ Цит. по: *Каллаи Д.* Движение за независимост Венгрии, с. 44, 45, см. также: *Боршани Д.* Социалистические движения в Венгрии..., с. 504.
- ⁷⁷ *Milosavljević J.* Radnički pokret u Rumuniji..., s. 178.
- ⁷⁸ *Громов В.* Борьба народных масс Греции..., с. 55.
- ⁷⁹ *Радев Г.* Седмият конгрес на Коминтерна и Българската работническа социал-демократическа партия. — В кн.: Първи конгрес Българското историческо дружество, София, 1972, т. 2, с. 91.
- ⁸⁰ *Стефанов Б.* За концентрация демократических сил против фашизма в Румынии. — Коммунистический Интернационал, 1937, № 2, с. 85.
- ⁸¹ Z pola walki, 1971, N 2, s. 65.
- ⁸² Ρούσου Π. 'Η μεγάλη πενταετία. 'Αθήνα, 1976, с. 290; Σάρλη Δ. 'Η πολιτική του ΚΚΕ στὸν ἀγῶνα κατὰ τοῦ μοναρχοῦ — φασισμού. 'Αθήνα, 1975, с. 408.
- ⁸³ *Христакудис А.* Профсъюзното движение в Гърция. — Известия на Института по история на БКП. София, 1981, т. 45, с. 299—300.
- ⁸⁴ *Gligoriević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslavije 1935—1945. Beograd, 1979, s. 132, 170.
- ⁸⁵ *Zivković D.* Narodni front Jugoslavije 1935—1945. Beograd, 1978, s. 79—80; *Bosić M.* Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinstvene radničke partije 1935 godine. — In: Zbornik radova. — Istorija radničkog pokreta. Beograd, 1966, br. 3, s. 144—166; Преглед историје Савеза комуниста Југославије, с. 278—279.
- ⁸⁶ *Наумов Г.* Работническата партия в България (1927—1939). София, 1980.
- ⁸⁷ *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М., Георгиев А., Василев В.* Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, с. 433—533; *Радев Г.* Единият пролетарски фронт 1934—1939. София, 1967, с. 60—71, 92—96, 147—148.
- ⁸⁸ *Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965, с. 237—244; *Фрашери К.* История Албании. Тирана, 1964, с. 235—249.
- ⁸⁹ *Коларов В.* Настъплением на фашизма и задачите на борбата за единен антифашистки народен фронт. Избрани произведения, София, 1955, т. II, с. 373—374.
- ⁹⁰ *Димитров Г.* За единство рабочего класса против фашизма. — В кн.: VII конгресс Коммунистического Интернационала..., с. 200—201.
- ⁹¹ *Наумов Г.* Селското движение в България 1929—1934. София, 1975, с. 11, 21, 27, 228.
- ⁹² *Петрова Д.* БЗНС през периода на икономическата криза 1929—1934. София, 1979, с. 14—15.
- ⁹³ История Болгарской коммунистической партии, с. 360—366.
- ⁹⁴ *Радюлов С.* Участието на Българския земеделски народен съюз в Народния фронт (1934—1939). София, 1976.
- ⁹⁵ *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България 1934—1939. София, 1971, с. 462; *Димитров И.* Българската демократична общественост, фашизмът и войната. София, 1976, с. 257—258.
- ⁹⁶ Najnowsze dzieje Polski. 1968, t. XIII, s. 102, 108.
- ⁹⁷ Zarys historii polskiego ruchu ludowego, Warszawa, 1970, t. II, s. 236.
- ⁹⁸ Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego, Warszawa. 1966, t. III, s. 343.
- ⁹⁹ Z pola walki, 1973, N 4, с. 181—185.
- ¹⁰⁰ Strajk chłopski w 1937 roku, Warszawa, 1960, t. 1, s. 151—154.
- ¹⁰¹ *Stojkov T.* Opozicija u vreme Ses tojanuarske diktature 1929—1935

- Beograd, 1969, 147—154, 168—172, 331; *Glorigović B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji, s. 77, 100, 121—122, 136—137, 156, 161.
- ¹⁰² *Živković D.* Narodni front Jugoslavije..., s. 85—89.
- ¹⁰³ *Boban L.* Sporazum Cvetković-Maček. Beograd, 1965.
- ¹⁰⁴ *Немеш Д.* Венгрия в годы контрреволюции..., с. 92—96, 201—202, 475; *Каллаи Д.* Движение за независимость Венгрии, с. 60.
- ¹⁰⁵ *Вида И.* Политика Независимой партии мелких сельских хозяев в 1944—1948 гг.— In: *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1973, t. XIX, N 1/2, с. 151—152.
- ¹⁰⁶ *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 55—56.
- ¹⁰⁷ *Erényi T., Szábo B.* Historyczna droga..., с. 38; *Toth J.* The Role of the National Peasant Party in the Peoples Democratic Revolution 1944—1948.— In: *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1973, N 1—2, p. 87—91.
- ¹⁰⁸ *Scurtu J.* Din viața politică a României. Intemeierea și activitatea partidului țărănesc (1918—1926). București, 1975, p. 187—188.
- ¹⁰⁹ *Internationale Presse — Korrespondenz*, 1935, № 69, S. 1673. *Patrașcanu L.* Sub trei dictaturi, București, 1970, p. 136.
- ¹¹⁰ *Cuțișteanu S., Ioniță Gh. I.* Electoratul din România în anii interbelici. Cluj — Napoca, 1981, p. 278—293.
- ¹¹¹ *Uhliř D.* Republikánská strana venkovského a maloroľnického ľidu 1918—1938. Praha, 1972, s. 10—26.
- ¹¹² *Марьина В.* Аграрно-крестьянский вопрос в политике коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами.— *Сов. славяновед.*, 1974, № 4, с. 38—39.
- ¹¹³ VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта..., с. 247—253; *Громов В.* Борьба народных масс Греции..., с. 55—56.
- ¹¹⁴ См.: *Георгиев В.* Буржуазните и дребнобуржуазните партии..., с. 407, 460, 462; *Димитров И.* Българската демократична общественост..., с. 115—116.
- ¹¹⁵ *Громов В.* Борьба народных масс Греции..., с. 56—58.
- ¹¹⁶ *Георгиев В.* Буржуазните и дребнобуржуазните партии..., с. 249; *Радев Г.* Седмият конгрес на Коминтерна..., с. 92.
- ¹¹⁷ *List Biura Politycznego KC KPP do Sekretariatu KC KPP z 21 stycznia 1937 w sprawie zadań partii w walce o Ludowy front demokratyczny.— Z pola walki*, 1958, N 2, s. 150—159.
- ¹¹⁸ *Тольятти П.* О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны.— В кн.: VII конгресс Коммунистического Интернационала..., с. 242.
- ¹¹⁹ См.: *Мизутина И. В.* Рабочее движение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе против угрозы фашистской агрессии, за национальный суверенитет.— *Сов. славяновед.*, 1983, № 6.
- ¹²⁰ О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. Резолюция по докладу т. Тольятти, принятая VII конгрессом Коммунистического Интернационала 20 августа 1935 г.— В кн.: VII конгресс Коммунистического Интернационала..., с. 382.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (А. Х. Клеванский)	3
---------------------------------------	---

Раздел первый

Кризис буржуазного парламентаризма в Болгарии и режим БЗНС (Т. Ф. Маковецкая)	12
Трансформация буржуазной политической системы Чехословакии в 20-х годах (А. Х. Клеванский)	31
Некоторые аспекты становления и кризиса представительной системы королевства сербов, хорватов и словенцев (В. В. Зеленин)	65
От буржуазного парламентаризма — к режиму «санации» (П. Н. Ольшанский)	80
Механизм политической власти и проблемы кризиса буржуазной демократии в Румынии (1923—1938 гг.) (М. Д. Ерещенко)	98

Раздел второй

Зарождение фашистских тенденций в лагере польской национальной демократии (1919—1926 гг.) (Г. Ф. Матвеев)	117
Фашистские партии и организации хортистской Венгрии (А. И. Пушкаш)	139
От «Народного сговора» к «цанковщине» в Болгарии. 1922—1934 гг. (Р. П. Гришина)	160
Чехословацкая национально-демократическая партия и чешское фашистское движение (20-е годы) (Е. Ф. Фирсов)	186
Монополистический капитал и установление фашистской диктатуры в Болгарии (1934—1935 гг.) (В. Ф. Кадацкий)	203

Раздел третий

Наступление реакции и рабочее движение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за демократические права и свободы (И. В. Михутина)	228
Библиография	275